

ISSN 2708-1095

Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Основан в 2017 году

Выпуск 7

В 2 частях

Часть 1

Минск
РИВШ
2023

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 29 декабря 2022 г.)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. НАН Беларуси, д-р ист. наук,
проф. *И. А. Марзalyuk* (пред.);
канд. ист. наук, доц. *С. Ф. Шимукoвич*
(отв. за выпуск);
д-р ист. наук, проф. *В. А. Кoсмач*;
д-р ист. наук, проф. *В. С. Кошелев*;
д-р ист. наук, проф. *Г. Г. Лазько*;
д-р ист. наук, проф. *С. И. Никонова*
(Россия, Казань);
д-р ист. наук, проф. *И. Р. Чикалова*;
д-р ист. наук, проф. *В. И. Яковчук*;
канд. ист. наук, доц. *В. А. Сосно*;
канд. ист. наук, доц. *В. А. Теплова*

Editorial Board:
Corresponding Member of the NSA
of Belarus, Doctor of History,
Prof. *I. A. Marzalyuk* (chairman);
Doctorate in History, Associate Professor
S. F. Shimukovich (rel. for the release);
Doctor of History, Prof. *V. A. Kosmach*;
Doctor of History, Prof. *V. S. Koshelev*;
Doctor of History, Prof. *G. G. Lazko*;
Doctor of History, Prof. *S. I. Nikonova*
(Russia, Kazan);
Doctor of History, Prof. *I. R. Chikalova*;
Doctor of History, Prof. *V. I. Yakovchuk*;
Doctorate in History,
Associate Professor *V. A. Sosno*;
Doctorate in History,
Associate Professor *V. A. Teplova*

Д64 «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы : исследование по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Вып. 7 : в 2 ч. Ч. 1 / редкол. : *И. А. Марзalyuk* (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2023. – 280 с.

Сборник научных трудов содержит научные статьи о разных аспектах развития Восточной Европы и современной Беларуси в период истории позднего нового и новейшего времени.

Включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам и археологии.

Адресован профессиональным и начинающим исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется историей нового и новейшего времени Беларуси.

РАЗДЕЛ 1: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ЦЕРКОВЬ, ИМПЕРСКАЯ УНИФИКАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

УДК 339.543(476)''18''

РАЗВІЦЦЁ МЫТНАЙ СПРАВЫ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.

Астрога В. А.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле разглядаецца развіццё мытнай справы на беларускіх землях у першай палове XIX ст. Асабліваю ўвагу аўтар надае аналізу арганізацыі і асноўных напрамкаў дзейнасці расійскіх мытных устаноў на беларускіх землях да 1851 г. – Брэст-Літоўскай і Гродзенскай мытняў. Робіцца выснова, што на беларускіх землях, якія ўвайшлі ў склад Расійскай імперыі, на працягу разгледжанага перыяду былі заснаваны новыя мытні і сфармаваны мытныя акругі, якія выконвалі задачу забеспячэння аховы еўрапейскай мытнай мяжы імперыі і кантролю за існуючым пасажыра- і таварапатокам. Пазначана, што мытныя ўстановы на беларускіх землях праіснавалі па палітыка-эканамічных прычынах толькі да 1851 г., пасля чаго наступіў «бязмытны» перыяд беларускай гісторыі.

Ключавыя словы: Расійская імперыя; беларускія землі; мытная мяжа; «бязмытны перыяд»; мытная справа; мытная акруга; Мытны статут; мытня; кантрабанда.

DEVELOPMENT OF CUSTOMS AFFAIRS ON BELARUSIAN LANDS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Astroha V. A.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article deals with the development of customs in the Belarusian lands in the first half of the XIX century. The author pays special attention to the analysis of the organization and main activities of Russian customs institutions in the Belarusian lands before 1851 – Brest-Litovsk and Grodno customs. It is concluded that new customs offices were established in the Belarusian lands that became part of the Russian Empire during the period under review and customs districts were formed to ensure the protection of the European customs

border of the empire and control over the existing passenger and goods traffic. It is indicated that customs institutions on Belarusian lands existed for political and economic reasons only until 1851, after which the «duty-free» period of Belarusian history began.

Keywords: Russian Empire; Belarusian lands; customs border; «customs-free period», customs; customs district; customs charter; customs; smuggling.

Гісторыя мытнай справы на Беларусі, нягледзячы на сваю больш чым тысячагадовую гісторыю існавання, застаецца малавывучанай тэмай. Не выключэнне і XIX ст., калі на беларускай тэрыторыі функцыянавала мытная сістэма Расійскай імперыі. Таму мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца аналіз арганізацыі і асноўных напрамкаў дзейнасці расійскіх мытных устаноў на беларускіх землях да 1851 г.

Неабходна адзначыць, што сярод асноўных аўтараў, якія працавалі па дадзенай праблеме, – У. У. Швед і А. А. Загорнаў, – якія ў сваіх публікацыях аналізавалі развіццё гандлю ў Беларусі і дзейнасць мытняў на беларускіх землях на пачатку XIX ст. [1]. Асаблівае месца займаюць абагульняючыя фундаваныя даследаванні В. Ю. Сяпіна [2].

Пасля ўваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі, у выніку падзелаў Рэчы Паспалітай у 1772–1795 гг., на гэтых тэрыторыях пачала функцыянаваць расійская мытная сістэма, былі ліквідаваны старыя і створаны новыя мытні. 14 лютага 1773 г. выйшаў спецыяльны Указ імператрыцы Кацярыны II, і на новай мяжы імперыі былі заснаваны Крэйтцбургская, Друйская, Бельская, Шчучынская, Бешанковіцкая, Дынабургская, Талачынская і іншыя мытні, а таксама Полацкая, Дзісенская, Рубежская, Друйская і іншыя мытныя заставы [3]. Пазначым, што сваімі намаганнямі ў справе развіцця мытных устаноў на новай заходняй мяжы Расіі напрыканцы XVIII ст. быў вядомы і кіраўнік Санкт-Пецярбургскай мытні А. М. Радзішчаў [4].

У 1775 г. згодна з «Пастановаю для кіравання губерняў» былі створаны губерні, і шмат функцый цэнтральных устаноў былі перададзены мясцовым органам. У прыватнасці, збор мытных падаткаў засяроджваўся ў мытных экспедыцыях Скарбовай палаты губернскай управы пад кіраўніцтвам мытнага дарадцы, абавязанага спыняць злоўжыванні ў мытных і аб'язджаць іх тройчы на год. Працы ў дарадцы мытных спраў хапала, бо злоўжыванняў было шмат.

27 кастрычніка 1782 г. Кацярына II падпісала Указ «Аб заснаванні асабнага мытнага ландуга і варты для папярэджання патаемнага правозу тавараў». Згодна з ім, новая варта засноўвалася ў кожнай заходняй памежнай губерні і знаходзілася ў падпарадкаванні генерал-губернатараў, мытныя зборы паступалі ў губернскія скарбовыя палаты. На чале мытняў былі пастаўлены дыстанцыйныя наглядчыкі з адстаўных афіцэраў (па адным на кожныя 50 вёрст мяжы), ім падпарадкоўваліся наглядныя двары, а тым – пасты, якія высылалі да трох каманд па 10–15 чалавек мытнай варты. Каманды сачылі за тым, каб усе тавары і асобы перасякалі мяжу толькі праз мытныя пасты. На Дняпры дадаткова была арганізавана рачная мытная служба. Мытная

варта набіралася з адстаўных ніжніх чыноў конных драгунскіх частак. Для зніжэння злоўжыванняў была прадугледжана штогадовая змяняльнасць мытных аб'ездчыкаў і наглядчыкаў з пераводам іх на новае месца службы. Указ паклаў пачатак аховы межаў па ўсёй яе працягласці і павялічыў колькасць мытняў.

Яшчэ да другога падзелу Рэчы Паспалітай, у 1789 г., з мэтай барацьбы з кантрабандай было прынята рашэнне аб закрыцці сухапутных мытняў на заходняй мяжы і кантрольным перакляйменні іншаземных тавараў. Акрамя таго, два разы на год ва ўсіх гандлёвых крамах гарадоў імперыі праводзіліся раптоўныя праверкі з мэтай пошуку неклійменнага іншаземнага тавару. Для поспеху акцыі «кожнаму мытнаму служыцелю, таксама ўсім і кожнаму» за садзейнічанне ў пошуку або выяўленні кантрабанды «належыла ўзнагарода ў выглядзе канфіскаванага тавару за вылікам увазной пошліны» [3, с. 50]. Пасля апошняга падзелу Рэчы Паспалітай, 8 жніўня 1795 г. Кацярына II падпісала Указ аб скасаванні старых заходніх мытняў і пераносу іх «на новыя межы» з царствам Польшкім па знешняй мяжы Мінскай, Ізяслаўскай, Брацлаўскай і Літоўскай губерняў. Напрыклад, у Полацкай і Магілёўскай губернях яны знаходзіліся ў Дынабургскім (20 застаў), Полацкім (13), Дрыскім павеце (7) і на дзевяці наглядчыцкіх дыстанцыях: Будзілавічы, Воласава, Бялынічы, Далганова, Рагачоў, Ельня, Рэчыца і інш. [3, с. 50].

31 снежня 1795 г. Сенатам быў выдадзены Указ аб заснаванні новых мытняў у Літоўскай губерні, у тым ліку ў Гродне. Паводле штатнага раскладу, у Гродзенскай мытні працавала 16 чалавек. У 1799 г. па Указе Паўла I ад 19 сакавіка мытня была зачынена, але неўзабаве яго ж указам ад 27 сакавіка 1800 г. яе аднавілі са штатам у 19 чалавек [2, с. 41]. У 1796 г. з прычыны росту аб'ёмаў знешняга гандлю і шматлікіх фактаў злоўжыванняў у мытных установах былі скасаваны губернскае мытныя экспедыцыі і адноўлена дзейнасць Камерц-калегіі з перапапарадкаваннем ёй усіх мытных устаноў.

Новым памежным горадам на захадзе імперыі стала Бярэсце, перайманаванае ў Брэст-Літоўск. Горад знаходзіўся на ажыўленым Маскоўска-Варшаўскім гандлёвым тракце і суднаходных рэках Буг і Мухавец. У ім адразу была размешчана мытня. Аднак, 26 верасня 1802 г. па Указе імператара Аляксандра I яе пераўтварылі ў заставу з 3 чалавек [5, с. 20]. Сама мытня была пераведзена ў мястэчка Крынкі, але праз кароткі час вернута зноў у Брэст-Літоўск. У 1802 г. сістэма калегій была скасавана і замест іх ствараюцца міністэрствы, у тым ліку Міністэрства камерцыі, у чым падпарадкаванні знаходзіліся і мытныя ўстановы. У 1805 г. сталі фармавацца і мытныя акругі. Часам на развіццё арганізацыйнай структуры ўплываў і суб'ектыўны фактар. Так, летам 1807 г. на Пасвенскай заставе (расійска-пруская мяжа) пры вяртанні з Прусіі інкогніта расійскі імператар Аляксандр I убачыў на свае вочы, як нясе службу памежная мытная варта. Не пазнаўшы цара, служыцелі прапанавалі яму даць хабар за «паскарэнне» дагляду. Пасля гэтага імператар прыйшоў да высновы аб неабходнасці ваенізацыі мытнай варты, бо, на яго погляд, цывільная, маральна састарэлая сістэма мытнага ланцуга хутка раз'ядалася карупцыяй, злоўжываннямі ўладай. Надыходзіў час чарговых пераменаў.

У выніку, у 1810 г. ваенны міністр Расіі Барклай дэ Толі прапанаваў Аляксандру I праект «Палажэння аб учыненні ваеннай варты на межах заходніх губерняў», зацверджаны 4 студзеня 1811 г. Было вырашана зноў стварыць з казакоў памежную варту. На падставе гэтага ўказа ўсю працягласць межаў ад Палангена (Паланга) да Ягорлыка на Днястры (больш за 1 600 вёрст) падзялілі на пляцоўкі па 150 вёрст кожная. На іх ахову выдзелілі Данскі казачы полк. Казакі былі выстаўлены на першую лінію мяжы. Яны ўзаемадзейнічалі з камандамі мытнай варты з адстаўных вайсковых ніжніх чыноў і мясцовых жыхароў (10 чалавек на пляцоўцы ў 15 вёрст), якія былі размешчаны на другой лініі і прыкрывалі прастору паміж мытнымі [6, с. 21]. Але практыка аховы мяжы змяшаным спосабам не заўсёды апраўдвала сябе. Адмоўна адбівалася і падвойная падпарадкаванасць мытнікаў цывільнаму і ваеннаму ведамству.

У 1810 г. у сувязі са скасаваннем Міністэрства камерцыі, мытнае ведамства перадаецца Міністэрству фінансаў. 25 чэрвеня 1811 г. у яго складзе ўтвораны Дэпартамент знешняга гандлю, дзе мелася аддзяленне мытнага ўпраўлення. Яно мела тры стала (аддзела): 1. Па ўсяму выкананню спраў у мытных па еўрапейскай мяжы і на морах Белым, Балтыйскім, Чорным і Азоўскім. 2. Па справах мытняў па азіяцкай мяжы і Каспійскім моры. 3. Справы аб прызначэнні і звальненні чыноўнікаў і служыцеляў па мытных і заставах [7, с.170].

Указам ад 24 чэрвеня 1811 г. засноўвалася Мытнае ўпраўленне па еўрапейскім гандлі і 11 мытных акругаў, якія складаюцца з галоўных мытняў, мытняў і мытных застаў. Мытнай акругай кіраваў начальнік, якому падпарадкоўваліся мытні, заставы і пасты, а таксама каманды мытнай памежнай і Карчомной варты. Ва ўсіх мытных быў свой рэестр «ачышчаных» тавараў. Тыя мытні, якім было дазволена афармляць імпартныя тавары, называліся «галоўнымі» або 1-га класа, астатнія 2-га класа. Для праверкі дзейнасці мытняў у 1812 г. дадаткова планавалася стварыць кантрольныя мытні і кантрольныя мытныя заставы. Яны павінны былі размяшчацца на адлегласці 50–100 вёрст ад звычайных мытных устаноў. На беларускай тэрыторыі знаходзіліся толькі кантрольныя мытныя заставы ў Мастах, Свіслачы і Шэратаве.

«Беларуская пляцоўка» мытнай мяжы Расійскай імперыі адносілася да 6-й Палангенскай мытнай акругі (ад Палангена да Брэст-Літоўска). На тэрыторыі акругі знаходзіліся: Палангенская мытня і Гардзідоеўская застава, Юрбургская мытня, Ковенская і Гродзенская заставы; Гоніёндская мытня і Баброўская застава; Харашчэнская мытня; Цеханавецкая мытня і Бугская застава; Крынская мытня і Брэсцкая застава. Колькасць служачых ў мытных была невялікая. Так, у акруговай Палангенскай мытні служыла 25 чалавек, у Крынскай – 11, а Гродзенская і Брэст-Літоўская заставы складаліся з 5 чалавек [2, с. 51].

У 1812 г. пачалася вайна Францыі з Расіяй. Ахова мытнай мяжы спынілася. Пасля вайны царскі ўрад сур'ёзна задумаўся аб умацаванні заходняй сухапутнай мяжы імперыі, якую ў адрозненне ад іншых пляцовак ахоўвалі не толькі войскі, але і мытная варты. Гэта дыктавалася адмысловымі адносінамі з Царствам Польскім, якое мела сваю аўтаномную мытную адміністрацыю

і свае мытні як на заходняй расійска-прускай мяжы, так і ў глыбіні імперыі на ўсходняй мяжы. Таму ў верасні 1813 г. Сенат выдаў Указ «Аб прызначэнні кантрольнай мытнай рысы па сухапутнай заходняй мяжы ад Балтыйскага да Чорнага мораў». У адпаведнасці з ім, тавары, якія ўвозяцца з польскіх зямель, абкладаліся мытам як замежныя, а адказнасць за бяспеку дзяржаўных межаў была ўскладзена на Міністэрства фінансаў [6, с. 23].

3 сакавіка 1816 г. імператар Аляксандр I падпісаў Указ аб стварэнні дзвюх новых мытных акруг на заходняй мяжы – Ковенскай і Брэст-Літоўскай. Брэст-Літоўская мела 5 застаў: Ганіёндскую, Харошчанскую, Цеханавецкую, Нурэцкую і Прэбараўскую. У 1816 г. у адноўленай Брэст-Літоўскай мытні быў вялікі па тых часах штат – 24 чалавекі [3, с. 53]. 14 снежня 1819 г. імператар падпісаў «Мытны статут па еўрапейскім гандлі». Ахова мытнай мяжы ўскладалася на мытную варту Міністэрства фінансаў. Статут падзяліў усе мытні на 4 класа: 1-й клас – складочныя для пропуску ўсіх відаў тавараў, 2-й – галоўныя сухапутныя і партовыя, 3-й – дэкларацыйныя, 4-й – мытні, мытныя заставы, кантрольныя мытні. У выніку ў сухапутных мытных сталі даглядацца і прапускацца толькі найпростыя прадукты спажывання, астатнія тавары апячатваліся і накіроўваліся ў складочныя мытні. Бліжэйшая да Брэст-Літоўска складочная мытня знаходзілася ў Вільні і дзейнічала да 1825 г.

Згодна са Статутам была сфарміравана 7-я Гродзенская мытная акруга. У яе склад уваходзіла 8 мытняў: галоўная 2-га класа – Гродзенская і кантрольныя 4-га класа – Брэцкая, Преборовская, Жолтковская, Ганіёндская, Харошчанская, Цеханавецкая і Нурэцкая. Але цэнтр акругі застаўся ў Брэст-Літоўску. Гродзенская мытня мела ў сваім штаце 22 чалавекі і дадаткова дастаткова вялікую колькасць мытных вартаўнічых, якія не ўваходзілі ў яе склад [2, с. 80]. Гродзенская мытня, як галоўная, мела на Нёмане ўзброеныя кацеры і шлюпкі.

Неабходна адзначыць, што ў Брэст-Літоўскай мытні былі пашыраныя паўнамоцтвы. Асабліва ўвага на ёй надавалася палітычнаму нагляду за ўвозам друкаванай прадукцыі з Польшчы і Заходняй Еўропы. Часта падставай для затрымання з'яўляліся толькі публікацыя кніг на польскай або французскай мовах. З 1822 г. служачыя Гродзенскай мытні таксама былі абавязаны канфіскаваць у праязджаючых замежныя газеты і прыватныя лісты, адрасаваныя трэцім асобам, і адпраўляць іх на цензуру. Напрыклад, у 1826 г. былі затрыманы паперы і кнігі выдамага крытыка расійскага самадзяржаўя П. Я. Чаадаева, які вяртаўся з Дрэздэна ў Маскву [2, с. 73].

9 чэрвеня 1822 г. выйшаў Указ аб высоўванні конных аб'ездчыкаў Мытнай памежнай варты, а з 1823 г. яшчэ і пешых вартаўнічых на першую лінію мытнай мяжы. Казачыя палкі ў гэтым годзе з прычыны недастатковай надзейнасці перамяшчаліся на другую лінію на адлегласць 3–5 вёрст ад лініі мытных аб'ездчыкаў, а ў 1829 г. былі канчаткова зняты з аховы мяжы. Каб засцерагчы ад кантактаў мытных служачых з мясцовым насельніцтвам будаваліся новыя «кардонныя будынкi» для чыноў, якія не маглі заставацца на адных і тых жа пунктах больш за шэсць месяцаў. Аднак, ужо ў 1825 г., з прычыны памяншэння аб'ёмаў гандлю і адпаведна амаль поўнай адсут-

насці афармлення тавараў, Гродзенская галоўная мытня была скарачана да 4 чалавек і пераведзена на рысу мяжы ва ўрочышча Ласосна. Таксама была рэзка скарачана, да 7 чалавек, і штатная колькасць галоўнай у беларускім краі Брэст-Літоўскай мытні [2, с. 85].

На працягу ўсяго перыяду існавання акругі лідарства ў ім трымала Брэст-Літоўская мытня. Так, па падліках В. Ю. Саяпіна на 1835 г. аб'ёмы перавозак тавараў праз Брэсцкую мытню перавышалі ўсё тавараабарот Гродзенскай мытні больш чым у 200 разоў, а ў 1837 г. з 440 тыс. руб. мытнага даходу па акрузе 320 тыс. руб. (72 %) спаганялася Брэст-Літоўскай, Гродна прынесла толькі 220 руб. (0,06 %) [2, с. 99–100]. Асноўная частка мытнай варты таксама знаходзілася ў Брэст-Літоўскай павеце.

Заўважым, што ў гэты перыяд была пачата актыўная ваенізацыя мытнай памежнай варты. З 1823 г. яна рэарганізавалася ў Памежную мытную варту, а з 1 студзеня 1828 г. уступіла ў сілу «Палажэнне аб учыненні памежнай мытнай варты», падпісанае імператарам Мікалаем I. Памежная мытная варты была зведзена па вайсковым прынцыпе ў брыгады, поўбрыгады і роты. Усяго было створана 4 брыгады (31 рота). З іх на тэрыторыі беларускіх губерняў дыслакавалася: Віленскай – 5 рот, Гродзенскай – 3 роты. Роты дзяліліся на атрады, часам і на рухомыя калоны. Колькасць вартаўнічых значна павялічылася. Ніжніх чыноў бралі з пяхотных і кавалерыйскіх палкоў [8, с. 139]. Атрады, якія непасрэдна неслі памежна-мытную службу, падпарадкоўваліся наглядачам і іх памочнікам цывільным чыноўнікам. Афіцэры, якія камандавалі памежнымі часткамі, падпарадкоўваліся начальнікам памежных мытных акругаў. Галоўнае ўпраўленне пагранічнай варты знаходзілася ў падпарадкаванні Дэпартаменту знешняга гандлю, пазней – Дэпартаменту мытных збораў Міністэрства фінансаў. У 1832 г. Памежная мытная варты была перайменавана ў «Памежную варту». У тым жа годзе ў адпаведнасці з Каранцінным (санітарным) статутам была створана Каранцінная варты, якая падпарадкоўвалася начальніку мытнай акругі.

Неабходна адзначыць, што на змяненне структуры аховы мытнай мяжы ўплывалі і знешнепалітычныя фактары. Так, у сувязі з рэвалюцыйнымі падзеямі ў Царстве Польскім, з канца 1830 г. па 28 студзеня 1832 г. гандаль з ім быў прыпынены, а начальнік Гродзенскай мытнай акругі атрымаў указанне цалкам закрыць мяжу і не прапускаць нікога, акрамя замежных кур'ераў. На аўстрыйскім і прускім пляцоўках заходняй мяжы была заснавана другая лінія аховы, якую ўзмацнілі чынамі самой варты. Для гэтага ў Гродзенскую памежную брыгаду дадаткова было накіравана 300 ніжніх чыноў і 9 афіцэраў [3, с. 56]. У 1847 г. мытныя ўстановы аб'ядноўваюцца з каранціннымі і ўтвараюцца каранцінна-мытныя акругі Дэпартаменту знешняга гандлю, якія дзеляцца на дыстанцыі, узначаленыя каранцінна-мытнымі канторамі 1-га і 2-га класа.

Аднак, нягледзячы на ўсе намаганні ўладаў, мяжа ў рэальнасці ў разгляданы перыяд ахоўвалася дрэнна. Архіўныя дакументы сведчаць, што кардоны казакоў часта спрыялі кантрабандзе, прапускаючы і суправаджаючы цэлыя абозы ў глыб імперыі, а большасць мытных вартаўнічых былі з са-

старэлых вайсковых ветэранаў або выхадцаў памежжа, знаёмых з мясцовымі кантрабандыстамі. Гэтую карціну хітрасці і казнакрадства вельмі ярка апісаў М. В. Поголь у сваёй паэме «Мёртвыя душы» на прыкладзе службы махляра-мытніка Чычыкава. Як ён піша – «чыгач, без сумневу, чуў так часта паўтараную гісторыю аб дасціпным падарожжы іспанскіх бараноў, якія, здзейсніўшы пераход праз мяжу ў падвойных кажухах, пранеслі пад кажухамі на мільён брабанцкіх карункаў. Гэта здарэнне адбылося менавіта тады, калі Чычыкаў служыў пры мытні» [9, с. 323]. Літаратуразнаўчы аналіз знакамітага твора дазваляе сцвярджаць, што апісанья падзеі адбываліся на Гродзенскай мытні напрыканцы 1830-х гг.

На самой мяжы затрыманне кантрабанды часам насіла характар сапраўдных баёў. Нярэдка «кантрабандыры» аб'ядноўваліся ў групы ад 30 да 150 чалавек, якія мелі халодную і агнястрэльную зброю. Выяўленне такіх груп і іх пераслед звычайна ператвараліся ў сур'ёзныя баявыя сутыкненні. Асабліва небяспечнай была расійска-пруская мяжа. На яе ахову планавалася нават накіраваць артылерыйскія часці. Так, 2 чэрвеня 1826 г. на пасту Тржэцяны Гродзенскай мытнай акругі пры спробе мытнікаў затрымаць кантрабанду (адна фурманка і 3 чалавекі), на наглядчыка і яго памочніка аб'ездчыка напала больш за 300 чалавек, якія спачувалі кантрабандыстам. Яны да смерці збілі аб'ездчыка Каржавіна, а фурманку з кантрабандай выкралі. У іншым выпадку, 5 снежня 1846 г. памочнік наглядчыка Віленскай брыгады каллежскі сакратар Станкевіч пераследваў з шасцю аб'ездчыкамі ля мястэчка Андржэева 11 кантрабандыстаў на 5 санях. Завязалася сутычка. На дапамогу кантрабандыстам падышлі ўзброеныя групы. У рукапашным баі мытнікі і памежнікі захапілі 5 саней з таварамі і аднаго кантрабандыста. За мужнасць і ўмелыя дзеянні Станкевіч атрымаў чын тытулярнага дарадцы [10, с. 33].

З 1 студзеня 1851 г., згодна з Указам правячага Сенату «Аб агульным тарыфе па еўрапейскім гандлі для мытняў Расійскай імперыі і Царства Польскага» ад 10 лістапада 1850 г., была знята мытная «кантрольная рыса» паміж Расіяй і Царствам польскім і перанесена на знешнюю мяжу Царства. Гродзенская мытная акруга была скасавана, а Памежную варту перавялі далей на захад. Зняцце мытнай кантрольнай рысы было выклікана ў першую чаргу палітычнай прычынай – мяжа перашкаджала ўсебаковаму збліжэнню Расіі і Польшчы, барацьбе супраць польскага нацыянальна-вызваленчага руху. Таксама мелі значэнне і эканамічныя меркаванні. Польшча, знаходзячыся бліжэй да Еўропы, прыцягвала яе капіталы. З 1851 г. беларускія губерні становяцца ўнутранымі, і беларуская мытная гісторыя спыняе сваю хаду. Зноў мытні на нашай тэрыторыі пачынаюць працаваць толькі з мая 1918 г.

Такім чынам, на беларускіх землях, якія ўвайшлі ў склад Расійскай імперыі, на працягу разгляdanaга перыяду былі заснаваны новыя мытні і сфармаваны мытныя акругі, якія выконвалі задачу забеспячэння аховы еўрапейскай мытнай мяжы імперыі і кантролю за існуючым пасажыра-і таварапатокам. Аднак мытныя ўстановы на беларускіх землях праіснавалі па палітыка-эканамічных прычынах толькі да 1851 г., пасля чаго наступіў «бязмытны» перыяд беларускай гісторыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Загорнов, А. А. Брестская таможня в первой половине XIX в. / А. А. Загорнов // Веснік БДУ. – Сер. 3. – 1997. – № 1. – С. 11–14.
2. Швед, В. В. Торговля в Беларуси в период кризиса феодализма (1830–1850-е гг.) / В. В. Швед. – Гродно: ПКФ «Орбикс», 1995. – 135 с.
3. Саяпин, В. Ю. Таможенная служба: в 2 кн. / В. Ю. Саяпин. – Кн. 2. Борьба с контрабандой. – Гродно, 2005. – 616 с.
4. Острога, В. А. История таможенного дела и таможенной политики Беларуси: учебное пособие / В. А. Острога. – Минск: БГУ, 2019. – 243 с.
5. Радищев, А. Н. Полное собрание сочинений / А. Н. Радищев; под ред. Н. К. Пиксанова [и др.] – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – 1952. – Т. 3. – 686 с.
6. Суворов, А. М. Брестская таможня. Доверено страной / А. М. Суворов. – Брест: Полиграфика, 2014. – 191 с.
7. Основы таможенной службы: учебно-метод. пособие / И. И. Дубик [и др.]. – Минск: Амалфея, 2013. – 336 с.
8. Кисловский, Ю. Г. История таможенного дела России / Ю. Г. Кисловский. – Москва: РУСИНА-ПРЕСС, 2004. – 592 с.
9. История пограничной службы Беларуси: учебное пособие / В. В. Давыдик [и др.]; под. общ. ред. В. Г. Моисеенко. – Минск: ИВЦ Минфина, 2011. – 438 с.
10. Гоголь, Н. В. Избранные сочинения: в 2 т. / Н. В. Гоголь. – М.: Художественная литература, 1978. – Т. 2. – 477 с.
11. Государственная таможенная служба Республики Беларусь. История и современность / под общ. ред. А. Ф. Шпилевского. – Минск: Белтаможсервис, 2006. – 248 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

**«ПЛАН ФИНАНСОВ» 1810 Г. М. М. СПЕРАНСКОГО:
РЕАЛИИ ВНЕШНЕЙ ПАЛЛИАТИВНОСТИ МЕР
ПО ОЗДОРОВЛЕНИЮ БЮДЖЕТА РОССИИ**

Блашков Ю. А.

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В статье прослеживается связь между составлением М. М. Сперанским и его помощниками в 1810 г. «плана финансов» и организации на территории Могилевской губернии опытного поселения Елецкого пехотного полка, к которой также был причастен видный государственный деятель империи первой трети XIX в. Автор приходит к выводу, что это были однопорядковые социально-экономические мероприятия по оздоровлению финансовой системы страны.

Ключевые слова: финансы; российский бюджет; реформы; армия; военные поселения; М. М. Сперанский; А. А. Аракчеев.

**«PLAN OF FINANCE» 1810 M. M. SPERANSKY:
THE REALITIES OF EXTERNAL PALLIATIVE MEASURES
TO IMPROVE THE BUDGET OF RUSSIA**

Blashkov Y. A.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article traces the connection between the compilation of M.M. Speransky and his assistants in 1810 of the «financial plan» and the organization of an experimental settlement of the Yelets Infantry Regiment on the territory of the Mogilev province, which was also attended by a prominent statesman of the empire of the first third of the XIX century. The author comes to the conclusion that there were single-order socio-economic measures to improve the country's financial system.

Keywords: finance; the Russian budget; Reform; army; military settlements; M. M. Speransky; A. A. Arakcheev.

Одним из существенных факторов социально-экономического развития России на рубеже XVIII–XIX в. стало расстройство ее финансовой системы. К концу царствования Павла I государственный долг составлял 408,5 млн руб., что превышало десятилетний доход страны [1, с. 14]. Последующие годы ознаменовались дальнейшим ухудшением финансов, и к 1810 г. сумма государственного долга равнялась уже 667 млн руб. асс. [6, с. 5]. Необходимость принятия срочных мер была очевидной. Так, в манифесте от 1 января 1810 г. об образовании Государственного совета обращалось внимание на финансы как на один из «главных предметов» забот нового высшего государственного учреждения и особо отмечалась необходимость исправления «настоящего положения государственных доходов и расходов» [3].

Составление программы финансовых реформ возглавил М. М. Сперанский. В результате совместной деятельности «светилы российской бюрократии» (определение высокого реформаторского уровня Сперанского В. А. Томсиновым) с М. А. Болдугянским, Н. С. Мордвиновым, В. П. Кочубеем и другими видными представителями русской экономической мысли начала XIX столетия был разработан так называемый «план финансов» [4, с. 78–81; 5, с. 189, 192–193]. Его составители видели главную причину плачевного состояния российской финансовой системы в очевидной несоразмерности государственных доходов и расходов. В частности, Сперанский указывал на ожидавшийся в 1810 г. «65-миллионный дефицит в бюджете при наличии огромной суммы долга» [2, с. 1, 5]. По его мнению, наряду с увеличением доходной части империи одной из радикальных мер «исправления создавшегося положения» должно было стать и сокращение расходов. Предполагалось «все не о б х о д и м ы е издержки сохранить, п о л е з н ы е отложить, а и з л и ш н и е (разрядка в документе – Ю. Б.) прекратить». В категорию «необходимых», вместе с другими, вошли расходы, «кои относятся к безопасности государства, как внешней, так и внутренней». Характерно, что в дальнейшем они должны были остаться единственными среди «необходимых» расходов [2, с. 5, 14]. Естественно, под ними, прежде всего, подразумевались затраты на армию и флот.

В начале XIX в. издержки на Министерство военно-сухопутных сил и Министерство морских сил составляли основную часть государственных расходов. Так, в период участия России в антифранцузских коалициях (1805, 1806–1807 гг.), ведения войн с Ираном (с 1804 г.), с Турцией (с 1806 г.), со Швецией (1808–1809 гг.) эти ведомства поглощали до 45–54 % расходных денежных сумм [7, с. 620–621]. Однако и в 1801–1803 гг., т. е. когда боевые действия не велись, затраты на армию составляли почти 1/3 всех государственных расходов [1, с. 14].

Бюджет страны в рассматриваемый период был дефицитным, поэтому еще более разительные результаты дает сопоставление расходов на армию и флот с реальными доходами государства. Если в начале XIX в. на них затрачивалось около половины всей суммы доходов, то в последующем военные расходы значительно увеличились, превывсив общие доходы. Так, в 1808 г. расходы на военные нужды составили 139,3 млн руб. асс. при общих доходах государства в 127,5 млн руб. асс. [2, с. 620–622].

На основе предложенного Государственному совету «плана финансов» была выработана конкретная программа действий в этой области на ближайший 1810 г.: предполагалось прекратить выпуск ассигнаций, а все выпущенные ранее признать государственным долгом, увеличить подушную подать и ряд других налогов в пользу государства, а также сократить на 20 млн руб. асс. расходы.

Предусмотренные Государственным советом меры одобрялись не всеми. В частности, их критиковал В. П. Кочубей, который непосредственно помогал М. М. Сперанскому при подготовке плана финансовых реформ. В 1810 г. на имя Александра I была представлена его записка «Об исправлении фи-

нансовой системы». Оценивая финансовую программу текущего года и, очевидно, «план финансов» в целом, автор указывал, что «восемь или десять миллионов не могут уже составлять счету там, где считали по меньшей мере десятками миллионов и где считали бы, может быть, сотнями миллионов, если бы... впрочем не остановились». В качестве панацеи от всех финансовых бед он предлагал «уменьшение издержек... в больших размерах». Расчеты Кочубея строились на преобразовании армии и флота. Он предусматривал после заключения мира с Ираном и Турцией приступить к замене постоянной армии «губернским войском» – жандармерией, организовать военные поселения на восточной границе, а также уменьшить состав флота, базировавшегося в Балтийском море [1, с. 102–103].

В подобных доводах, безусловно, имелось рациональное зерно: сокращение численности войск было наиболее действенным средством улучшить состояние государственных финансов. Вместе с тем, речь могла идти только о значительном уменьшении личного состава армии. Однако реализация такого плана привела бы к столь же значительному ослаблению военного потенциала России, что было недопустимо в условиях обострения отношений с наполеоновской Францией, которая располагала массовой армией, комплектовавшейся на условиях конскрипции. Дело в том, что при существовании рекрутской системы при 25-летнем сроке службы полностью исключалась возможность создать обученный запас, который мог бы в случае необходимости усилить армию. Как правило, отставные «нижние чины» не были в состоянии нести службу. Поэтому в России и в мирное время насчитывался большой контингент вооруженных сил (до 700 тыс. регулярной армии).

Оценивая результаты предпринимаемых правительством мер по улучшению финансов, А. А. Аракчеев писал в июне 1813 г.: «Государственный совет сочинял целые волюмы, производил войну целыми тетрадами <...>, но оканчивалось тем, что налагали на народ двойные подати». Он подчеркивал, что при упадке курса ассигнационного рубля до 10 коп. с сер., «никакие подати не будут достаточны на расходы не только <...> государственные, но и на одни военные» [8, с. 142–143]. Опасения Аракчеева были небеспочвенны: вместо намечавшегося прекращения выпуска новых ассигнаций их количество в 1810 г. пополнилось еще 46 млн руб. и продолжало увеличиваться в дальнейшем, достигнув к 1816 г. 700 млн руб. В рассматриваемый период курс ассигнационного рубля был очень низким, составляя всего лишь от 22 до 39 коп. сер. [1, с. 136]

Приведенные А. А. Аракчеевым доводы с очевидностью свидетельствовали об однобокости «плана финансов» М. М. Сперанского. Вместе с тем следует иметь в виду, что в том же 1810 г. размещением на территории Бобылецкого староства Климовичского уезда Могилевской губернии Елецкого пехотного полка стало реализовываться идея создания в России военных поселений. Общее руководство обустройства опытного поселения поручалось гр. А. А. Аракчееву.

Военные поселения в России представляли собой особую организацию части войск страны в предреформенный период, сочетавших военную служ-

бу с занятием производительным трудом (главным образом сельскохозяйственным). По расчетам А. А. Аракчеева планировавшееся самообеспечение армии продовольствием и фуражом должно было существенно сократить военные расходы в целом [9, л. 22]. Тем самым попытка создания в России поселенческой системы выступала своеобразной военной составляющей «плана финансов».

Материалы Российского государственного военно-исторического архива свидетельствуют, что создание опытного военного поселения потребовало больших усилий не только его непосредственных организаторов. Круг стоявших перед А. А. Аракчевым и его подчиненными задач был очень широк, поэтому к их решению привлекались многие представители как военного, так и других ведомств: министр внутренних дел О. П. Козадавлев, министр финансов Д. А. Гурьев, обер-прокурор Синода А. Н. Голицын, херсонский губернатор Э. О. Ришелье и др. Однако все они, принимая участие лишь в решении тех проблем, которые затрагивали их непосредственные обязанности, поверхностно знали о сущности военных поселений [9, лл. 138, 154–164, об. 166–167, 170–170 об., 178–180, 183, 232–234, 246 об., 249–252, 258, 262–266, 280]. Исключение здесь составлял государственный секретарь М. М. Сперанский: он относился к той немногочисленной группе лиц, которые в условиях подобной келейности были посвящены в саму идею устройства военных поселений. В частности, Сперанского ознакомили с текстом указа от 10 ноября 1810 г., где излагались основы устройства опытного поселения, с донесениями непосредственного руководителя могилевского поселения генерал-майора Н. И. Лаврова к А. А. Аракчеву. Кроме того, ему приходилось неоднократно выступать посредником между Аракчевым и руководителями различных ведомств [9, лл. 55, 122 об., 127, 138, 140, 161–163, 169, 190]. Интересно, что исследователями установлен факт прямого участия М. М. Сперанского в организации переселения на юг страны 667 семей бобылецких крестьян [10, с. 237].

Казалось бы, выделение М. М. Сперанским колоссальных военных расходов в качестве неприкосновенно «необходимых» делало его программу стабилизации финансового положения в России совершенно нелогичным. Вместе с тем причастность госсекретаря к организации могилевского поселения свидетельствовала, что «план финансов» 1810 г. и финансовая «составляющая» идеи создания поселенческой системы просто дополняли друг друга.

Как известно, в марте 1812 г. М. М. Сперанского выслали в Нижний Новгород, а затем в Пермь. Наступил девятилетний перерыв в его деятельности относительно военных поселений.

Новый виток интереса М. М. Сперанского к военным поселениям просматривается уже при его возвращении из ссылки. К этому времени русскому обществу было уже хорошо известно благоприятное впечатление от посещения в 1816 г. могилевского поселения Александром I. Военные поселения оказались в центре всеобщего внимания.

В 1821 г. по пути из Москвы в Санкт-Петербург при возвращении из Сибири М. М. Сперанский познакомился с новгородскими поселениями. Обычно за подобным действием видится его желание угодить А. А. Аракче-

еву, который являлся инициатором возвращения «светилы российской бюрократии» в большую политику (по образному выражению В. А. Томсинова, в петербургскую «ссылку») [4, с. 335]. Свое впечатление от увиденного он выразил следующей дневниковой записью: «Fumus ex fulgore» («Дым после молнии») [4, с. 356]. Утверждением «из великого ничтожное» Сперанский явно давал военным поселениям отрицательную оценку. Вместе с тем здесь прослеживается его взгляд на идею организации системы поселений как военной составляющей «плана финансов» 1810 г.

В последующем, по просьбе А. А. Аракчеева, М. М. Сперанский стал знакомиться с документами, которые отражали состояние военных поселений в начале 1820-х гг. Результатом этого стало «Введение к учреждению военных поселений». В январе 1825 г. данная записка Сперанского была выпущена в свет в виде отдельной брошюры без указания имени автора и с названием «О военных поселениях».

По мнению М. А. Корф присутствующее здесь «похвальное слово учреждению, самому у нас непопулярному... должно смотреть единственное как на жертву, принесенную Сперанским своему положению» [5, с. 282].

Между тем современные исследователи считают, что содержащаяся в брошюре похвала военным поселениям и их дневниковая оценка М. М. Сперанским в 1821 г. не противоречат друг другу. Например, В. А. Томсинов отмечает, что «Сперанский отрицательно оценивал *практику* (курсив исследователя – Ю. Б.) осуществления идеи военных поселений, но всегда положительно относился к *теории* (курсив исследователя – Ю. Б.) военных поселений» [4, с. 357]. Исследователь подчеркивает: «Во “Введении к учреждению военных поселений”, опубликованном в виде брошюры “О военных поселениях”, Сперанский описал *идеальное* (курсив исследователя – Ю. Б.) военное поселение» [4, с. 357].

В целом проведенный анализ заявленной проблемы позволяет говорить о наличии веских оснований объединить в единое целое «план финансов» 1810 г. М. М. Сперанского и одновременную попытку организации на территории Бобылецкого староства Климовичского уезда опытного военного поселения.

Список использованных источников

1. Блиох, И. С. Финансы России XIX столетия. История–статистика / И. С. Блиох. – Т. 1. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. – 292 с.
2. Сборник Императорского исторического общества. – Т. 45. Финансовые документы царствования императора Александра I. – СПб.: Типография В. Безобразова и КО, 1885. – 351 с.
3. Образование Государственного Совета // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. – Т. 31. – № 24064. – СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 3–15.
4. Томсинов, В. А. Сперанский / В. А. Томсинов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 451 с.

5. Корф, М. Жизнь графа Сперанского / М. Корф. – Т. 2. – СПб.: 1861. – Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1861. – 283 с.

6. Середонин, С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности / С. М. Середонин. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1909. – 189 с.

7. Министерство финансов. 1802–1902. – Ч. 1. – СПб.: Издательство экспедиции и заготовления бумаг, 1902. – X, 640 с.

8. Богданович, М. Н. История царствования Александра I и России в его время / М. Н. Богданович. – Т. 5. – СПб.: Типография Ф. Сущинского, 1871. – 590 с.

9. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 405. Штаб военных поселений. – Оп. 1. – Д. 1.

10. Шебунин, А. Двенадцать книг / А. Шебунин // Архив истории труда в России. – № 11–12. – Пг.: Издательство культурно-просветительного отдела Петроградского губернского совета профессиональных союзов, 1924. – С. 237–255.

(Дата поступления: 15.06.2023).

**БУДАЎНІЦТВА І РАМОНТ ПРАВАСЛАЎНЫХ ХРАМАЎ
НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (30-я – ПАЧ. 60-х гг. XIX ст.)
(ФІНАНСАВЫ АСПЕКТ ПРАБЛЕМЫ)**

Ерашэвіч А. У.

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле на базе пераважна афіцыйна-справаводных архіўных дакументаў і апублікаваных статыстычных справаздачных матэрыялаў раскрываецца фінансаванне будаўніцтва, рамонту і аднаўлення гарадскіх і сельскіх праваслаўных царкваў на тэрыторыі Беларусі ў 30-х – пачатку 60-х гг. XIX ст. Урадавая праграма павелічэння культавых будынкаў для праваслаўнага духавенства і вернікаў у гарадскіх і асабліва сельскіх прыходах праваслаўных епархій беларускіх губерняў Расійскай імперыі ў 1833–1863 гг. не была цалкам рэалізавана з-за розных суб'ектыўных і аб'ектыўных абставінаў.

Ключавыя словы: фінансаванне; будаўніцтва; рамонт; праваслаўная царква; праваслаўныя храмы; беларускія губерні.

**CONSTRUCTION AND REPAIR OF ORTHODOX CHURCHES
ON THE TERRITORY OF BELARUS (30s – EARLY 60s OF THE
19TH CENTURY) (FINANCIAL ASPECT OF THE PROBLEM)**

Yerashevich A. V.

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

The article, on the basis of mainly official-reporting archival documents and published statistical reporting materials, reveals the financing of the construction, repair and restoration of urban and rural Orthodox churches on the territory of Belarus in the 30s – early 60s of the 19th century. The government program of increasing religious buildings for the Orthodox clergy and believers in urban and especially rural parishes of the Orthodox dioceses of the Belarusian provinces of the Russian Empire in the 1833–1863 was not fully implemented due to various subjective and objective circumstances.

Keywords: financing; construction; repair; Orthodox church; Orthodox churches; Belarusian provinces

У кантэксце комплексу мерапрыемстваў па выпрацоўцы мадэлі і форм, сродкаў і механізму рэалізацыі этна-канфесіянальнай палітыкі расійскага ўрада ў беларуска-літоўскім краі пасля задушэння паўстання 1830–1831 гг. асобнае месца належыла спробам абмежавання і памяншэння ўплыву каталіцкага касцёла, аднаўлення страчаных вядучых пазіцый праваслаўнай царквы і ўмацавання матэрыяльнага статусу яе духавенства. Адным з важных напрамкаў падобнай дзейнасці імперскай адміністрацыі была практыка павелічэння культавых будынкаў у заходніх праваслаўных епархіях.

Пэўныя аспекты пытання прываслаўнага царкоўнага будаўніцтва ў беларускіх губернях Расійскай імперыі паміж паўстаннямі 1830–1831 і 1863–1864 гг. закраналіся ў манаграфічных даследаваннях гісторыка прываслаўнай царквы П. В. Шэўкуна і даследчыка гісторыі беларускай архітэктуры І. М. Слюньковай [1; 2]. На аснове выкарыстаных матэрыялаў з абагульняючай справы 1865 г. з канцылярыі віленскага ваеннага губернатара працэс будаўніцтва прываслаўных цэркваў на тэрыторыі Беларусі ў 1831–1863 гг. вывучаў С. М. Васовіч [3, с. 14–16]. У асобных публікацыях Ю. У. Кейко разглядаліся такія аспекты, як прававое рэгуляванне, арганізацыя і кіраванне ўсімі ўзроўнямі ўладнай вертыкалі, прадстаўленай цэнтральнымі і мясцовымі адміністрацыйнымі структурамі органаў дзяржаўнай улады і кіравання, працэсам прываслаўнага храмавага будаўніцтва ў дзяржаўных і прыватных уладаннях беларускіх губерняў у 1858–1863 гг. [4–7]. Аўтарка вызначыла асноўныя этапы і спосабы (гаспадарчы, падрадны, агенцкі) будаўніцтва прываслаўных збудаванняў, раскрыла арганізацыйную структуру сістэмы кіравання прываслаўным царкоўным будаўніцтвам і яе ўзаемадзеянне і каардынацыю працы з іншымі дзяржаўнымі ўстановамі і грамадскімі таварыствамі, паказала ролю розных ведамстваў у царкоўна-будаўнічай сферы іх дзейнасці. Гісторык у пэўных выпадках узгадвала аб размеркаванні вылучаных з дзяржаўнага казначэйства грашовых сродкаў паміж Міністэрствамі дзяржамаёмасцей і ўнутраных спраў для патрэб прываслаўнага храмавага будаўніцтва ў заходніх губернях Расійскай імперыі ў канцы 50-х – пачатку 60-х гг. XIX ст., часам без вылучэння беларускіх прываслаўных епархій [8, с. 59; 9, с. 32, 34].

Аднак для ўсебаковага і больш глыбокага вывучэння працэсу будаўніцтва прываслаўных цэркваў на тэрыторыі Беларусі ў XIX ст. матэрыялы неабходна дапоўніць, акрамя дэтальнага раскрыцця арганізацыйна-прававага забеспячэння царкоўна-будаўнічай працы, яшчэ асобным сюжэтам аб фінансаванні пабудовы і рамонту прываслаўных храмаў у беларускіх губернях у 1833–1863 гг.

Мэта артыкула заключаецца ў раскрыцці крыніц і памераў фінансавання будаўніцтва і рамонту прываслаўных храмаў на тэрыторыі беларускіх епархій у перыяд паміж паўстаннямі 1830–1831 і 1863–1864 гг. з апорай на апублікаваныя статыстычныя звесткі і неапублікаваныя архіўныя матэрыялы, не выкарыстаныя дагэтуль даследчыкамі. У рамках абмежаванага аб'ёму артыкула аўтар не здолеў дастаць поўна, дэтальна разгледзіць усе аспекты праблемы фінансавання прываслаўных царкоўных аб'ектаў на тэрыторыі Беларусі ў даследуемы перыяд. У цэлым, праблема, пастаўленая ў артыкуле, патрабуе далейшых, больш глыбокіх даследаванняў на аснове ўводу ў навуковы зварот дадатковых архіўных матэрыялаў.

Крыніцы, выкарыстаныя пры падрыхтоўцы артыкула, прадстаўлены пераважна афіцыйна-справаводнымі архіўнымі дакументамі і апублікаванымі статыстычнымі справаздачнымі данымі. Адзначым, што шмат разнастайных матэрыялаў аб праектаванні прываслаўнага царкоўнага будаўніцтва ў заходніх губернях Расійскай імперыі ў 50–60-х гг. XIX ст. утрымліваецца

ў асабістым фондзе Бацюшкавых, а менавіта віцэ-дырэктара Дэпартаменту духоўных спраў замежных веравызнанняў Міністэрства ўнутраных спраў (МУС) (1856–1867) і кіраўніка царкоўна-будаўнічага камітэта ў Заходнім краі (1865–1867) П. М. Бацюшкава [10].

Пасля падаўлення паўстання 1830–1831 г. адным з ініцыяраваных М. М. Мураўёвым сродкаў па абмежаванні ўплыву рымска-каталіцкага царквы і духавенства ў заходніх губернях, якое, на яго думку, займалася выхаваннем і навучаннем моладзі ў духе актыўнай прапаганды і падтрымкі накіраваных супраць адзінства Расійскай імперыі польскіх сепаратысцкіх нацыянальна-вызваленчых ідэй, сутнасць якіх заключалася ў распаўсюджванні русафобіі і аднаўленні незалежнай Польшчы, была праграма шырокага будаўніцтва, рамонту і аднаўлення гарадскіх і сельскіх праваслаўных цэркваў.

Будаўніцтва новых праваслаўных храмаў за кошт дзяржаўнай падтрымкі спачатку прадугледжвалася толькі ў казённых паселішчах. 24.03.1833 г. імператар Мікалай I зацвердзіў даклад міністра фінансаў аб пабудове грэка-расійскіх цэркваў у казённых паселішчах Кіеўскай, Валынскай і Падольскай губерняў з асобна прызначаных да асігнавання з 1833 г. ад Міністэрства фінансаў сумы па 150 тыс. руб. штогод. Пазней у кошт гэтай жа сумы было прадпісана будаваць праваслаўныя цэрквы і ў казённых маёнтках Мінскай губерні. Пры будаўніцтве новых праваслаўных храмаў выходзілі з разліку колькасці прыхаджан. На ўладкаванне праваслаўных цэркваў у Магілёўскай епархіі ў 1833 г. было вылічана 84 700 руб. (45 700 руб. на рамонт збудаванняў і 39000 на пабудову новых) [11, с. 59].

У кожнай з беларускіх губерняў планавалі будаваць у казённых маёнтках з 1833 г. штогод па дзве праваслаўныя цэрквы за кошт сумаў з Камісіі духоўных вучылішч [2, с. 75]. Пабудовай і рамонтам праваслаўных цэркваў у казённых маёнтках заходніх губерняў да 1845 г. займаўся Св. Сінод, якому штогод з дзяржаўнага казначэйства выдаткоўвалася па 40 тыс. руб. Пры перадачы ў 1845 г. спраў аб пабудове праваслаўных цэркваў у казённых маёнтках заходніх губерняў з духоўнага ведамства св. Сінода ў распараджэнне Міністэрства дзяржмаёмасцей, якое ўсклала з 1.04.1846 г. ўладкаванне праваслаўных цэркваў на мясцовыя палаты дзяржмаёмасцей, для праектавання, будаўніцтва, рамонту, уладкавання праваслаўных цэркваў у казённых маёнтках заходніх губерняў 24.11.1846 г. была распрацавана даручаная чыноўніку Міністэрства дзяржмаёмасцей, інспектару царкоўных пабудоваў, стацкаму саветніку Полаўцаву падрабязная інструкцыя з 38 пунктаў [12, арк. 16–19; 13, арк. 2–12; 14, арк. 1 адв., 3–6]. З гэтай будаўніцтва і рамонту грэка-расійскіх цэркваў у заходніх губернях губернская палата дзяржмаёмасцей засноўвала часовыя камісіі ў складзе чыноўніка яе ведамства, грамадзянскага інжынера і аднаго з бліжэйшых памешчыкаў. Часовым камісіям на дробныя выдаткі аднойчы з палаты дзяржмаёмасцей адпускала да 150 руб. серабром [12, арк. 17 адв.; 14, арк. 4 адв.]. Для паспяховай рэалізацыі справы Міністэрства дзяржмаёмасцей у кожнае генерал-губернатарства заходняга краю прызначала па аднаму архітэктару з выдзяленнем яму па 1 тыс. руб. у год жалавання, сталовых і раз'ездных і асобна на канцылярскія і чарчэжныя

матэрыялы па 100 руб., а для садзейнічання губернскім палатам дзяржмаёмасцей – па інспектару царкоўных пабудоў з вышэйшых інжынерных чыноў, кожнаму з якіх прызначалася жалавання, сталовых і раз'ездных па 2000 руб. Патрэбная для гэтых чыноў штогодная сума і бягучыя выдаткі агулам у 5300 руб. выдаткоўваліся за кошт капіталу, які асігнаваўся ў Міністэрства дзяржмаёмасцей для пабудовы праваслаўных цэркваў [15]. У 1846 г. імператар Мікалай I выдзеліў у распараджэнне Міністэрства дзяржмаёмасцей суму, неабходную для збудавання 99 новых і рамонту 496 спаракнелых праваслаўных цэркваў у казённых маёнтках заходніх губерняў [16].

Усяго, па нашых падліках, для пабудовы і рамонту праваслаўных цэркваў у казённых і паддухоўных маёнтках Віцебскай і Магілёўскай губерняў з дзяржаўнага казначэйства ў 1847–1852 гг. было выдана каля 128 тыс. руб., у тым ліку 72,7 % гэтай сумы ў 1848–1850 гг. [12, арк. 30–31, 69–70, 166–166 адв., 206–207, 231–232 адв., 323–324 адв.]. У Мінскую губернскую палату дзяржмаёмасцей, у дадатак да вылучанай сумы на пабудову і рамонт праваслаўных цэркваў, былі дадаткова прысланы, паводле прадпісання 2-га дэпартаменту Міністэрства дзяржмаёмасцей ад 2.12.1855 г., яшчэ 7000 руб. [17, арк. 712 адв. – 713]. На пабудову і рамонт праваслаўных цэркваў у казённых маёнтках Віцебскай губерні з 1846 па 1854 гг. было выдаткавана 75929,92 руб. На гэтыя грошы былі пабудаваны мураваная і драўляная цэрквы, 8 – адрамантаваны, а пры 4-х з'явіліся агароджы [18, арк. 1, 4, 12].

Новы этап будаўніцтва праваслаўных храмаў у казённых і памешчыцкіх маёнтках заходніх губерняў пачаўся з 1858 г. Працэсу будаўніцтва праваслаўных цэркваў у казённых маёнтках заходніх губерняў асабіста садзейнічаў новы міністр дзяржмаёмасцей М. М. Мураўёў (17.04.1857–01.01.1862). У студзені 1858 г. Міністэрства дзяржмаёмасцей адпусціла Віцебскай палаце дзяржмаёмасцей на пабудову праваслаўных цэркваў 3-х разрадаў, уключаючы выдаткі на пакупку леса, пэўныя сумы: у прыходы ад 150 да 185 вернікаў 1025,88 руб., ад 250 да 300 прыхаджан – 1692,57 руб., ад 450 да 500 рэвізскіх душ мужчынскага полу – 2280,95 руб. Аднак на публічныя таргі ніхто не з'явіўся, таму было вырашана весці будаўніцтва праваслаўных цэркваў гаспадарчым спосабам. Але недахоп рабочых рук, занятых на пабудове чыгункі і дарогі, павялічыў цэны на майстроў, і зрабіў немагчымым будаўніцтва праваслаўных цэркваў па вызначаных загадзя каштарысах. Таму міністр дзяржмаёмасцей дазволіў дадаць да каштарысных вылічэнняў на некаторыя цэрквы да 800 руб. на кожную, а на адну – да 1720 руб. [19, арк. 69–69 адв.]. 25.06. і 14.07.1858 г. імператар Аляксандр II распарадзіўся з капіталу, пакінутага ад скарбоначнага збору пры вобразе Выратавальніка ў дварцы імператара Пятра I, вылічыць 100 тыс. руб. на пабудову і рамонт 87 праваслаўных цэркваў у казённых маёнтках заходніх губерняў, якія былі далучаны з уніі ў праваслаўе [20, арк. 1].

Пасля ліквідацыі ўніяцкай царквы ў 1839 г. колькасць праваслаўнай паствы, асабліва ў Віцебскай і Магілёўскай губернях, значна ўзрасла. Але большасць небагатых вернікаў нешматлікіх прыходаў праваслаўнай канфесіі на тэрыторыі Беларусі, асабліва ў паветах Віленскай і Гродзенскай

губерняў, не мелі магчымасці матэрыяльна дапамагаць праваслаўнаму кліру і падтрымліваць у належным стане храмы.

Імператарскі ўрад паспрабаваў распаўсюдзіць практыку будаўніцтва праваслаўных цэркваў за кошт землеўладальнікаў з вялікарасійскіх і на заходніх губерні. Усіх памешчыкаў, якія валодалі сялянамі праваслаўнага веравызнання, абавязвалі пабудаваць для іх вернікаў праваслаўныя цэрквы за ўласны кошт. Аднак пры рэалізацыі гэтай задумы ўзніклі розныя суб'ектыўныя і аб'ектыўныя цяжкасці: і індывідуальнасць, і тайны супраціў, і ўхіленне памешчыкаў-каталікоў, і расстройства памешчыцкіх маёнткаў ва ўмовах пастаянных неўраджаяў і беднасці сялян, і немаёмнасць некаторых землеўласнікаў, і адсутнасць у памешчыкаў свабодных грашовых капіталаў, і недахоп кваліфікаваных інжынераў і архітэктараў, і працяглыя спрэчкі памешчыкаў і праваслаўнага духавенства аб планах і каштарысах праваслаўных цэркваў [1, с. 119]. Да таго ж назіралася нескардынаванасць дзеянняў уладаў і чахарда з ведамасным пераразмеркаваннем паўнамоцтваў па гэтым прадмеце.

Парадак пабудовы цэркваў для праваслаўных прыгонных вызначалі ўказы 1835, 1851, 1852 г. Рацыянальна-прагматычны падыход у мэтах скарачэння дзяржаўных выдаткаў прымусіў улады паменшыць памеры праваслаўных сельскіх цэркваў у прыходах памешчыцкіх маёнткаў заходніх губерняў на 1/3 частку рэвізскіх душ мужчынскага полу адпаведна фасадаў, зацверджаных па ведамству Міністэрства дзяржамаёмасцей [18, арк. 10]. У 1857 г. з 750 прыходаў праваслаўнай царквы ў Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губернях ад 100 да 500 прыхаджан мелі 119, ад 550 да 1000 вернікаў – 309, да 1200 – 102, да 1500 – 105, ад 2000 да 4500 адпэтаў праваслаўнай веры – 113. У адным прыходзе ў Гродзенскай губерні было ад 4500 да 5000, а ў Мінскай – менш 10 прыхільнікаў праваслаўя. Агулам, абсалютная большасць праваслаўных прыходаў у згаданых губернях (355) налічвалі ад 1000 да 2000 чал. паствы [21]. 21.10.1833 г. выйшла палажэнне Сінода аб уладкаванні праваслаўных цэркваў у Віцебскай губерні на фінансавыя сродкі саміх памешчыкаў, з дапамогай царкоўных кашальковых даходаў [22, арк. 5–6].

Справа будаўніцтва праваслаўных цэркваў у беларускіх губернях зацягвалася. Актывізацыя працэсу будаўніцтва і рамонту праваслаўных храмаў у памешчыцкіх маёнтках заходніх губерняў назіраецца ў 1858–1861 г. пасля перадачы справы з Галоўнага ўпраўлення шляхоў зносін і публічных пабудоў у МУС. У гэтым прадмеце аказваць садзейнічанне павінны былі ваенныя інжынеры і архітэктары Генштаба.

П. М. Бацюшка ў дакладной запіске, накіраванай у МУС у 1857 г., прапанававаў правесці шэраг карэктуючых мер для ўдасканалення пабудовы і рамонту праваслаўных цэркваў у памешчыцкіх маёнтках заходняга краю [23]. Ён зводзіў няўдачу будаўніцтва праваслаўных храмаў да пасіўнага супраціву памешчыкаў-каталікоў і нізкай якасці будаўнічых работ: памнажаўся непарыўны працэс царкоўна-будаўнічай працы, бо разам з павелічэннем колькасці пабудаваных праваслаўных храмаў няўхільна расла колькасць царкоўных будынкаў, якія патрабавалі рамонту. Прычыны няўдачы пабудовы

і рамонту праваслаўных храмаў у заходніх губернях караніліся ў колькаснай пераваге іншаверных памешчыкаў, пасіўнасці памешчыкаў-каталікоў і залежалі ад характару прынятых урадавых мер.

Бедныя праваслаўныя сяляне не маглі фінансаваць будаўніцтва праваслаўных храмаў. Надзея атрымання неабходных грашовых сродкаў і іншых матэрыяльных рэсурсаў была звязана з памешчыкамі. Вядома, што ў дакладной запіске, адпраўленай у лістападзе 1857 г. у Пецябургскі Апякунскі савет з нагоды праекта аб стварэнні царкоўна-будаўнічага капіталу для будаўніцтва і аднаўлення праваслаўных цэркваў у памешчыцкіх маёнтках заходняга краю адзначалася, што памешчыкі Віцебскай і Магілёўскай губерняў, якія заклалі свае маёнткі з сялянамі ў мясцовыя прыказы грамадскай апекі, мелі адпаведна да 69 і 57 % нявыплатных запазычанасцей адносна агульнай даўгавой сумы, а па Пецябургскаму Апякунскаму савету – адпаведна 40 і 39,5 %. З мэтай фінансавай падтрымкі памешчыкаў заходніх губерняў для канчатковага ўладкавання ў іх маёнтках праваслаўных цэркваў міністр унутраных спраў прасіў Пецябургскі Апякунскі савет выдаць землеўладальнікам 5 % надбавачную пазыку па 3 руб. на рэвізскую мужчынскую душу. Яе памер для 58 808 праваслаўных сялян абмяжоўваўся сумай у 176 424 руб., альбо менш чым 0,58 % з усяго выданага Апякунскім саветам капіталу пад заклад нерухомых маёнткаў, пры тым, што нядоімкі землеўладальнікаў прыказам грамадскай апекі былі ў шмат большых памерах. Ажыццяўленне гэтай урадавай задумы пазбавіла б немаёмных і абцяжараных даўгамі памешчыкаў ад неабходнасці набыцця прыватных пазык для ўладкавання праваслаўных цэркваў ва ўласных маёнтках [24, арк. 3 адв., 5–5 адв., 6]. Цяжка было назапасіць капітал і за кошт дадатковых земскіх збораў. Урадавыя крэдытныя пазыкі на царкоўнае будаўніцтва праваслаўных цэркваў маглі выклікаць у мясцовых памешчыкаў надзею на чарговае пагашэнне ўрадам іх нядоімак: «надежда помещиков на то, что накопившиеся недоимки могут снова быть прощены, не вселит ли в них уверенность, что долготерпением и выжиданием они освободятся от них...» [23, арк. 16]. Дадатковыя грашовыя ахвяраванні з вялікарасійскіх цэнтральных губерняў з'яўляліся для землеўласнікаў заходніх губерняў дадатковай падставай для ўхілення ад выканання сваіх абавязкаў. Таму выхад можна было знайсці толькі ў эканамічных рыначных адносінах: цалкам вызваліць памешчыкаў ад навязанага ім прымусовага абавязку будаўніцтва ў сваіх маёнтках праваслаўных цэркваў і ўвесці выключна дзяржаўную сістэму фінансавання пабудовы і рамонту праваслаўных храмаў. Прапанова аб увядзенні мэтавага падушнага збору з памешчыцкіх сялян для будаўніцтва і рамонту праваслаўных храмаў была адхілена Міністэрствам фінансаў.

Будаўніцтва праваслаўных храмаў у беларускіх епархіях стала магчымым за кошт крэдытных рэсурсаў. Для пабудовы праваслаўных цэркваў у памешчыцкіх маёнтках 9 заходніх губерняў імператар Аляксандр II 16.01.1858 г. дазволіў міністру ўнутраных спраў атрымаць у пазыку з Пазыковага банка па меры неабходнасці да 500 тыс. руб., у асноўным толькі для пабудовы праваслаўных храмаў у Віцебскай і Магілёўскай губернях. За год

з лютага 1859 да лютага 1860 г. з дзяржаўнага казначэйства для Магілёўскай губерні было пералічана 327 367,55 руб., а для Віцебскай – 172 632,45 руб. Аднак з прычыны недахопу сумы пасля станоўчай санкцыі імператара 04.03.1860 г. міністр унутраных спраў атрымаў дадатковыя крэдыт, паколькі было прызначана асігнаваць у пазыку з дзяржаўнага казначэйства для сканчэння пабудовы праваслаўных цэркваў у Магілёўскай епархіі і галоўным чынам для ўладкавання ўсіх праваслаўных храмаў у Мінскай епархіі яшчэ 1 млн руб., з растэрміноўкай выдачы грошай на 5 год па 200 тыс. руб. штогод [25, за 1860 г., с. 15]. Казённыя сумы павінны былі кампенсавацца за кошт прыватнаўладальніцкіх маёнткаў тых прыходаў, у якіх былі пабудаваны праваслаўныя цэрквы [19, арк. 127–127 адв.]. Для ўладкавання праваслаўных цэркваў у памешчыцкіх маёнтках заходняга краю пад наглядам МУС на кошт пазычанай з крэдытных устаноў сумы былі накіраваны два ведамасных чыноўніка, якія пасля агляду 178 праваслаўных цэркваў у Віцебскай і Магілёўскай губернях заключылі, што неабходна дадаткова выдаткаваць з дзяржаўнай казны яшчэ 273 652,86 руб. Гэтая сума была асігнаная ў распараджэнне губернатараў.

Парадак размеркавання адпушчаных з дзяржаўнага казначэйства сум для будаўніцтва праваслаўных храмаў быў даволі складаным. Так, у 1859 г. на пабудову праваслаўных цэркваў у Віцебскай губерні была асігнаная з дзяржаўнага казначэйства сума ў 107 491,86 руб. Пабудову і рамонт 134 праваслаўных цэркваў у памешчыцкіх маёнтках Віцебскай губерні за 117 491,8 руб. меркавалі здаць з публічных таргоў у падрад. Рэальна ў 1859 г. на пабудову цэркваў паступіла 3059,33 руб. урадавай сумы наяўнымі і 98 940,67 руб. білетамі (разам на 102 тыс. руб.), было выдана 2015,25 руб., адаслана на захаванне ў Віцебскі прыказ грамадскай апекі 98 940,67 руб. білетамі, у рэдакцыі газет – 10,53 руб., засталася 1033,55 руб. У 1860 г. прыбыло ад урада і было ахвяравана асобамі 33 449,23 руб. і 76074,91 руб. білетамі [26, арк. 1, 21, 23, 39–44]. 3 119 тыс. руб., выдзеленых у лютым 1860 г. на пабудову праваслаўных цэркваў Полацкай епархіі, 47 600 руб. паступілі з Віцебскай казённай палаты. Гэтыя 47 600 руб., асігнананыя з агульных губернскіх даходаў Віцебскай губерні на кошт Галоўнага казначэйства, запісваліся як абаротны расход і размяркоўваліся наступным чынам: 40 тыс. руб. знаходзіліся на захаванні ў Віцебскім прыказе грамадскай апекі, а астатнія 7600 руб. прыбылі ў канцылярыю віцебскага губернатара. Па прадстаўленні Віцебскай казённай палаты ад 14.03.1859 г. сума ў 68 тыс. руб. таксама залічвалася ў прыказ грамадскай апекі дробнымі часткамі, але не менш чым 5 тыс. руб. кожны раз з губернскіх даходаў, а білеты на гэтыя сумы з прыказа грамадскай апекі перадаваліся ў канцылярыю віцебскага губернатара. Для 135 праваслаўных цэркваў Полацкай епархіі наяўныя і ў крэдытных установах грошы размяркоўваліся так: для 95 цэркваў – ад 4,35 да 90 руб. на кожную, для 40 цэркваў – ад 100 да 537 руб. на адну. Адзначым, што для 47 праваслаўных цэркваў амаль не было выдзелена ніякіх наяўных грошай [19, арк. 126, 128–128 адв., 129–129 адв., 185–185 адв.]. Усяго, па нашых падліках, за 1859–1864 гг. у Віцебскай губерні лічыліся ў прыходзе ўрадавых, пазычаных, прыватных 240 560,89 руб. наяўных

і 349 278,26 руб. білетамі, прызначаных для пабудовы і рамонту праваслаўных цэркваў у памешчыцкіх маёнтках, паступілі ў расход 207 264,3 руб. (86,2 %) і 218 156,25 руб. білетамі (62,5 %), засталіся – 33 296,56 руб. (13,8 %) і 131 122,01 руб. білетамі (37,5 %) [26, арк. 45–56, 57–68, 69–84 адв., 85–93, 94–105].

Сумы, неабходныя для ўладкавання праваслаўных цэркваў у заходніх губернях, паступалі не толькі з дзяржаўнага казначэйства, але і за кошт прыватных ахвяраванняў. У 1840 г. было выдзелена ў якасці беззваротнай дапамогі для пабудовы праваслаўных цэркваў у Полацкай і Магілёўскай епархіяў сума ў 14 392,52 руб. [27, за 1840 г., с. 84–85]. У 1842 г. чыноўнікі і памешчыкі Магілёўскай губерні ахвяравалі на праваслаўныя цэрквы 9312,85 руб., а Віцебскай – 5890,42 руб. [28, арк. 79, 79 адв.]. У 1857 г. на карысць праваслаўных храмаў Віцебскай губерні паступіла 17 905,24 руб. прыватных ахвяраванняў [29, арк. 117 адв.].

Пэўныя сумы грошай пералічаліся з капіталаў духавенства заходніх епархій, у прыватнасці ў 1857 г. было адлічана беззваротна 8021,21 руб. для ўладкавання аднаверскай царквы ў Віцебску, на рамонт Мікалаеўскай царквы ў Коўне, для нарыхтоўкі для Віцебскага кафедральнага сабора рызнічых і іншых рэчаў. У пазыку было асигнавана 6000 руб. на пабудову новых праваслаўных цэркваў у Магілёўскай епархіі [30, за 1857 г., с. 101].

Цалкам праграма праваслаўнага царкоўнага будаўніцтва ў беларускіх губернях не была рэалізавана. Так, да 1863 г. у Магілёўскай губерні з мяркуемых да пабудовы і рамонту 314 цэркваў (93 належыла пабудавальца і 221 адрамантаваць) было ўладкавана толькі 137 (43,6 %), яшчэ заставалася 177 (56,4 %) [31, арк. 146]. Паводле справаздачы рэвізійнай камісіі ў 1864 г. з прызначаных да пабудовы і рамонту ад дзяржаўнай казны 618 праваслаўных цэркваў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях былі пабудаваныя 81 і адрамантаваныя толькі 55, альбо 22 %. Замаруджанасць царкоўнага будаўніцтва і рамонту бачылі ў цяганіне працэдуры зацвярджэння праекта пабудовы кожнай царквы і цяжкасцяў выдачы грошай праз губернскае праўленне і казённую палату, у якіх пераважала каталіцкая адміністрацыя [32, с. 75; 33, с. 8].

Паспяховаму ажыццяўленню справы будаўніцтва праваслаўных храмаў перашкаджалі і недакладныя вопісы царкоўных аб'ектаў. Так, камандзіраваны ад МУС чыноўнік стацкі саветнік Кондыраў пасля агляду 134 праваслаўных цэркваў ў Віцебскай губерні заключыў, што 26 з іх патрэбна збудаваць зноў, а 108 адрамантаваць. У лютым 1859 г. для рэалізацыі гэтага меркавання ў распараджэнне віцебскага губернатара была вызначана да водпуску сума прыкладна ў 117 491,86 руб. і дадаткова 1508,13 руб. на непрадбачаныя выдаткі. Аднак няправільныя вопісы праваслаўных цэркваў і няверныя разлікі Кондырава прымусілі ўлады правесці зноў агляды праваслаўных храмаў і склаці чарговыя прыкладныя каштарысы [19, арк. 70–70 адв., 71].

Цэнтральныя органы імперскай улады адзначалі адсутнасць з месцаў неабходнай для планавання праектнай дакументацыі каштарысна-будаўнічых работ верагоднай і дакладнай інфармацыі аб колькасці храмаў розных відаў, якія належыла пабудавальца зноў, перабудаваць, адрамантаваць, уладкаваць. Прадстаўнікі мясцовай адміністрацыі ў дакументах няверна паказвалі лік

праваслаўных цэркваў. У некаторых выпадках зноў пабудаваныя збудаванні ўжо праз год падлягалі рамонту. Сапраўдны стан праваслаўных цэркваў не супадаў з данымі афіцыйных папяровых звестак. Праваслаўныя вернікі, у асноўным немаёмныя сяляне, а таксама беднае прыходскае духавенства знаходзіліся ў поўнай матэрыяльнай залежнасці ад іншавярных памешчыкаў і чыноўнікаў у асноўным каталіцкага веравызнання, якія сабатавалі і нават супрацьдзейнічалі рэалізацыі ўрадавых мерапрыемстваў. Да таго ж, матэрыяльныя сродкі памешчыкаў, абцяжараных дзяржаўнымі і прыватнымі грашовымі даўгамі, асабліва ў Віцебскай і Магілёўскай губернях, былі спустошаны частымі неўраджаямі хлеба, эпизаотыямі і іншымі бедствамі. Спусташальная сістэма перамяшчэння святароў і ўнутраныя супярэчнасці паміж епархіяльным кіраўніцтвам і прыходскімі святарамі служылі нагодай да неспрыяльных адносін да іх памешчыкаў і прыхаджан. Забяспечыць незалежнае палажэнне праваслаўнага кліру ад парафіян і землеўладальнікаў, падняць яго аўтарытэт, прэстыж і ступень уплыву ў мясцовай грамадскай магла значная дзяржаўная фінансавая падтрымка праваслаўнага духавенства, якой у вывучаемы час яшчэ не было. Хуткай арганізацыі будаўніцтва і рамонту праваслаўных храмаў змяшанасць прыходаў у прыватных і казённых уладаннях. Адсутнічала наладжаная сістэма і механізм ўрадавага кантролю за станам праваслаўных цэркваў. Адчуваўся недахоп кваліфікаваных тэхнічных спецыялістаў. Панаваў канцылярскі фармалізм.

Усяго, па нашых падліках, у 1837–1861 гг. у беларускіх праваслаўных епархіях было пабудавана 677 праваслаўных храмаў (110 мураваных і 567 драўляных, улічаны цэрквы саборныя, манастырскія, прыходскія, пры казённых установах, дамавыя, могілкавыя, прыпісныя, капліцы і малітоўныя дамы), у тым ліку ў Магілёўскай – 310 (45,8 %) (28 мураваных і 282 драўляных), у Мінскай – 158 (23,3 %) (23 мураваных і 135 драўляных), у Полацкай – 112 (16,5 %) (19 мураваных і 93 драўляных), у Літоўскай – 97 (14,3 %) (40 мураваных і 57 драўляных) [27, вед. № 4; 30, вед. № 4, 5; 25, вед. № 5].

Новы этап маштабнай пабудовы, перабудовы, рамонту і ўладкавання праваслаўных храмаў з забеспячэннем іх богаслужэбнымі кнігамі, начынным, рызніцай, іконамі ў беларускіх епархіях пачаўся ў 1863–1865 гг. у сувязі з падаўленнем паўстання 1863–1864 гг.

У цэлым, з-за розных суб'ектыўных і аб'ектыўных абставінаў урадавая мэта прырашчэння культываваных будынкаў для праваслаўнага духавенства і вернікаў у гарадскіх і асабліва сельскіх прыходах праваслаўных епархій беларускіх губерняў Расійскай імперыі ў 1833–1863 гг. не была дасягнута цалкам. Грашовыя сродкі для пабудовы і рамонту праваслаўных храмаў у беларускіх епархіях выдаткоўваліся з розных крыніц: дзяржаўнага казначэйства, у тым ліку за кошт крэдытаў, ад збораў прыватных ахвяраванняў, з капіталаў духавенства заходніх епархій.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Шевкун, П. В.* Империя и церковь: российская политика в отношении православия на территории Беларуси (1796–1855 гг.): монография / П. В. Шевкун. – Витебск: ВГМУ, 2015. – 202 с.

2. Слюнькова, И. Н. Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи / И. Н. Слюнькова. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 615 с.

3. Восович, С. М. Строительство православных храмов в Беларуси в 1831–1867 гг. / С. М. Восович // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2017. – № 6. – С. 14–18.

4. Кейко, Ю. В. Ведомственные нормативные правовые акты Министерства государственных имуществ о строительстве православных храмов в конце 50-х гг. XIX в. / Ю. В. Кейко // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. / РИВШ; редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Вып. 3. – С. 45–52.

5. Кейко, Ю. В. Особенности православного храмового строительства в Беларуси в 1858–1863 гг. / Ю. В. Кейко // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. / РИВШ; редкол.: В. А. Гайсенюк (пред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Вып. 21: в 4 ч., ч. 1. – С. 173–180.

6. Кейко, Ю. В. Православное храмовое строительство в Витебской губернии (1858–1859 гг.) / Ю. В. Кейко // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; гл. ред. В. А. Белозорович; редкол.: С. В. Адамович [и др.]. – Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2022. – С. 170–174.

7. Кейко, Ю. В. Строительство православных храмов в государственных имениях на территории Беларуси (1858–1867 гг.) / Ю. В. Кейко // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: В. А. Белозорович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2021. – С. 22–27.

8. Кейко, Ю. В. Формирование системы центрального государственного управления по строительству православных храмов на территории Беларуси (1858–1867 гг.) / Ю. В. Кейко // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 55–64.

9. Кейко, Ю. В. Особенности православного храмового строительства в белорусских губерниях в первой половине XIX в. / Ю. В. Кейко // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 31–38.

10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 52.

11. Вибе, И. Н. Особая ревизия Могилёвской епархии 1832 г. в контексте профессиональной политики самодержавия в западном крае / И. Н. Вибе // Белорусский сборник. Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2018. – Вып. 7. – С. 51–63.

12. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 16338.

13. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 14724.

14. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 404.

15. О определении классов должностей и разрядов по пенсии и мундирам инспектору и архитектору, назначенным для содействия при построении право-

славных церквей в казенных имениях Западного края: высочайше утверждённое 21.05.1846 г. положение Комитета министров, объявленное министром государственных имуществ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗ-2). – Т. 21-1. – № 20047. – С. 531–532.

16. О устройстве православных церквей в селениях ведомства государственных имуществ западных губерний: именной указ 2.04.1846 г., данный министру государственных имуществ // ПСЗ-2. – Т. 21-1. – № 19910. – С. 423.

17. НГАБ. – Ф. 27. Воп. 1. Спр. 408.

18. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 24684.

19. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 29861.

20. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 27790.

21. ОР РНБ. – Ф. 52. Д. 11. Ведомость православным церквам [Западного края] по численности их приходов. 1857 г. 1 л.

22. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 10404.

23. ОР РНБ. – Ф. 52. Д. 14. Докладная записка в [Министерство внутренних дел] по вопросу устройства православных церквей в помещичьих имениях Западного края. Писарская копия с пометами и исправлениями П. Н. Батюшкова. 1857 г. 26 л.

24. ОР РНБ. – Ф. 52. Д. 10. Докладная записка в Петербургский Опекунский совет по вопросам проекта образования церковно-строительного капитала для православных церквей в помещичьих имениях западного края. Копия Ноябрь 1857 г. 6 л.

25. Извлечение из отчёта по Ведомству православного исповедания за 1860 и 1861 гг. – СПб.: Синодальная тип., 1862–1864.

26. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 32941.

27. Извлечение из отчёта обер-прокурора Святейшего Синода за 1840–1853 гг. – СПб.: Синодальная тип., 1841–1854.

28. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 13404.

29. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 29300.

30. Извлечение из отчёта по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1854–1859 гг. – СПб.: Синодальная тип., 1855–1861.

31. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 867.

32. *Миловидов, А.* Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае / А. Миловидов. – Харьков: Тип. Губернского правления, 1900. – 92 с.

33. *Миловидов, А. И.* Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М. Н. Муравьеве (по архивным материалам) / А. И. Миловидов. – Вильна: Издание Виленского православного Свято-Духовского братства, тип. «Русский почин», 1913. – 51 с.

(Дата поступления: 04.07.2023).

**ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1922–1924 ГГ.
(«РЕФОРМА ЗОЛОТОГО ЧЕРВОНЦА») В ОТРАЖЕНИИ
ПРИХОДНО-РАСХОДНОЙ КНИГИ И. П. ГОЛУБЕВА**

Латушкова Ю. П.

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В ходе денежной реформы 1922–1924 гг. в сжатые сроки удалось решить сложнейшие задачи восстановления финансово-кредитной системы СССР. Благодаря подробной фиксации хода реформы на страницах прессы известно, как рассматривали происходящие изменения органы власти. Влияние реформы на сферу частных финансов остается вне поля зрения исследователей. Это связано с малым количеством введенных в научный оборот источников личного происхождения. Тем большую ценность для историков представляет приходно-расходная книга И. П. Голубева, минчанина, квалифицированного рабочего, многодетного отца. На ее страницах подробно записаны не только доходы и расходы семьи, но и покупки облигаций займов, приводятся сведения о деноминациях, курс товарного рубля, пересчеты совзнаков в червонцы.

Ключевые слова: денежная реформа; совзнак; червонец; 1922–1924 гг.; приходно-расходная книга; частные финансы; новая экономическая политика; цены; деноминация; курсы валют.

**MONETARY REFORM 1922–1924
(«REFORM OF THE GOLD CHERVONETS») IN THE
REFLECTION OF THE ACCOUNT BOOK OF IOSIF GOLUBEV**

Latushkova Y. P.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

During the monetary reform of 1922–1924, the Soviet authorities were able to solve the most difficult tasks of restoring the financial and credit system of the USSR in a short time. Thanks to the detailed recording of the progress of the reform on the pages of the press, it is known how the authorities considered the ongoing changes. The impact of the reform on the sphere of private finance remains out of the field of view of researchers. This is due to the small number of personal records introduced into scientific circulation. The more valuable for historians is the account book of Iosif Golubev, Minsk resident, a skilled worker, and a father of many children. Its pages record in detail not only the income and expenses of the family, but also purchases of loan bonds, provide information on denominations, the exchange rates and conversion of Soviet money signs (“Sovznaks”) into chervonets.

Keywords: monetary reform, Soviet money sign, Sovznak, chervonets, 1922–1924, account book, private finance, new economic policy, prices, denomination, exchange rates.

Реформа 1922–1924 гг. («реформа золотого червонца») в СССР была одной из денежных реформ, предпринятых в 1920-е гг. рядом стран (Англией, Францией, Австрией, Польшей) для оздоровления денежного обращения после Первой мировой войны. Но ни в одном из упомянутых государств гиперинфляция не приняла столь жуткие, угрожающие самому существованию державы и нации формы, как в Германии и Советской России.

На сегодняшний день в научный оборот введен огромный массив источников по реформе 1922–1924 гг. Прежде всего, это работы экономистов, непосредственных участников и «творцов» золотого червонца: Г. Я. Сокольникова [11], Л. Н. Юровского [14], З. С. Каценеленбаума [3] и др. [1; 4; 8; 10; 13 и др.]. Кроме них, важную роль играет блок документов официального происхождения: резолюции съездов, доклады и докладные записки, протоколы заседаний НКФ и Политбюро ЦК РКП (б), публикации в прессе и многое другое [см. напр. 2]. Благодаря им историки имеют возможность оценить замыслы профессионалов, стоявших у истоков реформы, оценку ее хода и итогов руководителями предприятий и целых отраслей хозяйства, финансовыми и партийными деятелями.

При этом практически вне поля зрения исследователей остается пласт источников, связанный с влиянием реформы на сферу частных финансов, личные деньги населения, доходы и расходы граждан. Некоторое, весьма приблизительное представление об этой области позволяет составить эпистолярное наследие современников реформы (прежде всего переписка классиков литературы, выдающихся деятелей искусства и науки), дневники и мемуары. Основная проблема этой группы источников в их отрывочности и субъективности. Как правило, эпизоды, связанные с экономикой, в них вторичны, приводятся скорее в качестве иллюстрации иных, более важных для авторов сюжетов.

Тем большую ценность для историков представляют источники, посвященные непосредственно сфере доходов и расходов отдельной семьи и позволяющие делать выводы о их динамике. Одним из таких (увы, весьма немногочисленных) источников, являются дневники и приходно-расходная книга Иосифа Петровича Голубева (1873–1962), на момент описываемых событий – многодетного отца и кормильца большой семьи, квалифицированного рабочего, одного из первых в БССР Героев Труда (с 1933 г.).

Дневники, частично изданные в 2002 г. [12], давно стали библиографической редкостью. Приходно-расходная книга до сегодняшнего дня не опубликована, находится в фондах Национального исторического музея Республики Беларусь (КП НИМ РБ 9313/26) [9]. Книга эта велась И. П. Голубевым на протяжении более полувека (с 1896 по 1947 г.); начата она 12 мая 1896 г., в период прохождения ее составителем военной службы. Часть записей (за 1915–1921 гг. и 1941–45 гг.) проанализированы автором ранее [5, 6, 7]. При подготовке данной статьи возникла необходимость в унификации используемых И. П. Голубевым различных сокращений.

Сами записи в приходно-расходной книге неоднородны. Первая из них указывает на имеющуюся на руках у И. П. Голубева на момент начала военной службы (май 1896 г.) сумму; затем следует общая сумма за весь период

военной службы (сентябрь 1896 – август 1900 г.), т. е. почти 4 года [9, с. 1]. Позднейшие записи предельно краткие; с 1900 г. расходы и доходы, фиксируются несколько раз за год, иногда указывается их структура: конкретные источники и виды заработка, расходы на «проезд», «продовольствие», «одежду», «лечение», «квартиру», «мелкие расходы» и чрезвычайные (напр.: «августа, 15, 1900 г. – пара колец золотых 56 пробы – 5 р. 15 к., за венец и брачную материю – 8 р. 90 к., за помещение и закуску – 20 р. 73 к., за жену заплатил за проезд на родину – 16 р. 67 к.» [9, с. 2]; «октября 21, 1901 г. родилась дочка Лиза, последовали расходы 7 р. 50 к., крезьбины (так в тексте) обошлись в 13 р. 30 к.» [9, с. 2]), фиксируются общие суммы за год.

С 1915 г. (вероятно, в связи с ростом цен) доходы и расходы записываются ежемесячно, с подведением итога в конце года [9, с. 7–12]). С марта 1917 г. записи вносятся несколько раз в месяц, расходы расписываются очень подробно (например, записи от ноября 1917 г.: «1 ноября 1917 г.: выдал жене на продукты 230 р. 10 коп.; Лизе 30 р. и Настеньке (дочери. – прим. автора) – 20 р.; 3 ноября: детям на семечки – 4 р.; в продовольственную комиссию членский взнос – 10 р., 15 ноября: получил паек продуктов в продуктовом комитете – 14 р. 05 к.» [9, с. 16]). В 1919 г. появляются пересчеты стоимости продуктов, в которых велся натуральный обмен на деньги: «9 ноября 1919 г. купил капуста головками 3 п. на обмен солью 1 ½ ф. – 300 р.; 7 декабря 1919 г. за 4 ½ ф. соли получил 2 п. 35 ф. овса и за 1 ½ керосину 1 п. 30 ф. капуста головками свежей, за 2 ф. соли выменял 2 поросенка 6 ф. с лишним и 4 ф. коровьего масла за 4 ф. соли; стоимость соли 11 ф. – 4 800 р.» [9, с. 29–30]. С середины 1919 г. появляются указания, в какой валюте выделялись суммы («николаевские») [9, с. 24], позже – упоминаются советские и керенки («27 июля 1920 г. послал жене денег советскими – 2 500, керенками – 1000 р.» [9, с. 40]). Благодаря подробным записям складывается четкая картина финансовых реалий большой семьи в период, предшествующий началу реформы «золотого червонца» (рис. 1); событий и явлений, приведших к острой необходимости в ней: рост цен, параллельное обращение валют, обесценение денежной массы, переход на натуральный обмен.

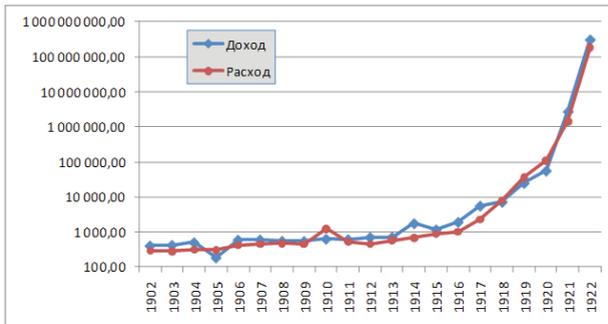

Рис. 1. График доходов и расходов семьи Голубева за 1902–1922 гг.

Начало первого, во многом подготовительного периода реформы исследователи связывают с серединой 1921 г., когда в ходе острых дискуссий было принято решение о проведении денежной реформы, выбран единый, четко определенный путь проведения и содержания реформы. В ходе этого периода, длившегося до ноября 1922 г., была произведена первая деноминация: выпущены в обращение денежные знаки образца 1922 г., с обменом на них изымаемых из обращения купюр прежних образцов в соотношении 1:10 000; подготовлена и осуществлена эмиссия Государственным банком РСФСР банковских билетов («червонцев») [2, с. 3].

В октябре 1921 г. И. П. Голубев сменил место работы, поступив в Мингуб. Совпробел в качестве сотрудника Совпробела, но вместо этого получил должность зав. кооператива с окладом жалования в месяц 307 000 р. и пайком в 300 000 р. [9, с. 45]. Начиная с того же, 1921 г., в приходно-расходной книге И. П. Голубева все чаще фигурируют пяти-, шести-, семизначные цифры. В 1922 г. в суммы как в графе «доход», так и в графе «расход» приближаются к астрономическим. Например, встречаем записи: «от 23 апреля по 3 ноября 1922 г. заработал на двух домах, сделал столярку за 100 пудов зерна ржи 1 050 000 000 р.» [9, с. 45]; в графе расходов фигурируют от 12 января 1922 г.: «1 катушка ниток белых – 11 500, 1 кусок мыла – 11 000 р.» [9, с. 46], от 14 мая «платок шерстяной Лизе – 11 000 000 р.» [9, с. 46]. И это обычный для рассматриваемого периода порядок цен. Интересно, что в 1922 г. о деноминации в приходно-расходной книге никаких упоминаний нет.

Второй этап, длившийся немногим более года (с конца 1922 г. по февраль 1924 г.) связан со второй деноминацией, в ходе которой была проведена эмиссия государственных денежных знаков РСФСР образца 1923 г. (1 р. образца 1923 г. = 100 р. дензнаками 1922 г. = 1 млн р. дензнаками, выпускавшимися до 1922 г.) и характеризуется параллельным хождением стремительно обесценивавшихся совзнаков и червонцев.

Начало второго этапа денежной реформы совпало для И. П. Голубева с очередной сменой места работы. Первая запись в 1923 г. (от 5 января) заслуживает публикации без купюр: «Получил авансу из завода «Энергия» – 100 000 000 р. 9 декабря 1922 г., суббота, поступил на завод модельщиком и проработал уже три недели, по 1 января 1923 г. Оклад жалования еще не знаю» [9, с. 47]. Вероятно, в условиях стремительного обесценения денег ответственные сотрудники просто не могли дать сколь-нибудь точную информацию по размеру оклада. Интересно, что в среднем в графе «Приход» в 1923 г. в месяц появляется 5 (а иногда и больше) записей: несколько авансовых выплат, несколько выплат жалования, приработок [9, с. 47, 49, 51]. Можно предположить, что практика столь частых выплат непосредственно связана с высокими темпами обесценения денег.

Тут же, от 11 января, он пишет «Получил полностью жалование за декабрь месяц, за 18 дней, плюс к этому авансу сто миллионов – 148 031 000 р. – 308 р. 31 к.» [9, с. 47]. С этого момента в книге идет регулярный пересчет совзнаков в иную, новую валюту. А начиная с 3 февраля 1923 г. в записях исчезают колоссальные суммы с многими нулями, уступая место относи-

тельно скромным на их фоне трехзначным цифрам, с указанием «денежными знаками 1923 г.» [9, с. 47], а на полях появляется приписка «дензнаки 1923 г. равняются 1 р. – 1 млн прежнего выпуска» [9, с. 48]. Таким образом, первая доминация (1922 г.) никак не зафиксирована И. П. Голубевым; вторая же, 1923 г. уже заслужила не только простого пересчета денежных знаков, но и отдельного упоминания.

Любопытны записи этого периода в графе «Расходы». В том же феврале 1923 г., кроме повседневных покупок, встречаем: «профсоюзный вступительный членский взнос – 15 р. 55 к. [...], в союз дополнительно, за январь – 2 р. 50 к., [...], уплатил за облигацию – 45 р., за газету «Звезду» – 7 р., в пользу заключенных – 5 р., [...], купил 2 книги – 21 р.: 1-я – «Полит. экономия» Каутского (15 млн), 2-я – «Азбука коммунизма» Бухарина (6 млн)» [9, с. 48]. Указанные расходы отражают сразу несколько важных, характерных для рассматриваемого периода явлений. Это профсоюзная, политическая и социальная активность рабочих (в данном случае сложно сказать, добровольная или «добровольно-принудительная», т. к. И. П. Голубев принял активное участие в событиях революции 1905 г., накануне революций 1917 г. был казначеем ж.-д. ячейки, и всю жизнь оставался убежденным большевиком), пересчет уплаченного за книги на «старые деньги» – миллионы, и, главное – покупка облигации, вероятно, первого советского денежного займа.

Летом 1923 г. суммы в обеих графах («Приход» и «Расход») резко возрастают, став четырехзначными, и, появляются упоминания товарных рублей. Товарный рубль – один из условных измерителей, принятых экономистами в период реформы 1922–1924 гг. Впервые И. П. Голубев использует его в записи от 9 июля 1923 г. в графе «Приход»: «товарными – 5 р. 40 к., получил за 6 дней сов. – 630 р.» [9, с. 51].

С сентября 1923 г. в приходно-расходной книге появляются упоминания денежных поступлений и расходов в червонцах: «получил приработку за 9 дней $\frac{1}{2}$ ч. за август», с расчетами « $2\ 600 + 400 = 8\ 000/1\ 000 = 9000$ »; «получил авансу за сентябрь месяц 1 черв. – 2 600 р.» [9, с. 51], «получил жалованье за последнюю половину сентября – 1 черв. – 3 060 р.» [9, с. 51], «дал жене 1 червонец зол. 2 600» [9, с. 54], и т. д.).

Товарный рубль и червонцы будут появляться в записях Голубева и позже, но уже вместе. С конца 1923 г. (октябрь–декабрь) записи в графе «Приход» все больше напоминают математическую задачу или ребус: «Получил авансу 5 250. 1 черв. 25 р – 5500; получил авансу $\frac{1}{2}$ черв. – 3200 р.; получил приработку за 6 дней $1\ \frac{3}{4}$ ч. 4 р. 90 к. т. – 5880, курс т. р. 1200 р. совзнаками [...], получил авансу за ноябрь 11 000, курс т. р. 1640 р., курс черв. – 11 000 р. [...], получил авансу за декабрь месяц первую неделю 10 000, кооперативных купонов 3 р. (приписка карандашом – «5 010 перенос»), курс т. р. – 2 450 р., черв. 16 700 р.» [9, с. 53]. Тут же: «Примечание: 16 700 р. нужно считать 16 млрд. 700 млн» [9, с. 53]. Сложно сказать, о каких кооперативных купонах здесь идет речь. Можно лишь предположить, что это – призванные смягчить разразившийся разменный кризис денежные суррогаты, нелегально выпускавшиеся в 1923–24 гг. многими предприятиями и организациями.

Схожа с предыдущей запись от 15 декабря 1923 г.: «получил жалование по 15 число декабря включительно, с приработком за 4 д. 3 ч. (прим. автора – 4 дня 3 часа?) – 10800 р., за ноябрь месяц и майскую разницу в сумме 13 р. черв. – 5 000 р. На сов. знаки – 30 000 р., курс т. р. 3 100 р., курс черв. – 19 100 р.» [9, с. 55]. Не уступают им в информативности и передаче духа времени записи графы «Расход» за январь 1924 г., где совзнаки и червонцы в указании выданных семье сумм сменяют друг друга: «1 января 1924 г. выдал жене на продукты 2 р. 50 к. черв. исчисления, 9 января – тоже дал жене на продукты – 35 000 совзнаками, 23 января – семейству на продукты – 45 000 совзнаками, дал Лизе на 2 облигации выйгр. – 61 000, дал жене на продукты – 53 360» [9, с. 56].

Запись середины декабря 1923 г. на полях приходно-расходной книги указывает на столкновение И. П. Голубева как квалифицированного рабочего (модельщика) советского предприятия (завод «Энергия») с практикой принудительного размещения облигаций натуральных и денежных займов: «из заработка на 15 декабря высчитано на сахарный заем в 20 ф. 7 р. черв. и 12 % на золотой заем «Союз» в кассу. Такую сумму высчитывают с 1-го сентября 1923 г. по 1 января 1924 г.» [9, с. 55]. Сухая, без сколько-нибудь явных эмоций запись отражает реалии, связанные с постановлением о выплате 10 % зарплаты облигациями золотого займа (причем в провинции этот процент значительно превышался), в связи с отказом населения приобретать их из-за массовой задержки жалования и нехватки денег на местах.

Таким образом, второй этап реформы освещен в приходно-расходной книге И. П. Голубева значительно полнее первого, четче зафиксированы основные его черты: деноминация, совзнаки и червонцы, пересчет денежных сумм на прежние миллионы и новые товарные рубли по курсу, принудительное размещение облигаций натуральных и денежных займов в счет зарплаты на предприятиях.

На третьем, заключительном этапе реформы, с февраля по лето 1924 г., был осуществлен выкуп совзнаков у населения по установленному курсу (из расчёта один золотой рубль в новых казначейских билетах = 50 тыс. рублей в совзнаках 1923 г.) и полное изъятие их из обращения (август 1924 г.) [2, с. 12] (итого, в ходе денежной реформы 1922–1924 гг. рубль деноминировали в 50 млрд. раз). Была введена единая, основанная на золотом счислении валюта.

В записях основных граф приходно-расходной книги И. П. Голубева за февраль–март продолжают и получают дальнейшее развитие начатые еще в октябре сложные пересчеты сумм между тремя валютами (совзнаками, червонцами и товарными рублями). Здесь же, в записях за февраль, встречаем уже знакомые нам купоны кооператива: «февраля 2, сам расходовал на чай, сахар и табак 5 черв. р. купонами кооператива, дал жене на продукты – 4 р. черв, 9 февраля – жене на расход 120 000 совзнаками» [9, с. 56]. И, тут же: «17 февраля. Отчислил в пользу 41-му кавалерийскому подшефному полку в память посещения мною полка 10 черв. р.» [9, с. 56]. Сейчас сложно сказать, насколько добровольным было это пожертвование...

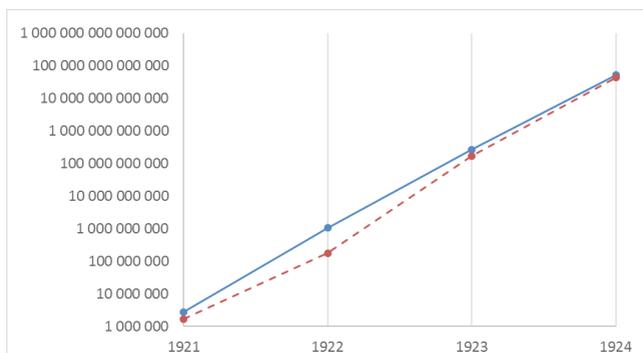
Последний раз И. П. Голубевым курс товарного рубля, совзнака и червонца приводится по состоянию на 23 февраля 1924 г.: «курс т. р. 24 000 совзнаков, червонца – 192 000 совзнаками» [9, с. 57]. Уже следующая запись в графе «Доход» (от 9 марта 1924 г.): «получил денег (? не разб.) за 2-ю пол. февраля, 5 д. 3 ч., приработку за 17 д. 3 ч. по твердому паритету 28 р. черв. Здесь же на полях, читаем: «с 1-го марта перешли на твердую валюту – т. р. – 162 ½ червонных» [9, с. 57]. Тем не менее, в графе «Расходы» записи в феврале указываются в двух валютах: «23 февраля: выдал семейству на продукты – 15 р. черв., расходовал на конку – 6 000 р. совзнаками» [9, с. 56], и вплоть до мая регулярно встречается уточнение «в черв. р.» [9, с. 56].

Третий этап реформы 1922–1924 гг., длившийся до августа 1924 г. для материалов приходно-расходной книги И. П. Голубева, фактически завершается в марте. Редкие позднейшие приписки «в черв. р.» можно отнести к привычке, сформировавшейся у ответственного и скрупулезного человека за предыдущие, весьма непростые годы.

Таким образом, записи приходно-расходной книги отца и кормильца большого семейства, грамотного, политически активного, квалифицированного рабочего И. П. Голубева отражают как основные экономические реалии денежного обращения начального периода НЭП (стремительное обесценение совзнака, деноминации, счет на товарные рубли, параллельное обращение совзнака и червонцев, появление денежных суррогатов и принудительное размещение на предприятиях облигаций первых советских займов), так и сам дух того сложного и противоречивого времени.

Несомненно, итоги реформы «золотого червонца» были положительными. Удалось сделать очень многое: вывести из обращения колоссальную, крайне пеструю и полностью обесценившуюся бумажную денежную массу, восстановить финансово-кредитную систему, ввести новую, основанную на золотом счислении твердую валюту. Тем не менее, хотя денежная реформа 1922–1924 г. стала хрестоматийным примером «экономического чуда» и стремительного выхода из пике гиперинфляции при крайне неблагоприятных сопутствующих обстоятельствах, счет на миллионы и миллиарды остались в прошлом, в денежном хозяйстве как страны, так и в сфере частных финансов, наблюдалась существенная инфляция (рис. 2).

К сожалению, плодами успешно проведенной реформы «золотого червонца» страна смогла пользоваться всего несколько лет. Уже во второй половине 1925 г. разразился кризис, связанный с просчетами экономической политики. В 1926 г. Госбанк отказался обменивать червонцы на иностранную валюту, позже на вывоз ее за границу был наложен запрет, а с 1928 г. в СССР введена карточная система, конвертируемость червонца превратилась в фикцию.

(сплошная линия – приход, пунктир – расход)

Рис. 2. График доходов и расходов семьи Голубевых в 1921–1924 гг. (в пересчете на совзнаки)

Список использованных источников

1. Бронский, М. Г. За оздоровление денег: (о денежной реформе) / М. Бронский. – М.: Красная новь, 1924. – 27, [2] с.
2. Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы / сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, В. С. Пушкарев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 863 с.
3. Каценеленбаум, З. С. Денежное обращение России 1914–1924 / проф. З. С. Каценеленбаум. – М.; Л.: Экономическая жизнь, 1924. – 192 с.
4. Кузовков, Д. В. Основные моменты распада и восстановления денежной системы / Д. Кузовков. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1925. – 485 с.
5. Латушкова, Ю. П. Дневники и приходно-расходная книга Иосифа Голубева: деньги рядового горожанина в экстремальных условиях (1916 февраль 1917 гг.) / Ю. Латушкова // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць: (да 945-годдзя Мінска): зб. навук. арт. / уклад. А. І. Груша; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – С. 376–383.
6. Латушкова, Ю. П. Деньги одной семьи в период кризиса: приходно-расходная книга Иосифа Голубева / Ю. Латушкова // Девятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 18–22 апреля 2017 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2017. – С. 199–201.
7. Латушкова, Ю. П. Три войны в зеркале бюджета одного рабочего: приходно-расходная книга И. П. Голубева как источник по частным финансам в период военных кризисов / Ю. Латушкова // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. Тверь, 24–29 мая 2021 г. Тезисы докладов и сообщений. – Тверь, 2021. – С. 250–251.

8. *Лоевецкий, Д. А.* Валютная политика СССР / проф. Д. А. Лоевецкий. – М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1926. – 108 с.
9. Национальный исторический музей Республики Беларусь (НИМ РБ). – КП НИМ РБ 9313/26. – Приходно-расходная книга И. П. Голубева. – подлинник.
10. *Соколов, А. А.* Проблемы денежного обращения и валютной политики / А. А. Соколов. – М.: Изд-во Фин.-Эконом. Бюро Н.К.Ф., 1923. – 304 с.
11. *Сокольников, Г. Я.* Финансовая политика революции: в 2 т. / Г. Я. Сокольников. – М.: О-во купцов и промышленников России, 2006.
12. «Счастье мое...» Дневники Иосифа Голубева 1916–1923 гг. / сост. А. А. Клышко – Минск: Изд-во «Энциклопедикс», 2002. – 448 с.
13. *Тарновский, В. В.* Вопросы денежного обращения и Госбанк / В. В. Тарновский // Вопросы банковской политики: сб. статей. – М.: Изд-во Правления Госбанка РСФСР, 1922. – С. 12–19.
14. *Юровский, Л. Н.* Денежная политика советской власти (1917–1927) / Л. Н. Юровский. – М.: Финансовое изд-во, 1928. – 401 с.

Список сокращений

- выйгр. – выйгрыш, выйгрышный
г. – год
гг. – годы
д. – день, дни
ж.-д. – железнодорожная
зол. – золотом
изд-во – издательство
млн – миллион
млрд. – миллиардов
напр. – например
НЭП – новая экономическая политика
п. – пуд
полит. – политическая
прим. – примечание
р. – рубли
рис. – рисунок
сб. – сборник
см. – смотри
сов. – советский, советские
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
т. е. – то есть
т. р. – товарные рубли
ф. – фунт
ч. – час, часы
черв. – червонных

(Дата поступления: 15.06.2023).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖАЩИХ ГУБЕРНСКИХ АКЦИЗНЫХ УПРАВЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД 1863–1897 ГГ.

Веретило Ю. В.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь

В статье представлена характеристика служебной деятельности чиновников губернских и окружных акцизных управлений на территории белорусских губерний Российской империи в 1860–1890-е гг. Раскрыта сущность и проведен анализ служебных обязанностей служащих, представлены особенности их деятельности. Рассмотрен процесс развития деятельности губернских акцизных управлений в зависимости от эволюции процесса производства подакцизной продукции.

Ключевые слова: акциз; губернские акцизные управления; деятельность; служащие.

ACTIVITIES OF THE EMPLOYEES OF THE PROVINCIAL EXCISE OFFICES ON THE TERRITORY OF BELARUS DURING THE PERIOD 1863–1897

Veratsila Y. V.

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

The article describes the activity of the officials of provincial and district excise administrations in the Belarussian provinces of the Russian Empire in the 1860s – 1890s. The essence of their service duties is revealed and the peculiarities of their work are described. The process of development of the activity of provincial excise administrations depending on the evolution of the production process of excise-taxed products is shown.

Keywords: excise tax; provincial excise departments; activity; employees

Во второй половине XIX в. в социально-экономической и политической сферах жизни российского общества отчетливо обозначились кризисные явления. Несовершенство экономической системы и усиление взяточничества в госструктурах негативно отражались на бюджете страны [1, с. 577]. Помимо этого, значительно усилилось недовольство населения винными откупам, доля которых в государственном бюджете составляла порядка 1/3 [2, с. 97]. Тяжелым бременем для экономик стала и Крымская кампания, в результате которой государство исчерпало все возможные финансовые ресурсы для обеспечения потребностей армии. Все вышеуказанное способствовало тому, что в начале 1859 г. обозначились кризисные явления, что послужило толчком к проведению экономических преобразований.

В результате экономических реформ в 1863 г. в Российской империи была введена акцизная система налогообложения спиртосодержащей продукции. Ее целью было создание такой системы контроля, которая способствовала бы увеличению государственных доходов и при которой возможные злоупотребления не влияли бы на их размер. Исходя из целей в 1863 г. на территории Российской империи, в том числе и белорусских губерний, были созданы местные учреждения Министерства финансов, осуществлявшие администрирование акцизных сборов – губернские и окружные акцизные управления.

Первоначальной задачей указанных учреждений был сбор налога со спиртосодержащей продукции, а в их составе предусматривались должности губернского управляющего акцизными сборами, его помощника, ревизоров, секретаря, бухгалтера и его помощника [3, с. 83].

Руководство деятельностью губернского акцизного управления было возложено на управляющего. Губернский управляющий акцизными сборами нес персональную ответственность за успешный ход дела на подведомственной территории. Высокая личная ответственность подразумевала только один принцип руководства – единоначалие. Ввиду этого сама деятельность губернского акцизного управления подразумевала не обсуждения каких-либо законодательных мер, а осуществление строжайшего контроля за установленным порядком и ограждение интересов казны [4, с. 69]. Руководитель акцизного ведомства был наделен широкими управленческими полномочиями и имел ряд функциональных обязанностей, среди которых необходимо отметить контроль за соблюдением правил производства (продажи) подакцизной продукции; контроль за деятельностью подчиненных лиц; прием и увольнение служащих; надзор за поступлением доходов, соблюдением правил учета и отчетности, обобщение полученных данных и их анализ; принятие решений по нарушениям акцизного законодательства [3, с. 13].

Анализ источников позволяет утверждать, что выполнение губернским управляющим своих обязанностей осуществлялось линейным способом через подчиненных с последующей проверкой совершенных ими операций [5]. Контроль выполнения распоряжений осуществлялся путем проверки представляемых управляющему донесений и путевых журналов, в которых отражались сведения о повседневной деятельности окружных надзирателей и их помощников [6]. Путевые журналы были персональными и позволяли оценить деятельность каждого из чиновников в отдельности. Они ежемесячно предоставлялись окружными помощниками своему надзирателю, а им, после анализа и обобщения, в губернское акцизное управление. Первоначально губернским управляющим сверялась полнота охвата подчиненными лицами мест производства и реализации подакцизных товаров губернии. В дальнейшем проводился анализ сути проведенных проверок, выявленных нарушений акцизного законодательства. Путевые журналы позволяли осуществить оценку степени соблюдения законодательства в области косвенного налогообложения лицами, осуществляющими производство и продажу подакцизных продуктов, оперативно реагировать на все изменения и принимать соответствующие меры для охраны государственного интереса.

Контроль за соблюдением правил производства подакцизной продукции осуществлялся управляющим путем анализа предоставляемых из окружных акцизных управлений документов, на право осуществления определенного вида деятельности (свидетельств, описей, чертежей) [7].

Надзор за своевременностью поступления доходов с подакцизных продуктов осуществлялся путем сличения сведений из окружных акцизных управлений и из уездных казначейств о количестве внесенного в бюджет акциза и патентного сбора за право производства или продажи товаров, денежных взысканий с виновных лиц. Подлежащая к поступлению сумма акциза определялась как произведение ставки акциза и количества реализованных товаров. Сведения о количестве отпущенной заводами продукции ежемесячно представлялись из округа губернскому управляющему акцизными сборами.

Кроме указанных мероприятий управляющий осуществлял ежегодную личную ревизию губернии, что позволяло оценить деятельность подчиненных лиц и ход акцизного дела, проверить соответствие предоставляемой информации реальному положению дела [8].

Наряду с руководящими функциями значительное внимание управляющими акцизных управлений белорусских губерний уделялось вопросам профессиональной подготовки и воспитания подчиненных лиц [9; 10].

Должности помощника управляющего акцизными сборами и ревизоров не предусматривала строго регламентированных обязанностей. Основное их предназначение заключалось в исполнении распоряжений руководителя акцизного ведомства [11, с. 350]. Их значение во многом было схоже, но имели и различия. Так помощник исполнял обязанности управляющего при его отсутствии по служебной необходимости, болезни или в период отпуска. Кроме этого, помощник не имел права принимать или увольнять служащих, рассматривать дела, адресованные лично управляющему, а также отдавать распоряжения, которые отменяли бы ранее принятые решения управляющего [11, с. 350]. Несмотря на законодательно установленные запреты на территории белорусских губерний в первоначальный период действия акцизной системы имели место случаи систематического нарушения помощниками своих обязанностей, выразившиеся в приеме на работу служащих [12]. Данная мера была вынужденной и была обусловлена необходимостью своевременного укомплектования губернских акцизных управлений специалистами на этапе становления акцизной системы.

Секретарь, бухгалтер и его помощник не имели законодательно установленных обязанностей. Их деятельность регламентировалась указаниями и распоряжениями управляющего акцизными сборами. Анализ источников позволяет утверждать, что на территории Беларуси функции бухгалтера и его помощника заключались в ведении учетно-отчетной документации, а секретаря – в ведении делопроизводства [13].

Таким образом, одна из ключевых функций губернских акцизных управлений на территории белорусских губерний заключалась в организации функционирования и контроле повседневной жизнедеятельности подчи-

ненных подразделений. Непосредственный же контроль за местами производства и продажи подакцизных товаров на местах осуществляли служащие окружных акцизных управлений.

Окружное акцизное управление состояло из надзирателя акцизными сборами, его помощников, бухгалтера (письмоводителя) и надсмотрщиков на винокуренных заводах [3, с. 83].

Основное предназначение окружного акцизного надзирателя заключалось в осуществлении непосредственного контроля за соблюдением требований законодательства по порядку производства и реализации подакцизных продуктов в вверенном округе, а также организация работ подчиненных помощников. В свою очередь деятельность надзирателя включала следующие направления:

1. Проверку заводов и установленной на них документации, измерение оборудования, предназначенного на производства обложенных акцизом продуктов;

2. Выдачу свидетельств на право производства и патентов на право реализации товаров;

3. Осуществление надзорной функции за порядком производства и продажи алкоголя, табака, сахара и прочей продукции, обложенной акцизом [3, с. 21].

Окружные надзиратели ежегодно осуществлял проверку действующих заводов на территории белорусских губерний Российской империи перед началом их действия, а новых – по заявлениям заводчиков, с приложением к ним необходимой документации [7]. Применение данной меры позволяло владеть оперативной информацией о состоянии акцизной промышленности, своевременно ознакамливаться с новыми приемами и способами заводского производства.

В ходе проверки заводов, осуществляющих производство спиртосодержащей продукции, надзирателями определялась производственная мощность позволяло определить мощность заводов по производству алкоголя, что позволяло спрогнозировать сумму подлежащих к поступлению доходов от реализации подакцизной продукции, что ранее, при откупной системе, было невозможно [14]. По окончанию проверки заводов надзиратель выдавал их владельцам свидетельства на право осуществления данного вида деятельности.

Патенты на право осуществления торговли подакцизной продукцией выдавались окружными надзирателями при наличии разрешений местных властей, в ведении которых находилась земля, где предполагалось открытие заведения [3, с. 66]. Ввиду значительного числа заведений по реализации акцизных товаров выдача патентов была для надзирателей тяжелым бременем, которое отнимало значительное количество времени от исполнения других обязанностей. Так, только за 1868 г. на территории Витебского акцизного управления количество выданных патентов для заведений по реализации крепких спиртных напитков составило 4149 шт., Гродненского – 7739, Минского – 6920, Могилевского – 6115 [15, с. 507]. Для облегчения деятельности

руководителей окружного акцизного управления министерство финансов разрешило помощникам окружного надзирателя, в случае отсутствия начальника, выдавать свидетельства и патенты [11, с. 352]. Несмотря на перераспределение обязанностей ответственность надзирателя за правильность выдачи указанных документов подчиненными лицами была сохранена.

Значительную часть служебного времени надзирателей занимала проверка мест производств и реализации подакцизных товаров, что предполагало разъездной характер работы. Обязанности окружных надзирателей в данной сфере были аналогичны обязанностям губернского управляющего с тем лишь различием, что проверка ими в вверенном округе должны были проводиться лично и как можно чаще. На территории белорусских земель данный вид деятельности осуществлялся надзирателями ежемесячно [16]. В ходе инспектирования особое внимание уделялось надзирателями выявлению приспособлений, предназначенных для незаконного производства продукции, ведению учетно-отчетной документации, проверке своевременности внесения акциза в казначейства [17].

Помощники руководителя окружного акцизного ведомства в своей деятельности руководствовались указаниями и распоряжениями надзирателя. Основное их предназначение заключалось в проверке мест производства и реализации товаров, обложенных акцизом, и организация деятельности подчиненных служащих – надсмотрщиков на винокуренных заводах [11, с. 353]. Вместе с тем обязательным было участие помощников при проверке мест производства спиртосодержащей жидкости для выдачи свидетельств [18].

Особое место в структуре окружного акцизного управления принадлежало надсмотрщикам, являвшимся представителями государственной власти в местах непосредственного производства товаров, обложенных акцизом. Надсмотрщики имели важное значение в структуре акцизной системы, т. к. являлись первичным контролирующим звеном, напрямую взаимодействующим с производителями и продавцами подакцизных товаров. От их компетентности, честности и добросовестности во многом зависел успех достижения целей акцизной системы. Несмотря на то, что должность надсмотрщика была первоначальной в структуре акцизного ведомства он был незаменим в противостоянии интересов казны и частных лиц. Обширность акцизных округов и совершенная непригодность путей сообщения не позволяла даже самым усердным акцизным чиновникам в полной мере справиться с исполнением обязанностей [19]. В свою очередь надсмотрщики постоянно находились на заводе и контролировали процесс производства подакцизных товаров.

Характер службы надсмотрщиков предусматривал постоянный контроль процесса производства в период действия заводов. Анализ ряда архивных документов позволил определить круг их деятельности на территории белорусских губерний. Так они обязаны были присутствовать при всех операциях на винокуренных заводах, связанных с процессом производства спиртосодержащей продукции и следить за тем, чтобы:

1. Начало производства осуществлялось не ранее срока, установленного в свидетельстве.

2. Количество необходимого для производства сырья взвешивалось и вносилось в соответствующие книги учета.

3. Не было никаких отступлений от технологического процесса производства алкоголя; чтобы весь приготовленный продукт был учтен в полном объеме и своевременно сдан на хранение, а его отпуск осуществлялся только после оплаты акцизом [20].

Таким образом, окружной надзиратель и заводские надсмотрщики имели ключевое значение в системе акцизного контроля, они были связующим звеном между государственной властью и производителями (продавцами) подакцизных товаров. Именно от их компетентности во многом зависел финансовый успех акцизной системы в целом.

Такова была первоначально введенная система акцизного контроля. Она была несовершенной и имела ряд противоречий и недостатков. Основные из них заключались в том, что выстроенная управленческая вертикаль, отсутствие служебных преимуществ, которыми пользовались чиновники акцизных управлений, не позволяла надсмотрщикам, являющимся первичным звеном во всей акцизной системе, в полной мере реализоваться как специалистам. Поставленные в жесткие ограничительные рамки, подчинявшиеся в решении тех или иных вопросов акцизным чиновникам, надсмотрщики чувствовали себя формальным довеском местной акцизной структуры [19]. При этом надсмотрщики обязаны были предотвращать замеченные нарушения, давать указания по соблюдению акцизного законодательства и правил производства спирто-содержащих товаров, контролировать действия заводских рабочих, постоянно находиться и жить с ними на заводах. Все это приводило к тому, что надсмотрщики становились единственной преградой в деле незаконного (тайного) производстве алкоголя. В этой связи не редки были случаи того, когда к надсмотрщикам со стороны заводской администрации применялись различные меры воздействия. Одни заключались в выстраивании преград заводской администрацией, что усложняло деятельность надсмотрщиков, другие – в предоставлении определенных благ. Предоставление благ владельцами заводов представителям государственной власти на заводах было наиболее эффективной мерой для сокрытия осуществляемых на заводе нарушений [19].

Несмотря на постоянную ротацию кадров, увеличивающуюся ставку акциза, в полной мере искоренить коррупционные проявления в акцизном среде было практически невозможно [21].

Значительно сказывался на деятельности чиновников недостаток в специальной подготовке. Губернские управляющие акцизными сборами белорусских губерний неоднократно обращали особое внимание на низкий уровень знаний подчиненными лицами положений акцизных уставов [22]. Вместе с тем значительную часть их деятельности занимал процесс обучения подчиненных посредством издания циркулярных распоряжений.

Введение акцизной системы взимания питейных сборов потребовало принятия мер для ограждения интересов казны от незаконного проникно-

вения контрабандной продукции с приграничных с империей территорий. Таким образом в 1862 г. в структуре Гродненского губернского акцизного управления была введена корчемная стража, основное предназначение которой заключалось в охране финансовых интересов государства и предотвращения незаконного провоза алкоголя с территории Польши [23]. Решением Государственного совета в 1875 г. корчемная стража была переведена с территории белорусских губерний на границу империи с иностранными государствами.

Расширение сферы деятельности губернских акцизных управлений произошло в 1864 г. с передачей в их ведение акциза с табака и сахара [24, с. 77]. Все дела по заведыванию указанными видами акциза были возложены на губернского управляющего акцизными сборами. Возложение новых направлений деятельности повлекло за собой перестраивание существовавшей ранее системы акцизного контроля. Так на окружных надзирателей и их помощников были возложены дополнительные функции контроля за местами производства и реализации табачной и сахарной продукции. Функции эти были аналогичны тем, которые они выполняли по питейной части. В структуре же окружных акцизных управлений появились новые специалисты, контроллеры при табачных фабриках, функции которых были аналогичны функциям надсмотрщиков при винокуренных заводах.

В период 1866–1880 г. акцизные управления были возложены контроль за производством и реализацией соли [25, с. 521]. С введением в 1872 г. акциза на нефть его заведывание также было передано в губернские акцизные управления.

Расширение сферы деятельности губернских и окружных акцизных управлений, изменение способов производства подакцизной продукции, находило свое непосредственное отражение на развитии и функционировании губернских акцизных управлений. С введением в 1868 г. на территории Гродненской и Минской губерний, а в 1871 г. на территории всей империи приборов учета выхода готового алкоголя на винокуренных заводах изменилась ранее существовавшая система контроля, которая исключала первоначально введенный инструмент – надсмотрщиков [26]. Контрольный снаряд исключал случаи коррупционных проявлений, а вся деятельность акцизных служащих была сосредоточена на обеспечении его сохранности и бесперебойного функционирования. Таким образом, постоянные надсмотрщики на каждом винокуренном заводе были заменены разъездными, в ведении которых было несколько мест производства и продажи спиртосодержащей жидкости.

Первоначально выстроенная система контроля имела и ряд недостатков. Так в циркулярных предписаниях управляющие акцизными сборами белорусских губерний неоднократно отмечали случаи формального и халатного исполнения служебных обязанностей чиновниками акцизного ведомства [27]. Многие из недостатков были обусловлены возрастающей бюрократией в делопроизводстве акцизных управлений. Кроме этого, сказывалась недостаточная обученность лиц акцизного надзора и значительное количество подконтрольных мест. Проявила себя и проблема недостатка узкопрофиль-

ных специалистов в структуре акцизного ведомства. Уже в 1885 г., в результате пересмотра штатов акцизных управлений, был сокращен помощник губернского управляющего акцизными сборами, а взамен него введены техник и чиновника по судебной части [28, с. 186].

Основное предназначение техника заключалось в обеспечении функционирования контрольных виноизмеряющих снарядов на винокуренных заводах, а чиновника по судебной части – подготовка материалов для рассмотрения дел по нарушениям акцизных уставов.

Таким образом, деятельность губернских акцизных управлений на территории Беларуси в период 1863–1897 гг. была направлена на становление и развитие новой системы взимания косвенного налога, решение правительственной задачи по увеличению доходов, осуществление контроля за местами производства подакцизных товаров.

Становление губернских акцизных управлений происходило при сопротивлении значительного количества государственных служащих, находившихся на дотации при ранее существовавшей откупной системе взимания питейных сборов, но это никак не повлияло на выполнение задач чинами акцизного ведомства. Служебная деятельность служащих имела ряд отличительных черт: преданность и добросовестность при исполнении порученного дела, разъездной характер работы.

Доля поступлений акциза в общем объеме государственных доходов за указанный период составляла не менее 1/3 [29, с. 640]. Данный факт позволяет утверждать, что правительственная задача, несмотря на имевшие место недостатки среди акцизных служащих, была выполнена в полном объеме.

Список использованных источников

1. Русская старина, ежемесячное историческое издание. – Петроград: Тип. Ломоносова. – 1915. Т. 3. – 743 с.
2. Блиох, И. С. Финансы России XIX столетия: история – статистика: в 2 т. / И. С. Блиох. – С.-Петербург: Тип. Тов. «Общественная польза», 1882. – Т. 1 – 295 с.
3. Положение о питейном сборе. – М.: А. Семен, 1862. – 160 с.
4. Мнение Государственного Совета, удостоенное Высочайшего его Императорского величества утверждения 26 октября 1860 г., О главных основаниях системы взимания питейных сборов в России с 1 января 1863 г. СПб.: Б.М., 1860. – 59 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2162, Оп. 1, Д. 2, Л. 33.
6. НИАБ. – Ф. 30, Оп. 2, Д. 4, Л. 2.
7. Веретилло, Ю. В. О выдаче акцизными управлениями разрешений на право производства и продажи алкогольной продукции в конце XIX – начале XX вв. // Пічэтаўскія чытанні – 2021: 100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 27–28 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Д. Кароль (гал. рэд.) [і інш.]; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. – Мінск: БДУ, 2021. – С. 186–188.
8. НИАБ. – Ф. 30, Оп. 1, Д. 371, Л. 1.

9. НИАБ. – Ф. 2504, Оп. 1, Д. 1, Л. 79.
10. НИАБ. – Ф. 2504, Оп. 1, Д. 1, Л. 91.
11. Соколов, С. И. Акцизные уставы. (1862–1876 г.): Первое самое полное и дешевое издание / С. И. Соколов. – Москва: Тип. И. И. Родзевича, 1876. – 773 с.
12. Веретилу, Ю. В. Губернские акцизные управления на белорусских землях во второй половине XIX в.: создание и структура / Ю. В. Веретилу // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2021. – Т. 13. – № 3. – С. 44–54.
13. НИАБ. – Ф. 30, Оп. 1, Д. 1028, Л. 139.
14. Веретилу, Ю. В. Технологический процесс измерения оборудования для изготовления алкогольной продукции должностными лицами акцизных управлений во второй половине XIX – начале XX вв. / Ю. В. Веретилу // Совершенствование системы подготовки кадров в высшем учебном заведении: перспективы устойчивого развития: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; гл. ред. В. М. Кривчиков; редкол.: В. М. Кривчиков [и др.]. – Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2021. – С. 416–419.
15. Бушен, А. Б. Ежегодник Министерства Финансов / А. Б. Бушен. – СПб., 1871. – 551 с.
16. НИАБ. – Ф. 2504, Оп. 1, Д. 86, Л. 44.
17. НИАБ. – Ф. 30, Оп. 1, Д. 335, Л. 59.
18. НИАБ. – Ф. 30, Оп. 1, Д. 5, Л. 11.
19. Горюшкина, Н. Е. Институт акцизных надсмотрщиков в период свободно-го оборота алкоголя в России (по материалам Государственного архива Курской области) / Н. Е. Горюшкина // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4–1. – С. 67–70.
20. НИАБ. – Ф. 2504, Оп. 1, Д. 1, Л. 128–129.
21. НИАБ. – Ф. 2504, Оп. 1, Д. 100, Л. 9.
22. НИАБ. – Ф. 2504, Оп. 1, Д. 87, Л. 2.
23. Веретилу, Ю. В. Институт корчемной стражи по акцизу с питей на границе с Польшей / Ю. В. Веретилу // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2022. – Т. 1. – № 84. – С. 50–51.
24. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе 1825–1881: в 55 т. – СПб.: II отделение Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. – Т. 39. – Ч. 2. – 1864. – 822 с.
25. Министерство финансов 1802–1902: в 2 ч. / Министерство финансов. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. – Ч. 1. – 626 с.
26. НИАБ. – Ф. 2504, Оп. 1, Д. 386, Л. 1.
27. НИАБ. – Ф. 2504, Оп. 1, Д. 87, Л. 8.
28. ПСЗРИ. Собрание Третье. 1 марта 1881–1913 гг.: В 33 т. – СПб.: Государственная типография, 1885–1916 гг. – Т. 5. – 1885. – 1525 с.
29. Министерство финансов 1802–1902: в 2 ч. / Министерство финансов. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. – Ч. 2. – 692 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

**РОЛЬ ГУБЕРНАТОРА В БОРЬБЕ С ПРЕВЫШЕНИЕМ
ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ
ЧИНОВНИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Радченко М. Л.

Белгородский инженерный юношеский лицей-интернат, Белгород, Россия

Шатохин И. Т.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем как в XIX, так и в XXI вв. На примере Витебской губернии рассматривается местный чиновничий аппарат и показана степень превышения чиновниками должностных обязанностей. В рамках статьи приведены архивные материалы, показывающие методы борьбы губернатора Российской империи с чиновничьим произволом, а также взяточничеством. Архивные материалы представлены записями и воспоминаниями губернатора В. В. фон Валь на момент его губернаторства в Витебской губернии. Взятничество и борьба с ним были наиболее проблемными местными направлениями политики МВД. Не случайно именно В. В. фон Валь был назначен в Витебскую губернию, имевшую высокий уровень взяточничества среди местного чиновничества. В заключении приведены наиболее эффективные методы борьбы с чиновничьим произволом и взяточничеством, используемые губернатором.

Ключевые слова: Витебская губерния; губернатор В. В. фон Валь; взяточничество; превышение должностных обязанностей; коррупция.

**THE ROLE OF THE GOVERNOR IN THE FIGHT AGAINST
ABUSE OF OFFICE AND BRIBERY OF OFFICIALS
IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF VITEBSK PROVINCE)**

Radchenko M. L.

Belgorod Engineering Youth Lyceum-Boarding School, Belgorod, Russia

Shatokhin I. T.

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

The article is devoted to one of the most urgent problems of both the 19th and 21st centuries. Namely, on the example of the Vitebsk province, the local bureaucracy

is considered and the degree of excess of official duties by officials is shown. The article contains archival materials showing the methods of struggle of the governor of the Russian Empire with official arbitrariness, as well as bribery. Archival materials are presented by the notes and memoirs of the Governor V. W. von Wahl at the time of his governorship in the Vitebsk province. Bribery and the fight against it were painful problems of local government. The appointment of governors in «difficult» provinces was a priority direction of the policy of the Ministry of Internal Affairs. It was not by chance that V. W. von Wahl was appointed to the Vitebsk province, which had a high level of bribery among local officials. In conclusion, the most effective methods of combating official arbitrariness and bribery used by the governor are given.

Keywords: Vitebsk province; Governor V. W. von Wahl; bribery; abuse of official duties; corruption.

Превышение должностных полномочий и взяточничество чиновников являются наиболее актуальными проблемами всех времен, едва ли не с «зарождения» бюрократического аппарата. Несмотря на то, что сам термин «коррупция» для XIX в. был не характерен, а в законодательстве Российской империи данный процесс обозначался как «мздоимство» и «лихоимство» [1], борьба государственного аппарата с чиновничьим произволом носила практически такой же жесткий характер, как и в нынешние времена. Немало способствовало этому и назначение в губернии с «наибольшим расцветом произвола» губернаторов, пользующихся доверием руководства Империи и имеющих твердые принципы и действенные методы борьбы с превышающими свои полномочия чиновниками.

Заявленная нами в статье Витебская губерния, на примере которой предполагается рассмотреть наболевший вопрос, являлась, по мнению губернатора В. В. фон Валя, «губернией, в которой большинство чиновников распустило до крайности, а взяточничество достигает больших размеров» [2, л. 9–16].

Но прежде чем рассматривать непосредственно деятельность В. В. фон Валя в Витебской губернии, было бы логично дать общее представление о сложившейся в Российской империи проблеме коррупции и методов борьбы с ней.

Как нами уже было отмечено, понятие «коррупция» в имперском уголовном законодательстве носило название «мздоимство» и «лихоимство», а в рассматриваемый нами период XIX – начало XX в. наряду с указанными терминами фигурировало и понятие «взяточничество», то есть синонимичный вариант, функционирующий и в современном языке [3, с. 71].

Под «мздоимством» понимался процесс, в случае которого «лицо, состоящее на службе, по делу или действию, касающемуся до обязанностей его по службе, примет, хотя и без всякого нарушения сих обязанностей, подарок, состоящий в деньгах, вещах или чем-либо ином» [4, с. 60–68]. «Лихоимством» обозначался процесс «принятие в дар денег, вещей или чего-либо иного за учинение или допущение чего-либо противного обязанностям службы» [4, с. 60–68]. Соответственно, и меры наказания также предполагались различные. Так, за мздоимство чиновнику грозило взыскание двойной цены пре-

поднесенного ему подарка, а в случае получения мзды (взятки) до принятия решения по делу, чиновник запросто мог лишиться и должности. Лихоимство предполагало более строгое наказание – и грозило ссылкой от полутора до трех лет и лишением всех прав [6].

Тем не менее, практика и многочисленные исследования историков, юристов, экономистов [7] показывают, что даже угроза наказания и перспектива лишиться места практически не имела воздействия на чиновников. Благоприятствовало этому и общественное мнение, относившемуся к взяточничеству довольно спокойно. Взятки и подарки попросту считались благодарностью чиновнику за труд, недостаточно оплачиваемый государством, поэтому взятки давались и брались почти открыто. Явление это считалось обыденным и никого не смущало, напротив, на чиновника, не берущего взятки, смотрели с непониманием и подозрением [8].

Государственная власть, вынужденная отчасти мириться с установившимся положением, все же не прекращала попыток борьбы с чиновниками-мздоимцами, хотя общество и считало эти попытки бесполезными.

Одним из средств государственной борьбы, наравне с регулярно издаваемыми актами и изменениями в законодательстве, ужесточающими наказания за взяточничество и превышения обязанностей, было наличие твердой губернаторской власти на местах, контролировавшей данные законодательные изменения.

Губернаторы, направленные Министерством к месту службы, оказывались зачастую в довольно сложной ситуации. Во-первых, перед ними стояла задача уничтожить «укоренившееся зло» в виде мздоимства и лихоимства, а во-вторых, самим не оказаться на месте чиновника, берущего взятки. Как известно, власть губернатора, особенно в отдаленных от столицы губерниях, редко ограничивалась установленными законодательством нормами и губернаторы по факту являлись хозяевами губернии. В этих условиях были возможны превышения должностных обязанностей и прочие злоупотребления [9, с. 176]. Да и само местное чиновничество от вновь назначенного губернатора ожидало, как правило, именно такого поведения – принятия подарков, а по факту – взяток. Как для общественности, так и для губернской администрации губернатор, не берущий взятки, представлялся белой вороной, «чуждаковатым и страшно опасным представителем верховной власти» [10, с. 61]. Так, например, курский губернатор В. И. Ден (1861–1863 гг.) крайне ошеломил своих подчиненных, отказавшись принять взятку в 15 тысяч рублей от откупщиков, а его неустанная борьба со взяточничеством в полиции и вовсе стала одной из причин напряженных отношений губернатора с представителями местной элиты [11, с. 61]. Таким образом, выходит то, что губернаторам надлежало справляться с поставленной перед ними государственной задачей, рискуя испортить отношения с местным дворянством и чиновниками. Учитывая тот факт, что многим из них надлежало провести в губернии не один год, это обстоятельство могло существенно осложнить им дальнейшую службу. И действительно, в исторических исследованиях немало вопросов посвящено конфронтации губернатора и местного чиновничества.

Не стал исключением в этом плане и В. В. фон Валь. Об этом и возможных причинах данной ситуации, как это было связано с его борьбой со взяточничеством во вверенной ему губернии, мы попытаемся ответить далее в статье.

Но почему же губернаторы, хоть и не все, проводили в своих губерниях политику, направленную против взяточничества? В первую очередь это согласовалось с их непосредственной службой и поставленными Министерством внутренних дел перед ними задачами. А эффективное разрешение проблемы способствовало и эффективному продвижению по карьерной лестнице и закреплению своей персоны на хорошем счету у высшего руководства. Ну а во-вторых, губернаторы, возглавляя пирамиду местной власти, и сами порой страдали от пристрастия чиновников к взяткам и злоупотреблению своими обязанностями [12, с. 181].

Для того чтобы контролировать деятельность чиновников, губернаторами издавались различные циркуляры и акты о порядке наложения административных взысканий. Однако, по мнению С. Б. Пырковой, было бы важнее и актуальнее реализовать уже изданные государственные постановления, чем издавать «все новые и новые положения» [13, с. 181]. Поскольку эти положения не всегда имели тот результат, который ожидали от него губернаторы, они, не справившись с «укоренившимся в губернии злом», были вынуждены покинуть свой пост или закрывать глаза на взяточничество. Таким образом, губернаторы способствовали дальнейшему разращению чиновничьей среды, а авторитет губернаторской власти среди населения неуклонно падал, а доверие к ним – понижалось. Однако из любого правила есть исключения, и по нашему мнению, именно таким исключением является деятельность губернатора Виктора Вильгельмовича фон Валя, в частности в Витебской губернии.

Личность В. В. фон Валя крайне неоднозначная, на наш взгляд, практически не рассматривалась в научных исследованиях, хотя деятельность его вызывает определенный интерес. Губернатор фон Валь за период своей службы сменил восемь губерний (Ярославская, Гродненская, Харьковская, Витебская, Подольская, Волынская, Курская, Виленская губернии), был Санкт-Петербургским градоначальником (1892–1895 гг.), товарищем министра внутренних дел В. К. Плеве, а также командиром Отдельного корпуса жандармов (1902–1904 гг.). При этом В. В. фон Валь был крайне непопулярен среди своих служащих, о нем ходило немало отрицательных отзывов, а Курскую губернию он покинул и вовсе в разгар скандала с уволенным им подчиненным И. Т. Плетневым, который в стремлении доказать свою правоту дошел и до вышестоящих инстанций в Петербурге [14]. Но что примечательно, покинул Курск фон Валь в связи с переводом на вышестоящую должность – пост градоначальника столицы. Это дает возможность говорить о наличии у В. В. фон Валя определенного авторитета у руководства МВД, а также, вероятно, и влиятельного покровителя. По нашему мнению, данного губернатора руководство Министерства как раз и рассматривало как подходящую кандидатуру для назначения в губернии с наиболее сильно развитым в них взяточничеством и нарушениями. Не зря практически все губернии,

в которые получал назначения фон Валь, имели именно такую репутацию в министерстве.

Свое назначение в Витебскую губернию В. В. фон Валь получил в 1880 г. и оставался там до 1884 г., в целом, довольно продолжительное время, учитывая его последующие сроки службы в губерниях. К моменту назначения в Витебск он был еще недостаточно опытным администратором.

Как «заявляет» В. В. фон Валь в своих записях, ему было поручено принять энергичные меры по искоренению зла, то есть взяточничества и распущенности чиновников [15, л. 9–16]. Однако, прибыв в Витебск, губернатор был поражен, найдя, что описание вышеуказанной проблемы, данной ему в Петербурге, не только не преувеличено, но и даже не достигает истинного положения дел.

Приведем выдержку из черновика письма В. В. фон Валя к товарищу министра внутренних дел князю М. С. Каханову: «Взяточничество и привычка к разным более или менее незаконным аферам здесь так укоренилось, все свыклись с этим, что даже лица, стоящие в губернской администрации, если и сами не делали такого же, то, по крайней мере, смотрели на это, как на дело обыкновенное, с которым нужно мириться» [15, л. 9–16]. Понятное дело, что при таком взгляде на происходящее многие чиновники резко негативно восприняли попытки губернатора искоренить «это зло».

Приведем еще один фрагмент из письма губернатора: «Весьма многие должности по Ведомству МВД заняты близкими родственниками начальников отдельных частей других ведомств, а другие представлены моим предшественником лицам, имеющим родственников и друзей, занимающих служебное положение в Петербурге. Эти-то лица, рассчитывая на сильную поддержку со стороны, более других бесцеремонно пользовались своим положением, и в то время, когда другие, видя опасность продолжать следовать прежним привычкам, прекратили или, по крайней мере, уменьшили свои злоупотребления, они считали возможным, так сказать, бравировать меня.

Возбужденные же против них преследования или налагаемы мною взыскания, возбудили против меня сильное неудовольствие лиц – покровительствующих им» [15, л. 9–16].

Таким образом, мы видим здесь обрисованное губернатором положение дел в Витебской губернии. Взяточничество, кумовство, использование служебного положения – все это являлось проявлением того «зла», искоренить которое было поручено В. В. фон Валу. Каким же образом губернатор мог справиться со стоящей перед ним задачей? Прежде всего, в его распоряжении находились такие виды воздействия, как административные проверки, взыскания, отстранение от должности, перевод на другое место службы, и наконец – чиновник, уличенный в наиболее тяжком административном нарушении или получении крупной суммы взятки, мог быть подвергнут следствию и суду.

В архивных записях В. В. фон Валя есть довольно интересные, на наш взгляд, заметки о сделанных административных взысканиях чиновникам Губернского правления в период с 15 мая 1880 г. по 1 января 1881 г. То есть,

учитывая то обстоятельство, что на службу в Витебск губернатор прибыл 2 мая, мы можем видеть, что одним из возможных средств воздействия на подведомственных ему чиновников, фон Валь тут же воспользовался. Для наглядности приведем данные заметки в формате таблицы (таблица 1).

Таблица 1

**Сведения о сделанных административных взысканиях
подведомственным Губернскому Правлению чиновникам
с 15 мая 1880 года по 1 января 1881 года**

Вид взыскания	Кому сделаны взыскания
Замечание	1 – приставу 4 стана Витебского уезда; 2 – бывшему приставу г. Режицы ныне секретарю полицейского Управления; 3 – помощнику пристава; 4 – городскому Голове; 5 – гласным гор. Думы (<u>трём</u>); 6 – секретарю гор. Думы; 7 – состоящему в распоряжении Полицмейстера чиновнику Иванову; 8 – секретарю Полицеского Управления Черпескому; 9 – исправнику Кононовичу-Горбацкому; 10 – помощнику исправника; 11 – секретарю полицейского Управления Громьскому; 12 – неперемному заседателю.
Строгое замечание	1 – смотрителю тюрьмы Витебского уезда; 2 – членам Режицкой Дворянской опеки; 3 – письмоводителю той же опеки 4 – помощнику делопроизводителя; 5 – бывшему секретарю Дриссовской уезд. полицейской управы); 6 – полицейскому надзирателю Короткевичу; 7 – полицмейстеру Озмидову; 8 – помощнику его Польскому-Щипилло; 9 – исправнику Кудрявцеву; 10 – неперемному заседателю полицейского Управления Грекову; 11 – секретарюполицейскогоУправления;12–помощникуполицмистра П.-Щипилло; 13 – секретарю полицейского Управления Бесперчему; 14 – полицмейстеру Соковичу; 15 – полицмейстеру Волкову; 16 – помощнику его Де-Жоржу; 17 – городскому Голове; 18 – гласным гор. Думы (<u>двум</u>); 19 – секретарю гор. Думы; 20 – исправнику Козачеку; 21 – его помощнику Щербинскому; 22 – неперемному заседателю; 23 – приставу Иванову; 24 – бывшему приставу Миглевскому; 25 – исправнику Климову; 26 – помощнику его Воронцеву; 27 – секретарю полицейского Управления Сергееву; 28 – приставу Игнатовичу; 29 – исправнику Дебилу; 30 – его помощнику; 31 – секретарю полицейского Управления Стокаличу; 32 – приставу Подревскому; 33 – приставу Зайковскому; 34 – приставу Поспелову; 35 – секретарю полицейского Управления Гролевскому; 36 – приставу Родзевичу; 37 – смотрителю тюрем Никоновичу; 38 – бывшему приставу Савлукову; 39 – письмоводителю Дворянской опеки; 40 – исправнику Сементовскому; 41 – помощнику его Федоровичу; 42 – секретарю полицейского Управления Ростковскому; 43 – Гончарюку; 44 – помощнику его (ныне смотрителю тюрьмы) Скиргайло.

- Выговор** 1 – приставу 4 стана Порохову; 2 – помощнику пристава; 3 – секретарю гор. Думы; 4 – городскому Голове; 5 – гласным гор. Думы (двум); 6 – исправнику Иордану; 7 – помощнику его Смирягину; 8 – неперемному заседателю полицейского Управления; 9 – секретарю полицейского Управления Гинейко; 10 – полицмейстеру Донаурову; 11 – приставу Иванову; 12 – исправнику Кононовичу-Горбацкому; 13 – помощнику его Белевенцеву; 14 – секретарю полицейского Управления Грамьскому; 15 – приставу Горностаеву; 16 – бывшему секретарю рекрутского присутствия (ныне секретарю съезда мировых судей); 17 – помощнику исправника Евсееву; 18 – секретарю полицейского Управления (ныне экспедитору Витебской губ. почтовой конторы) Шиповскому; 19 – секретарю полицейского Управления Кулику (*за неправильное принятие к явке документов в 1873 году!); 20 – исправнику Дебилю; 21 – гор. Голове; 22 – гласным (двум); 23 – приставу Поспелову; 24 – бывшему приставу Савлукову; 25 – бывшему секретарю полицейского Управления Шиповалову; 26 – помощника исправника Белевенцеву; 27 – бывшему помощнику исправника (ныне исправнику) Оконовичу; 28 – неперемному заседателю (ныне приставу) Ермолаеву; 29 – секретарю полицейского Управления (ныне судебному приставу) Жданко; 30 – бывшему смотрителю тюремного замка (ныне городской больници) Перлашкевичу; 31 – приставу Польскому-Щипило; 32 – смотрителю тюремного замка Никоновичу; 33 – исправнику Кононовичу-Горбацкому; 34 – приставу Порохову; 35 – членом сиротского суда; 36 – смотрителю тюремного замка Загоровскому; 37 – бывшему полицмейстеру Донаурову; 38 – секретарю полицейского Управления Бесперчему; 39 – приставу Родзевичу; 40 – председателю Сиротского суда; 41 – письмоводителю того суда.
- Строгий выговор** 1 – Полоцкому полицмейстеру Донаурову; 2 – помощнику исправника Белевенцеву; 3 – исправнику Кононовичу-Горбацкому; 4 – помощнику его Белевенцеву; 5 – приставу Трубковскому; 6 – смотрителю тюрьмы Антропову; 7 – уездному врачу Магиту; 8 – исправнику Иордану; 9 – секретарю Гинейко; 10 – приставу Родзевичу; 11 – приставу Трубковскому; 12 – бывшему смотрителю тюремного замка (ныне помощнику пристава) Черноцкому; 13 – бывшему гор. Голове; 14 – гласным гор. Думы (двум); 15 – секрет гор. Думы; 16 – исправнику Червинскому; 17 – приставу Богомольцу; 18 – полицейскому надзирателю; 19 – приставу Шербинскому; 20 – бывшему приставу Вакару.

Таблица составлена по данным архивных материалов [Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 542, Оп. 1, Д. 127, Л. 1–9)].

Таким образом, мы видим, что первым делом по прибытии, губернатор произвел административную проверку, результатом которой оказались вынесенные взыскания подведомственным чинам. Беря во внимание то, что замечаний В. В. фон Валь вынес – 14, строгих замечаний – 45, выговоров –

43, строгих выговоров – 21, делаем вывод, что в качестве основного средства «борьбы» с чиновниками губернатор прибегал к строгим замечаниям и выговорам, при этом одни и те же чиновники могли получить двойное или тройное взыскание. Например, исправник Дебиль получил строгое замечание и выговор. Городской голова – замечание, строгое замечание, выговор. Исправник Иорданов – выговор и строгий выговор.

Примечательным стало и то, что секретарю полицейского Управления Кулику был сделан выговор за дела 1873 г., когда В. В. фон Валь еще не был назначен в Витебск. Это говорит о том, что губернаторская проверка проводилась тщательно и скрупулезно, что, в принципе, и соответствовало характеру В. В. фон Валя и поставленной перед ним задачи «разобраться в делах губернии».

Сделанные губернатором записи относились к первому году его службы в Витебской губернии, дальнейших записей об административных взысканиях оставлено не было. Можно предположить, что не было в дальнейшие годы службы губернатора и такого массового наложения наказаний на чиновников. Вероятно, это относится к тому, что, как и писал фон Валь М. С. Каханову: «другие [чиновники] видя опасность продолжать следовать прежним привычкам, прекратили или, по крайней мере, уменьшили свои злоупотребления» [15, л. 9–16]. Принимая во внимание это утверждение как верное, мы можем сделать вывод, что политика губернатора, заключающаяся в наложении административных взысканий имела свой успех. Хотелось бы также отметить и некую гуманность губернатора, проявленную им при вынесении наказаний. Тот факт, что строгих выговоров было существенно меньше, чем выговоров или строгих замечаний говорит о том, что губернатор все же стремился дать второй шанс чиновникам, уличенных им в нарушениях.

Еще одним средством борьбы губернатора была политика перевода чиновника с одного места службы на другое. Анализируя кадровые перестановки губернатора В. В. фон Валя, отметим, что данный способ был весьма популярен и производился им практически в каждой губернии, где фон Валь являлся губернатором. Собственно, Витебская губерния не стала исключением. Для наглядности приведем следующие данные (таблица 2).

Таблица составлена по данным Адрес-календаря за 1879–1885 гг. [Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. – СПб. Ч. II.]

Для того чтобы представлять, какие именно перестановки проводились губернатором В. В. фон Валем, были взяты для анализа годы непосредственной службы в губернии, а также годы до назначения в Витебск и после перевода его к следующему месту службы.

Таблица 2

Кадровые перемещения губернатора В. В. фон Валя за 1880–1884 годы

Годы	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885
Полицмейстер	Н. М. Волков						
Исправники							
• <i>Витебский уезд</i>	П. П. Дебель		Н. В. Кононович-Горбацкий	П. Н. Калугин			В. Д. Потогчин
• <i>Динабургский (Двинский) уезд</i>	М. М. Озмидов (пол-р)		К. А. Пфейфер (пол-р)				К. А. Пфейфер (пол-р)
• <i>Полоцкий уезд</i>	****	Испр-к – Б. А. Козачек	****	Испр-к – Б. А. Козачек			****
	Испр-к – В. П. Донауров (пол-р)		А. П. Радзевский (пол-р)				Пом. испр-ка – Р. А. Стурдт
	****		****				А. П. Радзевский (пол-р)
	Испр-к – Н. Ф. Иордан		Испр-к – П. П. Дебель				****
• <i>Лепельский уезд</i>	П. Е. Сементовский						Испр-к – П. Е. Сементовский
• <i>Городокский уезд</i>	А. Ф. Бур-мейстер	П. Н. Калугин		В. И. Кудрявцев			Д. А. Зарецкий
• <i>Велижский уезд</i>	О. Х. Папенгут						Ф. А. Соколов
• <i>Режицкий уезд</i>	Н. В. Кононович-Горбацкий		Н. Е. Скраль				М. М. Мельгунов
• <i>Люцинский уезд</i>	В. И. Кудрявцев			А. Е. Польский-Шипилло			В. И. Щербинский
• <i>Дриссенский уезд</i>	В. Ф. Червинский						
• <i>Невельский уезд</i>	М. А. Околович						
• <i>Себежский уезд</i>	К. И. Пан-телеев	А. И. Гезе-линский	И. Н. Климов	Н. В. Кононович-Горбацкий			

Таким образом, по данным таблицы, мы видим, что витебский исправник П. П. Дебель, получил от губернатора не только два административных взыскания – строгое замечание и выговор, но и был переведен в другой уезд (Полоцкий), в котором он прослужил до 1884 г. Далее по службе в Витебской губернии не замечен.

Режицкий исправник Н. В. Кононович-Горбацкий получил замечание, выговор и строгий выговор, был переведен сначала в Витебск, затем в Себеж, где благополучно служил и после перевода губернатора В. В. фон Валя.

Динабургский исправник Б. А. Козачек получил строгое замечание, но переведен не был, все время управления губернатора В. В. фон Валя в Витебской губернии прослужил в Динабургском уезде.

Полоцкому полицмейстеру В. П. Донаурову были сделаны выговор и строгий выговор, после чего он видимо был переведен в другую губернию или уволен от должности. В Витебской губернии при губернаторе В. В. фон Вале на службе не значиться. Тоже касается полоцкого исправника Н. Ф. Иордана, также отмеченного выговором и строгим выговором. Далее на административных должностях в губернии не значится. Вероятно, был переведен в другую губернию или уволен от службы.

Довольно интересная история связана с люцинским исправником В. И. Кудрявцевым. В. И. Кудрявцев являлся родным племянником начальника Губернского Жандармского управления – князя Шаховского и пользовался его покровительством. В 1880–1881 гг., на момент проверки, проводимой губернатором, во взяточничестве замечен не был. Но чувствуя за собой поддержку князя Шаховского, Кудрявцев относился с полным невниманием к указаниям своего непосредственного начальства и позволял себе через евреев отдавать в долг деньги за большие проценты. Данный поступок не соответствовал занимаемому им положению, вследствие чего В. И. Кудрявцев получил строгое замечание и был переведен в другой уезд – Городокский. После чего был обнаружен уже прямо незаконный его поступок. А именно, оказалось, что Кудрявцев освобождал из тюрьмы евреев-арестантов, во время еврейских праздников к их родственникам, даже на несколько дней, за что против него было возбуждено судебное преследование[15, л. 9–16]. Однако, с учетом того, что данная запись В. В. фон Валя и перевод В. И. Кудрявцева относятся к 1881 году, а в Городокском уезде Кудрявцев продолжал служить вплоть до 1884 года, мы можем сделать вывод, что судебное преследование не имело последствий. Не известно, что именно послужило основанием для прекращения следствия – протекция князя Шаховского или удачное стечение обстоятельств для исправника В. И. Кудрявцева.

Возбуждено было уголовное преследование и против Б. И. Ренгартена, не переменного члена Витебского уездного по Крестьянским делам Присутствия, который являлся родным братом генерал-майора И. И. Ренгартена – губернского воинского начальника. Борис Иванович Ренгартен был уличен в крупных злоупотреблениях и по его делу проводилась проверка, результаты которой губернатор собирался предоставить министру внутренних дел[15, л. 9–16].

В отношении другого брата того же генерал-майора И. И. Ренгартена, уездного предводителя дворянства Городокского уезда – А. И. Ренгартена, было произведено дознание за «допущенные в местном Крестьянском Присутствии неправильности» [15, л. 9–16] и по распоряжению Министерства Ренгартен был переведен в другой уезд.

Родной брат чиновника дел особых поручений при Министерстве – действительного статского советника А. И. Безперчего – титулярный советник П. А. Безперчий, состоящий в должности секретаря Полоцкого городского полицейского Управления, за пьянство, превышение и небрежное исполнение должностных обязанностей был уволен по распоряжению губернатора. А также привлечен к суду за не сдачу вверенных ему по службе должностных денег [15, л. 9–16].

Таким образом, анализируя полученные данные, мы можем сделать заключение, что в борьбе против «укоренившегося зла» в виде взяточничества, халатного отношения к службе и превышения должностных полномочий губернатор активно использовал систему административных наказаний. Замечания, строгие замечания, выговор или строгий выговор – основное «средство борьбы» с чиновниками. В случае продолжения чиновником прежней неблаговидной деятельности или при наличии более серьезных проступков, губернатор мог перевести чиновника к другому месту службы. В крайнем случае – уволить или отдать под суд.

Естественно, такая политика губернатора не могла устраивать подведомственных ему служащих, и в отношении губернатора часто возникало много разнообразных слухов нелестного характера. Следствием этого также становились конфронтации, напряженные отношения с представителями местных элит. Однако задача губернатора, как представителя центральной власти, состояла, прежде всего, в налаживании порядка в губернии, если не полное искоренение, но максимальное сокращение взяточничества среди чиновничества. Это было возможно при наличии у губернатора твердой воли и решительных мер, направленных на противодействие с чиновничьему произволу. Именно такие губернаторы находились в приоритете МВД и, как правило, направлялись в самые «сложные» губернии Российской империи. Таким образом, роль губернатора в борьбе с взяточничеством и превышением должностных полномочий чиновников имела решающее значение.

Список использованных источников

1. *Матханова, Н. П.* Попытки борьбы со взяточничеством чиновников в Сибири XIX века / Н. П. Матханова // *International Journal of Russian Studies*. – 2010.
2. Российская национальная библиотека (далее – РНБ). – Ф. 127. Оп. 96. Д. 9. Копия письма М. С. Каханову. – Л. 9–16.
3. *Беглова, Е. И.* Термины «взятка», «лихоимство» в историческом развитии в деловой и разговорной речи // Е. И. Беглова, Н. А. Трусов, С. П. Ломтев // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2019. – № 2(46). – С. 71.
4. *Волженкин, Б. В.* Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. / Б. В. Волжен-

кин // Известия высших учебных заведений. Серия «Правоведение». – 1991. – №2. – С. 60–68.

5. Там же.

6. *Матханова, Н. П.* Попытки борьбы со взяточничеством чиновников в Сибири XIX века / Н. П. Матханова // International Journal of Russian Studies. – 2010.

7. См. работы: Андреев, И. Всяк подъячий любит калач горячий / И. Андреев // Родина. – 1991. – № 1. – С. 11–15; Волженкин, Б. В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. / Б. В. Волженкин // Известия высших учебных заведений. Серия «Правоведение». – 1991. – № 2. – С. 60–68; Писарькова, Л. Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» князей Голицыных первой половины XIX в.) / Л. Ф. Писарькова // Отечественная история. – 2001. – № 5. – С. 34–49; Болотина, Н. Ю. Взятка на Руси / Н. Ю. Болотина // Вестник архивиста. – М. – 2001. – № 4/5. – С. 39–58.

8. *Жеребцов, В. И.* Страницы из прошлого Саратова / В. И. Жеребцов // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. – 1913. – Вып. 30. – С. 86.

9. *Пыrkова, С. Б.* Историческая роль губернаторов Российской империи в противодействии взяточничеству и лихоимству в XVIII – начале XX вв. / С. Б. Пыrkова // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 175–185.

10. *Шатохин, И. Т.* Курские губернаторы середины второй половины XIX в. в воспоминаниях современников / И. Т. Шатохин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2007. – № 3 (34). – С. 60–65.

11. Там же.

12. *Пыrkова, С. Б.* Историческая роль губернаторов Российской империи в противодействии взяточничеству и лихоимству в XVIII – начале XX вв. / С. Б. Пыrkова // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 175–185.

13. Там же.

14. *Радченко М. Л.* «Кадровая чехарда» в курской полиции при губернаторе В. В. фон Вале / М. Л. Радченко // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2018. – № 3 (47).

15. Российская национальная библиотека (РНБ). – Ф. 127. Оп. 96. Д. 9. Л. 9–16. (Копия письма М. С. Каханову).

(Дата поступления: 15.06.2023).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Л. ПОТАПОВА НА ПОСТУ ВИЛЕНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА (1868–1874 гг.)

Трестьян И. Н.

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск, Беларусь

В статье анализируется деятельность А. Л. Потапова на посту Виленского генерал-губернатора в 1868–1874 гг. Показано, что рубежом в пересмотре существующего подхода к управлению Северо-Западным краем, стал 1868 г., когда Виленским генерал-губернатором был назначен А. Л. Потапов, который внес некоторые изменения в региональную политику. В первую очередь это коснулось отношения к чиновничьему корпусу, а также дворянству. Кроме того, было снято военное положение в северо-западных губерниях.

Ключевые слова: Беларусь; Российская империя; Северо-Западный край; местные органы власти; Виленский генерал-губернатор; А. Л. Потапов.

THE ACTIVITY OF A. L. POTAPOV AS THE GOVERNOR-GENERAL OF VILNIUS (1868–1874)

Trestyan I. N.

Belorussian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Belarus

The article analyzes the activity of A. L. Potapov as Governor-General of Vilna in 1868–1874. It is shown that the milestone in the revision of the existing approach to the management of the North-Western Region was in 1868, when A. L. Potapov was appointed Governor-General of Vilna, who made some changes to regional policy. First of all, it affected the official corps, as well as the nobility. In addition, martial law was lifted in the north-western provinces.

Keywords: Belarus; Russian Empire; North-Western Region; local authorities; Vilnius Governor-General; A. L. Potapov.

Подавление восстания 1863–1864 гг. привело к существенным изменениям в управлении Северо-Западным краем. Правительством и местной администрацией было принято ряд чрезвычайных мер, направленных на предотвращение попыток дальнейших национальных и сепаратистских выступлений, а также уравнивания региона с внутренними губерниями Российской империи, т. е. его инкорпорацию в состав государства и ликвидацию этноконфессиональных особенностей. Осуществить эту цель была призвана так называемая «система Муравьева» – комплекс мер, разработанный Виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым в 1863–1865 гг. Эта «система» получила свое продолжение и дополнение при Виленских ге-

нерал-губернаторах К. П. Кауфмане (1865–1866 гг.) и Э. Т. Баранове (1866–1868 гг.).

Рубежом в пересмотре существующего подхода к управлению краем стал 1868 г., когда Виленским генерал-губернатором был назначен А. Л. Потапов [1, с. 79]. Его назначение отчасти являлось реакцией Александра II на рост тревоги в среде некоторых высших чиновников и обществе по поводу радикализма русификаторской политики, допущенного предшественниками А. Л. Потапова.

Вступив в должность, новый начальник края в первую очередь провел «чистку» кадрового состава русских чиновников, уволив тех лиц, которые в прежние годы проявляли чрезмерную инициативу в реализации «системы Муравьева» на практике, и в среде которых, по его мнению, гнездились социализм и нигилизм. Так, были смещены пять из шести губернаторов, изменен кадровый состав канцелярии главного начальника края, принят ряд кадровых решений в отношении чиновников по особым поручениям при генерал-губернаторе, мировых посредников и др. При этом указом от 10 апреля 1868 г. в его подчинении могло находиться неограниченное количество чиновников военного и гражданского ведомства без должностных окладов, но с предоставлением им служебных полномочий [2, с. 343; 3, с. 1]. Как отмечала исследователь А. А. Комзолова, «этой ордой жаждавших мест с жалованием» он «непрестанно пугал» чиновников, служивших в крае со времен М. Н. Муравьева [4, с. 244]. Таким образом, А. Л. Потапов, отстранив от должностей неугодных ему лиц, и заменив их на тех, кто будет точно выполнять его приказы, а также ограничив возможности чиновников, начавших службу при его предшественниках, приступил к пересмотру региональной политики.

Рост во второй половине 60-х гг. XIX в. антиправительственных выступлений, которые зачастую принимали облик политического терроризма, обусловил необходимость консолидации самодержавия с высшим сословием империи, в том числе с лояльным дворянством польского происхождения. Чтобы привлечь к себе представителей аристократии и умиротворить край, А. Л. Потапов выступил с инициативой политических и экономических уступок для этой категории населения, что, по его мнению, должно было расположить к региональной администрации местное дворянство и способствовать укреплению авторитета российского правительства в его среде. Так, в качестве политической уступки в 1868 г. главный начальник края исходатайствовал у Александра II разрешение о назначении политически благонадежных помещиков католического вероисповедания на должности предводителей дворянства в случае отсутствия кандидатов русского происхождения [5, с. 54]. В результате, более половины уездных предводителей дворянства оказались католиками, при этом предпочтение отдавалось лицам «из наиболее состоятельных и влиятельных местных землевладельцев» [6, с. 82]. Кроме того, по инициативе А. Л. Потапова, от надзора полиции было освобождено 1493 чел. из 2947, в большинстве своем дворян [7, л. 10–11; 8, л. 35, 70 об.–72].

Генерал-губернатор А. Л. Потапов выступал и за отмену многих чрезвычайных мер, подрывавших экономическое положение местного дворянства.

Так, по его ходатайству с 1 января 1871 г. был уменьшен контрибуционный налог, взимаемый с землевладельцев-католиков, и отменен установленный в городах 1 % сбор с недвижимого имущества, принадлежавшего лицам польского происхождения [7, л. 99–99 об.; 9, с. 186–187; 10, с. 23; 11, с. 631–632]. Следует отметить, что на протяжении всего своего управления краем А. Л. Потапов неоднократно поднимал вопрос об окончательной отмене контрибуционного налога, но невозможность возложить все расходы, которые он покрывал (надбавки к жалованию чиновникам, содержание жандармских команд, строительство и ремонт православных церквей и т. д.) на казну, приводило к отказам правительства на эти просьбы. Однако, часть представителей крупного землевладения, в поддержке которого была заинтересована местная власть, при посредничестве генерал-губернатора была освобождена от его уплаты. Кроме того, по ходатайству Виленского генерал-губернатора указом от 30 марта 1873 г. от уплаты этого налога были освобождены землевладельцы-католики, которым выплачивались пенсии в связи с ранением или увечьем, полученным во время выполнения военной службы. По указу от 11 июня 1873 г. в западных губерниях были прекращены все неоконченные дела о конфискации имущества у лиц, причастных к восстанию 1863–1864 гг., а новые дела заводить запрещалось [12, с. 157; 13, с. 644]. В результате, имения или их части, которые не перешли в государственную собственность или не были проданы до 11 мая 1873 г. освобождались от конфискации и возвращались владельцам или их наследникам [14, с. 65; 15, с. 159–161]. Виленский генерал-губернатор неоднократно ходатайствовал об уравнивании в правах с русскими землевладельцами помещиков польского происхождения в Западном крае, однако его просьбы были отклонены. Следует отметить, что уступки местному дворянству со стороны правительства и местной администрации никак не меняли суть проводимой политики и зачастую имели ряд ограничений. Так, вместе с предоставлением генерал-губернатору права назначать католиков на должности предводителей дворянства ему было дано распоряжение ограничивать их возможность работать в почтово-телеграфном ведомстве, вплоть до запрета принимать их на службу. Прекращение неоконченных дел, связанных с восстанием 1863–1864 гг., не касалось его активных участников: под действие этого закона не попадали те, кто обвинялся в убийствах, поджогах и т. п. Так, за 1868 г. в Виленской и Гродненской губерниях к ответственности по политическим обвинениям были привлечены 284 чел., в 1869 г. – 457, в 1870 г. – 220 чел. [5, с. 54]. Указ от 1 января 1871 г. об отмене взимания в городах 1% сбора с недвижимого имущества, принадлежавшего лицам польского происхождения, не распространялся на лиц, высланных из края в связи с политической неблагонадежностью [10, с. 23; 11, с. 631–632]. Отметим, что освобождение некоторых представителей дворянства от действия указа 10 декабря 1865 г. было исключительно прерогативой императора. При этом в 1873 г. Александр II распорядился отклонять в будущем все ходатайства по этому поводу для лиц, не оказавших престолу особых и лично известных ему услуг [4, с. 306].

Таким образом, меры, принятые Виленским генерал-губернатором, с одной стороны, были направлены на урегулирование отношений с лояльным местным дворянством, а с другой – не исключали возможность контролировать и, при необходимости, наказывать тех, кто продолжал проявлять сепаратистскую активность.

Что касается католической церкви и духовенства, то здесь значительных уступок со стороны правительства и местной администрации сделано не было. По-прежнему продолжали действовать ограничительные меры, которые были приняты еще предшественниками А. Л. Потапова в 1864–1867 гг., и впоследствии подтверждены его циркулярами. К ним относились запреты на проведение крестных ходов за пределами костелов, 40-часовых богослужений, а также назначать ксендзов на высшие духовные должности и разрешать им перемещение из одной местности в другую без санкции местной администрации и др. [7, л. 7 об.–8; 8, л. 37 об.; 16, л. 29 об.–30 об.]. Актуальным оставался вопрос о закрытии культовых сооружений. Однако в этом деле главным начальником края было принято решение об осторожности и осмотрительности, чтобы не вызвать нарекания на местную власть со стороны верующих. Так, по приказу А. Л. Потапова не просто закрывались костелы, но и разбирались под предлогом ветхости. Весомой причиной для прекращения их работы было отсутствие в приходе достаточного количества католиков [7, л. 26 об.–27]. При этом настоятелям упраздненных костелов назначалось жалование по согласованию генерал-губернатора с министром внутренних дел [17, с. 206]. Здания закрытых костелов преобразовывались в православные храмы, а монастыри и плебании, если они не являлись частной собственностью, приспособлялись под казармы для войск, больницы или передавались в частное владение [7, л. 26 об.–27]. 20 апреля 1868 г. был издан циркуляр генерал-губернатора по которому в Северо-Западном крае закрывались все братства при костелах, не имевшие правительственных разрешений на их деятельность [18, с. 169]. В результате, было упразднено 193 братства, из них 78 – в Виленской губернии, 62 – в Гродненской, 29 – в Минской и 24 – в Витебской. В Могилевской губернии костельных братств не имелось [7, л. 8–8 об.]. В 1869 г. была закрыта Минская римско-католическая семинария. Поводом послужило отсутствие в ней необходимого количества учеников и преобладание среди них литовцев. В том же году была ликвидирована Минская католическая епархия путем присоединения ее к Виленской [7, л. 28–28 об.]. По мнению главного начальника края это должно было упростить контроль со стороны генерал-губернаторской администрации над католиками в Минской губернии, а также помочь предотвратить возвращение новообращенных православных обратно в католицизм [19, с. 612]. Следует отметить, что император предоставил А. Л. Потапову карт-бланш в отношении Минской епархии, заранее объявив о своей согласии на ее ликвидацию.

Особое место в конфессиональной политике занимало введение в католическом костеле дополнительного богослужения на русском языке. Эта мера вызвала общественный резонанс и массовый протест со стороны ксендзов и прихожан [7, л. 29]. Некоторый успех в этом направлении был достигнут

только в Минской губернии, где из 50 католических приходов практически половина, преимущественно сельских, проводила дополнительное богослужение на русском языке, чему способствовали материальное поощрение ксендзов и их уступки административному нажиму [7, л. 29 об.; 20, с. 277]. Следует отметить, что А. Л. Потапов проявил особую сдержанность в этом вопросе, приказав, чтобы новое законоположение оглашалось как можно «тише», т. е. не высшим губернским начальством, а мировыми посредниками и исправниками [20, с. 276]. Поддерживая идею русскоязычной католической службы, генерал-губернатор не желал, чтобы она осуществлялась в том же ключе, что и кампания по насаждению православия, а также не хотел давать лишний повод католическому духовенству обвинять власть в поощрении произвола местных чиновников.

В целом, А. Л. Потапов, придерживаясь в отношении католической церкви и духовенства программы М. Н. Муравьева и не уменьшая контроль над деятельностью духовных лиц, по-другому смотрел на кампанию по переводу католиков в православие. Он считал, что носильное обращение верующих, вызывало не только негативное отношение к местной власти, о чем свидетельствовало огромное количество жалоб на чиновников со стороны новообращенных, но и не делало из перешедших в православие истинно верующих, что «представлялось слишком опасным для имперского строя, который столь сильно зависел от религиозности низшего сословия» [20, с. 226]. Отрицательным было и его отношение к участию в этом деле чиновников. В связи с этим, инициативу по переводу католиков в православие генерал-губернатор передал исключительно в руки духовенства, фактически полностью отказавшись от участия в этом административном процессе. В результате, число сменивших католическую веру на православную при А. Л. Потапове значительно снизилось. Согласно официальной статистике в течение 1863–1868 гг. усилиями чиновников и военных в «господствующую веру» было переведено более 70 тыс. чел., а в 1868–1870 гг. – 2751 чел. [7, л. 43].

Изменение направления курса по обращению католиков в православие высшей местной администрацией никак не сказалось на ее политике по отношению к православному духовенству и православной религии в целом. По-прежнему продолжались строительство и ремонт православных церквей, несмотря на уменьшение финансовых средств, выдаваемых из государственной казны. Для укрепления позиций православия в регионе издавались русские молитвенники, которые распространялись в среде православного населения [7, л. 47 об., 48 об.–49]. Виленский генерал-губернатор был также заинтересован в улучшении материального положения православного духовенства и поднятии его престижа среди местных жителей. С этой целью он ходатайствовал о повышении размера жалования священникам. В 1871 г. натуральные повинности прихожан были заменены особым поземельным сбором, выплачиваемым в денежном эквиваленте [7, л. 37 об.–38]. Особую обеспокоенность у А. Л. Потапова вызывало поведение служителей культа из числа местных уроженцев, перешедших из унии, их нравственные качества и отношение к религии. По этой причине он предлагал священников, которые не

соответствовали своей должности, отстранять и заменять теми, кто обладал необходимыми качествами и знаниями. Кроме того, Виленский генерал-губернатор считал, что Литовский архиепископ должен постоянно находиться в своей епархии, чтобы контролировать подчиненных ему священников. Поэтому он высказывался за освобождение архиепископа от обязанности присутствовать в Синоде, а также за выдачу главе епархии дополнительных финансовых средств для регулярного объезда всех ее приходов [7, л. 38 об.–41].

Таким образом, значительных изменений в конфессиональную политику А. Л. Потаповым внесено не было. По-прежнему сохранялся приоритет православной церкви, наблюдалась тенденция по уменьшению количества культовых сооружений католической церкви и ее влияния на местное население. Однако передача инициативы по обращению католиков в православие духовенству способствовала значительному сокращению количества сменивших свою веру на православную, а также ослаблению контроля со стороны местной администрации за этим процессом.

При А. Л. Потапове актуальным оставался вопрос об увеличении русского землевладения в крае. Поскольку к 1869 г. в северо-западных губерниях были проданы почти все конфискованные имения, земли высланных из края и предназначенные для этой цели государственные участки, а численность русских собственников земли составляла менее 13 %, то Виленский генерал-губернатор решил сделать ставку на увеличение крупного землевладения и, по возможности, устранение крестьянского. С этой целью он 26 июня 1869 г. исходатайствовал у императора разрешение приостановить переселение русских поселенцев, а все выделенные на это деньги использовать на нужды крестьян, которые уже обосновались в северо-западных губерниях. В результате, вызовы и водворение русских крестьян в регионе были представлены на усмотрение Виленского генерал-губернатора [4, с. 316]. Циркуляром от 23 апреля 1869 г. А. Л. Потапов ликвидировал особое положение старообрядцев в крае. С 1871 г. старообрядцы, арендовавшие землю у помещиков польского происхождения, были обязаны заключать с ними договора о найме на общих основаниях или оставить занимаемые участки. Решения споров между землевладельцами и старообрядцами больше не входило в компетенцию мировых посредников и их уездных съездов, а производилось на основании законодательства от 19 февраля 1861 г. [21, с. 205]. Кроме того, Виленский генерал-губернатор предлагал распространить действие той части указа от 10 декабря 1865 г., по которой запрещалась покупка земли дворянами римско-католического вероисповедания, на местных крестьян-католиков. Покупку же земельных участков русскими крестьянами Северо-Западного края разрешать только с условием представления свидетельства о своем происхождении и вероисповедании. Однако его предложение было отклонено правительством по той причине, что оно могло разделить сельское население по конфессиональному признаку и отрицательно сказаться на крестьянском хозяйстве.

А. Л. Потапов, как и его предшественники, уделял особое внимание системе образования. Так, придерживаясь в этом вопросе основных идей М. Н. Муравьева, он ратовал за массовое распространение русского образо-

вания среди местного населения, а также за ограничение влияния римско-католического духовенства на воспитание и образование подрастающего поколения. В связи с этим в 1872 г. в Полоцке была открыта вторая в северо-западных губерниях учительская семинария, что позволило увеличить число учителей в народных школах. Учителя-католики были переведены во внутренние губернии России и заменены русскими, а в семинариях был сделан упор на преподавание русского языка и истории. Кроме того, были созданы женские епархиальные училища, выпускницы которых получили право преподавания. Училищам были выделены участки земли для учителей, что позволяло им обеспечивать себя дополнительными продуктами питания [7, л. 52 об., 53 об., 54 об.–55].

В период управления краем А. Л. Потаповым также произошла окончательная отмена военного положения. Виленский генерал-губернатор считал, что оно «почти утратило свое значение», а его наличие отрицательно влияло на экономическое положение края, в том числе и на русских землевладельцев, приобретающих имения в регионе, а также создавало чиновникам условия для злоупотребления своим служебным положением [8, л. 35, 39]. К 1872 г. военное положение было отменено на всей территории Северо-Западного края, кроме двух уездов Ковенской губернии. При этом сохранялись особые полномочия генерал-губернатора: увольнять со службы чиновников всех ведомств, замещать наиболее значимые должности русскими чиновниками, высылать из края в административном порядке политически нежелательных лиц, накладывать на их имущество секвестр, конфискацию, а в случае незначительных нарушений – денежные штрафы. Не утратили свою силу запреты иметь оружие лицам, участвовавшим в восстании; пользоваться польским языком в общественных местах и государственных учреждениях; распространять среди православного населения литературу на польском языке; исполнять польские гимны; носить революционные эмблемы и др. [7, л. 9 об., 11 об.–12; 8, л. 36 об.–37 об.; 16, л. 27–29, 30 об.–31; 22, с. 255; 23, с. 890–891]. По-прежнему взимался контрибуционный налог, действовало ограничение по приему католиков на государственную службу в регионе, сохранялся ряд ограничительных мер по отношению к католической церкви и др. [16, л. 7 об., 16 об., 27–29; 24, с. 247; 25, л. 20 об.–21 об.]. Несоблюдение установленных правил приводило к взысканию денежных штрафов, а в более серьезных случаях – к уголовной ответственности. При этом наложение штрафов и их размеры непосредственно устанавливались и утверждались генерал-губернатором [8, л. 73].

Эти меры сохраняли свою силу и на территории Витебской, Минской, Могилевской губерний, которые были выведены из состава Виленского генерал-губернаторства. Витебская и Могилевская губернии были отделены 27 июня и 2 ноября 1869 г. соответственно, а Минская – 25 декабря 1870 г. [24, с. 247; 25, л. 18; 26, с. 1; 27, с. 676; 28, с. 391; 29, с. 234; 30, с. 622–623]. Все права и обязанности генерал-губернатора в этих губерниях по выполнению особых постановлений, принятых вследствие восстания 1863–1864 гг., перешли к министру внутренних дел.

Административно-территориальное переустройство генерал-губернаторства обосновывалось ликвидацией прямой угрозы польского мятежа на территории Беларуси, общим смягчением политической ситуации и необходимостью, как писал бывший Могилевский губернатор А. П. Беклемишев, показать «всему населению, что признание Белоруссии чисто русскою областью есть факт бесповоротный» [20, с. 267–268]. Власть осознала, что само существование обширного окраинного генерал-губернаторства с особыми, чрезвычайными условиями управления поддерживало самоидентификацию поляков, что могло спровоцировать среди польского населения сепаратистские настроения.

Снятие военного положения все же повлекло за собой отмену некоторых исключительных мер. Так, в связи с нелегальным ввозом в край польской литературы, а также большим количеством жалоб от местных издателей и владельцев типографий, был снят запрет на издательство и продажу в регионе книг на польском языке. При этом вся издаваемая и привезенная из-за границы литература подлежала обязательной цензуре. Владельцы типографий, литографий, фотографических заведений и книжных магазинов были освобождены от ранее введенного М. Н. Муравьевым обязательства вносить денежные залогов за открываемые или существующие подобного рода заведения [31, с. 268]. Кроме того, были ликвидированы военно-полицейские органы, созданные с целью подавления восстания.

24 июля 1874 г. А. Л. Потапов был назначен шефом жандармов, а пост Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатора занял П. П. Альбединский.

Таким образом, назначение на должность главного начальника края А. Л. Потапова повлекло некоторые изменения в управлении Северо-Западным краем. В первую очередь это коснулось чиновничьего корпуса, который должен был реализовывать «систему Муравьева» на практике, а также дворянства, в поддержке которого нуждалось русское правительство. Виленский генерал-губернатор, понимая необходимость сохранения сильного политического руководства регионом, смог отказаться от тех законов и циркуляров, которые отрицательно влияли на экономическое положение населения, или в связи с изменением политической обстановки в регионе утратили свою актуальность и не исполнялись, сохранив при этом ряд политических и репрессивных мер. В целом, А. Л. Потапов, несмотря на его попытки изменить некоторые положения «системы», продолжал придерживаться ее основных направлений.

Список использованных источников

1. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1868. – № 19. – 6 мар. – С. 79.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – 2-е собр. – Т. 43. – От. 1. – № 45690. – СПб., 1873.
3. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1868. – № 40. – 22 мая. – С. 1.
4. Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. – М.: Наука (ГУП Тип. Наука), 2005. – 380 с.

5. Подорожняя, Е. А. Организация системы управления в белорусско-литовских губерниях в 1860-е годы / Е. А. Подорожняя // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 50–56.

6. Самбук, С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / С. М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1980. – 221 с.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1263. Оп. 4. Д. 46.

8. РГИА. – Ф. 1267. Оп. 1. Д. 3.

9. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 44. – От. 1. – № 46807. – СПб., 1873.

10. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1871. – № 8. – 27 янв. – С. 23.

11. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 45. – От. 2. – № 49091. – СПб., 1874.

12. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1873. – № 53. – 11 июл. – С. 157.

13. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 48. – От. 1. – № 52255. – СПб., 1876.

14. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1874. – № 20. – 16 мар. – С. 65.

15. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 49. – От. 1. – № 53116. – СПб., 1876.

16. РГИА. – Ф. 1282. Оп. 2. Д. 356.

17. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1868. – № 46. – 12 июн. – С. 206.

18. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1868. – № 34. – 1 мая. – С. 169.

19. Долбилов, М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2010. – 999 с.

20. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная [и др.]; науч. ред.: М. Долбилов, А. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 605 с.

21. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1869. – № 49. – 21 июн. – С. 205.

22. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1868. – № 56. – 17 июл. – С. 255.

23. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 49. – От. 1. – № 53659. – СПб., 1876.

24. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1866. – № 59. – 26 июл. – С. 247.

25. РГИА. – Ф. 1282. Оп. 2. Д. 357.

26. Могилевские губернские ведомости. Часть официальная. – 1869. – № 34. – 23 авг. – С. 1.

27. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 44. – От. 1. – № 47251. – СПб., 1873.

28. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1869. – № 93. – 22 нояб. – С. 391.

29. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 44. – От. 2. – № 47608. – СПб., 1873.

30. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 45. – От. 2. – № 49062. – СПб., 1874.

31. Виленские губернские ведомости. Часть официальная. – 1868. – № 59. – 27 июл. – С. 268.

(Дата поступления: 15.06.2023).

ГУБЕРНАТАРЫ І ГАРАДСКОЕ САМАКІРАВАННЕ Ў БЕЛАРУСІ (1864–1917 гг.)

Ляпешкін Я. М.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле зроблена спроба рэканструкцыі механізма кантролю губернатара за выбарнымі гарадскімі ўладамі, закранаюцца адносіны гэтых органаў. Паказана, што кантроль за дарэформеннай гарадской думай, якая прадстаўляла гарадское самакіраванне, захоўваўся ў руках губернатара. Вызначана, што гарадское самакіраванне ў выніку рэформы 1870 г. (у Беларусі здзяйснялася з 1875 г.) стала больш самастойным пры вырашэнні гаспадарчых і сацыяльных пытанняў, але яно знаходзілася пад пастаянным наглядам губернатара. У гэтым ён абаніраўся (праз сваё старшынства) на губернскую па гарадскіх (з 1892 г., дзе былі земствы – па земскіх і гарадскіх) справах прысутнасць. Зроблена выснова, што кіраўнікі беларускіх губерняў мелі службовыя адносіны з самакіраваннем, дзе працавалі каталікі, з якімі нярэдка ўзнікалі супярэчнасці.

Ключавыя словы: беларускія губерні; губернатар; гарадское самакіраванне; гарадскі галава; гарадская дума; губернская па гарадскіх справах прысутнасць; губернская па земскіх і гарадскіх справах прысутнасць.

GOVERNORS AND CITY SELF-GOVERNMENT IN BELARUS (1864–1917)

Liapeshkin Y. M.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article attempts to reconstruct the mechanism of the governor's control over the elected city authorities, the relations of these bodies are touched upon. It is shown that the control of the pre-reform city council, which represented city self-government, remained in the hands of the governor. It was determined that the city self-government as a result of the reform of 1870 (in Belarus since 1875) became more independent in solving economic and social issues, but it was under the constant supervision of the governor. In this, he relied (through his chairmanship) on the provincial presence in city (since 1892, where there were zemstvos – in zemstvo and city) affairs. It was concluded that the leaders of the Belarusian provinces had official relations with the self-government, where Catholics worked, with whom conflicts often arose.

Keywords: Belarusian provinces; the governor; city self-government; city head; city council; provincial presence on urban affairs; provincial presence on zemstvo and city affairs.

Гарадское саслоўнае самакіраванне, створанае ў канцы XVIII ст. і сфарміраванае на бессаслоўнай аснове па рэформе 1870 г., уяўляла ўстановы, з якімі прыходзілася ўзаемадзейнічаць губернскай адміністрацыі. Таму

важnymi аспектамі ў сістэме кіравання горадам з'яўляліся механізм кантролю губернатара (начальніка губерні) і яго адносіны з выбарнымі гарадскімі ўладамі.

На тэрыторыі Беларусі гарадская рэформа 1870 г. пачала праводзіцца толькі ў 1875 г. [1]. Таму да гэтага часу актуальнай была «Грамата на правы і выгады гарадам Расійскай імперыі» (1785 г.) [2]. Згодна яе палажэнням гарадскім абывацелям дазвалялася складаць агульную гарадскую думу, у склад якой уваходзілі гарадскі галава і выбарныя гласныя. Са сваіх гласных агульная гарадская дума выбірала шасцігласную думу. Гарадская дума абавязана была пасылаць ведамасці і справаздачу па гарадскіх прыбытках і выдатках не толькі ў казённую палату, але і губернатару. У выпадку неабходнасці выдаткаў звыш закладзеных, гораду трэба было звяртацца за дазволам да губернатара [2, с. 382–383]. Як відаць, заканадаўства рабіла гарадское самакіраванне залежным ад начальніка губерні.

Нягледзячы на выбарнасць шасцігласнай думы яна практычна падпарадкоўвалася губернатару, які па законе даваў ёй прадпісанні [3, с. 44]. Для пацвярджэння такой сітуацыі можна прывесці наступны прыклад.

Так, не пазней 1867 г. галоўны начальнік краю граф Э. Т. Баранаў (1866–1868) перадаў у Мінск скаргу Віленскай следчай камісіі па палітычных справах на маруднасць ці недастаўленне некаторымі з прысутных месцаў і асоб запатрабаваных звестак. Таму 25 красавіка 1867 г. мінскі губернатар П. Н. Шалгуноў (1864–1868) прадпісаў Мінскай гарадской думе «прыняць усе залежныя меры, каб на будучы час, патрабавання камісіяй звесткі, дастаўляліся з магчымай хуткасцю і паўнатаю» [4, арк. 2–2 зв.]. З чаго вынікае, што губернатар рабіў прадпісанне дарэформеннай думе як падначаленаму органу.

Гарадавое палажэнне 1870 г. пачало паступова ўводзіцца ў беларускіх гарадах толькі з 1875 г. і мела шэраг асаблівасцей [1]. Адной з іх было тое, што зацвярджэнне абранага гарадскога галавы залежала ад міністра ўнутраных спраў не толькі ў губернскіх, але і ў іншых гарадах (калі ў губернатара ўзнікала сумненні) [1, с. 462–463].

Гарадское грамадскае кіраванне (такая назва самакіравання ўжывалася ў тагачасных заканадаўчых актах) складалася з гарадскога выбарчага сходу, гарадской думы і гарадской управы. Задачай сходаў было абранне гласных думы кожныя чатыры гады. Выбары ажыццяўляліся на падставе прынцыпу бессаслоўнасці («рускі» падданы), узроставага (не менш за 25 гадоў) і маёмасна-падатковага цэнзу (валадаў нерухомай маёмасцю ў гарадскіх межах, з якой паступаў збор на карысць горада, ці ўтрымліваў гандлёвую або прамысловую ўстанова, ці пражываў у горадзе не менш за 2 гады напярэдадні выбараў і плаціў гарадскі збор) [5, с. 824–825]. Гарадская дума фарміравала гарадскую ўправу, якая з'яўлялася яе выканаўчым органам. Як у думе, так і ва ўправе старшынстваў гарадскі галава [5, с. 828, 830].

Гарадское самакіраванне займалася гаспадаркай горада і яго добраўпарадкаваннем. Аднак яго дзейнасць на прадмет законнасці трапляла пад нагляд губернатара [5, с. 823]. Гарадскія думы перадавалі копіі сваіх пастаноў на разгляд губернатару. Калі ён не знаходзіў парушэнняў закона, то яны пу-

блікаваліся [5, с. 829]. У выпадках няправільных распараджэнняў урадавых, земскіх і саслоўных устаноў, гарадское самакіраванне магло звяртацца да губернатара для аднаўлення законнасці. Больш за тое, калі хадайніцтва не задавальняў і губернатар ці ён сам здзяйсняў парушэнні, то яно мела права падаваць скаргу ў Сенат [5, с. 824]. Гэта дазваляла гарадскому грамадскаму кіраванню быць больш незалежным ад главы мясцовай адміністрацыі.

Падчас вырашэння гарадскіх праблем праяўляліся і адносіны кіраўніка губерні з самакіраваннем горада. Напрыклад, пры аглядзе гродзенскім губернатарам М. М. Цэймернам (1879–1883) брэсцкага пажарнага абозу, ён заўважыў шматлікія няспраўнасці. У сувязі з тым, што набыццё і рамонт пажарнага абозу фінансавалася з гарадскога бюджэту, начальнік губерні 30 мая 1879 г. прасіў брэсцкага гарадскога галаву К. Ф. Паплаўскага «прыняць з свайго боку самыя энергічныя меры, каб пажарны абоз, у даволі хуткі час, быў прыведзены ў спраўнасць...» [6, арк. 4–5].

Звароты адбываліся і ў адваротным кірунку. Пры ўдасканаленні бытавых умоў у Мінску гарадскія ўлады сустрэлі дапамогу з боку губернатара А. І. Пятрова (1879–1886) у фінансавым пытанні. Гарадскі галава М. М. Галіневіч у 1885 г. вёў перамовы з начальнікам Мінскай губерні пра «перадачу гораду пазыкі на прывядзенне ў парадак гарадскіх водаправодаў 6 тысяч руб. з сум, сабраных на дапамогу пагарэльцам...» [7, арк. 11]. Губернатар згаджаўся адпусціць гораду патрэбную суму ў якасці пазыкі, але з выплатаю на працягу шасці гадоў з працэнтамі. Пры гэтым у выпадку якога-небудзь бедства, патрабавалася вярнуць увесь заняты капітал. Гарадская дума прыняла гэтыя ўмовы [7, арк. 11–11 зв.].

Пад агульныя губернарскія рэвізіі падпадалі і органы гарадскога самакіравання. Так, у поле зроку віцебскага губернатара В. В. фон Валя (1880–1884) падчас агляду губерні ў 1880 г. трапілі хібы ў працы гарадскіх дум. У выніку па яго прапанове губернскае праўленне распарадзілася «прадпісаць гарадскім думам звярнуць увагу гарадскіх галоў на прыняцце імі сапраўдных мер да больш паспяховага паступлення акладных збораў, бо паступленне такіх вельмі недавальняюча» [8, арк. 1, 151 зв.].

Для абмеркавання пастаноў гарадскога самакіравання, якія выклікалі скаргі, ці якія начальнік губерні палічыў сам незаконнымі, а таксама для разгляду абавязковых пастаноў думы ўтвараліся пад старшынствам губернатара губернскія па гарадскіх справах прысутнасці. Яны ж разглядалі і скаргі на незаконныя дзеянні службовых асоб гарадскога грамадскага кіравання, якія перадаваліся праз губернатара. Толькі праз апошняга хадайніцтва гарадской думы наконт мясцовых патрэб накіроўваліся ва ўрад [5, с. 824, 839]. Відавочна, такім чынам цэнтральныя ўлады стварылі дадатковы кантроль за гарадскім самакіраваннем з боку губернатара.

Прадстаўнікі адміністрацыі (напрыклад, віцебскі губернатар князь В. М. Далгарукаў, 1884–1894) скардзіліся на невысокую падкантрольнасць ім гарадскога самакіравання і ўвогуле на яго непрадуктыўнасць з-за цяжкага фінансавага стану гарадоў. Гэта падштурхнула ўрад пайсці на змены ў парадку фарміравання органаў самакіравання. За кошт адхілення ад выбараў

яўрэяў (у Беларусі абмяжоўвалася іх прадстаўніцтва) і павышэння маёмаснага цэнзу, змяншалася колькасць выбаршчыкаў. Гарадское самакіраванне грапляла ў большую залежнасць ад дзяржаўнай улады [9, с. 35–36, 39].

Па новым Гарадавым палажэнні 1892 г. з боку губернскай адміністрацыі ўзмацняўся кантроль за гарадскімі органамі самакіравання. Усе копіі пастановаў думы належала пасылаць губернатару. Былі вызначаны пастановы, якія перад іх выкананнем патрабавалі яшчэ і зацвярджэння ў начальніка губерні, а некаторыя – у міністра ўнутраных спраў. Калі губернатар не згаджаўся зацвердзіць такую пастанову, то яе разглядала па земскіх і гарадскіх ці па гарадскіх справах прысутнасць. І калі большасць яе членаў падтрымлівала адмову, пастанова думы не ўступала ў дзеянне [10, с. 443–445].

Так, 3 снежня 1913 г. мінскі гарадскі галава падаў губернатару А. Ф. Гірсу (1912–1915) 10 копіяў пастановаў Мінскай гарадской думы, прынятыя на пасяджэнні думы 27 лістапада бягучага года. У адказ А. Ф. Гірсу 20 снежня паведаміў гарадскому галаве, што гэтыя пастановы па розных пытаннях гарадской гаспадаркі і кіравання не сустрэлі з яго боку перашкод да выканання [11, арк. 314–314 зв.]. Тым самым начальнік губерні адсочваў дзейнасць думы.

У параўнанні з папярэднім Гарадавым палажэннем 1870 г. новы закон ад 11 чэрвеня 1892 г. надзяляў губернатара правам нагляду не толькі за законнасцю дзеянняў гарадскога грамадскага кіравання, але і за іх правільнасцю [10, с. 434]. Безумоўна, такое новаўвядзенне зужала магчымасць самакіравання дзейнічаць незалежна ад губернскай адміністрацыі.

Новым аказалася і тое, што з боку Міністэрства ўнутраных спраў (МУС) абмяжоўваўся прынцып выбарнасці. Калі па выніках паўторных выбараў колькасць выбраных галосных была менш за 2/3 агульнай іх лічбы, то міністр унутраных спраў распараджаўся папаўняць недастатковую колькасць галоснымі папярэдняга складу [10, с. 440].

Гарадавое палажэнне 1892 г. дазваляла губернатару спыняць выкананне пастановы думы на двух падставах: калі яно пярэчыла закону ці перавысіла ўладу грамадскага кіравання; і калі не адпавядала «агульнай дзяржаўнай карысці і патрэбам», альбо відавочна парушала «інтарэсы мясцовага насельніцтва» [10, с. 445]. Пад такое значэнне можна было падвесці амаль любую пастанову думы. Таму яна аказалася пад яшчэ большай апекай начальніка губерні. Разам з тым дума працягвала прымаць рашэнні самастойна, а не выконваць загады адміністрацыі.

У губернях, дзе ўвялі «Палажэнне аб губернскіх і павятовых земскіх установах» ад 12 чэрвеня 1890 г., правільнасць і законнасць пастановаў і распараджэнняў гарадскога самакіравання абмяркоўвалася ў губернскіх па земскіх і гарадскіх справах прысутнасцях. У тых губернях, дзе Палажэнне 1890 г. не ўводзілася, утвараліся губернскія па гарадскіх справах прысутнасці пад старшынствам губернатара [10, с. 435]. Апошнія тычылася і тэрыторыі Беларусі (толькі з 1911 г. яно распаўсюджвалася на Віцебскую, Магілёўскую і Мінскую губерні).

Начальнік губерні фактычна кантраляваў усе этапы дзейнасці гарадскіх дум. Складзеныя гарадскімі думамі абавязковыя пастановы публікаваліся гу-

бернатарам, калі ён не сустрэкаў перашкод да іх зацвярджэння. Гарадскі галава перад кожным чарговым сходам думы павінен быў пасылаць губернатару і галосным пералік спраў, якія падлягалі слуханню [10, с. 442, 450].

Так, мінскі гарадскі галава С. Б. Хржанстоўскі 28 жніўня 1913 г. прадставіў губернатару А. Ф. Гірсу спіс спраў, прызначаных да вырашэння ў чарговым пасяджэнні думы. На ім разглядаўся шэраг спраў, у тым ліку прапанова мінскага губернатара з копіяй цыркуляра Міністэрства фінансаў «па пытанні аб выданні новых правілаў і закона аб гарадскіх ламбардах» [11, арк. 64, 67]. Дума пастанавіла выбраць камісію, якая ў выніку разгледзела праект правіл і зрабіла заключэнне аб пажаданасці змен і дапаўненняў [11, арк. 67, 102]. Гэта сведчыць аб тым, што гарадское самакіраванне знаходзілася ў пастаяннай камунікацыі з адміністрацыяй. Але яно не бязвольна згаджалася з прапановамі губернатара, а, выказваючы свае заўвагі, праяўляла самастойнасць.

Не заўсёды супадалі погляды з начальнікам губерні і ў сферы непасрэднай кампетэнцыі органаў самакіравання, у прыватнасці – на развіццё профілю адукацыі ў Беларусі.

Так, у 1913 г. губернатар А. Ф. Гірс бачыў патрэбу для Мінскай губерні ў сельскагаспадарчым інстытуце. На яго думку гэта ўстанова паслужыла б падняццю дабрабыту вёскі, прыцягнула б «рускіх культурных людзей» у мясцовы край. Між тым А. Ф. Гірс адмоўна ставіўся да хадайніцтва Мінскай лясной біржы аб адкрыцці ў Мінску камерцыйнага інстытута. Ён лічыў, што такая ўстанова «будзе абслугоўваць выключна асоб іўдзейскага паходжання», павялічыць прыток яўрэяў з іншых губерняў і ў выніку пасадзейнічае ўзмацненню тут «варожага існуючаму ладу іншароднага элемента» [12, арк. 1–2 зв.].

У сваю чаргу, гарадская дума пастанавіла асігнаваць на ўладкаванне камерцыйнага інстытута 20 000 руб. у выпадку дазволу ўрадам. У той жа час гарадскі галава абяцаў шырокую падтрымку і ў стварэнні сельскагаспадарчага інстытута [12, арк. 1–2]. Выходзіць, што дума гатова была падтрымаць розныя кірункі развіцця мясцовай адукацыі, а губернатар, зыходзячы з палітычных прычын, аддаваў перавагу пэўнай спецыялізацыі. У любым выпадку погляды начальніка губерні і думы сыходзіліся ў неабходнасці стварэння мясцовых устаноў вышэйшай ці хаця б сярэдняй адукацыі.

Яшчэ адной асаблівасцю самакіравання ў беларускіх гарадах была значная колькасць «польскіх» дзеячаў. Гэта накладалася на адносіны з начальнікам губерні.

Напрыклад, мінскі губернатар князь М. М. Трубяцкой (1886–1902) быў незадаволены эканамічнай незалежнасцю гарадскога галавы графа К. Э. Чапскага [13, с. 55]. У пачатку XX ст. 75 % Мінскай гарадской думы складалі каталікі [14, арк. 42]. Большая частка думы падтрымлівала К. Э. Чапскага, хоць існавала і апазіцыя. Аднак з цягам часу пад ціскам губернскіх улад дума перастала ўхваляць праекты гарадскога галавы. У 1900 г. гарадскія справядзчы правяраліся рэвізійнай камісіяй. У выніку ціску думы і адміністрацыі і сапаванага здароўя граф К. Э. Чапскі ў 1901 г. сышоў у адстаўку [13, с. 53, 56–57; 15, с. 265].

Таксама князь У. А. Друцкой-Сакалінскі (1916–1917) згадваў ва ўспамінах, што падчас кіравання Мінскай губерняй не раз «сутыкнуўся з паланафільскай тэндэнцыяй мінскіх грамадскіх устаноў» [16, с. 119]. Ён прыводзіў такі выпадак. Пасля выкрыцця злоўжыванняў у адной з харчовых крам, якімі загадваў гласны гарадской думы «Віткоўскі» (дакладней – Ігнацій Ігнацьевіч Віткевіч. – Я. Л.), губернатар праверыў спіс усіх служачых па харчовай справе ў гарадской управе. Ён выявіў, што «спадар Віткоўскі да сябе ў аддзел рускіх не дапускаў, і ўсе яго супрацоўнікі, да апошняга прадаўца, былі выключна палякі». Праверыўшы гэты спіс, губернатар прапанаваў гласнаму думы «многіх з іх звольніць са службы, з прычыны іх відавочнай нядобранадзейнасці» [16, с. 113, 119].

У выніку можна сказаць, што ў Беларусі губернатар, які часта паходзіў з цэнтральных расійскіх губерняў і быў праваслаўнага веравызнання, меў службовыя адносіны з не зусім лаяльным гарадскім самакіраваннем. У гарадскіх думах і ўправах было нямала т. зв. «польскіх дзеячаў» (г. зн. – каталікоў). Таму ён сутыкаўся з «паланафільскай тэндэнцыяй» гарадскіх грамадскіх устаноў.

Такім чынам, у дарэформенны перыяд (да 1875 г.) у руках губернатара засяроджваўся нагляд за органамі гарадскога самакіравання. Пры гэтым ён рабіў ім прадпісанні як падначаленым чыноўнікам.

Пасля правядзення ў беларускіх губернях (з 1875 г.) гарадской рэформы 1870 г. пад наглядом губернатара знаходзілася законнасць пастановаў гарадской думы. У той жа час гарадское самакіраванне магло звяртацца да губернатара ў выпадках парушэння законнасці ўрадавымі, земскімі і саслоўнымі ўстановамі. Больш за тое, яно мела права скардзіцца ў Сенат на няправільныя дзеянні губернатара. Гэта дазваляла гарадскому грамадскаму кіраванню менш залежыць ад начальніка губерні. Для разгляду спраў на незаконныя распараджэнні гарадскога грамадскага кіравання дзейнічалі губернскія па гарадскіх справах прысутнасці, у якіх старшынстваваў губернатар. Хадайніцтвы гарадской думы аб мясцовых патрэбах накіроўваліся ва ўрад толькі праз начальніка губерні.

Па Гарадавым палажэнні 1892 г. узмацняўся кантроль за гарадскімі органамі самакіравання з боку губернскай адміністрацыі і МУС. Толькі з дазволу губернатара, а ў некаторых выпадках – міністра ўнутраных спраў, маглі праводзіцца ў жыццё пэўныя пастановы гарадской думы. Цяпер губернатар назіраў не толькі за законнасцю дзеянняў гарадскога грамадскага кіравання, але і за іх правільнасцю. Ён атрымаў права спыняць выкананне пастановаў думы, не толькі калі яно парушала закон ці перавышала ўладу грамадскага кіравання, але і калі не адпавядала дзяржаўным ці мясцовым інтарэсам. Разам з тым органы гарадскога грамадскага кіравання фармальна захавалі самастойнасць у прыняцці рашэнняў.

Гарадское самакіраванне мела шчыльную камунікацыю з начальнікам губерні, нават калі ў іх не супадалі погляды ў сферы непасрэднай кампетэнцыі органаў самакіравання. Гарадская дума і ўправа не абавязкова выконвалі прапановы губернатара. Часта, асабліва ў Мінску, гарадское самакіраванне выказвала свае патрэбы, заўвагі і праўляла самастойнасць. У выніку ў Беларусі начальнік губерні, які часцей за ўсё з'яўляўся праваслаўным і паходзіў з уну-

траных расійскіх губерняў, быў вымушаны кантактаваць з прадстаўнікамі рознаканфесійнага гарадскога грамадскага кіравання. Многія гласныя думы і члены ўправы былі каталікамі мясцовага паходжання. Некаторыя з іх дзейнічалі ў інтарэсах пераважна каталіцкага насельніцтва, і гэта выклікала напружанне ў адносінах органаў гарадскога самакіравання з губернатарам.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. О применении Городового положения 16 июня 1870 года к городам Западных губерний: мнение Гос. совета, 29 апреля 1875 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: в 55 т. – СПб., 1877. – Т. 50, отделение 1. – С. 462–464.

2. Грамота на права и выгоды городам Российской империи, 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 22. – С. 358–384.

3. Свод законов Российской империи: [в 16 т.] / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. – Изд. неофиц. – СПб.: Деятель, 1912. – Т. 2: Свод губернских учреждений. – 737 с.

4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 24. Мінская гарадская дума. – Воп. 1. – Спр. 2230. Циркуляры и предписания минского губернатора и Минского губернского правления. 29.03.1867–30.12.1867.

5. Городовое положение: имен. указ Сенату, 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: в 55 т. – СПб., 1874. – Т. 45, отделение 1. – С. 821–839.

6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. – Ф. 1. Канцэлярыя гродзенскага губернатара. – Воп. 8. – Спр. 2. Дело о ревизии губернатором присутственных мест по уездам губернии. 22.05.1879–17.12.1879.

7. НГАБ. – Ф. 295. Канцэлярыя мінскага грамадзянскага губернатара. – Воп. 1. – Спр. 3976. Дело об исправлении городских водопроводов Минской городской управой. 15.06.1885–01.01.1903.

8. НГАБ. – Ф. 1416. Віцебскае губернскае праўленне. – Воп. 3. – Спр. 14619. Дело по предложению витебского губернатора о ревизии произведенной им по всем уездам Витебской губернии. 26.07.1880–05.11.1880.

9. *Подорожняя, Е. А.* Проект витебского губернатора В. М. Долгорукова по реформированию городского самоуправления / Е. А. Подорожняя // Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. работ / Белорус. гос. пед. унт; редкол.: В. В. Бущик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 35–40.

10. Городовое положение : мнение Гос. совета, 11 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. – СПб., 1895. – Т. 12. – С. 430–456.

11. НГАБ. – Ф. 24. – Воп. 1. – Спр. 3650. Журналы заседаний Думы, доклады Минской городской управы по вопросам городского хозяйства и др. 29.04.1913–16.12.1913.

12. НГАБ. – Ф. 295. – Воп. 1. – Спр. 8306. Дело по ходатайству Минской лесной биржи об открытии коммерческого института в гор. Минске. 19.02.1913–19.07.1913.

13. Шыбека, З. В. Караль Чапскі перад выклікам гарадской цывілізацыі / З. В. Шыбека // Жыццё Айчыне, гонар нікому: матэрыялы Міжнар. навук. канф., прысвечанай 180-годдзю з дня нараджэння Эмерыка фон Гутэн-Чапскага, Мінск, 16–18 сакавіка 2009 г. / рэдкал.: І. Кароль, І. Гатальскі. – Мінск, 2010. – С. 50–60.

14. Моторова, Н. С. Деятельность органов городского самоуправления на территории Беларуси в социальной сфере (1875–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. С. Моторова. – Минск, 2010. – 156 л.

15. Бригадин, П. И. Минские губернаторы: история власти / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск: Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2009. – 351 с.

16. Друцкой-Соколинский, В. А. На службе Отечеству: зап. рус. губернатора (1914–1918 гг.) / В. А. Друцкой-Соколинский. – Орел: РКФ «3 июля: РИГ «Невероят. мир», 1994. – 405 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧИНОВНИКОВ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В КОНЦЕ ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Киселев А. А.

Белорусский государственный экономический университет, Минск,
Беларусь

Большинство чиновников существовали исключительно на жалование и не имели значительной недвижимой собственности. В 80-х гг. XIX в. уездная полиция имела всесословный состав. Основными сословными группами являлись дворяне (34 %), духовенство (30 %), обер-офицерские дети (19 %) и дети чиновников и канцелярских служащих (6,4 %). Образовательный уровень полицейских был невысоким. По самым минимальным оценкам около половины всех чиновников уездной полиции относились к местным уроженцам. Несмотря на то, что среди чиновников полиции были лютеране, католики и мусульмане, полицейские были в основном православного вероисповедания (88 %).

Ключевые слова: уездная полиция; белорусские губернии; социальный состав; чиновники.

THE SOCIAL COMPOSITION OF OFFICIALS OF THE DISTRICT POLICE OF THE BELARUSIAN PROVINCES AT THE END OF THE REIGN OF EMPEROR ALEXANDER II

Kiselev A. A.

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

Most officials existed solely on a salary and did not have significant real estate. In the 80s. 19th century the county police had an all-estate composition. The main estate groups were nobles (34 %), clergy (30 %), chief officer children (19 %) and children of officials and clerical assistants (6,4 %). The educational level of the policemen was low. According to the most minimal estimates, about half of all county police officers belonged to local natives. Despite the fact that Lutherans, Catholics and Muslims were among the police officers, the policemen were mostly Orthodox (88%).

Keywords: county police; Belarusian provinces; social composition; officials.

В белорусской историографии вопрос о составе чиновников уездной полиции во второй половине XIX в. специально не ставился, несмотря на наличие нескольких исследований посвященных общей характеристике чиновничества в белорусских губерниях [1; 2]. В свою очередь в современной российской исторической науке имеется несколько публикаций, посвященных анализу состава чинов уездных полицейских управлений в отдельных губерниях империи [3; 4; 5]. Изучение социального состава полицейских чи-

новников позволяет выявить не только направленность кадровой политики российского правительства в том или ином регионе империи, но и оценить состояние полицейских служащих от их сословного происхождения до уровня образованности и возраста, что сказывалось на эффективности деятельности полиции. В этой связи исследование состава служащих уездных полицейских управлений белорусских губерний в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в., с одной стороны, даст ответ на вопрос о последствиях кадровой политики в крае после польского восстания 1863–1864 гг., с другой стороны, предоставляет возможность составить социальный портрет чиновников уездной полиции.

В целях характеристики социального состава чиновников уездной полиции белорусских губерний использовались формулярные списки чиновников Виленской, Минской, Витебской и Гродненской губерний. В силу неудовлетворительной сохранности материалов официального делопроизводства, во-первых, не удалось использовать формулярные списки чинов Могилевской губернии; во-вторых, полностью личные дела всех чиновников не сохранились ни в одной из изученных губерний. Вместе с тем сохранившиеся формуляры позволяют составить обобщенный социальный портрет полицейского чиновника в этих губерниях на исходе правления Александра II. В частности, нами использовались формулярные списки чинов уездной полиции Виленской губернии за 1881 г. (68 из 96 – 70,8 % от штата) [6], Гродненской губернии за 1880 г. (24 чел., или 21 % от штата из 114 чел.) [7], Витебской губернии за 1881 г. (59 из 125, или 47,2 % от штата) [8] и Минской губернии за 1878 (39 из 108, или 36,1 % от всего штата) [9]. Такая сохранность обусловлена исключительно случайными обстоятельствами, что исключает предвзятость отбора. Вместе с тем по ряду параметров (вероисповедание, уровень образования, стаж) сведения о подавляющем большинстве чиновников возможно дополнить информацией, размещенной в губернских памятных книжках [10; 11; 12; 13].

В первую очередь рассмотрим сословное происхождение чиновников уездных полицейских управлений. В частности, среди 18 исправников большинство составляли потомственные дворяне (14 – 77,7 %), на втором месте оказались выходцы из обер-офицерских детей (3 – 16,7 %), а один исправник (5,6 %) происходил из духовенства. Из 18 помощников исправников дворяне тоже были в большинстве, но по сравнению с исправниками процент их заметно понизился (55,6 %). Практически каждый пятый (4 – 22,2 %) являлся представителем духовного сословия, 2 (11,1 %) были из обер-офицерских детей, по одному помощнику происходили из канцелярских детей и из крестьян соответственно. На всех остальных полицейских должностях потомственные дворяне находились уже в относительном меньшинстве. В частности, среди 20 старших и добавочных заседателей только каждый четвертый был дворянин, 19 приставов (31,1 %) из 61 станových также оказались потомственными дворянами, как и 1 заседатель для особых поручений. Из 18 полицейских надзирателей только 2 (11,1 %) являлись дворянами. В свою очередь среди заседателей большинство составили выходцы из духовенства

(8–40 %), 3 (15 %) были из обер-офицерских детей, 1 (5 %) – из канцелярских служителей, 1 – из подполковнических детей, т. е. из личных дворян. В двух случаях сведения о социальном происхождении отсутствовали. Несмотря на то, что стантовые приставы из дворян занимали первое место среди всех сословных групп на этой должности, в целом большинство этих чиновников составляли выходцы из недворянских сословий. Так, на втором месте среди стантовых оказались представители духовенства (15 чел. – 24,6 %, т. е. практически каждый четвертый), на третьем месте – обер-офицерских детей (11–18 %). В четырех случаях (6,6 %) в графе о происхождении указывалось, что стантовые являются сыновьями чиновников (от XIV до VI кл.). Трое (4,9 %) стантовых происходили из канцелярских служителей. В 7 отдельных случаях стантовые происходили из самых разных сословных групп (от купеческих детей, потомственных почетных граждан, мещан до волноопределяющего, воспитанника приказа общественного призрения, сына кондуктора и отыскивающего дворянство литовского татарина). Наконец, в двух формулярных списках информация отсутствовала. В свою очередь половина всех полицейских надзирателей происходила из духовного сословия, а каждый третий – из обер-офицерских детей. В одном случае сведения о происхождении в формуляре не были указаны.

При характеристике чиновников, исполнявших административно-полицейские обязанности непосредственно в самом управлении, т. е. секретаря, столоначальников и регистратора, то среди них наблюдалось следующее распределение по сословным группам. В частности, среди 19 секретарей по 5 чел. (26 %) оказались выходцами из дворян и духовенства, 4 (21 %) – из обер-офицерских детей, 1 – из мещан, 1 – из личных почетных граждан, 1 был сыном коллежского секретаря. В двух случаях информация отсутствовала. Из 21 столоначальников 9 чел. (42,9 %) происходили из духовенства, 6 (28,6 %) – из дворян, 3 (14,3 %) – из обер-офицерских детей, 1 – из сыновей коллежского регистратора, 1 – из канцелярских служителей и 1 – из солдатских детей. Наконец, из 13 чиновников на должности регистратора 5 чел. (38,5 %) по своему происхождению принадлежали к духовенству, по 3 (23,1 %) чел. к дворянству и обер-офицерским детям соответственно. Один регистратор оказался сыном фельдшера, т. е. из нижних чинов армии, и 1 служащий происходил из солдатских детей.

Если говорить о владении недвижимой собственностью, то можно отметить, что для большинства чинов полиции основным источником существования являлось жалование. Вместе с тем имелись некоторые особенности. Из 18 исправников недвижимостью имели 8 (44,4 %) начальников уездной полиции, однако далеко не всегда удается установить точный размер их собственности. В частности, 1 чел. купил 157,17 дес. земли, 1 чел. приобрел 864 дес. 90 саж., причем еще имел за отцом 400 дес. в Черниговской губернии, 1 просто купил имение, но площадь земельной собственности в формуляре отсутствовала. В двух случаях собственность была исключительно наследственная, в том числе один исправник имел 100 дес., которыми владел совместно с братом, а второй был наследником родительского фольварка. Виленский исправ-

ник Н. Ф. Иванов получил из казны 231,5 дес. с правом их выкупа в течение 20 лет. Бобруйскому исправнику Г. Л. Пигулевскому был пожалован земельный участок в 125,54 дес. Наконец, минскому исправнику В. М. Добровольскому за службу в 1869 г. была пожалована ферма в Слуцком уезде, а затем он дополнительно приобрел себе имение, но ни в первом, ни во втором случае площадь земельных приобретений не указывалась. Среди помощников исправников доля собственников оказалась заметно меньшей: 4 чел. (22,2 %) из 18 чиновников. В двух случаях собственность была приобретенной, но один купил себе 47 дес. земли и деревянный дом в Вилейке, а помощник велижского исправника имел купленный на имя жены деревянный дом. Еще один помощник разделял владение имением с братом, а второй указал наличие наследственного имения за женой. Однако размер земельных владений не был указан в обоих случаях. Среди станových процент собственников оказался еще меньше – 16,4 % (10 чел.), причем землевладельцев на этих должностях оказалось немного. Так, один становой приобрел 115 дес., за супругой другого чиновника значилось купленных 127 дес. и 385 саж. Еще в одном случае за женой станového числилось наследственных 2,5 дес., а последний из земельных владельцев имел 4 дес. принадлежащих отцу. У остальных приставов недвижимость заключалась в наличии дома, который был либо куплен на имя жены (1 чел.), принадлежал по наследству супруге (1 чел.), куплен станovým (1 чел.) или его родителями (1 чел.), перешел по наследству (1 чел.) или пока принадлежал родителям (1 чел.). Среди 20 неперемных, добавочных и особых заседателей 2 (10 %) имели земельную собственность (60 наследственных дес. и 100 дес. принадлежащих жене заседателя), 1 имел деревянный дом в Смоленской губернии. Заседатель для особых поручений указал наличие имения за родителями в Могилевской губернии.

Из 19 секретарей полицейских управлений трое указали наличие деревянного дома, из которых только 1 был приобретен чиновником. Двое секретарей оказались землевладельцами, но один из них указал наличие фольварка, принадлежащего родителям, а другой – купленные отцом 180 дес., из которых 50 дес. принадлежали чиновнику. Из 21 столоначальников к собственникам относились 3 (14,3 %), причем только один владел 80 дес. в Черниговской губернии, 1 приобрел дом и 1 имел принадлежащий матери дом. Из 13 регистраторов только 1 унаследовал 30 дес. и дом, а еще 1 купил себе деревянный дом. Из 18 полицейских надзирателей 2 (11,1 %) оказались владельцами земельной собственности, в том числе в одном случае приобретенной без указания площади, во втором – земля принадлежала матери надзирателя.

В целом 38 (20 %) из 190 полицейских чиновников имели недвижимость, которая в 14 (36,8 %) случаях заключалась в наличии дома, а в прочих – во владении земельной собственностью. Только одного из собственников можно безусловно считать крупным. Наиболее состоятельной группой были начальники уездной полиции.

Для характеристики образовательного уровня чиновников помимо формулярных списков привлекались данные, размещенные в «Памятных книжках». Рассмотрим образовательный уровень начальников уездной полиции:

из 27 исправников только двое (7,4 %) имели высшее образование, окончив юридический факультет Санкт-Петербургского университета и Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Законченное среднее образование в гимназиях и семинарии получили 8 (29,6 %) исправников, 1 имел неполное среднее образование, окончив прогимназию. Четверо (14,8 %) не сумели пройти полный курс обучения в гимназии и семинарии. Пятеро (18,5 %) ограничились образованием в объеме уездного училища. Столько же исправников (18,5 %) получили военное образование, окончив кадетские корпуса (3 чел.), Николаевское училище гвардейских юнкеров и Первый штурманский полужукипаж. Среди помощников исправника оказался только один (3,4 %) чиновник с высшим образованием – выпускник Санкт-Петербургского лесного и межевого института. Завершенное среднее образование получили два воспитанника семинарии и один гимназии (3 – 10,3 %). По 2 помощника не завершили свое образование в гимназии и семинарии соответственно (4 – 13,8 %). Трое ограничились образованием в объеме уездного училища, 4 – духовного училища, 3 – уездного дворянского училища и 2 (6,9 %) прошли обучение в Смоленском училище для канцелярских служителей. Пять (17,2 %) помощников исправников получили лишь домашнее воспитание. Три чиновника данной категории получали образование в военно-учебном заведении, но двое из них не сумели окончить кадетский корпус. Полный курс обучения прошел лишь воспитанник Первого штурманского полужукипажа.

Из 102 становой никто не мог похвалиться высшим образованием. Только 14 (13,7 %) получили законченное среднее образование, из которых 9 являлись воспитанниками гимназии, а 5 – семинарии. 20 чел. (19,6 %) не сумели завершить свое обучение и по тем или иным причинам покинули гимназию (12 чел.) или семинарию. Один становой имел неполное среднее образование, окончив прогимназию. Начальное образование в учебных заведениях получило большинство станowych приставов, в том числе 19 (18,6 %) учились в уездных училищах, 12 (11,8 %) – в духовных училищах, 2 (1,9 %) – уездных дворянских училищах, 1 – в Смоленском училище для канцелярских служителей, 1 – землемерное училище, 2 сдали экзамен на первый классный чин, т. е. подтвердили знания в объеме уездного училища, 1 прошел губернские педагогические курсы, 3 (2,9 %) учились в частных учебных заведениях. Кроме того, 1 становой не сумел окончить уездное училище, 2 чел. не справились с курсом духовного уездного училища. Домашним воспитанием ограничились 16 (15,7 %) станowych. Отдельную группу составляли станowe, обучавшиеся в военных заведениях: 2 в кадетских корпусах, но 1 курс не окончил, 3 не сумели окончить военное училище, 2 оказались воспитанниками пехотных юнкерских училищ.

Среди 2 частных приставов и 26 полицейских надзирателей, отвечавших за поддержание правопорядка в уездных городах, 1 (3,6 %) имел высшее образование, окончив Санкт-Петербургский лесной и межевой институт, 4 (14,3 %) получили среднее образование в гражданских учебных заведениях (гимназия и 3 семинарии). Кроме того, один полицейский надзиратель не сумел пройти все этапы обучения в семинарии. Начальное образование в объ-

еме курса уездного училища получили 6 чел. (21,4 %), 10 чел. (35,7 %) учились в духовных училищах, но один из них курс не окончил. Три надзирателя проходили обучение в военных заведениях разного уровня: 1 учился в батальоне военных кантонистов, 1 окончил пехотное юнкерское училище и 1 оказался воспитанником Александровского военного училища. Наконец, 3 (10,7 %) ограничились домашним воспитанием.

Если говорить об образовательном уровне классных чиновников канцелярии уездного полицейского управления, т. е. секретаре, столоначальниках и регистраторе, то среди них не оказалось ни одного лица с высшим образованием. Гимназическое образование получили 6 (7,4 %) из 81 чиновников, а вот воспитанниками семинарий оказались 4 чел. (4,9 %). При этом 9 чел. (11,1 %) не сумели окончить гимназию, а 2 (2,5 %) – семинарию. В двух случаях чиновники получили неполное среднее образование в прогимназии. 20 чел. (24,7 %) ограничились образованием в объеме уездного училища, 7 чел. (8,6 %) – духовного училища, 3 (3,7 %) – уездного дворянского училища, 1 (1,2 %) – городского училища, 1 – училища для канцелярских служащих. К этой группе примыкают те, кто не сумел окончить курс в данных учебных заведениях: таких оказалось 8 чел. (9,9 %). Заметный процент составили те, кто имел лишь домашнее воспитание – 14 чел. (17,2 %). Два чиновника получили элементарные познания при обучении в батальоне военных кантонистов, 1 не сумел окончить военное училище, 1 полностью прошел обучение в военном училище. Вместе с тем доля лиц с военным образованием составила всего 4,9 %.

Среди 34 неперменных заседателей, дополнительных и особых заседателей только один (2,9 %) окончил университет, 4 чел. (11,8 %) – гимназию, а 2 чел. (5,9 %) – семинарию. Еще 4 чел. (11,8 %) не сумели завершить обучение в данных учебных заведениях. Большинство получили начальное образование: 9 (26,5 %) окончили духовное уездное училище, 7 (20,6 %) – уездное училище, 1 (2,9 %) – уездное дворянское училище, 1 – школу писцов при Министерстве юстиции, 1 – частное учебное заведение. Только 1 получил образование в батальоне военных кантонистов. Наконец, 3 чел. (8,8 %) имели лишь опыт домашнего воспитания.

Характеризуя в целом образовательный уровень полицейских чиновников уездной полиции, можно заключить, что высшее образование среди них являлось редкостью – 5 (1,7 %). Среднее образование (гимназия и семинария) получили 46 чел. (15,2 %), 4 чел. (1,3 %) имели неполное среднее образование, окончив прогимназию. К последней категории примыкают 44 (14,6 %) чиновника, которые были вынуждены оставить гимназию или духовную семинарию, не закончив свое обучение. На уровне начального образования оказалось большинство чиновников (124 – 41,1 %), окончивших разные учебные заведения (уездные училища, духовные училища, уездные дворянские училища, канцелярские училища, городское училище, частное учебное заведение, землемерное училище, курсы, сдали экзамен на чин коллежского регистратора). Кроме того, 12 чел. (4 %) оставили начальное учебное заведение. Почти столько же чиновников, сколько получили среднее образование, ограничи-

лись домашним воспитанием – 43 чел. (14,2 %). Образование в военно-учебных заведениях и во время армейской службы получили 24 чел. (7,9 %), в том числе 2 учились в Первом штурманском полужукаже, 2 окончили военные училища, 5 воспитывались в кадетских корпусах, 1 – в Николаевском училище гвардейских юнкеров, 3 – пехотных юнкерских училищах, 4 получили образование в батальонах военных кантонистов. Кроме того, 4 чел. не сумели окончить военные училища, 3 чел. – кадетские корпуса.

Средний возраст полицейских чиновников колебался в пределах от 33 до 47 лет. В частности, средний возраст исправников составил 46,8 лет, их помощников – 40,6 лет, станových приставов – 39,5 лет, полицейских надзирателей – 33,6 лет, частных пристав – 36 лет, непременных заседателей – 38,9 лет, добавочных заседателей – 46 лет. Секретари имели средний возраст в 37 лет, столоначальники – 34,3 года, регистраторы – 36 лет. Следует отметить, что среднее арифметическое в ряде случаев искажает картину, поскольку на итоговый результат влиял большой размах. Так, среди столоначальников диапазон в возрасте колебался от 19 до 71 лет, регистраторов – от 18 до 63 лет. В этом случае более информативны медианы, которые показывают, что на должностях исправников половина всех чиновников была старше 48,5 лет, их помощников и станových приставов – старше 40 лет. В свою очередь половина всех секретарей управлений оказалась моложе 35 лет, столоначальников – моложе 30,5 лет, регистраторов – 32,5 лет, полицейских надзирателей – 33 лет. Наконец, для непременных или старших заседателей медиана составила 37,5 лет, а добавочных и особых заседателей – 45 лет.

Важной характеристикой состава чинов уездного полицейского управления является наличие армейского опыта службы. Анализ формулярных списков показал, что лишь 19 (10 %) чиновников из 190 прежде поступления на гражданскую службу послужили некоторое время в русской армии. Если говорить об общем стаже нахождения на государственной службе, то ожидаемо лица, занимавшие должности исправников (в среднем 27,4 года), их помощников (22,5 года), непременных заседателей (21,3 года), добавочных и особых заседателей (25 лет) и станových приставов (20,3 года), имели больший служебный опыт за своими плечами по сравнению с чиновниками канцелярии управления. Например, средний стаж секретарей составил 15 лет, столоначальников – 11,8 лет, регистраторов – 12,4 лет. Из исполнительных чиновников только полицейские надзиратели имели сравнительно невысокий стаж – 12 лет.

Сведения о вероисповедании чиновников уездной полиции можно легко реконструировать на основании данных из памятных книжек за соответствующие годы. Однако по таким должностным лицам как столоначальники и регистратор привлекались сведения из формулярных списков, поскольку информация в памятных книжках по этим чиновникам имела лишь по Минской губернии. Следует отметить, что православные составляли подавляющее большинство на всех постах в уездной полиции. В частности, среди 36 исправников только 5 (13,9 %) не исповедовали православие. Из них 4 оказались мусульманами, 1 – лютеранином. Из 36 помощников

исправника лишь 2 (5,6 %) были мусульманами, а прочие – православные. Из 131 станowych приставов 11 (8,4 %) исповедовали ислам, 2 (1,5 %) – лютеранство, а остальные ожидаемо оказались православными. Такие полицейские чиновники как 4 пристава, 2 помощника приставов и 33 полицейские надзирателя были исключительно православными. На должностях непрременных, добавочных и особых заседателей разместилось 4 (8,9 %) католика, 2 (4,4 %) мусульманина и 39 (86,7 %) православных. Среди 35 секретарей 6 (17,1 %) являлись католиками, 1 (2,9 %) – мусульманином, остальные – православными. Из 56 столоначальников и регистраторов оказалось 10 (17,9 %) католиков и 3 (6,7 %) мусульман, прочие принадлежали к господствующему вероисповеданию.

Самым сложным был вопрос о том, являлся ли данный чиновник местным уроженцем. Под «местным уроженцем» предлагается понимать чиновника, родившегося в западных губерниях империи. Вследствие того, что в формулярных списках отсутствовала графа место рождения, то вопрос о принадлежности служащего к жителям губерний Западного края можно установить по совокупности нескольких косвенных признаков: расположение учебного заведения, первое место службы, вероисповедание (католик, мусульманин), сословное происхождение. Очевидно, что причисление того или иного чиновника на основании этих маркеров к местным жителям не будет бесспорным. Так, в 70-х – начале 80-х гг. XIX в. в «Адрес-календаре и справочной книжке Гродненской губернии» наряду с прочими сведениями о чиновнике имелась отметка «местный уроженец». Если мы рассмотрим формулярный список сокольского надзирателя П. В. Бурсы, то увидим, что этот выходец из духовного сословия окончил Жировичскую духовную семинарию и поступил на службу в Литовскую духовную консисторию, то есть у нас имеются некоторые основания считать его выходцем из жителей белорусских губерний, но в «Адрес-календаре» отсутствует соответствующая пометка. Казалось бы, это ставит под сомнение предложенную методику. Однако в сведениях об особом заседателе Брестского Уездного полицейского управления А. Ф. Веревкине-Шелюте также нет пометки «местн. урож.», но в его формулярном списке, во-первых, указывалось, что он происходит «из дворян Могилевской губернии», во-вторых, имеет наследственное имение в этой же губернии, т. е. родился будущий заседатель скорее всего там же и поступил на службу писцом в Гродненский уездный суд в 1857 г. в возрасте 23 лет. В этой связи уместно предположить, что в число местных уроженцев в администрации Гродненской губернии вносили либо тех, кто родился в пределах этой губернии или в границах Виленского генерал-губернаторства. Помимо этого, в «Адрес-календаре и справочной книжке Гродненской губернии» имеется отметка «в крае» с указанием года, в котором чиновник пребывал сюда на службу. Характерно, что такая пометка встречается, как и отметка «местн. урож.», далеко не напротив каждой фамилии, а значит косвенно подтверждает предположения о значении указателя о местном уроженце. Более того, в случае с белостокским исправником И. Д. Сафаревичем имеется отметка «мест. урож.» и сведения о том, что в крае и на должности

он оказался в 1872 г. Эти наблюдения и примеры, как представляется, позволяют вернуться к предложенной методике, которая, по крайней мере, достаточно надежно отделяет тех чиновников, кто учился и поступил на службу во внутренних губерниях империи, то есть с высокой вероятностью оказывается жителем этих же губерний. В любом случае получается приблизительная оценка процента полицейских чиновников из числа жителей Западного края. В частности, из 39 полицейских чинов Минской губернии к местным уроженцам можно отнести по осторожным оценкам 21 чел., или 53,8 %. Из 59 чиновников уездных полицейских управлений Витебской губернии местными уроженцами были предположительно 31 чел. (52,5 %). Из 68 чиновников уездной полиции Виленской губернии 38 чел. (55,8 %) скорее всего происходили из белорусско-литовских губерний. С методической точки зрения показательно проанализировать распределение «местных – не местных» по Гродненской губернии, поскольку можно, во-первых, применить методику к сохранившимся формулярным спискам; во-вторых, привести данные из «Адрес-календаря и справочной книжки Гродненской губернии» с указанием доли лиц, у которых имелась отметка «местный уроженец» и, в-третьих, проанализировать сведения «Адрес-календаря» по предложенной методике. В результате из 102 чинов полиции 28 (27,5 %) оказалось лицами с пометкой «местные уроженцы»; при учете тех лиц, которые гипотетически относятся к уроженцам всех западных губерний (по самым осторожным оценкам) – 47 чел. (46 %). По сведениям из 24 сохранившихся формуляров получается, что 9 чел. (37,5 %) можно отнести к местным выходцам. Это позволяет предположить, что в Гродненской губернии все же доля местных уроженцев была немного ниже 50 %, что отличает эту губернию от Витебской, Минской и Виленской губерний. Интересно, что в своей диссертации С. М. Токть, анализируя состав чиновничества Гродненской губернии в целом, пришел к заключению, что среди чиновников православного исповедания в конце 60-х гг. XIX в. только половина приходилась на выходцев из внутренних губерний [14, с. 15], что косвенно подтверждает полученные результаты на примере полицейских чиновников.

Таким образом, обобщенный социальный «портрет» чиновника уездной полиции белорусских губерний позволяет утверждать, что большинство чинов существовали исключительно на жалование и не имели недвижимой собственности. Только считанные чины полиции, преимущественно среди исправников, могли похвастаться более-менее заметной земельной собственностью. Можно говорить о том, что к последней четверти XIX в. полиция приобрела сословный характер, но при явном доминировании в ее составе представителей дворянства (34 %), духовенства (30 %), обер-офицерских детей (19 %), детей чиновников и канцелярских служащих (6,4 %). На прочие вместе взятые сословные группы (от крестьян до кушцов) приходилось около 10 %. Показательно, что дворяне заметно преобладали на постах начальников уездной полиции. Образовательный уровень полицейских был невысоким, поскольку лица с высшим образованием являлись исключением из правила, а обладатели начального и домашнего образования составляли более полови-

ны всех служащих. По самым минимальным оценкам около половины всех классных чиновников уездной полиции в белорусских губерниях относились к местным уроженцам, причем они были представлены на всех полицейских должностях, в том числе и исправников. Интересно, что исследование состава полицейских Пермской губернии показало, что на местных чиновников в конце XIX в. приходилось 41,2 % [3, с. 108], т. е. можно предположить, что в белорусских губерниях не наблюдалось какое-то исключительное соотношение в силу целенаправленной кадровой политики. Несмотря на то, что среди чиновников полиции были лютеране, католики и мусульмане, представители православного вероисповедания составляли явное большинство (88 %), причем лица католического исповедания встречались лишь на должностях канцелярии полицейского управления и среди заседателей. Такая ситуация обуславливалась существованием в губерниях Западного края с 1863 г. негласного запрета на назначение католиков на должности по полицейскому ведомству. Мусульмане среди чинов полиции являлись, как правило, выходцами из местной татарской общины. Достаточно важным обстоятельством представляется преимущественно гражданский опыт служивших в уездной полиции лиц.

Список использованных источников

1. *Токць, С. М.* Дзяржаўны апарат царызму у Беларусі ў 30-50 гг. XIX ст. / С. М. Токць // *Весці АН Беларусі.* – 1996. – № 2. – С. 64–70.
2. *Кузьмин, А. Д.* Социальный состав и образовательный уровень чиновников белорусских губерний в 1864–1914 гг. / А. Д. Кузьмин // *Вестник Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія.* – 2014. – № 2. – С. 147–152.
3. *Рязанов, С. М.* Полицейские чиновники и пенитенциарная система в конце XIX – начале XX в.: по материалам Пермской губернии / С. М. Рязанов // *Вестник архивиста.* – 2017. – № 1. – С. 104–113.
4. *Козельчук, Т. В.* Социальное происхождение чиновников окружных судов и полицейских управлений Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века / Т. В. Козельчук // *Вестник Курганского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки».* – 2017. – № 1. – С. 13–17.
5. *Мясников, В. П.* Земские исправники дворянских уездов Вологодской губернии (1838–1863) / В. П. Мясников // *Петербургский исторический журнал.* – 2020. – № 3 (27). – С. 33–51.
6. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 381. Оп. 25. Д. 152.
7. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 2. Оп. 37. Д. 2338.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1416. Оп. 2. Д. 15946.
9. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 7. Д. 336.
10. Памятная книжка Виленской губернии на 1881 год. – Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1880. – 260 с.

11. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1880 год. – Гродна: Гродн. губ. тип., 1879. – 456 с.

12. Памятная книжка Витебской губернии на 1881 год. – Витебск: Губ. тип., 1881. – 176 с.

13. Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1878 год. – Минск: Тип. Губ. правления, 1878. – Ч. 1. – 714 с.

14. *Тоць, С. М.* Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гадах XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус): аўтарэф. дз. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / С. М. Тоць; АН Беларусі. Ін-т гісторыі. – Мінск, 1997. – 23 с.

(Дата поступления: 23.05.2023).

САЦЫЯЛЬНАЕ ПАХОДЖАННЕ ПАВЯТОВОГА ЧЫНОЎНІЦТВА БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ (ДРУГАЯ ПАЛОВА XIX – ПАЧАТАК XX СТ.)

Лудзіч А. Р.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле разглядаецца сацыяльны склад павятовых служачых на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Аўтар на аснове аналізу фармулярных спісаў чыноўнікаў выяўляе сацыяльныя групы, прадстаўнікі якіх паступалі на дзяржаўную службу, паказвае іх ролю ў фарміраванні павятовай адміністрацыі, паслежвае эвалюцыю сацыяльнай структуры павятовага чыноўніцтва. Дадзенае даследаванне дазваляе даць больш поўную характарыстыку чыноўніцтва як сацыяльна-прафесійнай групы, а таксама ацаніць значэнне дзяржаўнай службы ў працэсах сацыяльнай мабільнасці. Даецца ацэнка палітыкі ўрада ў сферы фарміравання чыноўніцкага корпусу ў перафарменны перыяд.

Ключавыя словы: сацыяльнае паходжанне; чыноўніцтва; мясцовыя органы кіравання; павятовая адміністрацыя; асобовы склад; беларускія губерні.

THE SOCIAL ORIGIN OF THE COUNTY OFFICIALDOM OF THE BELARUSIAN PROVINCES (THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY)

Ludich A. R.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article examines the social composition of county employees on the territory of Belarus in the second half of the 19th – early 20th century. The author, based on the analysis of the form lists of officials, identifies social groups whose representatives entered the state service, shows their role in the formation of the county administration, traces the evolution of the social structure of the county officialdom. This research allows us to give a more complete description of officialdom as a socio-professional group, as well as to assess the importance of public service in the processes of social mobility. The article assesses the government's policy in the field of the formation of the official corps in the post-reform period.

Keywords: social origin; officialdom; local government; county administration; personnel; Belarusian provinces.

Вывучэнне сацыяльнага паходжання чыноўнікаў дазваляе выявіць сацыяльныя пласты, выхадцы з якіх папаўнялі шэрагі павятовай адміністрацыі, ахарактарызаваць працэсы камплектавання дзяржаўнага апарату беларускіх губерняў, зразумець, наколькі адкрытым або замкнёным было чыноўніцтва як асобая сацыяльна-прафесійная група. Акрамя таго, праз аналіз названых пытанняў можна выявіць матывы паступлення на дзяржаўную службу для

прадстаўнікоў асобных груп насельніцтва, на канкрэтных прыкладах апісаць працэсы вертыкальнай сацыяльнай мабільнасці.

Саслоўна-карпаратыўная арганізацыя на беларускіх землях мела больш адметны і развіты характар у параўнанні з велікарускімі губернямі [1, с. 175]. Прыналежнасць да таго ці іншага саслоўя было адным з важных патрабаванняў для паступлення на дзяржаўную службу. У прыватнасці, у Статуце аб службе 1857 г. пры прыёме на дзяржаўную службу неабходна мець на ўвазе: паходжанне, узрост і адукацыю [2, с. 3]. Як бачна, на першым месцы стаіць саслоўнае паходжанне, і толькі на трэцім – веды, а звесткі пра сацыяльнае паходжанне служачых значыліся адразу пасля асабістых даных. Найбольш зручна разглядаць сацыяльную структуру мясцовага чыноўніцтва можна па выхадцам з наступных групаў: 1) з дваран; 2) дзеці чыноўнікаў, штаб-і обер-афіцэраў; 3) з духавенства; 4) з сялян; 5) іншыя (мяшчане, купецтва). Па паходжанні і незалежна ад атрыманай адукацыі маюць права паступаць на грамадзянскую службу: 1) патомныя дваране і сыны асабовых дваран; 2) дзеці ваенных афіцэраў і чыноўнікаў; 3) дзеці святароў, акрамя пратэстанцкіх канфесій; 4) дзеці купцоў I-й гільды; 4) дзеці канцылярскіх служачых і разначынцаў (настаўнікі, мастакі і інш.) [3, с. 24–25]. Арт. 4 Статута 1857 г. забаранялася паступаць на службу па грамадзянскім ведамстве губерняў замежным грамадзянам; купцам і іх дзецям, за выключэннем I-й гільды; ганаровым грамадзянам і іх дзецям; вольнаадпушчэннікам; мяшчанам і ўсім падатковым саслоўям; святарам і яўрэям [2, с. 4–5]. На дзяржаўную службу маглі прэтэндаваць і асобы іншых станаў, якія мелі вышэйшую адукацыю ці скончылі сярэдняю навучальную ўстанову з адзнакай [1, с. 238].

Перад непасрэдным аналізам сацыяльнай структуры павятовага чыноўніцтва важна сказаць, што дзяржаўная служба з’яўлялася сацыяльным ліфтам для розных груп насельніцтва і адным з асноўных каналаў папаўнення дваранства. З 1856 г. грамадзянскія чыноўнікі мелі права атрымання праў спадчыннага дваранства пры дасягненні IV чыну [4, с. 70]. Да 1887 г. пасля 30 гадовай выслугі (з 1892 г. – цэнз быў павышаны да 35 гадоў), знаходжанні ў чыне не ніжэй 7 класа чыноўнік узнагароджваўся Ордэнам св. Уладзіміра IV ступені, што давала яму права патомнага дваранства. Далучыцца да асабістага дваранства маглі служачыя VI–IX класаў, а служачыя X–XIV класаў – да асабістага ганаровага грамадзянства [5, с. 97]. Павышэнне цэнзаў павінна было скараціць колькасць выпадкаў атрымання дваранства за службу, аднак гэтага не адбылося паколькі колькасць прэтэндэнтаў на дваранскае званне пастаянна ўзрастала ў сувязі з ростам бюракратыі і асоб, якія атрымлівалі сярэдняю і вышэйшую адукацыю. У Статуце аб службе 1896 г. вызначалася, што кожны які атрымаў класны чын, але не меў саслоўнай прыналежнасці да дваранства ці ганаровага грамадзянства, набываў прыналежнасць да аднаго са станаў вышэйшага саслоўя ці да асабістага ганаровага грамадзянства [1, с. 239].

Асноўнай крыніцай для аналізу асабовага складу чыноўніцтва на тэрыторыі Беларусі з’яўляюцца фармулярныя спісы. У ходзе даследавання былі прааналізаваны 542 фармулярных спісаў, якія ахоплівалі перыяд з 1867 па 1910 г. Корпус крыніц уяўляе сабой натуральную выбарку па ўсім катэ-

горыям павятовай адміністрацыі (ад кіраўнікоў устаноў да канцэлярыстаў). Аднак гэтыя крыніцы захаваліся ў невялікай колькасці ў архівавасховішчах у Гродне і Мінску. Да нас дайшлі фармулярныя спісы далёка не ўсіх прадстаўнікоў мясцовай бюракратыі, больш за ўсё дадзеных захавалася аб служачых паліцыі, суда, дваранскіх органаў самакіравання. Таму ў асноўным былі прааналізаваны фармуляры служачых павятовых устаноў Мінскай і Гродзенскай губерняў, а таксама Віцебскай і Магілёўскай. Каб прасачыць эвалюцыю сацыяльнай структуры павятовага чыноўніцтва за парэформенны перыяд, была разгледжана фармулярныя спісы служачых ў 1860-ыя гг. і ў пачатку XX ст. Вынікі падлікаў сацыяльнага паходжання служачых павятовых органаў кіравання адлюстраваны ў табліцах 1 і 2.

Табліца 1

**Сацыяльная структура павятовага чыноўніцтва
Мінскай і Гродзенскай губерняў (1867 г.)**

Установы	Дваране	Дзеці обер-афіцэраў і чыноўнікаў	Дзеці свята-роў	Сяляне	Мяшчане	Купцы	Інш.	Усяго
Павятовая паліцыя	30	22	29	4	3	–	1	89
Павятовыя суды	43	18	11	1	–	1	1	75
Органы дваранскага самакіравання	24	2	5	–	–	–	–	31
Разам	97 (49,7 %)	42 (21,5 %)	45 (23,1 %)	5 (2,5 %)	3 (1,5 %)	1 (0,5 %)	2 (1 %)	195

Крыніцы: [6, лл. 312–423; 7, лл. 27–914; 8, лл. 86–804; 9, лл. 3–134].

Матэрыялы фармулярных спісаў паказваюць, што напрыканцы 1860-х гг. у мясцовых установах пераважалі дваране – 49,7 % (табліца 1). Гэта забяспечвалася з дапамогай сістэмы, асновы якой былі закладзены Табелю аб рангах 1722 г., што надзяляла дваранства прывілегіямі ў праходжанні службы, напрыклад, у паскораным пераходзе ў наступны чын. Дваране з’яўляліся «першай апорай трона, належалі да вышэйшага і большай часткай адукаванага класа жыхароў, якія амаль усе сваё жыццё прысвячае дзяржаўнай службе,

складае і па-за ёй надзейны інструмент урада» [10, с. 212]. Прадстаўнікі гэтага саслоўя складалі асноўную частку павятовых паліцэйскіх упраўленняў, павятовых судаў, дваранскіх сходаў. У цэлым, такая ўдзельная вага дваран на грамадзянскай службе ў Беларусі супадае з агульнаімперскім кантэкстам, дзе выхадцы з прывілегіяванага саслоўя ў сярэдзіне XIX ст. складалі 40 % [11, с. 208]. Звычайна, вышэйшыя службовыя пасады ў павятовай адміністрацыі займалі найбольш багатыя дваране пасля службы ў арміі, і то пры дасягненні там высокіх чыноў: павятовых спраўнікаў, засядацеляў у павятовых судах.

Аднак дваранства ў павятовых установах было далёка не аднародным. Для беларускага краю было шмат характэрна значная колькасць дробнай і беззямельнай шляхты. Таму каля паловы ўсіх сярэдніх і ніжэйшых пасадаў у павятовых установах (напрыклад, сакратароў, сталаначальнікаў, пісараў, рэгістрараў) займалі прадстаўнікі дробнага дваранства, для многіх прадстаўнікоў якой дзяржаўная служба была важнай крыніцай даходу. Буйныя памешчыкі не лічылі службу з яе бюракратычнай іерархіяй, строгай дысцыплінай і шматлікімі клопатамі прывабнай і ганаровай справай. Гэта сведчыць, што пераважная частка чыноўнікаў-памешчыкаў займала толькі значныя пасады, у ніжэйшых чынах іх не было.

Супастаўленне даных аб колькасці дваран па асобных пасадах, паказвае што іх удзельная вага змянялася. Напрыклад, у паліцыі колькасць выхадцаў з дваран і духавенства была практычнай роўная. Прыведзеныя лічбы канстатуюць, што пры фарміраванні чыноўніцкага складу пасля паўстання 1863–1864 г. улады былі вымушаны прымаць на службу не толькі прадстаўнікоў вышэйшага саслоўя, але і асоб недваранскага паходжання. Гэта было звязана з забаронай мясцоваму дваранству каталіцкага веравызнання паступаць на службу ў многія мясцовыя ўстановы [10, с. 201]. Іншымі прычынамі памяншэння ўдзельнай вагі дваран з’яўляліся дэфіцыт дваранскіх кадраў з асяродку праваслаўных дваран, падзенне зацікаўленасці прадстаўнікоў з буйнога дваранства ў грамадзянскай службе і закрыццём дваранскіх вучылішч, заканчэнне якіх давала права паступаць на дзяржаўную службу.

Акрамя дваран, у сярэдзіне XIX ст. правінцыйная бюракратыя папаўнялася пераважна з афіцэрска-чыноўніцкага асяроддзя. Асаблівую катэгорыю складалі прадстаўнікі з обер-афіцэрскім і чыноўніцкім паходжаннем. З 1856 г. тых служачых, чые бацькі не паспелі атрымаць асабістае дваранства (знаходзіцца ў чыне з IX па V клас), адносілі да обер-афіцэрскім дзяцей. Лічыць іх дваранамі некарэктна. Распаўсюджанымі былі выпадкі, калі пасля адстаўкі ў войску ваенныя чыны пераходзілі на грамадзянскую службу. Як правіла, яны захоўвалі свае ваенныя чыны, але пры павышэнні па рангу яны атрымлівалі грамадзянскія чыны. Імкнучыся забяспечыць установы пісьменнымі і кваліфікаванымі работнікамі, урад забараняў чыноўніцкім дзецям паступаць на іншую службу, акрамя грамадзянскай. Да разначынаў адносіліся дзеці канцылярскіх служачых, якія не мелі класнага чыну, і іншых дробных служачых [2, с. 52]. Ва ўстановах беларускіх павеатаў дзеці обер-афіцэраў і чыноўнікаў складалі 21,5 % усіх служачых. Будучы «амаль дваранамі», яны займалі самыя розныя пасады, але пераважна служылі

ў паліцыі і членамі судаў. Разам з патомнымі дваранамі гэты працэнт складаў 71,2 %. Гэта дазваляе казаць, што павятовае чыноўніцтва ў 1860-я гг. было ў пэўнай ступені замкнёным. Случачыя свядома спадкавалі прафесію сваіх бацькоў у другім, а то і ў трэцім пакаленні, замяшчалі любыя вакансіі, якія прызначаліся для чыноўнікаў сярэдніх і ніжэйшых класаў.

Адной з крыніц камплектавання кадраў для мясцовых устаноў былі выхадцы з духавенства, пераважна праваслаўнага веравызнання. Перад усім гэты былі дзеці святароў, але непасрэдна царкоўнаслужыцелі і святары на дзяржаўную службу паступалі рэдка [1, с. 156]. Важна нагадаць, што дзеці святароў мелі прывілейнае права паступаць на службу на адным узроўні з дваранамі, сынамі купцоў I-й гільдыі, дзецьмі чыноўнікаў [2, с. 10]. Важным матывам паступлення на службу была традыцыйная шматдзетнасць святарскіх сем'яў – не ўсе дзеці маглі атрымаць прыход па спадчыне, таму адным са спосабаў пракарміць сябе была дзяржаўная служба [12, с. 74]. Дзецям царкоўнаслужыцеляў для паступлення на грамадзянскую службу неабходна было атрымаць звальненне з духоўнага звання. Як адзначыў Б. М. Міронаў, у выніку царкоўных рэформ 1860-х гг. унутры духавенства ўзрастае мабільнасць дзяцей святароў з адукацыяй [5, с. 110].

Улады ў шырокіх маштабах заахвочвалі выхадцаў з духоўнага звання да працы ў павятовым апарате кіравання. У сярэдзіны XIX ст. доля выхадцаў з духоўнага асяроддзя сярод правінцыйных чыноўнікаў складала каля 23 %. Дзеці святароў і царкоўнаслужыцеляў паступалі на службу пасля заканчэння (а часам і не скончыўшы) духоўнага вучылішча або духоўнай семінарыі, якія забяспечвалі навучэнцам шматбаковую сярэднюю адукацыю, што давала магчымасць апошнім займаць шэраг пасадак. Пры гэтым важна падкрэсліць, што ў асноўным выхадцы з духоўнага саслоўя прысутнічалі на ніжэйшых і сярэдніх выканаўчых і канцылярскіх пасадах, напрыклад, засядацеляў у паліцэйскіх упраўленнях, станавых прыставаў, паліцэйскіх наглядыкаў, судовых сакратароў і пісараў дваранскіх апек. Сярод кіраўнікоў устаноў яны былі рэдкім выключэннем. У 1867 г. у Гродзенскай і Мінскай губернях выхадцамі з духавенства былі толькі адзін спраўнік і чатыры павятовых суддзі. Гэта сведчыць аб тым, што нават наяўнасць якаснай духоўнай адукацыі не гарантавала ім замяшчэнне кіруючых пасадак у сістэме павятовага кіравання, якія, за некаторым выключэннем, трывала ўтрымлівалі ў сваіх руках прадстаўнікі дваранскага саслоўя. Тым не менш асобным прадстаўнікам удавалася зрабіць паспяховае кар'еру. Такім прыкладам з'яўляецца служба У. Ц. Юнацкевіча. З'яўляючыся сынам святара, ён атрымаў адукацыю ў Мозырскай гімназіі. Затым паступіў і 2 гады слухаў курсы па юрыдычнаму праву ў Пецярбургскім універсітэце. У 1875 годзе ў 24-гадовым узросце ён паступіў на службу ў канцылярыю Крымінальнага Дэпартаменту Сена-та. З 1889 г. У. Ц. Юнацкевіч служыў прыстава 2-га стану Рэчыцкага пав., а з 1894 г. – памочнікам мозырскага спраўніка. Праз тры гады ён быў прызначаны пінскім павятовым спраўнікам. З улікам выдатнай і адданай службы шлях ад калежскага рэгістратара (14 клас) да надворнага радніка (7 клас) у У. Ц. Юнацкевіча заняў усяго 4 гады, што давала яму асабістае дваранства.

Служба гэтага павятовага чыноўніка была адзначана шматлікімі ордэнамі і медалямі: срэбраны медаль у гонар праўлення Аляксандра III, цёмна-бронзавы медаль за працу па правядзенні Перапісу ў 1897 г. і ордэн св. Станіслава 3-й ступені [13, лл. 583–589].

У сярэдзіне XIX ст. прадстаўнікі іншых сацыяльных груп былі слаба прадстаўлены ў сістэме мясцовага кіравання. У павятовых установах выхадцы з купецтва, сялянства, мяшчан і іншых разначынцаў у сваё сукупнасці складалі 5,8%. Гэта можна патлумачыць тым, што існавалі абмежаванні з боку самадзяржаўя (напрыклад, для купцоў 2-й і 3-й гільдый, замежнікаў, выхадцаў з падатковых станаў), так і існуючую сістэму саслоўных адносін, якая запавольвала пераход з адной сацыяльнай групы ў другую. Такое права ім было прадстаўлена толькі пры наяўнасці адпаведнай адукацыі.

Табліца 2

Павятовае чыноўніцтва Мінскай, Гродзенскай губерняў (1901, 1907 гг.)

Установа	Дваране	Дзеці обер-афіцэраў і чыноўнікаў	Дзеці свята-роў	Сяляне	Мяшчане	Купцы	Інш.	Усяго
Павятовая паліцыя	48	28	35	46	43	1	7	208
Органы дваранскага самакіравання	60	16	9	33	17	1	3	139
Разам	108 (31,1 %)	44 (12,6 %)	44 (12,6 %)	79 (22,7 %)	60 (17,3 %)	2 (0,5 %)	10 (2,8 %)	347

Крыніцы: [13, лл. 2-719; 14, лл. 27-624].

Па меры развіцця капіталістычных адносін, трансфармацыі беларускага грамадства сціраліся многія саслоўныя прынцыпы і сацыяльныя абмежаванні. Адбываецца працэс «раздвараньвання» чыноўніцтва, г. зн. памяншаецца ўдзельная вага выхадцаў з дваран з адначасовым павелічэннем колькасці прадстаўнікоў іншых саслоўны груп: духавенства, обер-афіцэраў, чыноўнікаў, выхадцаў з мяшчанства, сялянства і інш. Табліца 2, у якой прадстаўлены вынікі размеркавання фармуляраў за 1900–1901 гг. у адпаведнасці з паходжаннем служачага, паказвае, што, чыноўніцтва становілася больш адкрытым і стракатым унутры сваёй структуры. Папаўненне складу мясцовых устаноў у асноўным адбывалася за кошт выхадцаў з іншых саслоўяў. Са стварэннем вялікай колькасці новых чыноўніцкіх і канцылярскіх месцаў у павятовай адміністрацыі ўрад быў вымушаны дапусцаць у канцылярскія служачыя прадстаўнікоў падатных саслоўяў, хоць і з рознымі абмежаваннямі.

Выхадцы з купецтва, мяшчанства, сялянства служылі ва ўсіх установах. У канцы XIX – пачатку XX ст. дваране складалі ўжо 48 (23,1 %) служачых павятовых паліцэйскіх устаноў. Іх колькасная перавага над прадстаўнікамі асобных саслоўяў была толькі на самай высокай паліцэйскай пасадзе – павятовага спраўніка. Сярод спраўнікаў 12 (38,7 %) былі дваранамі, 8 (25,8 %) – чыноўнікамі і обер-афіцэрамі, 5 (16,2 %) – святарамі, 4 (12,9 %) – мяшчанамі, па аднаму (3,2 %) – сялянамі і ганаровымі грамадзянамі. Удзельная вага чыноўнікаў дваранскага паходжання ў пачатку XX ст. сярод павятовага чыноўніцтва складала 31,1 %.

У выніку рэформы 1861 г. адбывалася размыванне саслоўных рысаў сялянства, а з аднаёнай выкупных плацяжоў на зямлю, падушнага падатку і кругавой парукі, пасля атрымання права на выхад з абшчыны нараўне з іншымі саслоўямі сялянства актыўна ўключалася ў працу мясцовых органаў [11, с. 123]. Законам ад 6 кастрычніка 1906 г. абвешчаліся роўныя да дзяржаўнай службы правы ўсім рускім падданым незалежна ад паходжання, акрамя іншародцаў, скасоўваліся саслоўныя перавагі па замяшчэнні пасадаў [1, с. 239]. Выхадцы з сялянскага стану праз удзел у грамадзянскай службе бачылі магчымасць для павышэння свайго матэрыяльнага становішча і ўздому па сацыяльнай лесвіцы шляхам атрымання чыну. Асабліва шмат сялян служыла ў павятовых паліцэйскіх органах. У 1893 г., сяляне займалі 40 (67,9 %) з 59 пасадаў ураднікаў у беларускіх паветах Віцебскай губерні [15, лл. 19–21]. Падобная сітуацыя назіралася ў Віленскай і Гродзенскай губернях, дзе працэнт выхадцаў з сялян складаў 70,6 % і 67,5 % адпаведна [16, с. 145]. Яны знаходзіліся на ніжэйшых і сярэдніх пасадах, пачынаючы ад пісараў у канцылярных прадвадзіцеляў дваранства, дваранскіх апекаў і станавых прыставаў. Напрыклад, А. А. Марэцкі з’яўляўся служачым канцылярыі бабруйскага прадвадзіцеля дваранства, каледжскі рэгістратар М. Ю. Чакерка знаходзіўся на пасадзе сакратара Бабруйскага паліцэйскага ўпраўлення, каледжскі рэгістратар В. Э. Яскевіч – сталаначальніка Ігуменскага паліцэйскага ўпраўлення, К. І. Цітко – прыстава 2-га стану Рэчыцкага паліцэйскага ўпраўлення [17, лл. 205, 318, 491, 642]. На пачатку XX ст. у павятовай паліцыі ўдзельная вага сялян была асабліва вялікай – 22,1 %. А вось выпадкі, калі выхадцы з сялянскага стану з’яўляліся кіраўнікамі павятовых паліцэйскіх упраўленняў даволі рэдкія: у 1900 г. сярод прааналізаваных намі 31 фармулярных спісаў паліцэйскіх спраўнікаў, на гэтай пасадзе быў толькі адзін сялянін. Агулам чыноўнікі сялянскага паходжання займалі ў павятовай адміністрацыі 22,7 % усіх пасадаў.

Раздвараньванне чыноўнікаў не пераамяжвала прафесіяналізацыі служачых, у той жа час зберагала яе як прывілейную сацыяльную групу са сваёй спецыфічнай культурай, супрацьдзейнічала пераўтварэнню чыноўнікаў у асобную касту, павышала яе працаздольнасць [11, с. 208]. Чыноўнікі з разначынцаў адрозніваліся ад чыноўнікаў з дваранства большай кампетэнтнасцю і лаяльнасцю да вярхоўнай улады, яны складалі самую вернападданую частку мясцовай адміністрацыі. Многія з іх атрымлівалі класныя чыны і даволі хутка прасоўваліся па службовай лесвіцы. У канцы XIX ст. у імперыі

ўдзельная вага недваранскага саслоўя ў дзяржаўных установах дасягнула 69 % [11, с. 208].

Адмена падушнага падатку і кругавой парукі ў 1860-я гг. і гарадская рэформа 1875 г. разбурылі саслоўную гарадскую абшчыну і пераўтварылі гарадское самакіраванне ва ўсесаслоўнае. Мяшчане страцілі маналію на гандлёва-прамысловую дзейнасць у межах горада і сталі актыўна ўключваюцца ў прафесійныя групы рабочых, прадпрымальнікаў, паступаць на службу ў мясцовыя органы кіравання і самакіравання. Іх удзельная вага ў павятовых установах няўхільна ўзрастае і на пачатку XX ст. дасягае 17,3 %. Пры паступленні на чыноўніцкую службу мяшчанін вызваляўся ад выплаты падаткаў і павіннасцей, хоць і не выключалася з падатнага саслоўя. У выніку аналізу фармулярных спісаў мясцовых служачых напрыканцы XIX ст., было заўважана, што прадстаўнікі мяшчан займалі пасады на ўсіх узроўнях павятовай вертыкалі ўлады. У. М. Маеўскі займаў пасаду сакратара Слуцкага паліцэйскага ўпраўлення, І. Я. Зубрыцкі – рэгістратара Рэчыцкага паліцэйскага ўпраўлення, П. В. Глыбоўскі – прыстава 1-га стана Рэчыцкага пав., І. Д. Няфёдаў – мінскага спраўніка [17, лл. 104, 363, 481, 487].

Сярод даследаваных намі сацыяльных групаў павятовага чыноўніцтва амаль не аказалася прадстаўнікоў купецтва (0,5 %). Сапраўды, служачых з такім паходжаннем літаральна адзінкі. Большасць купецкіх сямей мела пэўны капітал, гэта значыць у іх не было патрэбы шукаць сабе сродкі да існавання цяжкай канцылярскай працай. Наадварот, для сямейнай справы было важней, каб дзеці заставаліся і працягвалі гандлёвую і прадпрымальніцкую дзейнасць бацькоў. У асноўнай сваёй масе купецтва трансфармавалася ў будучую буржуазію, і толькі асобныя яго прадстаўнікі, верагодна, у сілу сваіх асабістых якасцяў, парваўшы са сваім саслоўем, выбіралі дзяржаўную службу, кардынальна змяніўшы тым самым сваё становішча ў грамадстве.

Такім чынам, адным з галоўных фактараў паступлення і прасоўвання па службе для чыноўніцтва беларускіх губерняў было сацыяльнае паходжанне. Аналіз фармулярных спісаў грамадзянскіх служачых дазваляе зрабіць выснову, што на працягу другой паловы XIX – пачатку XX ст. адбыліся змены ў сацыяльным складзе павятовага чыноўніцтва. У дзяржаўную службу ўцягваліся прадстаўнікі практычна ўсіх слаёў грамадства. Памяншэнне ўдзельнай вагі прадстаўнікоў вышэйшага саслоўя і афіцэрска-чыноўніцкага асяродку былі выкліканы абмежаваннямі для мясцовага дваранства, значным ростам колькасці чыноўнікаў па прычыне пашырэння апарату кіравання. Высокай сацыяльнай мабільнасцю адрозніваліся выхадцы з духоўнага звання, якія былі адной з крыніц камплектавання сярэдняга і ніжэйшага чыноўніцтва. З адменай ў пачатку XX ст. саслоўных прывілегій у паступленні і праходжанні дзяржаўнай службы мясцовыя органы ўлады сталі актыўна папаўняцца выхадцамі з сялян і мяшчан. Будучы адзінай сацыяльна-прафесійнай групай чыноўніцтва мела сваю ўнутраную стратыфікацыю па розных крытэрыях, сярод якіх пасада, чын, месца службы, ведамства, а таксама сацыяльнае паходжанне.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Каханоўскі, А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 г.) / А. Г. Каханоўскі. – Мінск: БДУ, 2013. – 335 с.
2. Свод законов Российской империи, [повелением Государя Императора Николая I составленный]. – Санкт-Петербург: в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857 – Т. 3: Уставы о службе гражданской. – 1857. – с. 1414.
3. *Зайончковский, П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
4. *Евреинов, В. А.* Гражданское чиновничество в России: Исторический очерк В. А. Евреинова / В. А. Евреинов. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1888. – 116 с.
5. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 549 с.
6. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 2. Воп. 37. Спр. 2305. Формулярные списки служащих государственных учреждений Гродненской губернии.
7. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 2. Воп. 37. Спр. 2306. Формулярные списки служащих государственных учреждений Гродненской губернии.
8. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 2. Воп. 37. Спр. 2307. Формулярные списки служащих государственных учреждений Гродненской губернии.
9. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 7. Д. 253. Формулярные списки чиновников Минской губернии за 1867 г.
10. *Жытко, А. П.* Дваранства Беларусі перыяду капіталізму, 1861–1914 гг. / А. П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2003. – 233 с.
11. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 2. – 566 с.
12. *Кузьмин, А. Д.* Социокультурный облик чиновничества белорусских губерний (1864–1914 г.) / А. Д. Кузьмин. – Могилев: МГУП, 2017. – 187 с.
13. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 7. Спр. 404. Формулярные списки чиновников Минской губернии.
14. НГАБ у г. Гродна. – Ф. 2. Воп. 37. Спр. 2367. Формулярные списки чиновников учреждений ведомства МВД Гродненской губернии (1907 г.).
15. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 41381. Дело об увольнении со службы лиц римско-католического вероисповедания, занимающих должности полицейских урядников.
16. *Токць, С. М.* Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2016. – 328 с.
17. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 7. Спр. 403. Формулярные списки чиновников Минской губернии за 1898 г.

(Дата поступления: 15.06.2023).

**СОСТАВ, УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ
В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В 60–90-Х гг. XIX в.**

Карпович К. Н.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

В статье рассматриваются особенности деятельности института судебных следователей в белорусских губерниях Российской империи (60–90-х гг. XIX в.). В работе показано, что на основе статистических данных можно создать картину развития института предварительного следствия в крае в рассматриваемый период. Основными ее компонентами можно назвать информацию отражающую состав судебных следователей и данные о проделанной ими работе (сколько и с какими видами преступлений им приходилось работать).

Ключевые слова: судебный следователь; следствие; Белорусские губернии; социальный состав; преступность.

**COMPOSITION, CONDITIONS AND FEATURES
OF JUDICIAL INVESTIGATORS ACTIVITIES
IN BELARUSIAN PROVINCES IN 60–90s OF 19th CENTURY**

Karpovich K. N.

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

Theses discusses the features of the activities of the institute of judicial investigators in the Belarussian provinces of the Russian Empire (60–90s of the 19th century). The paper shows that on the basis of statistical data, it is possible to create a picture of the development of the institution of preliminary investigation in the region in the period under review. Its main components can be called information reflecting the composition of the judicial investigators and data on the work they have done (how many and with what types of crimes they had to work).

Keywords: judicial investigator; investigation; Belarussian provinces; social composition; crime.

Проблема развития института предварительного следствия в белорусских губерниях недостаточно освещалась в исторической литературе. Большое количество вопросов остаются открытыми, а без этого невозможно составить целостную картину изучаемого явления. В отечественной историографии не освещались вопросы состава и служебной деятельности судебных следователей в белорусских губерниях. Это обуславливает необходимость выявить особенности становления данного института, что позволяет в перспективе сопоставить организацию следователей в белорусских губерниях с иными регионами империи. Хронологические рамки приходится

на период 60–90-х гг., когда происходило создание и становление этой структуры Министерства юстиции.

8 июня 1860 г. Александр II подписал указ об учреждении института судебных следователей с целью отделения следственной части от полиции и производство ею расследований только малозначительных преступлений. Комплекс этих мероприятий проводился для освобождения сил полиции в преддверии крестьянской реформы. Действие указа распространялось на 44 губернии империи, в том числе и на Минскую, Гродненскую, Витебскую и Могилевскую [1].

Чтобы наиболее полно понять особенности состава судебных следователей, необходимо акцентировать внимание на социальных характеристиках чиновников, которые исполняли данную должность в рассматриваемый период. Основной массив информации по этому вопросу можно найти в формулярных списках, в которых изложены основные сведения о чиновнике. К сожалению, их сохранность в фондах НИАБ неудовлетворительная. Это обуславливает необходимость обращения к иным источникам: адрес-календарю и памятным книжкам по Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской губерниям.

Для понимания происходивших изменений в составе судебных следователей белорусских губерний за последнюю треть XIX в., проанализируем сведения об их личном составе за 1868 и 1894 гг. В частности, за 1868 г. сохранилась информация о 40 (65,6 % от штата) судебных следователях, служивших в Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях. В целом они имели достаточно высокий образовательный ценз. Так, высшие учебные заведения окончили 22 чел. (56,5 %). Такой высокий процент обуславливается целенаправленной кадровой политикой. Например, в 1864 г. минский губернский прокурор приказывал заменить вакантные должности судебных следователей молодыми людьми, получившими юридическое образование в одном из высших учебных заведений [2, л. 3]. Среднее образование получили 14 чел. (36 %). Начальным образованием ограничились 3 чиновника (7,5 %). Наибольшее количество исполняющих эту должность лиц являлись воспитанниками следующих учебных заведений: Московского императорского университета (7 чел. – 17,5 %), Нежинского юридического лицея (2 чел. – 5 %), Демидовского юридического лицея (2 чел. – 5%). Из них 6 чел. (15 %) окончили специализированные высшие юридические учебные заведения. Относительно остальных выпускников высших учебных заведений можно предположить, что большинство из них получили образование на юридических факультетах.

Средний возраст служителей закона составил 29 лет. Это говорит о том, что эту должность в основном занимали достаточно молодые люди. Группировка по принадлежности лиц к возрастным группам показывает, что в диапазон от 20 до 25 лет входили 10 чел. (25 %), от 25 до 30 лет – 12 чел. (30 %), от 30 до 35 лет – 8 чел. (20 %), от 35 до 40 лет – 5 чел. (12,5 %), от 40 до 45 лет – 3 чел. (7,5 %), старше 50 лет – 2 чел. (5 %). Таким образом более половины следователей имели возраст до 30 лет. Интересно, что в 1868 г. среднестати-

стический следователь занимал должность в течение 3 лет. Этот показатель необходимо детализировать следующими данными: от 1 до 3 лет в должности находилось 22 чел. (55 %), от 4 до 6 лет – 11 чел. (27,5 %), более 6 лет – 7 чел. (17,5 %), т. е. более половины всех лиц работали в должности не более 3 лет. При этом их средний служебный стаж составил 10,7 лет, однако из них лица, имеющие стаж от 1 до 5 лет, составили 10 чел. (25 %), от 5 до 10 лет – 7 чел. (17,5 %), от 10 до 15 лет – 10 чел. (25 %), от 15 до 20 лет – 7 чел. (17,5 %), от 20 до 25 лет – 3 чел. (7,5 %), от 25 до 30 лет – 1 чел. (2,5 %) более 35 лет – 2 чел. (5 %).

По вероисповеданию 35 чел. (87,5 %) чиновников принадлежало к православной конфессии, 3 чел. (7,5 %) исповедовали католичество, 2 чел. (5 %) являлись лютеранами. Представляет интерес кадровая политика после Январского восстания 1863 г. применительно к личному составу института судебных следователей в крае. В этой связи важно установить процент чиновников из числа местных уроженцев. Поскольку в адрес-календаре информация о месте рождения чиновника не указывалась, то сделать вывод можно на основании таких косвенных признаков, как место получения начального или среднего образования и вероисповедание. Из имеющейся информации, можно сделать вывод о том, что уроженцами белорусских губерний являлись 4 судебных следователя, то есть 10 % [3, с. 196–717]. К сожалению, сведения о сословном составе этой категории чиновников Министерства юстиции можно составить исключительно на основании 6 (33 % от штата) формулярных списков следователей по Могилевской губернии за 1866 г. [4, л. 29–74]. Согласно этим данным 5 чел. (83 %) происходили из дворянского сословия, 1 чел. (17 %) – из обер-офицерских детей.

К 1894 г. численность судебных следователей увеличилась до 93 чел. (100 % от штата). Количество выпускников высших учебных заведений за 26 лет увеличилось более чем на 40 %.: в 1894 г. их окончили 82 чел. (97,7 %). Из них 31 чел. (37 %) безусловно получили образование в специализированных юридических заведениях, оставшиеся лица вероятнее всего также обучались на юридических факультетах. Наибольшее количество судебных следователей являлись выпускниками Императорского Санкт-Петербургского университета (21 чел. – 25,2 %), Демидовского юридического лицея (15 чел. – 18 %), Императорского университета Святого Владимира (10 чел. – 12 %), Нежинского юридического лицея (8 чел. – 9,6 %). Среднее образование получили всего 2 чел. (2,3 %).

Сословное происхождение чиновников показывает, что социальные процессы, происходившие в империи, отразились и на составе судебных следователей. Так, в их ряду появились представители непривилегированных сословий. Из потомственного дворянства происходило 27 чел. (29,7 %), духовенства – 27 чел. (29,7 %), обер-офицерских детей – 12 чел. (13,2 %), штаб-офицерских детей – 6 чел. (6,6 %), мещан – 5 чел. (5,5 %), из солдатских детей – 3 чел. (3,3 %), личных дворян – 2 чел. (2,2 %), почетных граждан – 2 чел. (2,2 %), потомственных почетных граждан – 2 чел. (2,2 %), из крестьян – 3 чел. (3,3 %), 1 (1,1 %) следователь являлся сыном чиновника, а еще 1 чел. происходил из семьи сельских учителей (1,1 %).

Средний возраст относительно 1868 г. увеличился до 36,4 лет. Изменения произошли и в доминирующей количественно возрастной группе. Представители в возрасте от 25 до 30 лет составили 13 чел. (14,92 %), от 30 до 35 лет – 36 чел. (41,38 %), от 35 до 40 лет – 16 чел. (18,4 %), от 40 до 45 лет – 16 чел. (18,4 %), от 45 до 50 лет – 2 чел. (2,3 %), старше 50 лет – 4 чел. (4,6 %). Среднее время нахождения в должности судебного следователя увеличилось до 5,5 лет. В частности, от 1 до 5 лет ее занимали 55 чел. (62,5 %), от 6 до 10 лет – 17 чел. (19,42 %), от 10 до 15 лет – 15 чел. (17,2 %), от 15 до 20 лет – 1 чел. (0,88 %). Средний служебный стаж составил 11,35 лет. В абсолютном отношении количество чиновников, имевших опыт государственной службы, от 1 до 5 лет было 17 чел. (19,26 %), от 5 до 10 лет – 34 чел. (38,6 %), от 10 до 15 лет – 11 чел. (12,5 %), от 15 до 20 лет – 18 чел. (20,52 %), от 20 до 25 лет – 4 чел. (4,56 %), от 25 до 30 лет – 3 чел. (3,42 %), более 30 лет – 1 чел. (1,14 %).

По вероисповеданию 81 чел. (91 %) чиновников принадлежали к господствующему вероисповеданию, 6 чел. (6,8 %) придерживались лютеранства, 2 чел. (2,2 %) исповедовали ислам. Показательно, что среди следователей не оказалось ни одного католика. Вместе с тем в отличие от 1868 г., в 4-х рассматриваемых губерниях количество местных уроженцев увеличилось до 7 судебных следователей, однако процентный показатель упал до 7,6 % [5, с. 345–512].

Одним из важнейших компонентов деятельности судебных следователей являлась нагрузка по количеству рассматриваемых ими дел. В этом отношении надежным показателем могут служить данные о количестве и роде преступлений, совершенных в Минской, Гродненской и Могилевской губерниях с 1870–1890 гг. В этот период наблюдается устойчивый рост числа преступлений. Так, в 1870 г. среднее количество правонарушений по трем губерниям совокупно составило 1299 ед., 1317 чел. было осуждено за нарушение закона. В их числе доминировали представители непривилегированных сословий. Большую часть составляли крестьяне – 509 чел. (38,7 %) и мещане – 304 чел. (24 %). Основным видом правонарушений были различные виды краж и воровства, на которые приходилось 445 ед. (34 %) [6; 7; 8]. В 1886 г. количество преступлений увеличилось до 1483 ед. Большинство преступлений по-прежнему совершалось выходцами из указанных выше сословных групп: крестьян – 359,3 чел. (49,2 %) и мещан 304,6 чел. (41,7 %). Общее число осуждённых в этих губерниях составило 730,6 чел. Различные виды краж и воровства составили (39,9 %) [9; 10; 11].

Для детализации рассмотренных выше данных в качестве примера остановимся на информации из «Ведомости о числе и роде преступлений в Минской губернии за 1883 год». В указанном году было совершено 533 уголовных преступлений. Наиболее распространенными являлись преступления против собственности частных лиц 293 ед. (55 %) и против порядка управления 77 ед. (14,45 %). В основном преступления, как и говорилось ранее, совершали представители крестьянского (384 чел. – 48,2 %) и мещанского (277 чел. – 34,76 %) сословий [12, л. 186]. Таким образом, судебные следователи в Минской губернии преимущественно расследовали преступления, совершенные

представителями непривилегированных сословий. Представление о загруженности судебных следователей можно составить на основании «Перечневой ведомости о числе следствий, произведенных в 1885 г. судебными следователями Минского окружного суда» [13, л. 142]. К началу 1885 г. по г. Минску и 9 уездам Минской губернии оставалось неоконченными 1700 следствий с предыдущего года. В течении 1885 г. было начато по различным причинам 3445 следствий. В ведомости содержится информация о скорости проведения следственных мероприятий. На момент ее составления количество следствий проводившихся более 1 месяца составило 1256 ед. (36,46 %), более 3 месяцев – 623 ед. (18,09 %), более 6 месяцев – 593 ед. (17,22 %), более 1 года – 737 ед. (21,39 %). К началу 1886 г. за судебными следователями по г. Минску и 9 уездам Минской губернии числилось неоконченными 914 дел (26,54 %), а по независимым от них обстоятельствам – 338 дел (9, 82 %). Эта информация свидетельствует о том, что достаточно большое количество дел оставалось нераскрытым по различным причинам. В 1885 г. по г. Минску и 9 уездам числилось 29 судебных следователей и 1 по важнейшим делам. Таким образом средняя нагрузка на одного следователя составляла 118 следствий в год.

Помимо количества дел, выпадающего на одного следователя, важными являются и условия, в которых работал чиновник. В их числе следует выделить площадь судебного участка и количество населения, проживавшего в его пределах. В 1861 г. в Минской, Гродненской, Могилевской и Гродненской губерниях проживало в общей сложности 3432762 чел. на площади 194976 кв. вёрст. На пространстве этих губерний существовало 57 следственных участков. В результате на одного чиновника приходилось 60224 чел., а средняя площадь следственного участка составила 3421 кв. верст [14; 15; 16; 17]. В 1890 г. количество следственных участков увеличилось до 90 единиц. При этом на одного следователя приходилось 67793 чел., а средняя площадь участка уменьшилась до 2165 кв. верст [18; 19; 20; 21]. В итоге незначительно увеличилось количество населения проживавших на территории участка, но площадь самого участка уменьшилась на 37 % относительно площади в 1861 г., что отчасти облегчило труд следователя, сократив время на разъезды.

О качестве служебной деятельности чиновников можно судить на основании таких косвенных признаков как жалобы подследственных и взыскания вышестоящего руководства. Так, в 1885 г. по Минской губернии на действия судебных следователей от частных лиц поступило 65 жалоб (1,9 % от числа произведенных следствий). Справедливо упомянуть о числе выговоров и замечаний судебным следователям. Например, по данным книги записи взысканий судебным следователям Минской губернии за 1864–1866 гг. со стороны начальства им было сделано 43 различных замечаний и выговоров. Основной причиной их объявления было недостаточно качественное исполнение ими своих служебных обязанностей [22, л. 1–43]. Из алфавитной книги записи выговоров уездным судебным следователям Минской губернии следует, что за 1868–1883 гг. суммарно (в том числе и несколько раз одному чиновнику) было сделано 70 замечаний [23, л. 1–103]. За столь длительный

период такое небольшое число взысканий свидетельствует не только об относительной удовлетворенности руководства деятельностью следователей, но и приемлемом качестве работы этих чиновников.

Таким образом, судебные следователи рассматривали крайне широкий спектр преступлений, однако основную их долю составляли различные виды краж и хищений. В связи с большой нагрузкой на конкретного служителя юстиции, значительное количество дел оставалось не решенными долгое время, хотя сроки предварительного расследования не устанавливались на законодательном уровне. Основными правонарушителями являлись представители крестьянского и мещанского сословий. Судебные следователи имели высокий образовательный ценз. Достаточно указать на то, что в 1894 г. почти все чиновники получили высшее образование. Если в 60-х гг. XIX в. большинство следователей скорее всего происходили из дворянского сословия, то в конце XIX в. потомственные дворяне составляли менее трети чиновников этой категории. Как представляется, это обусловлено процессами модернизации, протекавшими в пореформенное время в Российской империи. Эту должность занимали преимущественно молодые люди, хотя наблюдалась тенденция к повышению их среднего возраста. На действия судебных следователей поступали жалобы от граждан, налагались взыскания от непосредственного начальства за недостаточно качественное исполнение ими служебных обязанностей, но их число являлось незначительным. Это позволяет говорить об относительно высоком качестве деятельности судебных следователей. Следует отметить, что соотношение площади и населенности следственных участков к численности чиновников позволяет говорить о недостаточности их штатной численности и неизбежности высокой служебной нагрузки. В 1890 г. площадь следственного участка уменьшилась более, чем на треть от площади 1861 г., однако количество проживавшего в нем населения увеличилось на 13 %. По всей видимости, большинство судебных следователей были выходцами из других регионов империи.

Список использованных источников

1. Высочайшее утверждённое учреждение судебных следователей // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1862. – 2-е собр. – Т. XXXV. – № 35890.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 180. Оп. 1. Д. 1036.
3. Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1868. – 812 с.
4. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1036
5. Список чинам ведомства Министерства юстиции. – Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего Сената, 1894, ч. 2. – 513 с.
6. Обзор Могилевской губернии. – Могилев на Днепре: Могилев. губ. стат. комитет., 1870. – 136 с.
7. Обзор Минской губернии. – Минск: Минск. губ. стат. комитет., 1870. – 144 с.

8. Обзор Гродненской губернии. – Гродно: Гродно. губ. тип., 1870 – 156 с.
9. Обзор Могилевской губернии. – Могилев на Днепре: Могилев. губ. стат. комитет., 1886. – 70 с.
10. Обзор Минской губернии. – Минск: Минск. губ. стат. комитет., 1886 – 106 с.
11. Обзор Гродненской губернии. – Гродно: Гродно. губ. тип., 1886 – 108 с.
12. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 1. Д. 7.
13. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 1. Д. 44.
14. Памятная книжка Могилевской губернии на 1861 год. – Могилев: Губ. тип., 1861. – 456 с.
15. Памятная книжка Минской губернии на 1861 год. – Минск: Губ. тип., 1861. – 288 с.
16. Памятная книжка Гродненской губернии на 1862 год. – Гродно: Губ. тип., 1862. – 198 с.
17. Памятная книжка Витебской губернии на 1861 год. – Витебск: Губ. тип., 1861. – 315 с.
18. Памятная книжка Могилевской губернии на 1890 год. – Могилев: Губ. тип., 1890. – 464 с.
19. Памятная книжка Минской губернии на 1890 год. – Минск: Губ. тип., 1889. – 374 с.
20. Памятная книжка Гродненской губернии на 1890 год. – Гродно: Губ. тип., 1890. – 513 с.
21. Памятная книжка Витебской губернии на 1890 год. – Витебск: Губ. тип., 1890. – 335 с.
22. НИАБ. – Ф. 145. Оп. 1. Д. 597.
23. НИАБ. – Ф. 147. Оп. 1. Д. 64.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯНСТВА БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ И РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ I–IV СОЗЫВОВ

Юшко-Садовская Е. Б.

Институт истории Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

Статья посвящена изучению участия крестьянства белорусских губерний в избирательных кампаниях и работе Государственной думы I–IV созывов. Автор раскрывает особенности избирательной кампании на местах. Дается характеристика позиций крестьянских депутатов в Государственной думе по аграрному, о неприкосновенности личности, гражданскому равенству, об отмене военно-полевых судов. Как правило, большинство крестьянских депутатов с территории Беларуси поддерживало аграрную и национальную политику правительства. Участие народных избранников в работе Государственной думы оказывало влияние на выбор путей и методов взаимодействия между правительством и крестьянским населением, что сыграло важную роль в общественно-политической жизни крестьян белорусских губерний.

Ключевые слова. Государственная дума; избирательная система; выборы; крестьяне; народные избранники; депутаты; белорусские губернии.

PARTICIPATION OF THE PEASANTRY OF THE BELARUSIAN PROVINCES IN ELECTION CAMPAIGNS AND THE WORK OF THE STATE DUMA OF THE I–IV CONVOCATIONS

Yushko-Sadovskaya E. B.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

The article is devoted to the study of the participation of the peasantry of the Belarusian provinces in election campaigns and the work of the State Duma of the I–IV convocations. The author reveals the peculiarities of the election campaign on the ground, namely the division of voters by nationality. The article describes the positions of peasant deputies in the State Duma on agrarian issues, on the inviolability of the individual, civil equality, on the abolition of military field courts, etc. questions. As a rule, the majority of peasant deputies from the territory of Belarus supported the agrarian and national policy of the government. The participation of people's deputies in the work of the State Duma influenced the choice of ways and methods of interaction between the government and the peasant population, which played an important role in the socio-political life of the peasants of the Belarusian provinces.

Keywords. State Duma; electoral system; elections; peasants; popular voters; deputies; Belarusian provinces.

В начале XX в. правительство сделало ряд шагов в сторону реформирования политической системы, важнейшим из которых являлось создание высшего выборного законодательного органа – Государственной думы. Это дало толчок для преобразования Российской империи в конституционную монархию. Образованная в ходе Первой русской революции, Государственная дума просуществовала вплоть до октября 1917 г. За это время были внесены различные законопроекты и предложения, а также выработаны механизмы их осуществления.

В отечественной историографии К. И. Шабуней [1], Н. М. Забавским [2], М. А. Мартюховой [3], В. С. Путиком [4], Д. С. Лавриновичем [5] изучались лишь отдельные аспекты участия крестьян в избирательной кампании и работе Государственной думы. Авторы уделили большое внимание общественно-политической борьбе в период выборов и деятельности Думы, а также социальной характеристике и политической принадлежности ее избранников. Несмотря на это, необходимо раскрыть вопрос участия крестьян в избирательной кампании и показать их деятельность в Государственной думе, для более полного представления о взглядах крестьянских депутатов и о результатах их работы, что имеет важное значение для понимания их роли в общественно-политической жизни страны.

В 1905 г. министр внутренних дел А. Г. Булыгин и его канцелярия подготовили законопроект о создании Государственной думы. Еще при обсуждении данного проекта в особом совещании под председательством графа Сольского высказывалась мысль о том, чтобы Дума по своему составу была преимущественно крестьянской [6]. Вскоре, 6 августа 1905 г. император Николай II подписал манифест об учреждении в Российской империи Государственной думы – высшего законосовещательного представительного органа Российской империи. В тот же день было опубликовано «Положение о выборах в Государственную Думу» [7, с. 645], которое включало разделы, посвящённые структуре и составу этого органа, вопросам его компетенции, регламенту работы.

По закону от 6 августа 1905 г. избрание будущих депутатов проходило в 4 этапа: на первой стадии крестьяне выбирали десятидворных (представители от каждых десяти дворов, которые избирались сельскими обществами из числа домохозяев на один год) на волостное собрание. На волостных собраниях выбирались уполномоченные (по два от каждого волостного собрания) на уездные собрания. А далее выбирались уполномоченные на губернские избирательные собрания, и уже там избиратели от каждой курии (землевладельческой, городской и крестьянской) участвовали в избрании депутатов в Государственную думу. Таким образом, будущие кандидаты, получив удостоверение об избрании их на губернском собрании, приглашались на предвыборное собрание, где путем тайного голосования определяли представителей от крестьян, которые будут принимать участие в работе Государственной думы.

Законодательство о выборах в Государственную думу редактировалось дважды. 11 декабря 1905 г. император Николай II издал указ об изменении

и дополнении «Положения о выборах в Государственную думу» [8, с. 877], согласно которому к прежним трём избирательным куриям добавили четвёртую – рабочую.

3 июня 1907 г. был опубликован указ о роспуске Государственной думы второго созыва и манифест, в котором Дума обвинялась в затягивании рассмотрения законопроектов и государственной росписи доходов и расходов, а также в том, что ряд её членов участвовал в заговоре против государства. В Манифесте Николая II о роспуске Думы и новом избирательном законе утверждалось: «Все эти изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную Думу, состав коей признан Нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства способа избрания ее членов. Только Власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической Власти Русского Царя, дано право отменить оный и заменить его новым...» [9, с. 354, 473–478].

Одновременно был опубликован новый Избирательный закон [10, с. 320–321]. Главные изменения коснулись уполномоченных от волостей. Количество выборщиков сократилось наполовину (было 2654 – стало 1160), сами выборы начали проходить иначе. В губернии крестьяне уже не выбирали отдельно от всех своего представителя, а стали это делать совместно с кандидатами от помещиков и городских выборщиков. От крестьян полагалось избрать 145 человек для участия в губернской избирательной кампании. По новому закону уполномоченным мог быть избран только проживающий в волости крестьянин, у которого имелись в собственности дом и земля, на которой он вел собственное хозяйство, следовательно, безземельный крестьянин не имел права быть избранным. Помимо прочего, избирателей стали делить на «русских» (православные белорусы, немцы и татары), «поляков», к которым относились «крестьяне-католики» [11, с. 321–335; 12, с. 394]. Новое положение учитывало уроки двух предшествующих избирательных кампаний. Предпочтение отдавалось более образованным кандидатам.

Для крестьян выборы депутатов в Государственную думу были новым общественно-политическим явлением. Отсутствие у крестьян опыта участия в общественно-политической жизни и достаточного уровня образования приводило к частичному или полному непониманию предназначения Думы. В процессе избрания уполномоченных проявлялись традиционные элементы политического мировосприятия. Сельское общество посылало отстаивать свои интересы более опытных и зрелых крестьян, что являлось важным фактором доверия односельчан [13, с. 60–63]. Из воспоминаний члена Государственной думы первого созыва Т. В. Локотя следует, что крестьяне не знали либо не признавали никаких политических партий и руководствовались личными качествами кандидатов [14, с. 21], так как в крестьянском мире важное место занимали традиции и межличностные отношения. Стремление крестьян к работе в качестве депутатов Государственной думы было обусловлено не только желанием участвовать в политической жизни страны. Для крестьянских депутатов работа в Государственной думе являлась хорошим источником дохода, поскольку каждому депутату полагалась заработная пла-

та внушительного размера – 4200 руб. в год (в месяц эта сумма составляла 350 руб.), причем участие в работе комиссий оплачивалось дополнительно (10 руб. за каждое заседание) [15, с. 352].

Правительство принимало ряд мер, которые помогали контролировать избирательную кампанию, однако ход выборов продемонстрировал наличие упущений и недочетов в избирательном законодательстве. Решение об избрании обязательного депутата от крестьян принимали не сами крестьянские выборщики, а весь состав избирательного собрания, следовательно, представительство крестьян в Думе в значительной степени зависело от позиции большинства губернского избирательного собрания [16, с. 72–81]. Дореволюционный автор В. С. Голубев объяснял, что к выборам допускались только крестьяне, которые являлись членами волостного схода [17, с. 5]. Власти стремились исключить двойное представительство крестьян, голосовавших как по крестьянской, так и по землевладельческой курии. В трехдневный срок после закрытия выборов и избирательных комиссий заинтересованные лица могли подавать жалобы в уездную и губернскую комиссии на нарушения, допущенные при проведении выборов [18, л. 9]. В ходе разбора жалоб стало понятно, что их значительная доля связана с неточностями в избирательных списках. Так, крестьяне Кобринского уезда выразили недовольство тем, что их не внесли в списки на право участия в выборах на съезде мелких и частных землевладельцев [19, л. 41–43]. В целом по отчетам о ходе избирательной кампании можно судить об успешности выборов в Витебской, Гродненской и Могилевской губерниях [20; 21; 22].

Государственная дума первого созыва начала свою работу в Петербурге в Таврическом дворце 27 апреля 1906 г. С. А. Муромцев был объявлен председателем. С. Ю. Витте в «Воспоминаниях» говорил о том, что крестьяне все также оставались верны воззрениям, по которым «народ не может существовать без царя...» [6], что свидетельствовало их традиционных взглядов и уклада.

В Государственной думе всех созывов было представлено 11 партий, включая беспартийных. В них действовали фракции, численность и состав которых был непостоянен, поэтому было решено придумать такую систему, чтобы состав фракций оставался стабильным. В первых созывах кадеты попытались выступить в качестве лидера оппозиции и повести за собой крестьян, которые входили в состав фракции трудовиков [23, с. 25], однако не нашли поддержки. В Думе первого и второго созыва лидирующие позиции заняла фракция трудовиков. Они стремились включить больше своих представителей в наиболее важные комиссии. По своим политическим взглядам депутаты Государственной думы первого созыва преимущественно записались во фракции кадетов, трудовиков, группу западных окраин и латышскую группу [24, с. 9–14]. Объясняя свою программу по национальному вопросу, трудовики выступали за полное равноправие всех народов, входивших в состав Российской империи, предоставление каждой народности права на самоопределение в вопросах, затрагивающих их интерес [25]. В Думе третьего и четвертого созыва лидирующие позиции заняли октябристы. Зачастую

пути решения аграрного вопроса, который напрямую касался крестьян, предлагали вовсе не крестьянские депутаты, а их более опытные коллеги по фракции. Однако участие крестьян нельзя недооценивать [26, с. 50–60].

В Государственной думе первого созыва приняли участие 10 представителей от крестьян белорусских губерний (таблица 1). До избрания в Государственную думу они занимались сельским хозяйством, служили в волостном или сельском управлении, имели преимущественно начальное образование. Деятельность крестьянских депутатов в Государственной думе первого созыва была достаточно активной. Даже если они не выступали по тем или иным вопросам, то подписывали различного рода заявления на поступающие запросы в комиссии, высказывали свои предложения, которые касались образования и предоставления земли для малоземельных и безземельных крестьян, нужд армии, неприкосновенности личности и др.

Таблица 1

Список членов Государственной думы I–IV созывов

	Губернии	ФИО депутатов
II	Витебская	Г. Ф. Филиппов
	Гродненская	М. М. Жуковский, А. В. Куропацкий, С. П. Кондрашук
	Минская	С. И. Готовиц
	Могилевская	В. А. Кореньков, М. И. Овсянников, М. Е. Семёнов, А. И. Соколовский, Ф. Е. Буслов
III	Витебская	Е. П. Быков, Ф. И. Петроченко
	Гродненская	М. Ф. Демидюк, Е. И. Лепешко, З. Л. Макаревич, С. Е. Седляр
	Минская	А. А. Гаврильчик, А. А. Красковский, В. М. Мельник, Д. Я. Ременчик, И. А. Шиманский
	Могилевская	Л. Е. Емельянов, П. А. Казаков, Д. К. Щербенок
VIII	Витебская	В. Г. Амосенок, М. К. Ермолаев
	Гродненская	И. В. Войтюлик, В. Л. Гаврилюк, Б. С. Янушкевич
	Минская	А. Ф. Кучинский, К. Г. Ермольчик, А. Н. Наливайко, А. И. Юркевич
	Могилевская	Ф. Т. Шевцов
IV	Витебская	А. И. Мухин, П. М. Шмяков
	Гродненская	П. Д. Песляк, В. Ф. Сидорук, Т. Я. Тарасевич
	Минская	К. А. Смяян
	Могилевская	М. Г. Воробьев

Источник: [56].

М. М. Жуковский, представитель от Гродненской губернии из с. Поникла Обрубниковской волости Белостокского уезда, на заседаниях Думы проявил активную гражданскую позицию, показал себя достаточно осведомленным в различных общественно-политических вопросах. Внимание Жуковского привлекли нужды армии [27, с. 224], проблема неприкосновенности личности (12 мая 1906 г.), аграрный вопрос, эмиграция крестьян, причем по каждому из них он имел собственное мнение. В Думе Жуковский считал себя представителем интересов всех сословий Гродненской губернии. Во время одного из выступлений, посвященных аграрной ситуации в империи, Жуковский выступил блестяще и заслужил аплодисменты всего зала, когда пытался объяснить «своим простым крестьянским умом» нужды Гродненской губернии, ее отличия от других губерний Российской империи. Он предлагал для улучшения земледельческого быта и поднятия сельскохозяйственной культуры открывать сельскохозяйственные школы разных типов, в частности, низшие, где преподавали бы агрономы, путешественники, местная интеллигенция [27, с. 859–862]. Жуковский являлся первым и единственным крестьянским депутатом римско-католического вероисповедания от белорусских губерний за все время работы Думы.

С. П. Кондрашук, крестьянин Брестского уезда Гродненской губернии был противником автономии Польши. Выступая по аграрному вопросу 2 июня 1906 г., он сошелся во мнении с Жуковским относительно обременения малоземельных и безземельных крестьян непосильными налогами, которыми они «кормят ненавистное министерство и чиновничество» [27, с. 940–941]. Кондрашук стремился принять такой закон, по которому земля «не являлась предметом торговли», а могла наследоваться. После завершения работы Думы, Кондрашук за антиправительственные выступления был заключён под стражу на полгода [28, с. 7].

В. А. Кореньков, крестьянин д. Высокое Оршанского уезда Могилёвской губернии выдвигал на первое место вопрос об амнистии политических заключенных, а далее – аграрный вопрос. На трехдневном обсуждении аграрного вопроса со 2 по 5 мая 1906 г. выступал за то, чтобы крестьянам дали землю и образование. Он говорил, что «мы безграмотны, мы даже не знаем ничего, отчего нас обходят...» [27, с. 200–208]. Вопрос о частичной амнистии политических заключенных, по его мнению, являлся актуальным, однако население рассчитывало на полную амнистию [29, с. 250–252].

М. Е. Семенов, крестьянин д. Тырковщина Сеннинского уезда, Могилёвской губернии выступил с заявлением, что для крестьян земля необходима как воздух, и те, кто старается не допустить наделения крестьян землей, делают это в первую очередь для своего удобства, а не для общества и государства [27, с. 876].

В свою очередь, А. И. Соколовский, крестьянин д. Соприковичи Мстиславского уезда Могилёвской губернии требование дать «землю и волю» крестьянам считал первостепенным, сравнивал использование Крестьянского банка с чем-то темным и сомнительным, и сказал, что «лучше топиться», чем иметь с банком дело [27, с. 336].

Ф. Е. Буслов, крестьянин Городецкой волости Быховского уезда Могилевской губернии, считал, что сила, которая заключена в каждом человеке, даже в женщине, таит в себе большие культурные начала. Лозунгом его выступлений стали слова «без различия пола», а также «без различия национальности и вероисповедания» [27, с. 101]. Буслов сказал, что «история творится в недрах классовой борьбы...» [27, с. 101]. В его понимании задача Думы заключалась в том, чтобы у крестьян было больше возможностей для ведения хозяйства [27, с. 101]. 10 июля 1906 года, после роспуска Государственной думы I созыва, большинство ее членов, в том числе и Буслов, подписались под «Выборгским воззванием», которое призывало к гражданскому неповиновению, а именно к неуплате налогов и отказу от службы в армии. После чего сам Буслов был приговорен к трем месяцам тюрьмы, а также лишен права быть избранным в дальнейшем [30].

Работа Государственной думы первого созыва длилась всего 72 дня и была прекращена 9 июля 1906 г. Стоит отметить, что 5 из 10 крестьянских депутатов от белорусских губерний активно выступали по разным вопросам и подписывали большое количество законодательных предложений. Крестьянские депутаты от Могилёвской губернии выступали наиболее активно и требовали дать крестьянам еще больше земли. Однако по наблюдениям современников, многие из народных представителей мало соответствовали званию депутата Государственной думы. В воспоминаниях тайного советника, товарища министра внутренних дел в 1906–1911 гг. С. Е. Крыжановского содержится нелестная характеристика Государственной думы первого созыва как «собрания дикарей», причем для этого имелись определенные основания. Депутаты от крестьян в поисках дополнительного заработка устраивались работать швейцарами, дворниками, открывали мелкую торговлю и т. п. Зачастую они приводили ходоков в зал общего собрания, занимались продажей билетов в Думу. После избрания некоторых депутатов в Министерство внутренних дел приходили сведения о том, что в прошлом они осуждены за уголовные преступления, мелкие кражи, мошенничества [31, с. 99–101]. Такой факт свидетельствует об упущениях в работе местных комиссий о выборах в Государственную думу.

После роспуска Думы начались массовые аресты, обыски, вызванные доносами односельчан или помещиков, как, например, в Пинске, где бегство крестьян от полицейских стало распространенным явлением [32, с. 28]. Несмотря на сложную обстановку, население приняло активное участие в избирательной кампании в Государственную думу второго созыва. В условиях массовых крестьянских выступлений и забастовок правительство решило уделить большое внимание выборам по крестьянской курии, особенно, на волостном уровне, чтобы избрать в Государственную думу более надежных в политическом и нравственном отношении кандидатов. В Минской губернии, очевидно, велась борьба губернской и уездной комиссий: когда уездная комиссия отменяла избрание некоторых кандидатов, губернская принимала их [32, с. 18–19]. Интерес крестьян к политической жизни и выборной кампании возрос. На волостном уровне крестьяне, заранее договариваясь, стали обновлять состав

десятидворных с целью продвижения более молодых кандидатов в Думу, что встречало противодействие властей. На собраниях запрещалось обсуждать политические партии, их программы и установки. Иногда в день выборов полиция отбирала и рвала бюллетени, угрожала выборщикам. Так, в Гомеле первое предвыборное собрание проходило всего 2 часа и вскоре было закрыто из-за обсуждения антиправительственных партий [32, с. 85]. В иных городах белорусских губерний такие собрания и вовсе находились под запретом.

Государственная дума второго созыва приступила к работе 20 февраля 1907 г., председателем был назначен Н. А. Хомяков. В Думу было избрано 14 депутатов от крестьян белорусских губерний (табл. 1). Они придерживались более консервативных взглядов и поддержали думских правых, которых объединяло стремление сохранить существующий в России строй. Правых отличало также стремление сохранить сословную структуру самодержавной России и обеспечить приоритетные права русской нации. Их представителями были во всех четырех Думах Российской империи [33, с. 16]. Принимая участие в обсуждении вопросов, связанных с продолжением либеральных реформ, основанных на Манифесте 17 октября 1905 г., крестьяне стремились отстоять меры, направленные на расширение крестьянского земельного фонда, в частности, за счет земель помещиков [34, с. 43–49].

А. А. Красковскому, крестьянину д. Ляхово Новогрудского уезда Минской губернии, было предложено стать товарищем секретаря председателя, но он отказался [35, с. 42]. Во время выступления по поводу декларации Совета министров о свободе совести, которая была зачитана П. А. Столыпиным 6 марта 1907 г. [36; 37], Красковский отметил, что крестьяне не прибегали к помощи революции, стремились мирным путем решить аграрный вопрос. Этого можно было достигнуть лишь тогда, по мнению Красковского, когда «каждый горожанин будет Мининым, каждый военный – Пожарским, каждый крестьянин – Иваном Сусаниным». В продолжительной речи о преобразованиях в аграрной сфере Красковский упрекнул не знакомых с проблемами деревни думских ораторов, которые высказывали желание помочь бедному крестьянству, но обвиняли его в неспособности себя прокормить. Обращая к ним слова «сытый голодного не разумеет» [35, с. 1338–1342], в качестве примера А. А. Красковский привел собственную деревню, в которой крестьянин владел всего лишь одной десятиной земли и не мог обеспечить большую семью вне зависимости от способа обработки земли [35, с. 1338–1342].

В. М. Мельник, крестьянин м. Лоев Речицкого уезда Минской губернии, отметив безрезультатность деятельности представителей от крестьян в прошлой Думе, счел ошибкой их желание заручиться поддержкой дворян, которые использовали крестьянских депутатов «как материал для проведения своих целей» [35, с. 1101–1105]. Наряду с аграрным вопросом в поле зрения крестьянских депутатов попадали и другие проблемы. Так, 12 марта 1907 г., обсуждая законопроект об отмене военно-полевых судов, Мельник просил избежать кровопролития, дать возможность провинившимся исправиться, и, возможно, в будущем принести пользу империи [35, с. 433–434].

В целом деятельность крестьянских депутатов в Государственной думе второго созыва вызывала скептические оценки современников [38], что свидетельствовало о том, что народные избранники далеко не всегда соответствовали своему положению, что проявлялось в их пассивном участии на заседаниях Думы.

Избирательная кампания в Государственную думу третьего созыва началась осенью 1907 г. По-прежнему, крестьяне не до конца понимали роль своих избранников в работе Государственной думы. Во время избирательной кампании в Государственную думу третьего созыва правительство разработало опросник для крестьян, с целью выяснения отношения к деятельности Думы [39]. Из ответов крестьян следовало, что одна их часть не испытывала интереса к избирательной кампании, другая – не видела пользы от работы избранников в Государственной думе. В Слонимском уезде Гродненской губернии во время выборов в Государственную думу третьего созыва крестьян мало интересовала избирательная кампания и участие в деятельности Думы, что можно объяснить начавшимися сельскохозяйственными работами, которым крестьяне уделяли все свое время [28, с. 3]. Когда у кандидата в депутаты от Гродненской губернии Соловьева спросили, почему он относит себя к правым, тот ответил, что он правый, так как в Думе будет «стоять за правду» [28, с. 3]. В Минской губернии была подана жалоба члена Лошницкого волостного схода Т. Хацкевича о недовольстве своим уполномоченным А. Гаврильчиком, который перед выборами в Государственную думу третьего созыва пытался подкупить членов схода деньгами и водкой [40, лл. 2–3].

1 ноября 1907 г. начала свою работу Государственная дума третьего созыва, председателем которой был назначен А. И. Гучков. В работе Думы от крестьян белорусских губерний приняло участие 10 депутатов (таблица 1). Центральное место заняло обсуждение указа 9 ноября 1906 г. [41, с. 567]. Государственная дума третьего созыва действовала на протяжении 5 лет, рассматривала за это время 2197 законопроектов. Помимо аграрного и национального вопроса, в Думе шло обсуждение вопросов начального образования, в частности, проблемы церковно-приходских школ [25]. На этот раз состав думы вполне удовлетворял правительство, и оно избрало политику лавирования между помещиками и крестьянами [42, с. 5–19].

Правительственную программу по аграрному вопросу изначально поддерживал В. Г. Амосёнок, уроженец д. Гирино, Щербинской волости Витебской губернии [43, с. 27], который проявил высокую активность в Думе. Он выступал в пользу указа 9 ноября и говорил о полезности закона тем крестьянам, у которых имелось достаточное количество земли [44, с. 92]. Однако 30 января 1908 г. он высказался весьма критически в отношении Столыпинской аграрной реформы, против хуторского расселения, приводя в качестве примера односельчан, которые уже стали «мелкими помещиками...», т. е. приобрели в собственность большое количество земли и стали более зажиточными по сравнению с односельчанами [45, с. 1341].

Схожее мнение было у М. К. Ермолаева, крестьянина Малиновской волости Витебской губернии [43, с. 28], который неоднозначно оценивал политику

ку правительства, и говорил, что не стоит бояться появления «крестьянских помещиков», ведь стремление к зажиточности стоит только приветствовать, однако указ «ничем не поможет безземельным и малоземельным крестьянам» [45, с. 851].

Крестьянские депутаты третьего созыва, как видно, не проявили большую активность, по сравнению с их предшественниками из первых двух Дум. Но несмотря на это, они считали, что стоит помочь нуждающимся в земле крестьянам закрепить ее в собственность, а также оказать материальную помощь пострадавшим в период революции. Крестьянские депутаты пришли к единому мнению, что аграрный вопрос не должен быть предметом исключительного обсуждения в Думе, а его решение следует связывать с введением местного самоуправления. Вместе с тем в письмах, присланных в редакцию газеты «Наша Нива», высказывалась неудовлетворенность деятельностью депутатов-крестьян, утверждалось, что депутаты от Минской губернии несколько раз пытались говорить, но «лучше бы совсем молчали», а гродненские депутаты не состояли ни в одной партии, проявляли пассивность и нежелание принимать участие в работе комиссий [28, с. 2].

В июне 1912 г. истекли полномочия депутатов третьего созыва и осенью того же года прошли выборы в Государственную думу четвертого созыва. Еще 12 апреля 1912 г. председателю Государственной думы поступил запрос по поводу принимаемых центральной и местной администрацией мер, направленных на стеснение свободы выборов, однако было решено отказать в рассмотрении данного запроса [46].

Во время выборов в Государственную думу четвертого созыва по-прежнему имели место угрозы, аресты, высылки, устранение от выборов, перенос выборов в неудобное для большинства выборщиков место или назначение их в неудобное время [48, с. 22]. Активное участие в проведении выборов приняли белорусские консервативно-монархические организации, а влияние на ход избирательной кампании зачастую оказывали православные священнослужители. Особенностью выборной кампании четвертого созыва являлась борьба за депутатские места, чего не наблюдалось в предыдущих созывах [48, с. 89–93].

По-прежнему подавались жалобы в местные комиссии. Жалоба Я. И. Созоновича была связана с тем, что он, купив 4200 дес. земли в Велятичской волости Борисовского уезда в 1888 г., был исключен из числа уполномоченных от крестьян для участия в избирательном съезде для выборов в Государственную думу четвертого созыва. При выяснении всех обстоятельств оказалось, что здание волостного правления и все содержащиеся в нем документы сгорели, а делопроизводство передано в другое волостное правление, к которому Созоновича причислили автоматически, что являлось препятствием для избрания от крестьянской курии. По результатам рассмотрения данной жалобы, жалоба Созоновича была удовлетворена [49, лл. 1–29], однако его причислили к землевладельческой курии.

Член Государственной думы первого созыва С. И. Готовиц, намереваясь попасть в очередной созыв, также принимал участие в избирательной

кампании от Кривошинской волости Новогрудского уезда Минской губернии. 9 октября 1912 г. Минская губернская по выборам в Государственную думу комиссия слушала Готовчица о том, что Новогрудская уездная по делам о выборах в Государственную думу комиссия отклонила избрание двух уполномоченных от Кривошинской волости Новогрудского уезда для участия в избирательном съезде в связи с тем, что М. О. Пастернакевич – народный учитель, а Готовчиц не принадлежал к составу десятидворных или должностных лиц волости. Поэтому было решено отклонить жалобу С. И. Готовчица [50, лл. 1–31].

Еще одна жалоба поступила от чиновника Варшавского управления земледелия и государственных имуществ, надворного советника Р. Конашевича, крестьянина, который являлся уроженцем д. Лавницы Велятичской волости Борисовского уезда. Его исключили из числа уполномоченных от крестьян, так как Конашевич хотя и родился в крестьянской семье, но по чину не мог участвовать в выборах от волости, поскольку этого не предусматривало Положение о выборах в Государственную думу [51, л. 7].

Данное положение лишало права участия и избрания в Государственную думу осужденных к тюремному сроку лиц, о чем крестьянин Д.Л. Верещакин, вероятно, не знал. В 1897 г. он был приговорен к тюремному заключению на 45 суток. В данном случае срок давности не имел значения, и согласно ст. 7 Положения о выборах [52], его участие в избирательной кампании представлялось невозможным [53, лл. 1–10].

Государственную думу четвертого созыва объявили открытой 15 ноября 1912 г. Председателем был М. В. Родзянко. Дума четвертого созыва по партийному составу практически не отличалась от предыдущей [54, с. 112–124]. Было избрано всего 7 депутатов от крестьян белорусских губерний [55, с. 151] (табл. 1). Во время ее деятельности не было внесено крупных проектов, кроме росписи доходов и расходов. Все чаще ее члены высказывались против правительственной политики, Дума постепенно становилась все более оппозиционной. С началом Первой мировой войны сессии созывались нерегулярно, все законопроекты готовило правительство. 3 сентября 1915 г. Дума была распущена на каникулы, 27 февраля 1917 г., и вовсе приостановлена ее работа. После Февральской революции Государственная дума не созывалась, однако ее депутаты собирались на частные совещания, проходившие в течение апреля – августа 1917 г. [34]. Окончательно Государственная дума четвертого созыва была распущена Временным правительством 6 октября 1917 г. Важную роль в этом сыграло отсутствие поддержки общественности [25].

Таким образом, выборы в Государственную думу зачастую проходили в условиях бурной общественно-политической ситуации, что сказывалось на ходе избирательной кампании. В ходе выборов приходилось преодолевать такие сложности, как непонимание крестьянами системы избрания кандидатов в депутаты и их роли в Думе. Отличительной чертой избирательной системы в белорусских губерниях было разделение избирателей по национальным куриям, а также уменьшение количества выборщиков от крестьян, что сказалось отрицательно в отношении народа к государственному аппарату.

Однако, это не мешало крестьянам выбирать тех людей, которые отстаивали их интересы на государственном уровне. Крестьянские депутаты от белорусских губерний, как правило, имели начальное образование, до избрания в Думу являлись представителями зажиточного крестьянства, занимали должности волостных старшин или сельских старост, занимались сельским хозяйством. Крестьяне избирались как беспартийные, но затем могли войти в состав фракции (националистов, кадетов, трудовиков). В своей деятельности в Думе они стремились отстаивать интересы представителей всех сословий и вероисповеданий, обсуждали законопроекты и заявления по различным вопросам (земельном, военном, налоговом, о помощи пострадавшим от революции и безработным, о деятельности комиссий и комитетов, об амнистии заключенных и др.). Можно утверждать, что сфера интересов крестьянских депутатов была довольно широка: от хозяйственной, экономической и военной до сферы культуры и образования граждан. Как видно, в первых двух Думах активность крестьянских депутатов была меньшей, нежели в третьей и четвертой (диаграм. 1). Это свидетельствует о подъеме их общественно-политического сознания, что способствовало накоплению опыта участия в законотворческой деятельности совместно с представителями других сословий. Как следствие, это помогало искать пути решения и аграрного вопроса, и многих других, а также отстаивать в меру своего понимания интересы белорусского крестьянства, содействуя его вовлечению в общественно-политическую жизнь империи.

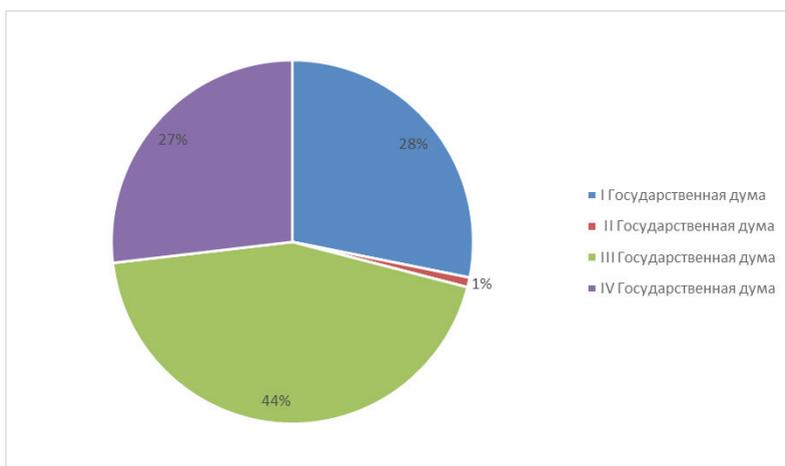

Диаграмма 1. Общее количество подписанных заявлений крестьянскими депутатами

Список использованных источников

1. *Шабуня, К. И.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг. / К. И. Шабуня. – Минск: Изд-во Мин-ва высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1962. – 334 с.
2. Общественно-политическая борьба в Белоруссии в связи с выборами и деятельностью III Государственной Думы (1907–1912 гг.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. исторических наук: специальность 07.00.02 «История СССР» / Н. М. Забавский. – Минск, 1988. – 22 с.
3. Общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с выборами и деятельностью I Государственной Думы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 История СССР / М. А. Мартюхова – Минск, 1982. – 17 с.
4. *Забайскі, М. М.* Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906–1917 гг.) / М. М. Забайскі, У. С. Пуцік. – Мінск: БДПУ, 1998. – 157 с.
5. *Лавринович, Д. С.* Депутаты III и IV Государственной думы от Могилевской губернии: социальные и политические характеристики / Д. С. Лавринович // Журнал Белорусского государственного университета / учредитель Белорусский государственный университет. – 2020. – № 2. – С. 31–39.
6. *Витте, С. Ю.* Воспоминания [Электронный ресурс] / С. Ю. Витте. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/404612>. – Дата доступа: 24.02.2023.
7. Полный свод законов Российской империи (Далее – ПСЗРИ). – Собр. 3 – Т. 25 – Отд. 1 – № 26662.
8. ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 25. – Отд. 1. – № 27029.
9. Государственная Дума Российской империи: 1906–1917: энцикл. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 2008. – 735 с.
10. ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 27. – Отд. 1. – № 29241.
11. ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 27. – Отд. 1. – № 29242.
12. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А. У. Унучак і [інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2018. – 572 с.
13. *Сулоев, И. Н.* К вопросу о трансформации политического мировосприятия крестьян в период выборов в I Государственную думу (на материалах Костромской и Ярославской губерний) / И. Н. Сулоев, А. М. Белов // Вестник Костромского государственного университета. – vol. 19, №. 5, 2013. – С. 60–63.
14. *Локоть, Т. В.* Первая дума: Ст., заметки и впечатления б. члена Гос. думы / Проф. Т. В. Локоть. – Москва: Польша, 1906. – 366 с.
15. История белорусской государственности: в 5 т. Т. 2. Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) / Н. В. Смехович [и др.]; отв. ред. тома: Н. В. Смехович, А. В. Унучек, Е. Н. Филатова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 413 с.
16. *Кузнецов, А. А.* Административный ресурс на выборах в Государственную Думу третьего созыва в Северо-Западных губерниях / А. А. Кузнецов, Е. В. Баранова, Э. В. Иванков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – № 1. – 2018. – С. 72–81.
17. *Голубев, В. С.* Крестьяне в Государственной думе / В. С. Голубев. – Ростов н/Д.: изд. Н. Парамонова «Донская речь», 1905. – 28 с.

18. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ) г. Минск. – Ф. 321. Оп.1. Д. 518.
19. НИАБ г. Гродно. – Ф. 59. Оп. 2. Д 1.
20. Российский государственный исторический архив (далее–РГИА) – Ф. 1278. Оп. 1. Д. 87.
21. РГИА – Ф. 1278. Оп. 1. Д. 57.
22. РГИА – Ф. 1278. Оп. 1. Д. 35.
23. *Забаўскі, М. М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забаўскі. // Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск: БДПУ, 1999 – 212 с.
24. *Лавринович, Д. С.* Депутаты Государственной думы первого и второго созывов от Могилевской губернии: социальные и политические характеристики / Д. С. Лавринович // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія).* – 2020. – № 1 (55). – С. 9–14.
25. *Забавский, Н. М.* Депутаты от Беларуси в Российской Государственной думе в 1906–1917 гг. [Электронный ресурс] / Н. М. Забавский. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/handle/doc/25601>. – Дата доступа: 24.02.2023.
26. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. – М.: Изд. Госдумы, 2013. – 240 с.
27. Стенографические отчеты [Текст] / Гос. дума. 1906 г. Сессия 1-я. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1906. – 866 с.
28. *Наша Ніва.* Факсімільнае выданне (Вільня, 1906–1909). Вып. 1–2. – Мінск, 1992.
29. *Люблинский, П. И.* Право амнистии: Историко-догматическое и политическое исследование П. И. Люблинского / П. И. Люблинский. – [СПб]: Сенат. тип., 1907. – 365 с.
30. *Наталья Алексеевна Васильева* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.na-vasilieva.ru/vospominaniya_deda_natali_alekseevny_3/ – Дата доступа: 24.02.2023.
31. *Крыжановский, С. Е.* Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / С. Е. Крыжановский. – Берлин: Петрополис, 1938. – 220 с.
32. *Смирнов, А.* Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу: со вступительной статьей и заключением проф. П. Н. Милькова / составил Алексей Смирнов. – Санкт-Петербург: Типография Т-ва «Общественная польза», 1907. – 294 с.
33. *Дорошенко, А. А.* Правые в Государственных Думах Российской империи: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Дорошенко / Самар. гос. ун-т. – Самара, 2003. – 22 с.
34. *Лавринович, Д. С.* Депутаты от Витебской губернии в I и II Государственный думах / Д. С. Лавринович // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія.* – 2020. – № 2 (56). – С. 43–49.

35. Стенографические отчеты [Текст] / Государственная дума, Второй созыв, Сессия вторая. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1907. – 2230 с.

36. Законопроекты о свободе совести в комиссиях и заседаниях государственной думы российской империи I и II Созывов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/tq7hozorr3/direct/119884166>. – Дата доступа: 24.02.2023.

37. Декларация Председателя Совета министров П. А. Столыпина 6 марта 1907 г. // Государственная дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. I. – С. 106–120.

38. Богораз, В. Г. Мужики в Государственной думе Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс] / В. Г. Богораз. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/732675>. – Дата доступа: 24.02.2023.

39. РГИА – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3711.

40. НИАБ. – Ф. 317. Оп. 1. Д. 128.

41. ПСЗРИ. – Собр. 3 – Т. 26 – Отд. 1 – № 28528.

42. Флоринский, М. Ф. Государственная дума в России в 1906–1917 гг. / М. Ф. Флоринский // Ленинградский юридический журнал. – 2006. – № 1. – С. 5–19.

43. 3-й созыв Г. Д.: портреты, биографии, автографы. – Санкт-Петербург: издание Н. Н. Ольшанского, 1910. – 66 с.

44. Аврех, А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. – М.: Политиздат, 1991. – 285 с.

45. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. [Текст] / Гос. дума, 3-й созыв, сессия 1-я. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1908. – 1086 с.

46. РГИА. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2656.

47. Первый год жизни четвертой Государственной думы. – Санкт-Петербург: Тип. 3. Соколинского, 1913. – 32 с.

48. Бондаренко, К. М. Борьба за Госдуму: идеология русских монархических партий и их белорусских представительств в выборных кампаниях начала XX века / К. М. Бондаренко // Белорусская думка. – 2015. – № 4. – С. 89–93.

49. НИАБ – Ф. 317. Оп. 1. Д. 161.

50. НИАБ – Ф. 317. Оп. 1. Д. 164.

51. НИАБ – Ф. 317. Оп. 1. Д. 171.

52. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5213/>. – Дата доступа: 24.02.2023.

53. НИАБ – Ф. 317. Оп. 1. Д. 170.

54. Архитов, И. Похороненная революцией. Феномен IV Государственной думы (1912–1917) / И. Архипов // Звезда. – 2000. – № 3. – С. 112–124.

55. Четвертая Государственная дума: портреты и биографии. – Санкт-Петербург: Н. Н. Ольшанский, 1913. – 240 с.

56. РГИА – Ф. 1278. Оп. 1. Д. 55; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 161; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 18; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 933; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 882; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 536; РГИА – Ф. 1278. Оп. 9. Д. 901; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 152.

(Дата поступления: 15.06.2023).

**ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СНАБЖЕНИЯ
ГРОДНО И БРЕСТ-ЛИТОВСКА ПРОДУКТАМИ
В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЗАДАЧИ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО
ВОЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПЕРЕВОЗОК
И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАПРОСЫ МЕСТНОГО
ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Жихарев С. Б.

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины»,
Гомель, Беларусь

В статье отмечается, что кризисные явления в работе российских железных дорог проявились уже в самом начале Первой мировой войны. Автором установлено, что попытки центральных властей решить возникающие транспортные проблемы, а также их стремление обеспечить бесперебойное снабжение городского населения и промышленности всем необходимым на основе первичного планирования грузовых железнодорожных перевозок в масштабах всей страны и одновременного учета запросов органов городского самоуправления на железнодорожные вагоны для доставки населению городов продовольствия успехом не увенчались. Варшавский порайонный комитет практически не взаимодействовал с органами местного городского самоуправления Гродно, Брест-Литовска, а потому слабо ориентировался в реальных потребностях населения в продовольствии.

Ключевые слова: железные дороги; городская управа; осведомительная комиссия; варшавский порайонный комитет; станция Гродно; городское общественное самоуправление; городской голова; отпуск вагонов; Брест-Литовск; грузовые перевозки.

**RAILWAY SUPPORT FOR THE SUPPLY OF GRODNO
AND BREST-LITOVSK PRODUCTS IN THE CONDITIONS
OF THE FIRST WORLD WAR: TASKS OF CENTRALIZED
INTERDEPARTMENTAL MILITARY TRANSPORTATION
PLANNING AND FOOD REQUESTS OF THE LOCAL CITY
PUBLIC ADMINISTRATION**

Zhiharev S. B.

Gomel State University of F. Skoriny, Gomel, Belarus

The article notes that crisis phenomena in the work of Russian railways manifested themselves at the very beginning of the First World War. The author found that attempts by the central authorities to solve the emerging transport problems, as well as their desire to ensure the uninterrupted supply of the urban population and industry with

everything necessary on the basis of primary planning of freight rail transportation for the whole country and simultaneously taking into account the requests of city authorities for railway cars for the delivery of food to the population of cities were unsuccessful. The Warsaw District Committee practically did not interact with the local city governments of Grodno, Brest-Litovsk, and therefore was poorly oriented in the real food needs of the population.

Keywords: railways; city government; the Information Commission; Warsaw District Committee; Grodno station; urban public self-government; the mayor; delivery of railcars; Brest-Litovsk; freight transportation.

С самого начала Первой мировой войны на железных дорогах Российской империи постепенно начал формироваться механизм централизованного планирования грузовых перевозок. Необходимые для перевозки грузов детальные сведения стекались в центральный комитет по регулированию массовых перевозок по железным дорогам. Планирование продовольственных перевозок, а затем исполнение составленного в центральном комитете общего плана на заявленные перевозки возлагалось на местные порайонные комитеты по регулированию железнодорожных перевозок [1, с. 41].

Под влиянием войны начали происходить системные нарушения в снабжении городского населения продуктами первой необходимости. В отдельных случаях срабатывала одна причина, в других – дополненный неблагоприятными обстоятельствами комплекс причин, когда происходившие срывы поставок происходили из-за вовремя непредоставленных железными дорогами грузоотправителям вагонов. К проблемам с топливом, нехваткой зерна, муки и сахара весной 1915 г. добавилась хроническая нехватка мясных продуктов.

Серьезные трудности в обеспечении населения Гродно предметами первой необходимости обозначились в августе 1914 г. Объединив совместные усилия с общественным самоуправлением г. Брест-Литовска, заручившись поддержкой коменданта гродненской крепости и основываясь на решениях, принятых особой осведомительной комиссией, а также коллективных ходатайствах гродненских купцов, Гродненская городская управа дважды – 12 и 27 августа – обращалась в варшавский порайонный комитет с просьбой предоставить жизненно необходимые городу 62 вагона для перевозки муки, крупы, фасоли, сахара, сельди, подсолнечного масла, свечей, спичек и листового стекла. С консультативными и разъяснительными поручениями в варшавский порайонный комитет были командированы полномочные представители. 27 августа в Варшаву выехали член гродненской городской управы С. О. Цыбульский и член местной осведомительной комиссии, директор гродненского сельскохозяйственного товарищества В. В. Лиондт. От них требовалось максимально ускорить выделение Гродно железнодорожных вагонов. Конечным крайне скромным результатом совместных усилий стало предоставление для Гродно на состоявшемся 9 сентября 1914 г. особом совещании варшавского порайонного комитета 17 вагонов, предназначенных под погрузку и без того крайне урезанного перечня товаров первой необходимости [2, л. 83 об.].

22 августа 1914 г. Главное управление по делам местного хозяйства МВД очередной раз напомнило губернаторам, что на них возложена ответственность за сбор информации о прибывающих в города по железным дорогам предметах первой необходимости и топливе. Специально создаваемые под председательством губернаторов первичные инстанции – формируемые из глав городских управ и городских старост совещания и осведомительные комиссии по обеспечению населения предметами первой необходимости, рассматривали поступающие от частных лиц ходатайства о доставке грузов в города губернии, а также вели учет прибывших на железнодорожные станции грузов. Собранные таким образом данные должны были передаваться губернаторами председателям профильных порайонных комитетов и главам особых совещаний, в ведении которых находилось регулирование перевозки коммерческих грузов в период мобилизационного положения на железных дорогах. О результатах своей деятельности по обеспечению городов железнодорожными грузами и об эффективности взаимодействия с инстанциями железнодорожного планирования губернаторы обязывались подробно отчитываться перед МВД [2, л. 78].

Губернские осведомительные комиссии не всегда располагали исчерпывающими сведениями об обеспеченности населения предметами первой необходимости. Значительные затруднения вызывало у комиссий и определение количества удовлетворенных порайонными комитетами ходатайств по внеочередной доставке железнодорожных товаров и о числе грузов, действительно прибывших в города по этим разрешениям. Существовали проблемы в знаниях местных осведомительных комиссий также и в отношении количества прибывавших в города грузов. К весне 1915 г. выяснилось, что практически ни одна из организованных в городах Гродненской губернии комиссий не может дать точные и полные ответы на запросы губернатора. Вопрос о соотношении дошедших до местного населения предметов первой необходимости и топлива из общего объема прибывших в губернию и вывезенных затем из нее в соседние регионы товаров оказался для большинства осведомительных комиссий наиболее проблематичным.

Помимо общих совещаний деятельность варшавского порайонного комитета по регулированию массовых перевозок грузов по железным дорогам могла также проходить и в формате особых совещаний, в компетенцию которых входило, если этого требовала ситуация, взаимодействие с другими порайонными комитетами страны. 24 августа 1914 г. гродненская городская управа направила в варшавский порайонный комитет заявление о разрешении перевозки в Гродно 16 вагонов товаров первой необходимости. На состоявшемся 1 сентября особом совещании комитета перевозка заявленных грузов была разрешена, о чем 9 сентября гродненского городского голову официально оповестили из Варшавы [2, л. 84].

С аналогичными явлениями столкнулась созданная при городской думе гродненская осведомительная комиссия. Однако конкретные шаги последовали только 27 марта 1915 г. Установление количества продуктов первой необходимости и размеры реальной потребности в привозе в город тех или

иных грузов ставилось в зависимость от полноты сведений, поступающих в осведомительную комиссию со станции «Гродно» [2, л. 68]. В частности, гродненский городской голова запрашивал у начальника станции «Гродно» Северо-Западных железных дорог данные о пропускной способности станции с учетом ежедневно проходящих через нее военных составов, а также о номенклатуре, количестве и получателях прибывающих на станцию Гродно частных грузов. Недобросовестные торговцы в спекулятивных целях пользовались несовершенством механизма не именной регистрации (на предъявителя), прибывающих на железнодорожную станцию грузов, одновременно оформляя сразу несколько заявок на получение вагонов под партии ходовых товаров. Предотвратить злоупотребления городская управа и осведомительная комиссия рассчитывали путем ужесточения надзора над всеми прибывающими в Гродно грузами, введя регистрационные записи в товарных накладных об их заявителях. Вести учет количества ежедневно доставляемых по Северо-Западным железным дорогам на станцию «Гродно» вагонов с частными грузами, виды и объемы поставляемых товаров городская управа поручила своему агенту секретарю управления П. А. Довгиру [2, л. 68 об.].

Практически одновременно оказалась под запретом доставка 10 вагонов овса со станции Пантаевка на станцию Гродно, приобретенная гродненским общественным управлением и предназначавшаяся для лошадей городского пожарного обоза. По распоряжению главного начальника Одесского военного округа генерала М. И. Эбелова и градоначальника Одессы И. В. Сосновского «весь объем зернового фуража округа подлежал покупке армии и поэтому не мог быть допущен для населения» [2, л. 61]. Несмотря на предоставленное варшавским порайонным комитетом еще 6 марта 1915 г. разрешение на внеочередную перевозку столь необходимого в Гродно продукта, партия овса попадала также и под действующий местный запрет на вывоз грузов из Одесской губернии [2, л. 56]. Теперь в силу вступал разрешительный порядок снятия запретов и ограничений. А это требовало личного вмешательства гродненского губернатора и городского головы, поскольку решить возникшую проблему по доставке в Гродно вагонов с зерном могла только санкция одесского генерал-губернатора [2, л. 59].

Крайне сложная ситуация в плане обеспечения населения мясом сложилась в Гродно к апрелю 1915 г. Обеспечивавшие ранее губернский город скотом частные имения и населенные пункты Сувалкской губернии с приходом сюда войны подверглись опустошению. Установленные властями запретительные меры и ограничения на свободный товарообмен между районами остановили пригон скота гродненскими скотопромышленниками на гродненские скотобойни с рынков и ярмарок Щучина, Острина, Желудка и Васишишек. Возникли большие сложности по доставке степного скота в Гродно и из Киевской губернии. Перевозимый в Гродно по железной дороге скот подолгу «застревал» на станциях отправления и на узловых станциях. Сбои в работе железнодорожного транспорта, нарушение товарного движения создавали для городского руководства и органов общественного самоуправления значительные трудности в снабжении города мясом. Если в 1914 г.

расположенные в Гродно военные части закупали мясо для своих нужд еще на возмездной для его владельцев основе, то в конце марта 1915 г. интендантские службы, не считаясь с интересами местного населения, перешли к практике открытых реквизиций мяса на скотобойне и в торговых лавках. Предельное возмущение гродненского городского головы вызвали уже окончательно вышедшие из под его контороля действия военных, конфисковавших 28 марта для своих нужд 2/3 из убитых в этот день 63 голов крупного рогатого скота. Решение проблемы в снабжении населения Гродно мясом городское общественное самоуправление видело в снятии запрета на закупку скота гродненскими мясопромышленниками в неразоренных войной соседних местечках Виленской губернии (Щучин, Острин, Желудок, Василишки), а также в санкционированном порайонным комитетом и согласованном с начальником военных сообщений Киевского округа и начальником Юго-Западных железных дорог бесперебойном подвозе в Гродно скота по железным дорогам. Вести переговоры с официальными инстанциями, определять оптимальные пути и способы доставки скота в Гродно, согласовывать закупочные цены на приобретаемый у населения и мясопромышленников скот гродненское общественное самоуправление поручило агентам городской управы по закупке скота Игнатию Игнатьевичу Дашуте и Пинхусу Вольфовичу Бурлину. Считая необходимым прекратить осуществляемые военными самовольные изъятия скота, председатель городской управы 13 апреля 1915 г. направил к губернатору ходатайство, обращенное к коменданту гродненской крепости. В своей просьбе городской голова просил повлиять на находящийся в его подчинении гарнизон и дислоцированные в городе части, и в целях урегулирования возникшего конфликта, остановить осуществляемую интендантской службой без ведома гражданских властей самовольную заготовку мяса на рынке и на городской скотобойне [2, л. 204].

Примерно в это же время в Гродно иссякли запасы сахара и в целях удовлетворения спроса городского населения на этот продукт управой 8 июля 1915 г. было выдано разрешение гродненскому купцу Берке Лейзеровичу Бурде выписать вне очереди один вагон сахара со станции Гомель [2, л. 244]. Через неделю стало очевидно, что начальник и комендант станции Гомель не собираются выполнять распоряжение министра путей сообщения «О внеочередной перевозке продуктов первой необходимости, приобретаемых на имя городских общественных управлений» на основании действующего запрета на погрузку товаров для станции Гродно. Таким образом, из-за одновременного действия противоречащих друг другу ведомственных решений, принятых в МПС и Военном министерстве, Бурде было отказано выделить вагон под погрузку сахара на имя гродненской городской управы [2, л. 245]. 16 июля губернатор В. Н. Шебеко направил в варшавский порайонный комитет телеграмму, в которой изложил суть произошедшей на станции Гомель коллизии, ставшей причиной продолжающегося в Гродно дефицита на сахар [2, л. 243].

С августа 1914 г. городская управа Брест-Литовска начала вести учет, имеющихся в городе запасов продовольствия с целью их пополнения за счет

подвоза из других регионов. В городе явно ощущалась нехватка предметов первой необходимости (муки, крупы, соли, керосина, сухих бакалейных продуктов), а также топлива [3, л. 501 об.]. Используя формирующийся с начала августа механизм внеочередного отпуска железнодорожных вагонов, управа вступила в контакт с особыми совещаниями при варшавском порайонном комитете. Однако не получив от комитета поддержки (из запрошенных городом 170 вагонов с необходимыми грузами к 23 августа было отпущено только 10), местное общественное самоуправление стало активнее взаимодействовать с администрацией Брест-Литовской крепости. Вагоны для доставки некоторых грузов стали отпускаться на основе нарядов, выдаваемых помощником коменданта крепости по гражданской части. Выполняя поручение созданной в Брест-Литовске осведомительной комиссии, городской голова отбыл в командировку в Варшаву, чтобы выяснить причины прекращения отпуска вагонов городской управе со стороны порайонного комитета. Вскоре стало понятно, что комитет с 22 августа временно приостановил отпуск грузов по ходатайствам управы. Все имеющиеся резервы были направлены на бесперебойное обеспечение резко возросших военных перевозок [2, л. 86]. Тем временем в Брест-Литовске стал заметен дефицит многих жизненно важных продуктов, спрос на которые уже невозможно было удовлетворить за счет собственных резервов. В городскую управу поступило 54 прошения разных предпринимателей и торговцев, которые терпели убытки из-за отсутствия средств доставки для законтрактованных ими в других регионах Российской империи грузов. В середине сентября варшавский порайонный комитет сделал выборочные распоряжения об отпуске вагонов с предназначенными для отправки в Брест-Литовск грузами по ранее сделанным городской управой ходатайствам [2, л. 86 об.].

С августа 1914 г. по 14 октября 1915 г. при городской управе с целью обеспечения населения предметами первой необходимости действовала местная осведомительная комиссия. После прекращения работы комиссии все ее дела перешли в компетенцию заместителя коменданта Брест-Литовской крепости по гражданской части. Осведомительная комиссия провела три заседания, на которых был выполнен окончательный подсчет официально учтенных в городе запасов продовольствия. Величина необходимого ввоза предметов первой необходимости рассчитывалась не путем вычисления установившегося соотношения между прибывшими и потребленными городом продуктами, а на основе направленных в комиссию заявлений от местных торговцев. Только за три неполных месяца от двухсот двадцати четырех брестских торговцев через городскую управу, осведомительную комиссию и командование крепости в варшавский порайонный комитет поступили заявки на 1581 вагон. Спустя полтора месяца комитет удовлетворил названные ходатайства, сократив при этом количество отпускаемых по частным заявлениям для Бреста вагонов до 944 [3, л. 501]. Несвоевременное выделение железнодорожной тары, быстро меняющаяся в условиях войны обстановка приводили к отсутствию на станциях погрузки заказанного брестскими предпринимателями товара, либо администра-

ция железнодорожных станций игнорировала выданные с опозданием районным комитетом разрешения на первоочередную погрузку в вагоны предназначенных Брест-Литовску продуктов [3, л. 501 об.].

К февралю 1915 г. цены на некоторые предметы первой необходимости и топливо в Брест-Литовске по сравнению с январем 1914 г. подскочили на 50 %. Все предпринятые городским самоуправлением меры по обеспечению населения предметами первой необходимости и топливом по приемлемым ценам не достигали цели. 31 января 1915 г. городской голова в письме гродненскому губернатору В. Н. Шебеко признал, что «для установления в городе нормальных цен важен систематический подвоз и выгрузка необходимых городу продуктов, что в условиях войны едва ли возможно, так как находится в тесной зависимости от воинских перевозок, поэтому в силу неизбежности нужно применяться к обстоятельствам. В зависимости от них теперь регулируются заказы на перевозку грузов, состоящим при помощнике коменданта крепости особым совещанием. Сделать что-либо больше этого не вижу возможным» [3, л. 501 об.].

Список использованных источников

1. *Сенин, А. С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.): монография / А. С. Сенин. – М.: ГОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2009. – 320 с.

2. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 17 (Гродненское губернское по городским делам присутствие). – Оп. 1. – Д. 461. – О перевозке грузов по железным дорогам в военное время (переписка с городскими головами, с городскими управами о правилах перевозки грузов по железным дорогам в Гродненской губернии во время войны). – 520 лл.

3. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 440. – Наряд Гродненского губернского по городским делам присутствия «Об организации перевозок(ки) грузов по железным дорогам в военное время». – 556 лл.

(Дата поступления: 15.06.2023).

РАЗДЕЛЫ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И ИДЕЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ КАК СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Шимов В. В.

Центр белорусских исследований Института Европы РАН,
Москва, Россия

В статье рассматривается эволюция российской политики в отношении белорусских земель после разделов Речи Посполитой, ее переход от попыток найти опору в полонизированной аристократии края к апелляции к белорусскому крестьянству в рамках концепции триединого русского народа. Анализируется идеология западнорусизма как регионального белорусского измерения доктрины триединого русского народа, рассматриваются его исторические предпосылки. Даются оценки актуальности западнорусских идей в современной белорусской политике и в рамках строительства Союзного государства Беларуси и России.

Ключевые слова: Речь Посполитая; Российская империя; Беларусь; триединый русский народ; западнорусизм.

SECTIONS OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH AND THE IDEA OF THE REUNIFICATION OF RUSSIAN LANDS AS A STRATEGY OF RUSSIAN EMPIRE AT BALARUSIAN LANDS

Shimov V. V.

Center for Belarusian Studies, Institute of Europe of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

The article examines the evolution of Russian policy towards the Belarusian lands after the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth, its transition from attempts to find support in the polonized aristocracy of the region to an appeal to the Belarusian peasantry within the framework of the concept of the triune Russian people. The ideology of Western Russianism as a regional Belarusian dimension of the doctrine of the triune Russian people is analyzed, its historical prerequisites are considered. The article assesses the relevance of Western Russian ideas in modern Belarusian politics and in the framework of the construction of the Union State of Belarus and Russia.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth; Russian Empire; Belarus; triune Russian people; Western Russianism.

Разделы Речи Посполитой и включение белорусских земель в состав Российской империи поставили вопрос об идеологической интерпретации пребывания новых территорий в составе российского государства. Российская

империя, будучи сословной монархией, поначалу делала ставку на местную полонизированную аристократию как опору своей власти, пытаясь интегрировать ее подобно немецким «баронам» в Остзейском крае. Однако неадекватность полонизированных элит белорусско-литовских губерний, обнаруженная ими во время Отечественной войны 1812 г., а также двух польских восстаний (1830 и 1863 гг.) вынуждала российские власти искать опору в лице низших сословий.

В XIX вв. в Российской империи начинается переход от сословного общества к национальному государству. В рамках этого процесса формируется концепция большой русской нации как государствообразующего субъекта государства, где под русским народом понимается все восточнославянское население империи, включая жителей белорусских губерний. Разумеется, речь в первую очередь идет о крестьянском большинстве, которое противопоставляется полонизированным верхам края.

В наиболее полном виде эта доктрина реализуется после подавления последнего польского восстания 1863 г. и свое максимальное выражение находит в политике генерал-губернатора М. Н. Муравьева, хотя отдельные элементы общерусской концепции прослеживаются и в более ранний период, например, в ходе подготовки ликвидации церковной унии и воссоединения униатов 1839 г.

В рамках общерусской идеи белорусские земли рассматриваются как исконно русские, но оказавшиеся под многовековым польско-литовским игом. Соответственно, с этой точки зрения разделы Речи Посполитой представляются как акт исторической справедливости и воссоединения всех ветвей триединого русского народа (великороссов, малороссов и белорусов) в рамках единого государства.

В белорусских губерниях доктрина большой русской нации получила свое региональное измерение в виде такого политико-идеологического направления, которое позже было обозначено собирательным наименованием «западнорусизм». Следует подчеркнуть, что западнорусизм не был чем-то привнесенным и навязанным извне, а развивался на местной почве, среди ориентированной на Россию белорусской интеллигенции и духовенства.

Первоначально носителем западнорусских идей было православное духовенство, подвергавшееся гонениям и дискриминации в Речи Посполитой и рассматривавшее Россию как «материнское» государство, защитника и покровителя. Одним из ярких представителей раннего западнорусизма может считаться епископ Георгий Конисский, возглавлявший Могилевскую епархию – последнюю православную на территории Речи Посполитой. Западнорусские тенденции наблюдались и среди русофильски настроенной части униатского клира, выдвинувшейся в 1820–1830-е гг. и осуществившей воссоединение белорусских униатов с православной церковью (Иосиф Семашко, Антоний Зубко, Василий Лужинский и др.).

Впоследствии западнорусизм породил целую плеяду этнографов, историков и общественных деятелей (М. Коялович, П. Жукович, А. Сапунов, Л. и И. Солоневичи, Е. Карский), развивавших идею, что белорусы являются

самобытной, но неотъемлемой частью русского народа, а белорусские сельские говоры представляют диалектную разновидность русского языка.

Представление о западноруссизме как о национальном движении, возникшем внутри белорусского общества, заставляет серьезно пересмотреть схему белорусского национального генезиса, в соответствии с которой обособление белорусов от прочих восточных славян в качестве самостоятельной этнополитической группы произошло уже в XIV–XV вв. Очевидно, полного этнополитического обособления не было и в XIX в. Объяснено это может быть тем, что земли древней Руси, несмотря на многовековое политическое разделение, сохраняли достаточно высокую культурно-информационную связность «поверх» государственных границ. Благодаря этому поддерживалось представление о восточных славянах как о едином «русском народе», пусть и живущем в разных государствах. По мере нарастания политико-культурного давления со стороны католиков и униатов, в православной среде Речи Посполитой получала поддержку идея не только культурно-религиозного, но и политического единства восточных славян, центром притяжения которых становилось Московское государство. В XIX в., после присоединения белорусских земель к России, эта идеология окончательно оформилась в виде западноруссизма.

Утверждение о том, что восточнославянские земли в значительной степени сохранили культурно-информационную связность после распада киевской государственности, опрокидывает ставшую традиционной схему национального генезиса белорусов. Эта схема напрямую увязывает формирование белорусов как самостоятельной культурно-исторической общности, обособленной от остальных восточных славян, со становлением Великого княжества Литовского. Здесь срабатывает логика так называемого «государственнического» детерминизма, когда формирование тех или иных национальных групп ставится в прямую зависимость от государственных образований, существовавших на данной территории в тот или иной период. Однако европейская история знает немало примеров, когда культурно-информационные пространства, на основе которых формировались национальные общности, далеко не всегда совпадали с реальными политическими границами. Наиболее яркими примерами здесь являются Германия и Италия, земли которых на протяжении столетий оставались политически раздробленными и объединились в национальные государства лишь в XIX в. Однако, несмотря на политическую децентрализацию, эти земли поддерживали активные экономические, политические и культурные связи. Это обеспечивало интенсивное перемещение людей и информационный обмен и способствовало формированию общенациональной культуры и выработке универсального наддиалектного языкового стандарта.

Этнополитические процессы на восточнославянских землях имеют немало как сходств, так и особенностей по сравнению с итало-германской ситуацией. Киевская Русь, подобно Священной Римской империи, представляла собой аморфную конфедерацию княжеств, нередко оказывавшихся во враждебных отношениях друг к другу. Тем не менее, культурно-политические связи между княжествами, а также наличие таких интегрирующих институтов,

как великокняжеский престол и церковь, способствовали формированию на базе восточнославянских племен древнерусской этнополитической общности («древнерусской народности»), обладавшей единым культурно-информационным пространством и универсальным наддиалектным языковым стандартом. Очевидно, если бы Древняя Русь устойчиво развивалась по примерно тому же сценарию, что и Священная Римская империя, эта этнополитическая общность постепенно трансформировалась бы в единую нацию, и, таким образом, белорусы, русские и украинцы не сложились бы как отдельные народы (впрочем, на наш взгляд, об их окончательном национальном размежевании нельзя говорить даже сегодня).

Однако геополитическая катастрофа в виде монголо-татарского нашествия обрушила неустойчивую конструкцию Руси и привела к включению отдельных древнерусских земель в новые государственные образования – Великое княжество Литовское (впоследствии – Речь Посполитую) и Московское государство. Разумеется, новое государственно-политическое размежевание не означало автоматического «умирания» общерусской идеи и формирования новых восточнославянских этнополитических общностей – белорусской, русской и украинской. Еще долгое время и в Москве, и в Вильне Русь рассматривалась как единое этнополитическое пространство, и оба политических центра вели борьбу за доминирование на этом пространстве. О сохранявшейся в «последкиевский» период политической связности Руси свидетельствуют многочисленные браки литовских и русских княжеских родов (в т. ч. московских Рюриковичей), а также регулярные переходы удельных князей из литовской в московскую службу и наоборот.

Однако Великое княжество Литовское втягивается в союз с Польшей, что обуславливает постепенное накопление культурно-политических, языковых и мировоззренческих различий между восточнославянским населением Московского и литовско-польского государств. В то время, как Московское государство развивалось в направлении монархического абсолютизма, а в политико-культурной области долгое время придерживалось «православного изоляционизма», в ВКЛ получал развитие феодальный (шляхетский) парламентаризм, а местное «русское» население оказалось в ситуации культурной открытости западному миру и перенимало многие черты западноевропейского уклада жизни. Накапливались и этноязыковые различия: восточнославянское пространство все отчетливее распадалось на три этнографические зоны.

Но, несмотря на произошедшие изменения, «общерусский» пласт культуры оставался значимым в сознании восточных славян, что способствовало поддержанию образа Руси как некоего культурно-исторического и религиозного единства, а также обеспечивало определенный культурно-информационный обмен между политически разделенными частями Руси. Например, М. В. Дмитриев указывает на тесную взаимосвязь культурных процессов в православных традициях Московской и Литовской Руси [1], а О. Б. Нененский отмечает значимую роль, которую играли в политико-культурной жизни Литвы эмигранты из Москвы, бежавшие от террора Ивана Грозного (в том числе знаменитый князь Андрей Курбский) [2].

Поэтому нет ничего удивительного, что православная общественность Речи Посполитой, начав испытывать притеснения со стороны католиков и униатов, обратилась за защитой в Москву, апеллируя к идее культурно-регионального родства восточных славян – русичей.

Вместе с тем, накопившиеся культурно-исторические различия между группами восточных славян не могли не осложнить их взаимную интеграцию в рамках Российской империи. С аналогичными проблемами столкнулись также Германия и Италия в ходе своего национально-политического объединения. Историко-культурная пестрота земель, обусловленная длительной политической раздробленностью, становилась существенным препятствием на пути национальной консолидации, порождая многочисленные конфликты и недоразумения. В результате в Италии до сих пор сохраняется заметная напряженность между севером и югом страны, а Германия так и не смогла объединить в своем составе все германоязычные земли: «за бортом» немецкого государства остались карликовые периферийные образования, такие, как Лихтенштейн и Люксембург, а также Австрия и германские земли Швейцарии. Кроме того, здесь существовал проект этнокультурного обособления северных групп немцев путем развития самостоятельного (нижненемецкого) литературно-языкового стандарта. (По сути, такого рода обособление произошло в Нидерландах, где местный диалект, близкий к нижненемецкому, развился в самостоятельный литературный язык).

Во многом сходным образом развивалась ситуация и на восточнославянских землях после их объединения в рамках Российской империи. Так, сторонников западноруссизма можно сравнивать с последователями пангерманской идеи, выступавших за политическое объединение немецких земель и формирование общего культурно-информационного пространства на основе единого наддиалектного литературного языка (общенемецкий язык сложился на базе верхненемецких диалектов). Подобно пангерманистам, западноруссы выступали за общее для всех восточных славян культурно-информационное пространство, где в качестве общерусского языка признавался литературный язык, сформированный в XVIII–XIX вв. на великорусской диалектной основе дворянской интеллектуальной элитой Москвы и Петербурга. Белорусские и малорусские (украинские) диалекты и местная фольклорно-этнографическая специфика рассматривались сторонниками западноруссизма как региональное своеобразие, органически дополняющее «высокую» общерусскую культуру. Существование самобытных диалектов, заметно отличных от литературной формы, не воспринималось как противоречащее общерусскому национальному единству, более того, диалекты рассматривались как «богатейший фонд, откуда единый русский язык может освежаться и оживляться еще много веков» [3]. В скобках отметим, что модель сосуществования местных диалектов и общенационального литературного языка реализована в современной Германии.

Однако, подобно немецкой объединительной идее, столкнувшейся с противодействием в виде региональных политических и этнокультурных сепаратизмов, концепция большой русской нации, объединяющей всех восточных

славян, встретилась со схожей проблемой. Длительная политическая раздробленность Германии обуславливала не только значительные этнокультурные различия между отдельными землями, но и множественность региональных центров силы, не желавших жертвовать политической самостоятельностью ради общенемецкой консолидации. Известно, что объединение Германии осуществлялось под эгидой Пруссии. Однако у «прусской» модели объединения нашлось немало оппонентов. Германско-швейцарцы господству Пруссии предпочли швейцарскую конфедерацию. Австрия, длительное время конкурировавшая с Пруссией за лидерство в общенемецком объединении, также не была интегрирована в прусский объединительный проект. Наконец, Нидерланды, успешно реализовав собственный политический проект, связанный с освоением морских коммуникаций и построением трансокеанической империи, в отличие от других нижнемецких земель, сохранили не только политическую, но и лингвистическую самостоятельность.

Аналогичным образом, у общерусского объединительного проекта под эгидой Москвы и Петербурга в Беларуси и Украине нашлись свои оппоненты, причем эта оппозиция могла проявляться в разных формах. В наиболее умеренном варианте она не предполагала отказа от идеи общерусского единства, однако требовала более либеральной организации политического союза восточных славян, с учетом культурно-исторических особенностей отдельных земель. Подобные взгляды высказываются в статье историка Н. И. Костомарова «Две русские народности» [4]. Автор высказывается в пользу политико-культурной автономии «Южной Руси» (т. е. Украины), вместе с тем, признавая, что и малороссы, и великороссы являются равно русскими народностями и должны жить в одном государстве, а литературная обработка «малорусского» языка не должна препятствовать общению между этническими группами восточных славян и разрушать «общерусское» культурно-информационное пространство. Несмотря на то, что автор пишет о двух русских народностях – малороссах и великороссах, – его выводы могут быть также распространены на Беларусь и белорусов.

Однако постепенно многие общественно-политические деятели Беларуси и Украины дрейфуют от этой умеренной позиции, которую можно охарактеризовать как автономизм или региональный патриотизм, в сторону еще более радикального переосмысления отношений между восточными славянами. Увлечение народной этнографией и фольклористикой, региональной историей, литературные опыты на народных наречиях зачастую сопровождалось разочарованием в российской государственности. Российская империя, будучи одним из самых консервативных государств Европы, сохранявшим многие элементы архаичной средневековой структуры (крепостное право, сословное неравенство, отсутствие парламентских институтов), становилось объектом нарастающей критики со стороны либеральной интеллигенции, настаивавшей на социально-политических и экономических преобразованиях по модели западных стран. Помимо этого, в Россию проникают радикальные социалистические идеи, ориентированные на революционные преобразования и тотальный слом старой системы. Значимой силой,

подрывавшей легитимность российской монархии, стало народничество, ориентированное на политико-экономическую эмансипацию крестьянского сословия, составлявшего подавляющее большинство населения империи. В этих условиях вполне закономерно разочарование части белорусско-украинской интеллигенции в идее национально-политической консолидации восточных славян вокруг России. Россия начинает восприниматься как отсталое и деспотичное государство-угнетатель. В качестве альтернативы российскому господству выдвигается идея национально-политического суверенитета, основанная на этнокультурном своеобразии белорусов и украинцев, а также на предшествующей государственной традиции, не связанной с Россией (для Украины это казацкая Гетманщина, для Беларуси – Великое княжество Литовское).

Особенностью белорусского национального движения в сравнении с украинским было то, что если украинское движение «выросло» из мало-русского регионального патриотизма, то в белорусском присутствовали многие изначально «нерусские» элементы. Это связано с гораздо более сильным и всеохватным польским влиянием в Беларуси. Так, значительную часть кадрового резерва белорусского движения составила мелкая католическая шляхта, которая, находясь под польским культурным влиянием, сохраняла тесную связь с крестьянской средой и в силу этого могла проникнуться идеей национально-политического освобождения белорусского крестьянского люда. Учитывая политико-экономическое влияние в Беларуси польской аристократии, белорусское движение обрело не только антироссийский, но и антипольский характер. Неслучайно в пьесе Я. Купалы «Тутэйшыя» экзистенциально враждебные белорусам силы представлены в образе русского и польского ученых-этнографов, обосновывающих «исконную» принадлежность Беларуси России и Польше соответственно.

Еще одной специфической группой, примкнувшей к белорусскому движению, стала та часть униатов, которая, формально перейдя православие после 1839 г., не приняла общерусскую идентичность. В скобках отметим, что белорусское униатство не было внутренне однородным. Значительная часть униатов сохранила историческую «русскую» идентичность и стремилась избавиться от авторитарной опеки католической церкви, влекшей за собой латинизацию обрядов и национально-культурную полонизацию. Именно эта часть униатов стала локомотивом процесса слияния унии с Русской православной церковью, а также кадровым резервом для западнорусского направления: многие сторонники западноруссизма были потомками воссоединившихся с православием униатских священников. С другой стороны, уния, несомненно, способствовала отчуждению многих униатов от русского православия и сближению их с польско-католической культурой. Однако ассимиляция унии польским католицизмом так и не была доведена до логического завершения, а в рамках Российской империи начался обратный процесс обособления униатов от католиков. Вместе с тем, после формальной ликвидации унии так и не удалось полностью преодолеть отчуждения, которое накопилось между православными и униатами. Как следствие, в среде

воссоединенных униатов начинает развиваться национальная идея, построенная на противопоставлении себя как полякам, так и русским. В этой связи весьма показательным представляется мотив униатства как «национальной» веры белорусов, впоследствии ставший характерным для белорусского национализма.

Таким образом, в XIX в. в Беларуси сформировались две версии национальной идентичности: западноруссизм, поддерживаемый сторонниками национально-политической консолидации восточных славян вокруг Российской империи, и белорусский национализм, возникший в среде, разочарованной российским политико-культурным доминированием или не принявшей его. Эти национально-политические идеологии, будучи взаимно исключаящими по своим установкам, оказались в состоянии острой конкуренции и вражды.

Существенные коррективы в ход этого противостояния внес советский период. В своей позиции по национальному вопросу большевики руководствовались классовой теорией, перенося концепцию классовой борьбы и на национальные отношения. Как и классы, нации подразделялись большевиками на угнетаемые (т. е. объекты колониальной эксплуатации) и угнетающие (империалистические нации, эксплуатирующие колонии в своих эгоистических интересах). В связи с этим национальные движения «угнетаемых» наций оценивались как по определению прогрессивные и ориентированные на социалистическую революцию, поскольку основной задачей таких движений является устранение капиталистической эксплуатации со стороны наций-угнетателей. Соответственно, национализм «угнетающих» наций был в большевистской трактовке ни чем иным, как явлением сугубо реакционным, направленным на поддержание и укрепление колониальной эксплуатации. Исходя из этого, задачей социалистической революции является поддержка национальных движений угнетенных народов и борьба с реакционным национализмом империалистических наций. Применительно к бывшей Российской империи данная схема выглядела так: существует единственная угнетающая нация – великорусская, – которая притесняет и эксплуатирует все остальные народности. Исходя из этой схемы, основной задачей большевиков становилась борьба с русским «великодержавным шовинизмом» и стимулирование национального развития «угнетенных» народностей (разумеется, в рамках советской социалистической федерации). Советский Союз рассматривался ранними большевиками как прообраз будущей мировой социалистической федерации: свободного объединения национальных республик, связанных общими социально-политическими идеалами и социалистическим (впоследствии – коммунистическим) способом производства. Создание социалистического государства, в котором «угнетенные» народности получили свободу национального развития, по мысли большевиков, должно было стимулировать развитие освободительного движения угнетенных народов во всем мире и, таким образом, приблизить мировую социалистическую революцию.

Данная национальная доктрина закономерно обуславливала поддержку большевиками белорусского национального движения, а также борьбу с общерусской концепцией как проявлением российского «великодержавного шовинизма», направленного на национальное угнетение и ассимиляцию белорусов. В республике разворачивается политика, направленная на форсированную литературную обработку и кодификацию белорусского языка, а также его внедрение во все сферы жизни вместо русского. Несогласные с подобной политикой шельмуются как «великодержавные шовинисты».

Однако в 1930-е гг. оптимистические ожидания «мировой революции» и становления всемирной социалистической федерации сменяются ощущением «осажденной крепости». Мировая революция откладывалась на неопределенный срок, СССР оказался в недружественном международном окружении, что вызвало к жизни доктрину «построения социализма в одной стране». Это требовало выработки чувства общего советского Отечества у граждан СССР и оказывалось несовместимым с дальнейшим стимулированием нацистроительства в союзных республиках. Национальные движения начинают рассматриваться как угроза потенциального предательства и перехода на сторону врага ради решения своих узко национальных задач. Это становится поводом для массовых репрессий в отношении национальных активистов в союзных республиках. Политика по стимулированию национальных идентичностей сменяется мерами, направленными на формирование наднациональной политической общности – советского народа.

В отношении русских, украинцев и белорусов, в совокупности составлявших абсолютное большинство населения СССР, идея общего советского Отечества дополняется мотивом особой исторической и этнокультурной близости восточных славян, обуславливающей их государственно-политическое единство. Так возникает доктрина «трех братских народов», которая, не пересматривая официально признанный советской властью статус белорусов и украинцев как отдельных народов, берет на вооружение значительную часть идеологического инструментария западноруссизма.

Сегодня белорусы сложились как отдельная политическая нация, однако это не значит, что идеи западноруссизма и общерусского единства должны быть преданы забвению. Тесные политические, экономические, культурно-языковые связи с Россией остаются значимым фактором жизни современного белорусского государства и требуют своего концептуального осмысления. Со своей стороны, строительство Союзного государства Беларуси и России также требует глубокого идеологического обоснования, которое не может не опираться на общерусский пласт культуры и историческую память о Руси как общем Отечестве всех восточных славян.

Список использованных источников

1. Дмитриев, М. В. Православная культура Московской и Литовской Руси в XVI в.: степень общности и различий / М. В. Дмитриев // Беларусь и Россия: история и культура: Ежегодник. – М., 2003. – С. 9–22.

2. *Неменский, О. Б.* «Русская земля» как базовое понятие русской идентичности / О. Б. Неменский // *Золотой лев.* – 2009. – № 217–218. – С. 12.
3. *Кулаковский, П.* Русские сепаратизмы / П. Кулаковский // *Окраины России.* – 1912. – № 2. – С. 17.
4. *Костомаров, Н. И.* Две русские народности / Н. И. Костомаров // *Основа.* – 1861. – № 3. – С. 33–80.

(Дата поступления: 04.07.2023).

ПЕРАДУМОВЫ З'ЯЎЛЕННЯ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ІДЭІ

Саракавік І. А.

Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь,
Мінск, Беларусь

Артыкул прысвечаны перадумовам з'яўлення беларускай нацыянальнай ідэі. Паказана, што гэтаму паслужыла вучоба дзяцей уніяцкіх святараў з Беласточчыны ў Віленскім універсітэце. Пруская ўлада не супярэчыла дзейнасці уніяцкіх цэркваў і манастыроў і створаных пры іх прыходах царкоўных брацтваў. Яны змагаліся за адраджэнне «рускай» (беларускай) культуры і засноўвалі школы, вялі пропаведзі на роднай мове. З часам дзеці уніяцкіх святараў сталі прафесарамі ўніверсітэта і сваімі лекцыямі абудзілі цікавасць студэнтаў да гісторыі сваёй Айчыны, пленных здабыткаў народа. Гэта паспрыяла ўтварэнню тайных студэнцкіх таварыстваў філарэтаў і філаматаў. У іх удзельнічала звыш сотні чалавек. Улада выкрыла іх апазіцыйную дзейнасць. Удзельнікі таварыстваў былі арыштаваны, падвергнуты суду і высланы за межы края без права вяртацца на радзіму. Шэраг прафесараў былі адхілены ад выкладання і высланы з Вільні. Сваёй дзейнасцю яны заклалі аснову для станаўлення і развіцця беларускай нацыянальнай ідэі.

Ключавыя словы: Расійская імперыя; Віленскі ўніверсітэт; тайнае таварыства; філарэты; філаматы; нацыянальная ідэя; свабода; незалежнасць; арышт.

PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE OF THE BELARUSIAN NATIONAL IDEA

Sarakavik I. A.

Academy of management under the President of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus

The article is devoted to the prerequisites for the emergence of the Belarusian national idea. It is shown that this was due to the study of the children of Uniate priests from Bialystok at Vilnius University. The Prussian government did not contradict the activities of the Uniate churches and monasteries and the church brotherhoods established at their parishes. They fought for the revival of «Russian» (Belarusian) culture and founded schools, preached in their native language. Over time, the children of Uniate priests became university professors and their lectures aroused students' interest in the history of their Fatherland, the fruitful heritage of the people. This contributed to the formation of secret student societies of Filarets and Philomats. Over a hundred people participated in them. The authorities have exposed their oppositional activities. The members of the societies were arrested, tried and deported from the region without the right to return to their homeland. A number of professors were suspended from teaching and expelled from Vilnius. Through their activities, they laid the foundation for the formation and development of the Belarusian national idea.

Keywords: Russian Empire; Vilnius University; secret society; filarets; philomats; national idea; freedom; independence; arrest.

Усякая ідэя не з'яўляецца адразу. Яна выпявае паступова. Для яе патрэбны пэўныя ўмовы. Так і з беларускай нацыянальнай ідэяй, канчатковая мэта якой, як і з іншымі нацыянальнымі ідэямі, – гэта адбудова сваёй дзяржаўнасці. Адметнасць такой ідэі заключаецца ў тым, што яна павінна ўзнікнуць не столькі ўмоўна ў адной-дзсяці асобах, а стаць масавай, авалодаць імі. Ідэі ж, як правіла, узнікаюць у тых асобах, якія пэўным чынам дасведчаны, адукаваны і маюць свабодны час для роздуму.

Штуршком для гэтага стала дзейнасць Галоўнай школы ВКЛ, якая ў 1796 г. была рэарганізавана ў Галоўную Віленскую школу, а 4 красавіка 1803 г. – у Віленскі імператарскі ўніверсітэт. Яго «Статут» прадастаўляў універсітэту шырокую аўтаномію: выбарнасць усіх службовых асобаў, пачынаючы з рэктара, які выбіраўся на тры гады Саветам прафесараў і зацвярджаўся царом. Вышэйшым органам універсітэта з'яўляўся Савет, пасаджэнні якога праводзіліся адзін раз у месяц. Членамі яго былі ўсе прафесары. А старшынёй – рэктар. Факультэтамі кіравалі, выбіраемыя на тры гады з ліку прафесараў і зацвярджаемыя міністрам асветы, дэканы. Ва ўніверсітэце функцыяніравала 31 кафедра [1, с. 65, 66]. Выкладалі ў ім 34 прафесары і 12 ад'юнтаў (памочнікаў прафесараў). У апошнія гады яго існавання з 47 прафесараў 36 былі ўраджэнцамі Беларусі і Літвы [2, с. 287–288]. У 1830 г. у Віленскім універсітэце навучаўся 1321 студэнт, а ў Маскоўскім у гэты час – 734. Характэрна, што прыкладна 40 % студэнтаў складалі беларусы і літоўцы, астатнія былі з Украіны і Польшчы [1, с. 89].

Віленскі ўніверсітэт у розны час закончылі такія вядомыя асобы, як паэты і пісьменнікі А. Міцкевіч, Ю. Славацкі, Ю. Крашэўскі, юрыст І. Даніловіч, славіст М. Баброўскі, дактары А. Бекю і В. Гіндэнбург, геолаг І. Дамейка і многія інш. [2, с. 287–288].

Для нас важна тое, што менавіта Віленскі ўніверсітэт стаў цэнтрам беларускай духоўнасці. Гэта стала магчымым, дзякуючы найперш цэлай плеядзе студэнтаў і асабліва сваёй прафесуры, якая сваімі каранямі выйшла з Беларускай акругі. Гэта Ігнат Анацэвіч, Міхайла Баброўскі, Ігнат Даніловіч, Язэп Ярашэвіч, Платон Сасноўскі. Усе яны былі сынамі уніяцкіх святараў і добра ведалі родную мову.

Справа ў тым, што невялікая частка Беларусі, Беластоцкая акруга, па трэцяму падзелу Рэчы Паспалітай адышла да Прусіі і знаходзілася там па 1807 г., пакуль па Тыльзіцкаму міру не была перададзена Расійскай імперыі. Менавіта ў асяроддзі беластоцкіх уніяцкіх святараў і свецкіх асобаў і стаў фарміравацца асяродак беларускага нацыянальнага руху. У акрузе, у якой пражывалі дзясяткі тысяч уніятаў, прускія ўлады не пярэчылі дзейнасці 70 уніяцкіх цэркваў і 3 манастыроў у Супраслі, Драгічыне і Кузніцы, стварылі ў 1796 г. самастойную супральскую уніяцкую епархію са сваім капітулам і духоўнай семінарыяй. Падляшскія духоўнікі стрымлівалі ціск з боку рыма-каталіцкай царквы і з дапамогай створаных пры іх прыходах царкоўных

брацтвах змагаліся за адраджэнне «рускай» (беларускай) культуры і засноўвалі школы; вялі пропаведзі на роднай мове.

Будучыя віленскія прафесары атрымалі сярэдняю адукацыю ў нямецкіх школах, у тым ліку і ў Беластоцкай гімназіі, усе выпускнікі якой у свой час трапілі ў Віленскі ўніверсітэт. Сыноў уніяцкіх святараў аднакурснікі клеймавалі мянушкай «паповічы», і яны рана зразумелі, што толькі поспехамі ў навуцы змогуць дабіцца прызнання з боку сваіх багатых калег і выкладчыкаў. Напружаная праца дала пазітыўныя вынікі. Яны сталі добра вядомымі вучонымі. Даніловіч і Баброўскі атрымалі прафесарскія званні ў 1823 г., Сасноўскі, Ярашэвіч і Анацэвіч – у 1827 г. [3, с. 10–11].

У дзяцінстве і юнацтве яны былі сведкамі важных гістарычных падзей: падзелаў Рэчы Паспалітай, прыняцця Канстытуцыі дзяржавы 1791 года, паўстання Т. Касцюшкі, праекта магнатаў на чале з М. К. Агінскім накіонт адраджэння Вялікага Княства Літоўскага, вайны 1812 года. Усё гэта надоўга засталася ў іх памяці. Ад бацькоў і прагрэсіўнай прафесуры яны больш даведваліся пра іх, сталі асэнсоўваць, і малады юнацкі розум прыводзіў да пэўных заключэнняў, а ад іх і да канкрэтных дзеянняў.

Тым больш, што ў сваіх лекцыях, вучэбных занятках прагрэсіўная прафесура ўніверсітэта абуджала ў студэнтаў інтарэс да гісторыі свайго роднага краю і народа, яго дасягненнямі ў розных сферах дзейнасці, «залатым векам» Вялікага Княства Літоўскага. У час летніх канікул выкладчыкі са студэнтамі сумесна займаліся пошукам дакументаў, матэрыялаў аб гэтым часе, асабліва перыяду ВКЛ. Сваёй актыўнасцю сярод прафесарска-выкладчыцкага складу асабліва вызначаліся Міхал Кірылавіч Баброўскі (1784–1848) і Ігнат Мікалаевіч Даніловіч (1787–1843), Іаахім Лялявель (1786–1881).

М. К. Баброўскі вядомы тым, што добра валодаў роднай беларускай мовай, займаўся даследаваннем калекцый славянскіх рукапісаў і старадрукаў, увёў у навуковы ўжытак многія помнікі пісьменства. Міхал Баброўскі стаў адным з першых вучоных Еўропы, які навукова даследаваў жыццё і творчую дзейнасць Ф. Скарыны, па сутнасці, з'яўляецца пачынальнікам скарызназнаўства ў Беларусі. Вялікі яго ўклад у адшукванні крыніц права Вялікага Княства Літоўскага. Паколькі многія архіўныя дакументы, а таксама літаратура мінулых гадоў знаходзіліся ў манастырах, то ў час летніх вакацый цікавіўся імі, у прыватнасці, у Супрасльскім манастыры каля Беластока [4]. Гэта стала вядома з-за таго, што ён выявіў там Супрасльскі летапіс, які быў апрацаваны і надрукаваны і сёння мы маем магчымасць карыстацца ім.

Ігнат Мікалаевіч Даніловіч поўнасцю прысвяціў сваё жыццё навукова-выкладчыцкай дзейнасці. Менавіта гады вучобы ва ўніверсітэце і працы ў ім заклалі асновы яго будучых фундаментальных навуковых прац. Гэта быў час не толькі знаёмства з асновамі юрыспрудэнцыі, але і паглыблення іх з улікам навучання і асабліва самастойнай працы над першакрыніцамі. Не будучы раўнадушным да гісторыі роднага краю, Даніловіч асабіста і пры дапамозе студэнтаў змог за невялікі час сабраць багацейшы матэрыял крыніц права, наведваючы культурныя ўстановы родных мясцін, а таксама бібліятэкі і архівы Варшавы, Санкт-Пецярбурга, Масквы, іншых гарадоў Расійскай імперыі.

Асабліваю значымасць крыніц права ён падкрэсліў у словах: «в Истории сто-кратно более заслуживает благодарность тот, кто издает в свет старые акты и Летописи, нежели тот, кто составляет Историю по готовым книгам. Скольких избежали бы ошибок, если б все рукописные Летописи и акты народов были напечатаны; сколько заменили бы они собою ненужных книг, обременяющих письменные столы Ученых» [6, с. 114]. Віленскі перыяд яго жыцця і творчай дзейнасці, а ён быў найбольш плённым, якраз і быў прысвечаны выяўленню, збору, апрацоўцы, друкаванню і тлумачэнню пісьмовых крыніц права.

Разам з крапатлівай працай над крыніцамі права, поспехамі ў выкладчыцкай дзейнасці адбываўся працэс станаўлення Даниловіча як таленавітага вучонага. Улічваючы яго высокі педагогічны і навуковы прафесіяналізм, ён у 1825 г. быў прызначаны прафесарам расійскага і мясцовага права Харкаўскага ўніверсітэта. На час працы ў ім прыходзіцца выданне вядомейшых цяпер фундаментальных прац, над якімі ён працаваў у Віленскім ўніверсітэце: «Statut Kazimierza IV, pomnik z XV wieku uchwał litewskich» (Wilno, 1826), а таксама «Latoписіес Litwy і Kronika ruska» (Wilno, 1827). Першы акт быў зноўдзены ім у бібліятэцы графа М. П. Румянцава (1754–1826). Рукапісны тэкст не быў падзелены на артыкулы. Але пры публікацыі на рускай мове вядомы ўкраінскі даследчык прафесар М. Ф. Уладзімірскі-Буданаў (1838–1916) назваў гэту крыніцу «Судзэбнік Казіміра 1468 г.» і падзяліў яе на 25 артыкулаў. Значымасць для навукі гэтага акта заключаецца ў тым, што ён стаў першай спробай сістэматызацыі норм права ў ВКЛ, паказвае эвалюцыю ў развіцці пісьмовага права ў нашай Айчыне. Другая крыніца права была знойдзена Даниловічам на Беласточчыне ў бібліятэцы Супрасльскага манастыра. Даниловіч пранумараваў 341 старонку летапісу і перапісаў для сябе [6, с. 101, 102].

Першыя тры летапісы пад назвай «Opisanie bibliograficzne dotąd wiadomych rękopismow і drukowanych exemplarzow Statutu Litewskiego» Даниловіч надрукаваў асобна ў «Dziennik Wilenski» у 1823 г. А пасля яго ад'езду ў Харкаў, яе перадрукаваў, як адзначае сам Ігнат Мікалаевіч, Г. Антон Марціноўскі ў Вільно (1827 г.) пад назвай «Летописец Литвы и Хроника Русская, стараниями и трудами Игнатия Даниловича» [6, с. 103]. Важна тое, што свае веды аб гераічным мінулым сваёй Айчыны ён стараўся перадаць сваім студэнтам, якія яны параўноўвалі з існуючым дзяржаўным і грамадскім ладом імперыі. Параўнанні гэтыя не былі на карысць імперыі.

Значную ўвагу праблемам гісторыі Беларусі надаваў вядомы польскі грамадскі дзеяч, даследчык гісторыі прафесар Іахім Лялевель. Як І. Даниловіч і М. Баброўскі, вучыўся ў Віленскім ўніверсітэце, а затым у ім выкладаў усеагульную гісторыю (узначальваў кафедру), а таксама гісторыю кароны Польскай і Вялікага Княства Літоўскага. Ён карыстаўся вялікім аўтарытэтам сярод студэнтаў. Яго лекцыі збіралі па 300–400 чалавек. У іх ён імкнуўся раскрыць прычынасць гістарычных падзей, устанавіць іх узаемасувязь. І. Лялевель адным з першых польскіх вучоных парваў з гістарычнымі прадстаўленнямі і метадалогіяй польскай феадальнай гістарыяграфіі, якая зводзіла гісторыю да апісання дзеянняў князёў і каралёў, дыпламатыі і дзяржавы. Ён жа стараўся

пісаць гісторыю народа, галоўную ўвагу звяртаў на даследаванне сацыяльных адносін.

Па яго меркаванні, у перыяд першабытна-абшчыннага ладу Польшчы, як і іншых славянскіх краін, існавала ўсеагульная роўнасць і народапраўства (гмінаўладства), а першапачатковым грамадскім ладам з'яўлялася сельская абшчына. Яна не зведала прыватнай уласнасці. Тым самым падрывалася меркаванне наконт вечнасці правоў шляхты. Сацыяльны ж падзел у грамадстве ўзнік яшчэ да прыняцця хрысціянства. Аднак паступовае пранікненне заходняй цывілізацыі з боку германцаў, манархічных ідэй і хрысціянства паспрыяла росту грамадскай няроўнасці, што прывяло, з аднаго боку, да заняпаду гмінаўладства, знішчанага заваёўнікамі, а, з другога боку, да феадальнага ладу, пераўтварэння заваёўнікаў у пануючы клас, усталяванне імі панавання буйных феадалаў. У працы «Падение Болеслава Смелого или Щедрого» ён адзначаў, што «со времени введения в Польше христианства народ вследствие развития западной цивилизации утратил свою первоначальную вольность и все время ощущал ущемление своих свобод» [7, с. 182].

У сваіх працах І. Лялевель рэзка асуджаў запрыгоньванне сялянства, а таксама нацыянальны прыгнёт беларускага і ўкраінскага народаў у Рэчы Паспалітай, з павагай адзначаў іх гераічную барацьбу супраць магнацка-шляхецкага прыгнёту. Прышоў да разумення таго, што рухавіком гісторыі з'яўляецца барацьба класаў. У ёй бачыў асаблівую, творчую ролю народных мас як тварцоў гісторыі. «Человечество, – пісаў ён, – делится на две группы: одна группа активна в ущерб второй, которую она использует и эксплуатирует... Массу событий, имевших место в Славянщине, которые до сих пор изображались в другом свете, легко объяснить борьбой верхушечного класса с крестьянами» [7, с. 133].

Гісторыю славянскіх народаў ён разглядаў як працэс развіцця ўласцівых славянству дэмакратычных ідэй свабоды і роўнасці. На яго думку, славян «соединяли общие законы, сильнейшее, нежели семейственное, правление, и вместе с тем доказывающие политическую культуру. Главною потребностью первоначальных сил государства были защита и суд, что составляло их правление. Все учреждения, все правление их носило на себе отпечаток простоты, удаленной от всякой сложности, которая бы причиняла в то время большие затруднения» [7, с. 160].

У «Гісторыі Літвы і Русі аж да Люблінскай уніі з Польшчай 1569 года» (1839) ён станоўча адзначаў грамадскі і дзяржаўны лад Полацкай зямлі, побач з Вялікім Ноўгарадам паставіў сярэдневяковую «рэспубліку» Полацка, адзначаў вялікае значэнне старабеларускай мовы ў ВКЛ. Разам з прафесарам І. Даніловічам аналізаваў помнікі беларуска-літоўскага права, у 1841 г. у Познані яны выдалі Статут ВКЛ 1529 г. на старабеларускай мове (лацінкай) [8, с. 13].

І. Лялевель супрацоўнічаў з беларускім славістам М. К. Баброўскім. Працы яго настолькі былі актуальнымі, што іх перакладалі на рускую мову. У прыватнасці, І. Савініч пераклаў на рускую мову працу І. Лялевела «Гісторыя Польшчы». Актыўна ўдзельнічаў у паўстанні 1830–1831 гг., з'яўляўся ідэйным

кіраўніком польскіх дэмакратычных арганізацый «Маладая Польшча», «Аб'яднанне» [9, с. 423].

Новыя падыходы да выкладання сваіх дысцыплін, знаёмства студэнтаў з навейшымі дасягненнямі гістарычнай навукі, славяназнаўства, чаго раней не выкладалася, выдатныя арагарскія здольнасці, асабліва І. Лялявела, – ўсё гэта прыцягвала студэнтаў да іх заняткаў. Як губка яны ўбіралі гэтыя пазнанні.

Менавіта пад іх уздзеяннем у сценах універсітэта сталі дзейнічаць тайныя таварыствы студэнтаў філаматаў і філарэтаў. Яны не ставілі за мэту дабіцца дзяржаўнай незалежнасці Беларусі і Літвы, але будзілі цікавасць у студэнтаў і пэўнай часткі насельніцтва, найперш Вільні, да суверэннасці Рэчы Паспалітай, яе першай Канстытуцыі. Сябры таварыства не толькі збіралі фальклорны і этнаграфічны матэрыял, абагульнялі яго, выступалі з імі перад сваімі сябрамі, але і стваралі, што было каштоўна ў іх дзейнасці, свае філіі на месцах, абменьваліся думкамі наконт свабоды і незалежнасці, вярталіся да герайчных старонак Вялікага Княства Літоўскага.

Сярод удзельнікаў гэтых таварыстваў сваёй актыўнасцю грамадскай дзейнасці вызначаліся кіраўнік таварыства філаматаў Томаш Зан, Адам Міцкевіч, Ян Чачот, Францішак Малеўскі, прэзідэнт таварыства філаматаў Юзаф Ежоўскі, Цыпрыян Дашкевіч і многія іншыя.

Аб канкрэтнай дзейнасці і будучым таварыства філаматаў даюць пэўнае ўяўленне думкі аднаго з яго членаў, нашага земляка Яна Чачота. 7 мая 1821 г. ён выклаў іх на пасяджэнні сяброў таварыства філаматаў у прамове «Пра будучае прызначэнне таварыства філаматаў, пра варыянты яго сённяшняй пабудовы, пра тое, наколькі адпавядаюць яны нашым мэтам». На яго думку, «задачы будучага таварыства вельмі шырокія, пры дапамозе асветы і згуртавання суайчыннікаў яно павінна рабіць дзейсны ўплыў на грамадскую думку, рабіць усё для шчасця і вызвалення айчыны» [10, с. 159]. Як бачна, таварыства ставіла перад сабою задачу «рабіць усё для шчасця і вызвалення айчыны». Менавіта вызваленне айчыны – гэта адна з галоўнейшых задач таварыства.

Вядомы і два артыкулы Яна Чачота «Думкі для ніжэйшага класа» і «Думкі, якія павінен пашыраць вышэйшы клас», напісаныя з мэтай паляпшэння працы філаматаў і надрукаваныя пад назвай «Філаматы і арганізацыя Патрыятычнага саюза». У кожным з артыкулаў па 12 асноўных палажэнняў. У іх Я. Чачот дае сваё разуменне, вызначэнне грамадскаці, грамадзянства, закона. У прыватнасці, ён пісаў: «асабістае шчасце – у шчасці грамадскім: дбаць пра грамадскае дабро – значыць памнажаць і дабро ўласнае. Хто дбае пра грамадскае дабро, інакш кажучы пра шчасце, асвету і славу краю, хто рады прысвяціць яму самога сябе, аддаць яму ўсё здольнасці, сілы і маёмасць – з'яўляецца сапраўдным грамадзянінам» [10, с. 161].

Ва ўмовах развіцця прыгоннага права і зараджэння пачаткаў капіталізму ў Расійскай імперыі, у тым ліку і ў Паўночна-Заходнім краі, калі падаўляючая большасць сялянства была беспраўнай, калі ніхто не лічыўся сур'ёзна з чалавекам працы, важна палажэнне Я. Чачота аб тым, што і да працоўных людзей неабходна адносіцца таксама паважана, як і да людзей, якія займаюцца разу-

мовай працай, асабліва, калі яны сваю працу прысвячаюць на карысць роднай Айчыны. «Той, хто прысвячае сваю працу – фізічную ці разумовую – свайму краю, усё робіць для яго добра, з'яўляецца адначасова карысным грамадству чалавекам і паважаным грамадзянінам. Адсюль вынікае, – падкрэслівае ён, – што гэтак жа як да веравызнанняў, заўсёды павінна быць цяжкім да працоўнага класа – рамеснікаў ці прадстаўнікоў іншых прац» [10, с. 162].

Разважаючы аб становішчы ў родным краі, яго будучым, Я. Чачот прышоў да высновы, што галоўную перашкоду для развіцця Бацькаўшчыны ўяўляе прыгоннае права, якое адмоўна ўплывае на ўсе сферы жыццядзейнасці народа. «Ні асвета краю, ні земляробства не можа больш хуткімі тэмпамі рухацца наперад, пакуль не будзе ліквідавана ганебная, замшэлая на працягу вакоў і аброслая забабонамі перашкода – няволя сялян, якая супярэчыць законам прыроды, цвярозаму розуму і нават чыстым эканамічным разлікам і выклікае сорам у сэрцах людзей», – падкрэсліваў ён [10, с. 165].

Актуальны і сёння яго думкі наконт узаемаадносін грамадства і ўрада, іх цеснай узаемасувязі, залежнасці адзін ад аднаго. У артыкуле «Думкі, якія павінен пашыраць вышэйшы клас» ён прысвячае гэтаму палажэнню некалькі пазіцый, падкрэсліваючы тым самым іх важнасць і актуальнасць.

«1. Грамадскае шчасце залежыць як ад добрых грамадзян, так і ад добрага ўрада.

2. Не могуць быць добрымі грамадзяне там, дзе кепскі ўрад, і не можа быць кепскага ўрада там, дзе большасць – добрыя грамадзяне.

3. Найлепшы ўрад будзе там, дзе ўсё робіцца згодна з пажаданнем народа, а не з волі, капрызу і сілы аднаго» [10, с. 164].

Аднак дзейнасць тайных студэнцкіх таварыстваў «філаматаў» і «філарэтаў», у якія былі ўцягнуты і некаторыя выкладчыкі, працягвалася не доўга. Улада раскрыла іх. Усе студэнты-удзельнікі таварыстваў былі арыштаваны. Цэлы год з 10 кастрычніка 1823 г. па 22 кастрычніка 1824 г., пакуль вялося следства, многія з іх знаходзіліся ў вязніцы, створанай у мурах былога базыльянскага кляштару. 108 з іх былі падвергнуты суду і высланы. Прафесары М. К. Баброўскі, Ю. Галухоўскі, І. Даніловіч, І. Лявель былі адхілены ад выкладання і высланы з Вільні, ім было забаронена працаваць у так званых «присоединенных территориях». У прыватнасці, толькі ў Санкт-Пецярбург апынуліся высланыя студэнты Малёўскі, Пясецкі, Бабінскі, Сасноўскі, Крушчынскі, Арліцкі, Мараўскі, якія як кваліфікаваныя спецыялісты сталі працаваць у розных дэпартаментх міністэрстваў унутраных спраў, фінансаў, а таксама ў Сенаце, у 2-ім аддзяленні ўласнай яго імператарскай вялікасці канцэлярыі. Разам з імі апынуўся і прафесар І. М. Даніловіч, якога прыцягнулі да працы ў камісію Сперанскага над Зводам законаў заходніх губерняў для Звода законаў Расійскай імперыі [11]. Можна лічыць, што гэтым асобам у параўнанні з іншымі яшчэ павязло: іх выслалі з Вільно, без права вяртацца назад, але прадаставілі магчымасць працаваць і зарабляць на сваё жыццё. Іншым павязло намнога менш. У Арэнбургскую і Валагодскую губерні, напрыклад, былі высланы Ян Чачот, Адам Сузін, Томаш Зан, Іван Янкоўскі пад нагляд мясцовай улады. Ссылным выдавалася па 50 капеек у суткі на кожнага [12], на якія цяжка было пражыць. Адным і другім

было складана прыжыцца ў новых умовах, так як пастаянна адбываўся над імі нагляд, час ад часу іх запрашалі на допыт.

Характэрна, што закладзеныя бацькамі і прафесурай зерні свабоды і незалежнасці, не зважаючы на разгром тайных таварыстваў філарэтаў і філаматаў, праявіліся ў трэцяй часткі студэнтаў, якія ўдзельнічалі ў паўстанні 1830–1831 гг. Таму Мікалай I у 1832 г. закрыў Віленскі ўніверсітэт [13, с. 165].

Толькі 26 жніўня 1856 г. імператар Аляксандр II падпісаў Маніфест аб амністыі за палітычныя злачынствы тым з іх, хто «по ізъявляемому ими раскаянию и безукоризненному после произнесенного над ними приговора поведению, заслуживающим помилования, даровать, на основании особых для того постановленных правил: одним – облегчения, более или менее значительные, в самом месте их ссылки; другим же – освобождение от оной, с правом жительства в одной из указанных ими внутренних Великороссийских губерний, а некоторым – и дозволение жить где пожелают в пределах Нашей Империи и Царства Польского, за исключением только С.-Петербурга и Москвы». З гэтага часу і па 1862 г. больш за 150 эмігрантаў з беларуска-літоўскіх губерняў падалі просьбы і атрымалі дазвол вярнуцца на Радзіму [14, с. 135].

Дзейнасць уніяцкіх святараў Беласточчыны, прафесуры і студэнтаў Віленскага ўніверсітэта не прапала дарэмна. Яна з'явілася перадумовай станаўлення і развіцця беларускай нацыянальнай ідэі, якая больш ярка праявілася ў час паўстання 1863–1864 гг., у дзейнасці студэнцкай народніцкай арганізацыі «Гоман», а затым і палітычнай партыі «Беларуская сацыялістычная грамада».

Спіс выкарыстаных крыніц

1. История Вильнюсского университета, 1579–1979; редкол.: Й. Кубилюс (пред.), С. Лазутка (отв. ред.). – Вильнюс: Моклас, 1979. – 373 с.
2. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 2. Беліцк – Гімн. – Мінск: БелЭн, 1994. – 537 с.
3. *Латышонак, А.* Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі / *А. Латышонак // Спадчына.* – 1992. – № 1. – С. 10–11.
4. Міхаіл Кірылавіч Баброўскі [Электронны ресурс] / Режим доступа: <https://be.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 01.03.2023.
5. *Саракавік, І. А.* І. М. Даниловіч – адзін з актыўнейшых пачынальнікаў айчынай навуковай юрыспрудэнцыі / *І. А. Саракавік // «Долгий XX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 1 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 118–127; Сороковик, И. А.* И. Данилович – первый декан юридического факультета Киевского университета / *И. А. Сороковик // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Юридичні науки.* – 2020. – № 1 (112). – С. 51–57.
6. *Данилович, И.* О Литовских Летописях / *И. Данилович // Журнал Министерства народного просвещения.* – 1840. – № 11. – С. 70–114.

7. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. Т. 2. Общественное движение 1815–1831 гг. Декабристы и Польша. – М.: Госполитиздат, 1956. – 884 с.

8. Лазутка, С. Первый Литовский статут 1529 г. / С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс. – Вильнюс: Марги раштай, 2004. – 521 с.

9. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 4. Кадэты – Ляшчэня. – Мінск: БелЭн, 1997. – 432 с.

10. Чачот, Я. Наваградскі замак: творы / уклад., пер. польскамоўных твораў, прадм. і камент. К. Цвіркі / Я. Чачот. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 327 с.

11. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 109. – Оп. 6. – Д. 716. – Л 184.

12. Там жа. – Л. 64–64 об.

13. Беларусь: Энциклапедычны даведнік. – Мінск: БелЭн, 1995. – 800 с.

14. Матвейчык, Дз. Ч. Выгнанья з роднага краю. Паслялістападаўская эміграцыя з Беларусі і Літвы (1830–1870-я гады) / Дз. Ч. Матвейчык. – Мінск: Лімарыус, 2011. – 200 с.

(Дата поступления: 22.03.2023).

**ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ:
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ
ЕПАРХИЙ В XIX В.**

Шевкун П. В.

Витебский государственный медицинский университет, Витебск, Беларусь

В статье рассмотрена в контексте трансформации социальных основ религиозности эволюция системы профессионального духовного образования на примере белорусско-литовских православных епархий XIX в. Раскрыта взаимосвязь формирования индивидуализированных практик веры с процессом подготовки духовенства. Выделены ключевые аспекты данной деятельности, через призму которых видны глубинные изменения в религиозности. Рассматриваемый период разделен на этапы, когда формировалась, посредством образования, современная роль священника в жизни общины. Отмечено своеобразие указанного процесса на территории региона. Сделан общий вывод об эффективности преобразований в сфере профессионального духовного образования с точки зрения адаптации церкви к меняющейся социальной реальности.

Ключевые слова: общество, идентичность, традиция, модернизация, православная церковь, духовное образование, епархия, семинария, училище.

**INDIVIDUALIZATION OF RELIGIOSITY:
PROFESSIONAL RELIGIOUS EDUCATION
OF THE BELARUSIAN-LITHUANIAN ORTHODOX
DIOCESES IN THE 19th CENTURY**

Shevkun P. V.

Vitebsk State Medical University, Vitebsk, Belarus

The article considers the evolution of the professional religious education system in the transformation context of the religiosity social foundation on the example of the Belarusian-Lithuanian Orthodox dioceses of the 19th century. The relationship between the formation of the individualized practices of faith and the process of educating the clergy is revealed. The key aspects of this activity are highlighted, through the perspective of which one can view profound changes in religiosity. The period under consideration is divided into the stages when the modern role of a priest in the community life was being formed through the education. The peculiarity of this process on the mentioned territory is marked. A general conclusion is made about the effectiveness of reforms in the field of professional religious education in terms of the church adaptation to the transforming social reality.

Keywords: society, identity, tradition, modernization, the Orthodox Church, spiritual education, diocese, divinity school; college.

Под индивидуализацией религиозности нами понимается процесс, в рамках которого участие человека в религиозной жизни, всё в возрастающей степени, основывается не на традициях, принуждении или коллективном мнении, а на личном выборе (который также может быть и не в пользу веры). В силу этого некоторая корректировка обрядности, впрочем, не подменяющая её устоявшихся норм, реформы сферы образования, освоение современных средств информирования, новые методы коммуникации на уровне прихода, имели своей целью не просто поддержание наличного уровня религиозности, но были ориентированы на формирование лично окрашенного отношения к вере. Оно подразумевает, что человек, опираясь на приобретённые знания, ценностные установки и индивидуальный опыт, вырабатывает уникальные способы адаптации духовных истин к быстро меняющейся социальной реальности, содержание которой, как правило, не соответствует религиозной картине мира. Ключевой фигурой в этом является лидер религиозной общины. В православии это священник. Именно на нём лежит основная роль не только в обрядовом сопровождении верующего, но и в помощи при формировании индивидуального восприятия значимости религии в жизни.

Переход к данной форме религиозности происходил на территории Беларуси, входившей в состав Российской империи, по преимуществу в XIX в. и, фактически, завершился в начале XX в. На социальном уровне это проявилось в предоставлении ограниченных религиозных свобод подданным империи в 1905 г. и полной свободы совести в 1917 г. На институциональном – в автономизации православной церкви от государства, посредством проведения Поместного собора и восстановления патриаршества. Это позволило более эффективно реагировать на вызовы времени, подчеркнуло православную идентичность, наглядно продемонстрировав соответствие уникальным истокам вероисповедания. Церковь ушла от роли «хранителя» норм социального взаимодействия (которые обязательны для всех и не рассматриваются с точки зрения индивидуального выбора), поскольку эти нормы не соответствовали религиозным представлениям, хотя и не были им враждебны¹. Потенциально это вело к сокращению количества верующих, но позволяло борьбу с «ветряными мельницами», т. е. переменами в жизни общества, заменить результативными способами предоставления веры, как значимой составляющей индивидуальности человека. Важнейшим элементом этого процесса была сфера духовного образования, которая позволяла подготовить духовенство не только легитимными и грамотными управите-

¹ Например, успешная конкуренция бизнеса подразумевает предоставление товаров и услуг максимально широкому кругу потребителей. Единственное условие сотрудничества, в таком случае, это платёжеспособность. Соответственно, общество опирается на такие принципы защиты человека и его собственности, которые максимально лояльны к любым социальным отличиям: религиозным, образовательным, иерархическим, имущественным. В таком случае религиозное видение общества, в котором эти принципы утверждались по воле бога, оказывалось излишним. Поскольку оно подразумевает религиозные и иерархические ограничения в коммуникации.

лями культа, но и в качестве эффективных «менеджеров» вероисповедания, лидеров, способных успешно поддерживать функционирование общины в различных социальных условиях.

Процесс индивидуализации религиозности в регионе имел свои особенности. Во-первых, как и всё развитие белорусского православия в рассматриваемое время, он происходил с ключевым участием государства. Если для собственно российских епархий его роль была естественна, поскольку церковь отвечала за легитимность социальных норм, государство же поддерживало их бесперебойное функционирование, то в регионе это было связано и с самим фактом существования церкви. Она нуждалась в мощной поддержке государства, так как политическое сословие, шляхта, придерживалась католического вероисповедания. В результате такая поддержка скорее была способом выживания церкви, чем естественным фактором взаимного контроля над социальными отношениями и потому препятствием в индивидуализации (ведь она основана на выборе, а нормы социальных отношений его исключают). В силу этого церковь в регионе старалась использовать государственную поддержку, как фактор укрепления православной идентичности. Во-вторых, асинхронность становления индивидуализированной религиозности в католическо-униатской, до 1839 г., а затем в католической и в православной общинах. В первой они шли быстрее, и это влияло на вторую, особенно после ликвидации унии. Вместе данные факторы позволяют рассматривать региональный процесс индивидуализации как более активный, в сравнении с собственно российскими епархиями, однако не выходящий за допустимые российской церковью и государством рамки.

Изменения в сфере духовного образования начинаются в конце XVIII – начале XIX вв. Связано это было с формированием унифицированной массовой системы подготовки духовенства и со смещением акцентов учебных программ в сторону более глубокой профессионализации. Последняя необходима для эффективного влияния на выбор верующего, а первая – для максимально широкого охвата аудитории. Предоставление единообразного набора примет идентичности позволяет, в определённой степени, гарантировать и единообразие проявлений выбора.

Не смотря на то, что для рассматриваемого периода характерна институализация корпоративно-сословных отличий, что, вне зависимости от личных предпочтений, ограничивало человека с момента рождения определенным сообществом, можно говорить и об индивидуализации, как основной движущей силе трансформации духовного образования. Ведь именно в это время, особенно в среде аристократических элит, стал очевидным поиск новых социальных идей и идеалов, кризис традиционных патриархальных ценностей. В таких условиях стремление к более чёткой конфессиональной идентичности было востребовано в привилегированной, образованной среде общества. Это и послужило своего рода триггером преобразований в рассматриваемой сфере, поскольку «искания» элит проецировались на всё общество.

Для относительно малочисленной православной церкви белорусско-литовских губерний, составлявшей меньшую непривилегированную часть на-

селения, этот процесс означал фактическое становление системы духовного образования. Также и надежду на возможное присоединение униатской церкви, которой можно будет предложить последовательный набор примет православной идентичности в период, когда в среде католической церкви индивидуализация шла гораздо быстрее и более эффективно, а потому он был востребован именно униатским духовенством. В силу этого православная церковь не только административно, благодаря поддержке православного государства, но и идейно могла влиять на выбор идентичностей, агрессивно препятствуя развитию её униатской, близкой католичеству формы. Несколько позднее это достигалось путём влияния в духе православной церкви на униатскую систему образования.

Тем не менее, сначала, в регионе нужно было выстроить собственно православную систему образования. Православная церковь Речи Посполитой лишь в 1757 г. обзавелась семинарией в г. Могилёве. В эпоху разделов количество православных верующих несколько возросло. Однако проблемы в наполнении учениками семинарии оставались [1]. В 1785 г. была открыта Слуцкая семинария Минской епархии. Других учебных заведений в ней не было. Создание семинарий послужило основой, на которой могла быть выстроена полноценная система профессионального духовного образования. В это время подготовка клира, как правило, велась в семьях и при церквях, без какой-либо унифицированной системы и ограничивалась заучиванием обрядовых действий и элементарной грамотой. Наличие католической церкви «двух обрядов» никак не стимулировало активность православного духовенства, поскольку конфессиональная принадлежность общин зависела не от выбора верующих, а от государства, политического сословия – шляхты (помещиков) и опиралась на силу традиции.

Решительные шаги в сфере выстраивания профессиональной системы духовного образования начались в правление Павла I. 18 декабря 1797 г. были открыты две новые духовные академии: в Санкт-Петербурге и в Казани. Их главной задачей являлась подготовка учителей в другие духовные учебные заведения. Белорусские семинарии были приписаны: Могилёвская к Санкт-Петербургской и Слуцкая (Минская) к Киевской академиям. На содержание семинарий правительство увеличило суммы. В 1797 г. численность учеников составляла: в Могилёвской – 160 человек, в Слуцкой – 70 [2].

Тем не менее, тяжёлые условия жизни детей в семинариях, низкая востребованность такой подготовки в деятельности приходского священника, заставляли родителей, под разными предлогами, уклоняться от отправления туда своих детей. Уровень образования в Минской семинарии ограничивался в 1796–1799 гг. низшим и средним классами. Классы философии и богословия открыли в семинарии позднее, соответственно в 1800 и 1806 гг. [3, с. 435, 436, 437]. Фактическое отсутствие развитой системы духовного образования приводило к тому, что дети церковно и священнослужителей обучались также и в светских школах [2]. Тем не менее, и в них отдавали детей неохотно [4].

Организация обучения была традиционной и всё менее соответствовала потребностям времени. В конце XVIII в. обучение в семинариях велось

согласно «Духовному регламенту» 1721 г. Организация различных сторон деятельности учебного заведения и контроль над нею всецело был в руках епископа, что было очевидным препятствием в систематизации процесса обучения. Большая часть приходского духовенства вообще образование получила на дому. Этого было достаточно, поскольку основная задача заключалась в поддержании единообразных обрядовых форм, для чего ключевым было соотнесение местных обычаев, с православной обрядностью. Своего рода традиционалистский аналог унификации, только ориентированный на прошлое, на соответствие вековым региональным особенностям религиозности. В рассматриваемое же время, в связи с ростом объёма знаний, увеличением интеллектуальных вызовов, возраставшими запросами со стороны государства к духовенству, отсутствие унифицированной системы подготовки духовенства, построенной на единообразном, обоснованном знании, воспринималось как существенная проблема.

Уже в конце XVIII в. Св. Синод установил определённый контроль над архиереями в области образования. Так, они присылали ежегодные отчёты «об учителях и учениках» с описанием, «что в каком классе и каким порядком было преподаваемо». Впервые семинаристов обязали приобретать «нужные сведения о сельской и домашней экономии», иметь «некоторое понятие о врачевании болезней». Предполагалось, что священник должен занять более активную позицию в жизни прихода [5]. По указу Св. Синода от 24 января 1803 г. семинаристов и священников стали привлекать к преподаванию в уездных училищах и гимназиях [6]. Однако попытки унифицировать учебный процесс в духовных учебных заведениях по образцу Санкт-Петербургской академии не увенчались успехом. В семинариях по-прежнему наблюдалось разнообразие программ и курсов [7].

Создание полноценной системы профессионального духовного образования, в том числе и на белорусских землях, относится к правлению Александра I. Его реформы были вызваны не столько модернизационными процессами в империи, сколько степенью интеграции аристократии Российской империи в общеевропейские процессы. Социальные потрясения конца XVIII в. накладывались на идейные, в рамках которых национальная идея завоёвывала умы образованной аристократии Восточной Европы, стремящейся увязать аристократический элитаризм с национальным эгалитаризмом. Ключевым элементом здесь была религия, которая, с одной стороны, была общенародной, однако с другой, освящала социальную иерархию. В результате, перед духовенством стояла задача актуализации религии как основы интеллектуального поиска. Ведь предполагалось, что христианство, в силу своего совершенства, является фундаментом любого знания. Манифест об образовании в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения начинался словами «желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения ...» [8].

Реформы в сфере духовного образования начались 21 апреля 1805 г. указом Св. Синода о заведении при церквях приходских училищ для детей духовно и церковнослужителей. Их предусматривалось создавать там, где есть

способные к обучению клирики [9]. 29 ноября 1807 г. был образован «Комитет об усовершенствовании духовных училищ». В 1808–1814 гг. была сформирована трёхуровневая система образования: уездные училища, семинарии и академии. Задача семинарии – это формирование приходского духовенства. Уездные училища предполагали подготовку учеников в семинарии. Приходские – готовили учеников для уездных. Было создано три округа во главе с академиями. Минская семинария вошла в Киевский, Могилёвская – в Санкт-Петербургский. Общее руководство осуществлялось Комиссией духовных училищ при Св. Синоде, которая должна была составить подробные уставы, штаты и управлять всеми духовно-учебными заведениями через окружные академические правления. Семинарии и училища изъяли из подчинения епархиальных архиереев. Финансирование шло из бюджетных ассигнований, епархиальных доходов и доходов от продажи свечей в храмах. Указами 7 октября 1808 г. и 8 июня 1809 г. свечные деньги разрешили тратить только на покупку воска или свеч для церковных нужд. Остальная часть суммы должна была использоваться на содержание духовных училищ [10].

Сначала было решено преобразовать школы Санкт-Петербургского духовно-учебного округа. Предполагалось открыть приходские и уездные училища сразу во всех 6 епархиях. Могилевский и Витебский архиепископ Варлаам (Шишацкий) планировал создать 5 уездных и 15 приходских училищ. Но при назначении ректоров, смотрителей и учителей училищ возникли серьёзные затруднения. Поэтому Варлааму пришлось перевести к церквям, при которых открывались училища, священников из других приходов, а для двух училищ смотрителей назначить из светских лиц, которые предварительно были рукоположены в священники. Практически все учителя были взяты из семинаристов. В 1808 г. открыли два духовные училища, а в 1810 г. ещё 18 [7].

Массовое открытие училищ в Могилёвской епархии (больше было открыто только в Новгородской – 21) породило и ряд проблем. Так, из-за отсутствия зданий училища размещались в домах священников и действовали нерегулярно [11]. Существовала проблема с набором учеников. В рапорте Чечерского духовного заказа сказано, что детей причтов не хватает, поскольку некоторые обучались в уездном училище, некоторые в другом приходском или были определены певчими в архиерейский хор [12]. Наименее способным семинаристам организовали «русские школы» по обучению чтению, церковному уставу, нотному пению, письму, катехизису, священной истории [13]. Об отсутствии на государственном уровне серьёзной проработки вопроса открытия училищ свидетельствует и то, что штатные оклады для них были составлены только в 1820 г. [14]. Вполне закономерно, что количество училищ позднее начало сокращаться.

В 1814 г. вступили в силу новые уставы академий, семинарий, уездных и приходских училищ. Их общей целью было повышение профессионального уровня духовенства. Детей клириков уже обязали обучаться в духовных учебных заведениях. В законе допускалась возможность домашнего обучения, однако ребёнку необходимо было записать в училище и ежегодно при-

возить на экзамены [15, с. 152]. Ещё ранее существенно ограничили возможности местных властей увольнять учеников из семинарий [16, с. 165].

В сентябре 1816 г. император Александр I пожелал увидеть преобразованным Киевский округ [7]. В результате общая реорганизация духовных школ в Могилёвской и Минской епархиях произошла в 1817 г. В Могилёвской закрыли 9 училищ и открыли 1 (Велижское). В Минской епархии из состава семинарии были выделены приходское и уездное училища. Семинария должна была иметь вид исключительно среднего учебного заведения. Педагогический коллектив состоял из ректора, четырёх учителей и инспектора. Количество учащихся в семинарии снизилось после реформы со 159 до 65 человек [11, л. 33 об. – 35, 39 об.]. В 1822 г. в Минской семинарии открылся класс по изучению польского языка «во уважение того, что польский язык в здешнем краю есть общеразговорный», очевидно, речь шла об аристократии и чиновничестве. С 1820-х гг. в Минской епархии училища были переполнены [7].

Уже в это время мы видим, что духовенство начинало рассматриваться как фактор социальной модернизации. В этом отношении симптоматичным было введение в семинарские программы курсов по медицине. Для подготовки учителей по указу от 17 июля 1802 г. в медицинскую академию направили 50 студентов из духовных семинарий и академий. Также предписали распространить по приходам «Наставление о лечении с описанием обыкновенных простонародных болезней и лекарств» [17]. 15 марта 1804 г. в Минской семинарии был открыт медицинский класс [3, с. 437]. Одновременно в столице собрали сведения о больницах, находящихся в ведении духовенства [18].

Участие государства проявилось и в том, что церковь несла нагрузку преподавания общих знаний, неизбежно в ущерб религиозным. Однако если общие знания были нужны для более активной и успешной жизни, для овладения социальной информацией, которая поступала через редкие СМИ, то религиозные знания на практике в приходе, в рамках общинной жизни, оказывались лишними, ибо такие функции выполняли обрядовые действия. Дополнительные знания были необходимы лишь в случае возможности выбора и отсутствия непосредственной привязки социальных отношений к религиозным нормам. Общинная же жизнь и так была выстроена на основании религиозных норм. Священнику незачем было в приходе пояснять обряд, поскольку крестьяне сами наполняли его смыслом в рамках низкой религиозной культуры (фольклорные традиции). Непосредственная же увязка обрядовых действий с общинными отношениями не предполагала изменений, так как истина постоянна и утверждена предшествующими поколениями. В результате знания, полученные в семинариях, по существу оказывались лишними. Об уровне претендентов на церковные должности, например, свидетельствует запрет Минского архиепископа Иова (Потёмкина) присылать кандидатов без предварительного «в чтении и пении свидетельствования» [12].

Тем не менее, смешение научных и религиозных предметов создавало иллюзию обновления основ социальных отношений. Всё как хотелось архаизированной российской аристократии, уже активно включившейся, в отличие

от остального общества, в процесс европейской модернизации. Так, мы видим, что по уставу 1814 г. в приходском училище, рассчитанном на два года, обучали чтению на русском и славянском языках, чистописанию, пению, четырем правилам арифметики, первым началам российской грамматики и сокращенному катехизису. Учебный план уездного училища был рассчитан на 4 года обучения и включал российскую и славянскую грамматику, арифметику, церковное пение, пространный катехизис, латинский и греческий языки, священную историю, географию. Шестилетний курс семинарии состоял из трех двухгодичных классов: класс словесных наук, к некоторым присоединялась всеобщая история; класс философских наук с присоединением математики и физики; класс богословских наук, с присоединением церковной истории. С самого начала обучение в семинариях велось на латинском языке, что лишь подчёркивает низкий уровень индивидуализации образования. Такое образование несло не столько практическое значение, сколько просто повышало легитимность духовенства в глазах прихожан тем, что оно владеет сакральным языком и высказанными на нём знаниями. Вместе с тем, поступающие в семинарию должны были знать русскую, польскую и отчасти славянскую грамоты [19].

Курс правительства на обновление духовного сословия путём образования упирался и в региональные практики назначения, основанные на традициях семейственности и личных связях. Однако это свидетельствовало и о том, что традиционные связи преобладали над унификационно-модеризационными, когда важны не личные заслуги и успех, а общинные традиции. Это было существенной преградой для развития системы образования, так как делало личную мотивацию излишней. Подрывало актуальность обучения. В связи с этим приходилось издавать специальные распоряжения, чтобы практики назначения привести в соответствие «с видами правительства». При определении на священнические места архиереи должны были «воспитанных семинаристов предпочитать не учёным, хотя бы прихожане и просьбами об них настояли». Преимущество отдавалось тем, кто окончил семинарии или академии. Однако таких было не много. Полный курс семинарии имели даже не все представители высшего епархиального духовенства. Так, протоиерей Минского кафедрального собора (то есть лицо далеко не последнее в епархиальной иерархии!) И. Пономарёв «в школах не обучался» [12].

Однако, возможности местных архиереев по улучшению морального и повышению образовательного уровня духовенства были ограничены плохими материальными условиями и сложной конфессиональной обстановкой в крае. Ощущался недостаток церковно и священнослужителей, монахов. Внутренними силами переломить ситуацию было сложно. Рассчитывать на клириков соседних епархий также не приходилось. Это определило ограниченность административных ресурсов у епархиального руководства. Так, архиепископ Иов отмечал, что поездки по епархии с архиерейским клиром заканчивались тем, что их «всегда почти пьяных привозили в Минск». На угрозы наказания они отвечали: «Прогоните нас, где вы лучших найдёте» [3, с. 511]. Видимо, схожей была ситуация и вдали от епархиального центра.

Тем не менее, в правление Александра I была создана система профессионального обучения духовенства. Виды правительства несколько опережали состояние общества, а знания, получаемые в школах, были лишь в незначительной степени востребованы на практике. Знания имели «мертвый» характер, так как в минимальной степени ориентировались на усиление лично окрашенной веры. Скорее предполагалось, что они сами по себе улучшат все сословия и обновят общество. Своего рода просветительский идеал. Фактически же система профессиональной подготовки, подразумевавшая некоторую социальную активность духовенства, развивалась при следующем императоре.

В основе системы духовного образования, сформированной в правление Николая I, было представление о социальной значимой роли духовенства, которое обязано, наряду с грамотным выполнением своих профессиональных обязанностей, показать важность церкви, как основы успешных социальных отношений, путём некоторого участия духовенства в модернизации общины. Уже с первых лет правления Николая I проявились эти направления. По его мнению, «добрые Христианские нравы составляют первое основание общественного благоденствия, а нравы назидаются наставлением и примером духовенства» [20]. Эти слова можно рассматривать как принцип отношения к духовенству на протяжении всего правления императора. Здесь чётко сформулирована мысль, что эффективность влияния духовенства на паству, с точки зрения выполнения социальных предписаний (заповедей), является необходимым условием ускорения социального развития, повышения политической легитимности. Как впоследствии отмечал обер-прокурор Н.А. Протасов, выражая позицию императора: «Священник приносит ... большую пользу правительству ежели поддерживает религиозное чувство и церковные обряды в своём приходе, ибо тем поддерживает единство веры нераздельное с единством монархическим и сохраняет народную власть под контролем» [21].

С целью укрепления авторитета духовенства император инициировал мероприятия по повышению образовательного уровня и улучшению его материального обеспечения. 18 декабря 1826 г. вышел указ о помощи духовенству «малоприходных» церквей. Несмотря на значительные размеры выделяемой помощи, в белорусско-литовских епархиях часть нуждающихся причтов не получили пособий [22]. В том же году Св. Синод начинает подготовку предложений по общему «улучшению нравственного состояния» и материального обеспечения духовенства [23, с. 140]. 6 декабря 1829 г. получило силу закона «Положение об усилении способов к образованию духовного юношества и обеспечению приходских причтов». Оно предусматривало увеличение числа учащихся на «казённом содержании», исключительное назначение в приходы кандидатов, окончивших семинарии, а также ряд мер экономической поддержки причтов [24]. Соблюдение высоких требований к образовательному уровню духовенства в Западных губерниях встретило серьёзные затруднения. Многие священники не обучались в семинариях, а заменить их было некем.

Повышенное внимание правительства к православным епархиям региона начинается в 1830-х гг. в связи с курсом на присоединение униатов. В 1833 г. в Минской епархии были учреждены уездные и приходские училища в Минске и Мозыре, а также приходские – в Пинске и Речице [14, л. 109]. Однако принимаемые меры не могли быстро изменить ситуацию. Так, в Речицком уезде из 16 священников только семеро учились в семинарии, а о пяти сказано, что они владели российской грамотой [25]. В отчёте о состоянии Полоцкой епархии её глава – епископ Смарагд (Крыжановский) – писал, что у него «едва встречается десятый священник, окончивший курс семинарского ученья; а из причетников редко который знает свои предметы» [26, с. 159]. Предложение обер-прокурора о направлении детей священно- и церковнослужителей для обучения в Киевскую, Переяславскую и Черниговскую семинарии из Минской, Подольской и Вольнской епархии не было принято. Вместо этого постановили о назначении в епархии Западных губерний архиереев, ректоров и учителей семинарий «чисто Русского происхождения и собственно Русского образования» [27]. Однако не столько для формирования более выраженной православной идентичности, сколько для противодействия католическому влиянию. Очевидно, быстро ситуацию нельзя было исправить, поэтому уже в 1836 г. было утверждено предложение Св. Синода о том, чтобы на вакантные места назначать кандидатов, «окончивших курс семинарского учения» и лишь при отсутствии из их числа желающих «поставлять» «неучёных или малоучившихся» [28].

Открытие Полоцкой епархии в 1833 г. предполагало и организацию духовного образования. В 1834 г. Комиссия духовных училищ приняла решение о создании в Полоцке духовного училища первого разряда [14, л. 116]. После присоединения Белорусской униатской епархии её семинария, открытая по указу императора Александра I от 16 декабря 1806 г., стала именоваться Полоцкой православной семинарией. Впрочем, она с 1829 г. работала по уставу православных семинарий, а на преподавание русской гражданской истории и русской словесности назначались выпускники православных духовных академий. В 20-е гг. XIX-го в. занятия в семинарии велись на польском языке. В православных семинариях только начинали переходить в преподавании основных предметов с латинского языка на русский [29]. Преподавание на языке живого общения имело ключевое значение, поскольку демонстрировало, что религиозная истина не богом данная в неизменном виде субстанция, а истина, которая устраивает внутреннюю коммуникацию с человеком, то есть акцент незримо переносился в сферу индивидуального восприятия человека.

Создание Литовской православной епархии обусловило и трансформацию, созданной в 1828 г. в Жировичском Свято-Успенском мужском монастыре духовной семинарии. В 1839 г. она стала православной и в 1845 г. была переведена в Вильно. В итоге, после объединения униатских епархий с православными последняя имела четыре семинарии: Могилевскую, Минскую, Витебскую (Полоцкую) и Виленскую. Присоединение униатского духовенства стало мощным региональным фактором индивидуализации религиозности, поскольку инициаторы процесса присоединения в среде униатского духо-

венства подчёркивали свою православную идентичность. Воспоминания И. Семашко наглядно показывают её уровень и специфику. Последовавшие же в ближайшие десятилетия события продемонстрировали их инициативность в данном направлении. Это касалось и братского движения, и организации женского образования, и в стремлении к сохранению региональной специфики проявлений народной религиозности от российского унификаторства.

После ликвидации унии в 1839–1840 гг. прошла масштабная реформа в системе духовного образования. Вместо Комиссии духовных училищ 1 марта 1839 г. создали Духовно-учебное управление при Св. Синоде [30]. Регламентации подверглась процедура поступления и учебный процесс. Внимание к северо-западному краю по-прежнему оставалось значительным. Так, в конце июня 1839 г. император, по представлению обер-прокурора, повелел командировать директора духовно-учебного управления А. И. Карасевского для сбора сведений «о состоянии и нуждах возсоединенных церквей, обзрев между тем и важнейшие места древле-Православных и возсоединенных Епархий, в том числе семинарии и некоторые уездные училища». В начале июля 1841 г. из командировки в Западные губернии вернулся и управляющий канцелярией обер-прокурора А. И. Войцехович [31].

Обер-прокурор, основываясь на представлениях императора, хотел, чтобы священники «умели снисходить к понятиям простого народа и разумительно беседовать с ним», быть полезными крестьянам в «их житейских делах». В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общежитии, как-то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство». В семинариях стали создавать подготовительные классы для кандидатов в священники, чтобы они «имели средства ближе ознакомиться с обязанностями оного, под руководством просвещённого и опытного наставника и под особым надзором местного Архиеерея» [32, с. 62–64]. В 1840 г. состоялся переезд Минской семинарии из г. Слуцка в г. Минск. На это с 1835 г. было выделено 50 тысяч рублей [14, л. 168–169].

С 1843 г. Горы-Горечкая земледельческая школа стала основным местом подготовки учителей сельскохозяйственных наук в духовные учебные заведения империи. В этом же году в неё были направлены 58 семинаристов. Из белорусских епархий отправлялось по одному. В стенах школы велась подготовка пособия для преподавания сельского хозяйства в семинариях. Также в 1845 г. объявили конкурс для составления специального сельского лечебника, а в 1846 г. в семинариях были открыты классы медицины [14, л. 85, 98, 99]. Н. А. Протасов реализовывал мысли Николая I, связанные как с идеей практической направленности образования, так и с желанием императора видеть в духовенстве социально активную категорию своих подданных, способных выступать гарантом ускорения развития российского общества. Не случайно в отчётах обер-прокурора всегда подчёркивались успехи по введению в духовных учебных заведениях новых курсов [15, с. 153].

Взгляды императора основывались не только на практических соображениях использования духовенства, как уникальной группы, имевшей достаточное образование, авторитет и доступ к широкому массам подданных,

в целях модернизации. Здесь мы видим проявление более глубоких социальных процессов, основанных на формировании гражданственности, то есть ответственной, общественно активной, личностно мотивированной позиции. Первым шагом в этом направлении было осознание элитами общности с остальным населением, понимание того, что развитие достигается коллективными усилиями. Правда, в рамках традиционного мировоззрения, каждого на своем месте. Духовенство как сословие, отвечавшее за легитимность социальных норм, естественным образом должно было показать возможность интенсификации этих самых норм, опираясь на представления о божественной воле. «Открытие» православной идентичности (то есть, пока не зримый, перенос восприятия веры с коллективности на индивидуальность) в этом ряду рассматривалось как некий единовременный статичный акт, своего рода осознание самого себя, своих корней, укрепление фундамента. Поскольку же религия являлась основой социальных отношений, то и осознанное восприятие себя как православных, а не просто верующих, должно было внушить подданным стремление к построению более успешного православного сообщества. Минимальная индивидуализация религиозности должна была, по мнению властей, проявиться в поиске более эффективных технологий в рамках имевшихся социальных отношений. Поэтому важнейшим залогом интенсификации виделось улучшение системы духовного образования.

В 1842–1843 гг. Полоцкая семинария была переведена на полное казенное содержание, и ее внутреннее устройство было приведено в соответствие с действующим уставом православных духовных семинарий. Семинария разделялась на три отделения с двухгодичным курсом в каждом: низшее (риторика), среднее (философия) и высшее (богословие). 5 июля 1845 г. директор канцелярии обер-прокурора К. С. Сербинович был командирован в Псковскую, Полоцкую, Литовскую, Волынскую и Киевскую епархии. В его инструкции отмечалась необходимость «посетить важнейшие духовно-учебные заведения». «В Полоцке между прочим узнать, с каким успехом производится переделка семинарских зданий, и обратить внимание на порядок таможняго надзора за своекоштными учениками» [33].

Однако и в 1851 г. митрополит Иосиф, ревизовавший Полоцкую епархию, нашел семинарию в плохом состоянии. Здания, где размещались воспитанники, грозили обвалом. Было рекомендовано перенести семинарию в Витебск. В 1852 г. ректор семинарии архимандрит Поликарп (Пясецкий) констатировал аварийное состояние семинарского здания и ходатайствовал перед архиепископом Василием (Лужинским) о перемещении семинарии в Витебск. Переезд состоялся в 1856 г. Духовная Семинария продолжала называться Полоцкой до 1872 г., когда указом императора Александра II она была переименована в Витебскую Духовную семинарию [29].

Введённое ещё Александром I обязательное обучение детей священников со временем привело к переполнению духовных учебных заведений. С целью решения этой проблемы в 1840 г. были установлены правила деления классов. В 1850 г. духовенству позволили готовить детей дома к поступлению в высший класс уездного училища или низший класс семинарии.

Вместе с тем церковному клиру разрешили «избирать для своих детей образ воспитания и жизни по их способностям», что свидетельствовало, с одной стороны, о решении проблемы с образованностью клира, с другой – о росте личного фактора в системе подготовки, поскольку власти задумывались об эффективности их влияния на приход. Одновременно были ликвидированы приходские училища и преобразованы уездные [34, с. 8]. Если в 1850 г. в империи насчитывалось 170 училищ, то пять лет спустя только 20 с общим количеством учащихся 1831 человек [15, с. 148, 162, 168, 175, 176].

В результате, за годы правления Николая I была существенно преобразована система профессионального духовного образования. Её индивидуализирующее значение проявилось в большей доступности образования, путём дальнейшей унификации и систематизации учебных программ, перехода на более удобный язык обучения (русский), улучшению государственного обеспечения духовных училищ, введению дополнительных прикладных предметов, которые повышали авторитет духовенства в глазах прихожан. Тем не менее, эти предметы скорее создавали иллюзию эффективности духовенства, поскольку не могли быть напрямую увязаны с верой и, как будто демонстрировали, что значение её истин измеряется эффективностью (не всегда очевидной) технологий. Это совмещение было искусственным и противоречило процессу профессионализации. Однако в нём была своя логика, когда религиозные правила сотрудничества подкреплялись экономической эффективностью, а индивидуализация смещалась в сторону демонстрации преимуществ веры, без ущерба стандартам поведения. Вместе с тем, скоро стало очевидно, что старые технологии, овеянные традицией, если и могут быть изменены, то только вследствие втягивания крестьянских хозяйств в рыночные отношения, а не путём непрофессионального просвещения. Поэтому требовалось сконцентрировать духовенство не столько около профессиональных обязанностей, сколько на работе в целях выработки унифицированных стандартов идентичности, способной противостоять изменчивой социальной реальности.

В свою очередь в белорусско-литовских православных епархиях в указанное время была сформирована полноценная система подготовки духовенства. Это стало возможным благодаря объединению с униатскими епархиями, что, с одной стороны, повысило значимость церкви в глазах государства и позволило говорить от имени всего общества, с другой – создало разветвлённую систему образования, охватывавшую весь регион, с использованием интеллектуального потенциала бывшего униатского духовенства. Вместе с тем использование индивидуализирующей риторики высшим униатским духовенством о верности исконной вере хотя и было несомненным следствием процесса индивидуализации, тем не менее оформлялось не как выбор, а как прозрение и возврат к прежней нормальности. После достижения объединения такая риторика скорее догматизировала восприятие русского православия, а не свидетельствовала о творческом потенциале нового духовенства. Можно сказать, что переход в православие униатства и возникший на этой почве конфликт с католичеством не предполагал с неизбежностью

индивидуализацию православия, то есть формирования более осознанной личностной позиции в его пользу. Мы лишь видим оптимизацию всех доступных православной общине ресурсов, с целью сохранения целостности приходов и важнейшим здесь было использование ресурсов государства.

Более того, взгляд на белорусское православие как на некий форпост противостояния с католичеством, скорее тормозил индивидуализацию веры в регионе. В рассматриваемое время мы видим многочисленные примеры страха государства перед католическим «фанатизмом». Собственно под ним понималась лично окрашенная вера, в которой священник пользовался непререкаемым авторитетом в приходе. В такой ситуации для общин, где правила взаимодействия основаны на вере, это грозило разбалансировкой социальных отношений, поскольку превращало правила сотрудничества в лично окрашенное поведение, существенно зависимое от лидера. Это было не допустимо, поскольку правила предполагают взаимное доверие, основанное на убеждении в гарантированном поведении окружающих. В католической церкви проблема решалась за счёт того, что духовенство принадлежало к аристократии, то есть политическому сословию, как раз ответственному за социальное взаимодействие. Для православной же церкви, такая степень индивидуализации веры существенно увеличивала риски нежелательных последствий с точки зрения произвольного изменения правил коммуникации. Ведь православное духовенство было, как правило, простого происхождения, не обременено политической ответственностью за целостность общества и потому склонно к различным социально-религиозным утопиям. В силу этого правительству и церковному руководству более приемлем был не региональный католический путь активизации религиозности с акцентом на персоне священника, а более простой и контролируемый путь, ограниченный совершенствованием уровня профессиональной подготовки духовенства.

В правление следующего императора Александра II посредством отмены крепостного права и других либеральных реформ повысилось значение индивидуального самоопределения человека. Не смотря на то, что сословно-корпоративный строй, в сущности, оставался неизменным, тем не менее границы сословий становились более «прозрачными». Государство всё в большей степени рассматривало человека не с позиций подданства, а гражданственности. Распространялось влияние СМИ, которые всецело были ориентированы на самостоятельное восприятие социальных истин.

В регионе, особенно на фоне антироссийского восстания на землях бывшей Речи Посполитой, росла заинтересованность в поддержке православия и в противостоянии с католичеством. Это в ещё большей степени обусловило акцент на православной идентичности. Начали появляться православные церковные братства, несколько позднее попечительства. Активное церковное строительство, ведущееся в западных губерниях, предусматривало участие в этом прихожан. С другой стороны, расширявшаяся практика открытия церковно-приходских школ предполагала не только соответствующий уровень образования клира, но и формирование православной идентичности.

В силу этого духовенство начинают в большей степени ориентировать на работу с прихожанами, а не просто на исполнение церковных служб. При этом акцент шёл именно на религиозных аспектах, а не светских. Поскольку в рамках расширявшейся сферы индивидуальной свободы, каждый человек самостоятельно решает собственное будущее, его не предопределяет церковь. Экономическая же сфера была целиком в ведении домохозяйств.

В связи с этим деятельность в отношении к православной церкви Александра II можно рассматривать как завершение планов его отца. Духовенство благодаря повышению его профессионального уровня и участию в государственной системе образования должно было демонстрировать значимость православия в меняющейся социальной реальности посредством формирования более выраженной православной идентичности и соседством светских наук с теологическим образованием, что придавало последним характер жизненно важных истин. При Николае I в силу отсутствия значимых перемен в обществе церковь рассматривалась более традиционно, когда нормы религиозной и общинной жизни существовали в неизменном виде. Поэтому священник мог повысить свою значимость, не столько демонстрируя активность в вере, сколько в иных аспектах жизни общины. Сейчас же церковь путём более развитой идентичности должна была поддерживать рамочные условия коммуникации, основанные на традиционном сословно-корпоративном строе и политической легитимности абсолютизма. Поскольку сам строй подвергался частичной модернизации.

Первые годы правления в сфере духовного образования значимых перемен не было. Они последовали в ответ на вызовы времени и, не в последнюю очередь, в связи с волнениями в семинариях, которые становились достоянием прессы. Хотя серьезных проблем ревизоры и не отмечали [35]. Тем не менее публикация в СМИ придавала рядовой социальной информации в условиях абсолютизма чрезвычайное значение, поскольку власть, не имевшая механизмов работы от СМИ, кроме цензуры, рассматривала публикацию такой информации как приговор системе, как демонстрацию неэффективности действовавших норм и слабость аристократического правления.

Так, 19 марта 1863 г. обер-прокурор обращался в Св. Синод с просьбой о предоставлении сведений по ситуации в Полоцкой семинарии, описанной в журнале «День», когда были исключены 20 воспитанников и сменил ректор. В объяснительной записке нового ректора семинарии архимандрита Анатолия (Станкевича) от 16 апреля 1863 г. было сказано, что сведения поданы «в неполном и неверном свете» [36]. В 1865 г. также произошли «беспорядки» в Могилёвской духовной семинарии, о чём было соответствующее разбирательство Св. Синода [37]. Разумеется, конфликты возникали не только в учебных заведениях белорусских епархий.

На таком фоне весной 1863 г. Св. Синод указал Архиепископу Казанскому Афанасию (Соколову) организовать особый комитет по «делу о преобразовании духовно-учебных заведений». 20 марта 1866 г. был создан при Св. Синоде комитет о «преобразовании духовно учебных заведений» [38]. Результаты его работы были зафиксированы год спустя, когда 14 мая 1867 г.

были утверждены новые уставы духовных училищ и семинарий, согласно которым было ликвидировано Духовно-учебное управление. Вместо него при Св. Синоде создавался Учебный комитет, который занимался исключительно учебно-воспитательными вопросами духовного образования. Его хозяйственные и строительные вопросы были переданы в соответствующее управление при Св. Синоде. Также было упразднено деление семинарий по учебным округам во главе с академиями, которые теперь могли лишь рекомендовать преподавателей. Семинарии и училища подчинялись непосредственно епархиальным архиереям [39].

Учебные заведения стали всесловными. Это соответствовало универсальности образования, согласно которому важна идентичность, а не принадлежность к корпорации и локальные семейные традиции священнического воспитания. Кроме этого во главу угла ставилось решение насущных, собственно церковных задач, а не излишний академизм и общегосударственные задачи. Это проявилось в усилении роли епископа, в более широком участии духовенства в жизни учебных заведений, ликвидации академических округов, в изменении программ обучения. Их основной целью были рационализация учебного процесса, то есть избавление обучения от предметов, не свойственных пастырскому служению, и практическая направленность, которая требовала введения педагогики. Стремление задействовать духовенство в образовательном процессе обусловило и внимание к ряду теоретических дисциплин, а желание использовать уровень образования в общегосударственных целях (в среде госслужащих и образовании) обусловили разграничение курса общеобразовательных и богословских предметов.

В семинариях вводилась шестиклассная система обучения. Из курса исключалось 10 дисциплин: естественная история, сельское хозяйство, медицина, православное исповедание, учение о богослужебных книгах, герменевтика, библейская история, патристика, обличительное богословие, учение о русском расколе. Вводились: обзор философских учений, педагогика и один из новых языков. Произошли перемены и в распределении учебного времени между дисциплинами. Среди общеобразовательных предметов сокращалось учебное время на изучение словесности и гражданской истории; больше внимания стало уделяться математике, физике, философским дисциплинам. Увеличилось время на изучение богословских дисциплин. В духовных училищах вместо шестилетнего срока обучения вводился четырёхлетний. Сокращалось время изучения всех учебных дисциплин. Вводилось строгое разграничение курса общеобразовательных и богословских предметов [39].

Устав вводил в духовных семинариях коллегиальность в принятии решений и выборное начало. В семинариях избирались: ректор, инспектор, преподаватели, члены правления, библиотекарь, врач, эконом, секретарь правления, почетный блюститель по хозяйственной части. Органом внутреннего управления семинарии оставалось правление. Вводились общие педагогические собрания, которые состояли из всех преподавателей семинарии. В училищах преподавателям предоставлялось гораздо меньше прав в управлении [39].

Большая направленность учебных заведений на решение собственно церковных задач обусловила и изменения в порядке финансирования. Государство существенно сократило собственное участие в обеспечении профессиональных духовных учебных заведений. Во всех епархиях вводились единые оклады преподавателям. Все расходы по содержанию училищ, кроме жалованья служащим по штату, возлагались на местное духовенство. В каждой епархии открывалось такое количество духовных училищ, которое соответствовало местным потребностям. Епархии делились на училищные округа, границы которых определялись епархиальным начальством. Духовенство должно было заботиться об училищах своего округа. Для этого один или два раза в год проводились съезды священнослужителей округа, избираемых для этого по одному от 10 причтов [39].

Проведение реформы растянулось до конца 1870-х гг. В Полоцкой епархии было оставлено два училища: Полоцкое и Витебское, в Литовской епархии – Жировичское и Виленское. В 1874/75 уч. г. были преобразованы духовные учебные заведения Могилёвской и Минской епархий. Могилёвская епархия была разделена на четыре округа: Мстиславский, Оршанский, Могилёвский, Гомельский. В Минской епархии были оставлены Минское, Пинское, Слуцкое училища. Училища Могилёвской, Полоцкой епархий, в отличие от Литовской, не получали материальной поддержки из духовно-учебного капитала [39].

Отказ от части не богословских предметов демонстрировал, что церковь концентрирует внимание в большей степени на собственных вопросах, чем социальных. Показывал, что проблема идентичности понимается более динамично. Её нужно поддерживать и развивать на индивидуальном уровне путём совмещения веры и другого социального знания, на уровне семьи посредством женского образования (о котором будет сказано немного ниже), на уровне прихода посредством начального образования, для чего и нужна педагогика. Тем не менее развитая идентичность является лишь начальным элементом индивидуализации, поскольку полностью сосредоточена на индивидуальности и лишь в минимальной степени предполагает социальную активность. Реформы предлагали возможность реализации такой активности аналогично другим общественным институтам. Церковь посредством демократических начал во внутренней жизни должна обновить традиционные механизмы, создав новую нормальность, аналогичную переменам в обществе, в соответствии с православной идентичностью. Однако здесь по-прежнему нет ключевого элемента индивидуализации – выбора, который и подразумевает все эффективные механизмы адаптации веры к изменчивой социальной реальности. Поэтому реформы времени Александра II скорее предполагали обновление традиционных норм надличностного характера веры: наследственный характер и обязательность вероисповедания, необходимость участия в жизни общины, неоспоримость традиционных форм религиозной жизни.

Проведенная реформа не во всём удовлетворила ожидания более модернизированной, в сравнении с духовенством, православной интеллигенции. Недостаток индивидуализации, религиозности особенно ощущался

в среде молодёжи. Отрываясь от привычной семейной среды, дети не всегда формировали должный уровень веры, поскольку прежние связи ослабевали, а новые, индивидуализированные, были недостаточно сильны. В результате, сталкиваясь с миром светских идей и втягиваясь в процесс социальной модернизации, то есть, имея возможность изменить своё будущее, бывшие семинаристы вообще могли отказаться от религиозных взглядов, чем пытаться адаптировать их к новым реалиям. Так, министр государственных имуществ П. А. Валуев в письме Дмитровскому епископу Леониду (Краснопевкову) отмечал: «духовная печать представляет замечательные труды ... Но рядом с этими благоприятными явлениями видны, в гораздо большем числе, признаки глубоких и опасных недугов. – Духовное сословие изливает в общественную среду, через Семинарии, обильный контингент элементов политического и социального брожения» [40].

Одним из наиболее показательных факторов формирования индивидуализированной религиозности стало развитие женского образования¹. Во-первых, данный тип религиозности ориентирован по личностному признаку, в отличие от предыдущего, в котором гендерный фактор как элемент коллективного контроля играл значительную роль. Игнорировать половину духовного сословия было невозможно. Во-вторых, наиболее прочные связи выработывались в семье. Именно она являлась основой сохранения религиозной общины. Разумеется, в семье, в воспитании детей, роль женщины была важнейшей. В связи с этим отсутствие женского образования в среде духовенства являлось существенной проблемой на этом пути. Кроме того, духовное сословие становилось важнейшим источником интеллигенции, взгляды которой беспокоили правительство. Потому верность православию рассматривалась и как важная политическая составляющая.

На примере женского образования наиболее отчётливо видна специфика ситуации в регионе, где необходимость сохранения православной общины в конкуренции с католичеством вынуждало правительство искать некий баланс между практиками индивидуализации (для придания православию большей конкурентоспособности) и сохранением коллективистских начал религиозности как социальной основы аристократического правления. Развитие женского образования удачно вписывалось в этот баланс, когда усиление индивидуализации посредством образования шло через ключевой элемент общины – семью. Не случайно его развитие было инициировано в западных губерниях.

Ещё ранее, после ходатайства Полоцкого епископа Василия (Лужинского), было открыто в 1844 г. училище на 21 воспитанницу. Учениц обучали Закону Божьему, русскому и славянскому чтению, началам арифметики и краткой русской грамматике, священной истории, краткой всеобщей истории

¹ Не смотря на то, что его нельзя отнести к профессиональному духовному образованию, тем не менее, оно было сословно ограничено и ориентировано на помощь духовенству в воспитании подрастающей смены и в выполнении ими дополнительных социально значимых функций. Ключевой из которых было участие в системе массового начального образования.

и географии, церковному пению и рукоделию. В духе времени воспитанницы учились готовить еду, доить коров, делали масло, работали в саду и огороде, приучались распознавать качество пахотной земли, занимались её удобрением и обработкой, наблюдали время посева и уборки зерновых. Это свидетельствовало о том, что их готовили как помощниц в социально-религиозной деятельности духовенства.

Вместе с тем, только в 1860-х гг. проблема женского духовного образования приобретает системный характер. Не в последнюю очередь это было связано с ситуацией в регионе. Вице-директор департамента духовных дел иностранных исповеданий П. Н. Батюшков в 1859 г. представил на рассмотрение императору Александру II «Проект всеподданнейшей записки об учреждении училищ девиц духовного звания в западных губерниях». Он обосновывал необходимость учреждения таких училищ в западном крае «расширением и укреплением латинской пропаганды, потрясающей ныне безнаказанно основы воссоединения униатов с нашею церковью...». В своих «Записках» архиепископ Полоцкий Савва (Тихомиров) характеризовал женское образование следующим образом: «До 1863 года дочери православного духовенства Полоцкой епархии, большей частью, воспитывались в домах своих родителей, но некоторые из них получали образование в польских пансионах, находившихся в Витебске, и в некоторых других уездных городах ... Девицы домашнего воспитания не отличались достаточным умственным развитием и другими, свойственными образованным детям, качествами» [41].

В 1863 г. императору был представлен доклад. В нём говорилось о том, что «женский пол православного духовенства или остаётся только при одном домашнем воспитании или же получает его в местных светских учебных заведениях, которые содержатся лицами инославного вероисповедания и не русского происхождения». По этим причинам комитет предлагал учредить четыре училища «для девиц духовного звания» в Полоцкой, Минской, Волынской и Подольской епархиях. Был составлен общий устав по образцу устава Могилёвского училища. Учреждаемые училища под своё покровительство взяла императрица Мария Федоровна. Они подчинялись Св. Синоду, но существовали на епархиальные средства и пожертвования.

20 сентября 1868 г. император подписал устав епархиальных женских училищ уже для всей империи. Его шестнадцать глав регламентировали организацию, деятельность, повседневную жизнь учебных заведений. Воспитанниц начали готовить и в качестве учительниц, для чего вводилась педагогика. Звание домашней учительницы на практике означало возможность занимать соответствующую должность в начальной школе [41]. Это было не только признаком женской эмансипации, но и точкой невозврата, когда религиозность преодолела наиболее чувствительный гендерный стереотип её традиционалистской формы, последовательно концентрируя внимания на личностных, гендерно нейтральных практиках веры. В связи с этим использованию женщин в качестве средства формирования религиозности на системном уровне принципиально ничто не мешало.

Убийство революционерами Александра II, постепенное формирование в империи различных политических идеологий, развитие современных форм коммуникации (СМИ), зачастую критически настроенных к властям, наглядно демонстрировали низкую эффективность применявшихся практик веры. Правительство считало, что не в последнюю очередь виною здесь изъяны духовного образования. В правление следующего императора Александра III 22 августа 1884 г. были утверждены новые уставы семинарий и духовных училищ. Они отменяли демократические начала в сфере образования. Сокращалось число членов семинарского правления, изменялся порядок их определения. Значительно возросла роль епископа. Новым уставом не предусматривались общие педагогические собрания правлений. Епархиальный архиерей имел право давать семинарским правлениям предложения не только для обсуждения, но и для их исполнения [39].

Общее направление реформ заключалось в том, чтобы административными мерами воздействовать на религиозность учащихся. Фактически, это последняя попытка примирения коллективистских начал религиозности, которые проявлялись в опеке государства над церковью и участием последней в социальных проектах властей, с индивидуализацией. Рассчитывали, что выраженная православная идентичность может соседствовать с коллективистским, то есть надличностным, характером религиозных норм. Проявилось это в мерах по усилению позиций церковного руководства. Можно также отметить и то, что усиление контроля епархиального руководства по отношению к сфере образования было важным этапом перехода к собственно церковному образованию. В Александровских демократических началах образовательного процесса присутствовал скорее дух социальных реформ, чем понимание необходимости привести образование в максимальное соответствие с представлениями о православной идентичности, в которой епископ отвечает перед богом за всю паству, а потому и должен иметь эффективные рычаги влияния на неё.

Привидение в большее соответствие с православной традицией системы образования затронуло, по аналогии, и женские училища. Ещё в 1880-х гг. был закрыт Комитет училищ девиц духовного ведомства, созданный при Минской духовной консистории [42]. В 1882 г. было установлено, что все служащие, кроме начальницы, утверждаются в должности епархиальным архиереем. Кандидатуру на должность начальницы утверждал Св. Синод по представлении епископа. Всего в империи в начале 1880-х гг. было создано 49 епархиальных женских училищ, в том числе два в белорусско-литовских епархиях.

Перемены Александра III, проявившиеся в усилении контроля, превратились в чрезмерную опеку. Это свидетельствовало об отсутствии самостоятельности епископата и не уменьшающемся внимании государства к вопросу духовного образования. Такая опека только препятствовала формированию индивидуализированной религиозности, поскольку снимала с человека личную ответственность за религиозную жизнь. Без неё индивидуализация в полной мере проявиться не могла, поскольку верующий, в конечном итоге понимал, что это не его выбор.

В 1883 г. Св. Синод предписал подвергать строгим наказаниям воспитанников, уклоняющихся от богослужения или ведущих себя на них неблагоговеино. В 1887 г. также предписывалось поступать в отношении тех, кто плохо занимался по церковному пению и чтению. 14 января 1884 г. вышел указ Сената о мерах к повышению религиозно-нравственного состояния. Там отмечалось, что в «семинариях и духовных училищах замечается во многих случаях слабое знакомство учеников с церковным уставом, с молитвами и песнопением и даже с церковно-славянским языком. Встречаются случаи уклонения учащихся от богослужения или неблагоговеино стояния при оном». От епископов требовалось разъяснить родителям необходимость воспитания детей в «христианском благочестии», «начальствующим лицам, так и всем воспитателям и наставникам в духовно-учебных заведениях одновременно ... внушать учащимся любовь и уважение к священнодействиям и уставам православной церкви», а также осуществлять в них строгий контроль над поведением воспитанников, проведением богослужений, «требовать от учеников особенно отчетливого изучения славянской грамматики» [43]. Здесь мы видим комплекс мер, который предполагался для повышения уровня религиозности среди учащихся. Он включал меры семейного, учебного и административного характера. Это максимум, что могла позволить себе церковь с точки зрения выработки индивидуализированной религиозности в обстоятельствах того времени. Очевидно, что этого было мало, поскольку ученик являлся не более чем объектом воздействия, без личной инициативы и возможности прогнозируемого развития собственного выбора.

В семинариях и училищах была изменена учебная программа. Так, в 1884 г. в Минской духовной семинарии прибавились новые учебные дисциплины: библейская история, сравнительное богословие, история и обличение раскола, обязательным предметом стало церковное пение, которому прежде не придавали большого значения. Вместе с усилением преподавания богословских предметов ослабло преподавание небогословских: классических и новых языков, математики, философии. Прежнее разделение семинарского курса на общеобразовательный и богословский упразднилось, и богословские предметы стали преподаваться с младших классов. Для содействия религиозно-нравственному воспитанию учащихся появилась специальная должность духовника [19]. Это показывает всё большую концентрацию образования на сугубо религиозных аспектах. Пение и должность духовника наиболее ярко показывают процесс индивидуализации, поскольку в максимальной степени были ориентированы на личностное, гармоничное и ответственное восприятие веры. Социальная составляющая постепенно уступала место церковно-корпоративной.

Перемены времён Александра III больше консолидировали клир, позволяя оперативно реагировать на вызовы времени и менее расплываться на около церковные задачи. Их можно оценивать как шаг в сторону автономии церкви в сфере образования, и очередной шаг в направлении индивидуализированной религиозности. Сохранение консервативных начал в качестве религиозной православной особенности можно было достигнуть

именно таким путём, укрепляя по вертикали авторитет архиерея и вслед за этим всего духовенства. Кроме этого, как ни парадоксально, консерватизм и опека позволяли церкви больше концентрироваться на церковном, а не на злободневных социальных вопросах. Однако минусом было то, что церковь по-прежнему привязывали к сохранению социальных начал. Поэтому те начинания, которые могли бы содействовать более успешной адаптации церкви, зачастую нивелировались необходимостью поддержания существовавшего строя и не способностью провести грань между религиозным и социально-политическим идеалом.

Своеобразным итогом векового развития системы профессионального православного образования стало то, что к концу XIX в. практически все священники в белорусско-литовских губерниях имели семинарскую подготовку. Так, если в 1877 г. в Могилёвской епархии из 477 священников духовные семинарии закончили 456 (из них 438 – богословский, 18 – философский курс), то в 1892 г. все священники епархии имели семинарское образование [39].

В условиях размывания сословного строя сохранение православной духовной корпорации всё больше основывалось на личном выборе, формируемом с детства в семьях духовенства. Впрочем, профессиональный выбор молодёжи был вписан в сословную структуру, поскольку касался семей духовенства, а не всех верующих. В этом заключалась амбивалентность ситуации, поскольку сословный характер, лежащий в основе профессионального определения, умолял значение индивидуального религиозного чувства как фактора самоопределения.

Семинарии являлись поставщиком законоучителей в народные училища при нехватке духовенства. В целом же необходимость духовного просвещения была первым и наиболее очевидным шагом в сфере индивидуализации религиозности, рассчитанной на широкие массы верующих, когда религиозное знание должно стать основой соответствующего поведения. Предполагалось ангажированность знания религиозным авторитетом и потому именно духовенство обязано преподавать в школах. Так, в народные училища при определении на должности учителей отмечалось, что лишь при невозможности священниками исполнять эти обязанности, можно приглашать кого-либо ещё [44].

Развитие образования стимулировало и общественную поддержку, которая за исключением финансовой стороны имела и религиозную, ибо содействовало выработке православной идентичности. В епархиях существовали благотворительные общества, ориентированные на образование. В частности, Минское общество пособия учащимся, насчитывавшее 502 члена, помогало училищу и семинарии [45].

Вместе с тем исследователи отмечают, что в конце XIX – начале XX в. духовное образование переживало кризис. Семинаристы не получали серьёзного представления о современном обществе. В семинариях не преподавались новейшие произведения русской и национальной литературы, отсутствовала передовая отечественная периодика. Более того, чтение не входящих в программу книг и статей преследовалось и признавалось «заразой». Однако это

было не более чем проявление необходимого процесса выделения собственно религиозного образования, поскольку для усиления религиозного выбора эти предметы не имели существенного значения. Это было проявлением кризиса общей системы положения православной церкви в империи как одного из гарантов социальных норм.

Совмещение в системе «училище – семинария» общего и богословско-пастырского образования приводило к тому, что ни одно из них удовлетворительно не решало поставленных задач. Семинарии не давали воспитанникам ни общего образования, которое не уступало бы по уровню светским средним учебным заведениям, ни достаточной подготовки и заинтересованности к выполнению обязанностей священнослужителя. Это отрицательно влияло и на учебный процесс, и на воспитательную систему. В то же время нараставшие в стране революционные настроения проникали и в среду духовных школ, оказывая на них разлагающее действие, что свидетельствовало о недостаточной индивидуализированной религиозности, поскольку даже в центрах подготовки духовенства выбор не всегда был в пользу церкви.

В силу того, что семинарии были специфической частью общей системы образования, то и социальные проблемы, характерные для общества того времени, сказывались на них. Это и политические, революционные идеи и стремление части учащихся добиться более равноправного статуса со светскими учебными заведениями и стремление к более достойному и справедливому учебному процессу как часть общей борьбы за права и свободы. Так, в 1899 г. по семинариям было разослано воззвание о забастовке с целью добиться права поступать в университеты. 1 июня 1899 г. последовал указ Св. Синода об усилении надзора за семинариями со стороны архиереев, также предлагалось «оказать воздействие на родителей учащихся и на начальников и на наставников семинарий». Указ Св. Синода от 27 января 1900 г. предполагал в случае возникновения волнений «срочно доносить телеграммами в Центральное управление духовно-учебного ведомства» [39]. В это время власти пытались путём усиления контроля сгладить проблемы существовавшей системы.

Однако проблемы нарастали. В декабре 1901 г. Св. Синод обратился с циркулярным письмом к епископам по поводу требований семинаристов «об уравнивании программ семинарского курса учения с таковыми же в светских учебных заведениях, дозволении поступать в университеты по окончании IV класса, отмене экзаменов, устранении монашествующих лиц от управления семинариями, изменения отношения к воспитанникам со стороны начальствующих и преподавателей и о необходимости для семинаристов хождения к богослужениям и соблюдения постов». В этом письме руководству и преподавателям предлагалось разъяснить «бедственные последствия беспорядков». Также предлагалось усилить контроль над дисциплиной. По просьбе К. П. Победоносцева МВД издало распоряжение о запрете «газетам и журналам печатать какие бы то ни было сведения и статьи о беспорядках в духовно-учебных заведениях» [46]. Примечательный факт изъятия из сферы модерной коммуникации событий, которые умоляли значение церкви как хранителя приемлемых абсолютизму домодерных социальных норм.

В начале XX в. оживленная полемика, разгоревшаяся по проблемам организации и устройства духовной школы в целом и по пересмотру академического устава в частности, не оставила равнодушными и белорусских приверженцев духовного образования. Тем более, что в 1904 г. из 7902 школ пяти белорусских губерний свыше 70 % составляли церковно-приходские школы. Основная масса их преподавателей склонялось к тому, чтобы духовная школа и ее система образования должны быть более гибкими, шире привлекать в учебном процессе достижения современной науки и культуры [47].

События первой русской революции существенно ускорили запрос на кардинальные перемены в системе духовного образования. В феврале 1905 г. многие семинарии были охвачены студенческими волнениями. 14 февраля 1905 г. в Минской духовной семинарии произошли беспорядки «с буйством и разгромом квартиры ректора и инспектора». В результате учеба приостановилась на три месяца, а значительная часть учеников была отчислена. Ревизия духовных училищ, в которых ситуация была спокойнее, проводившаяся осенью 1905 г., показала, что «общее состояние посредственно-удовлетворительно» [48].

Указ о веротерпимости и манифест 17 октября 1905 г. показали насущную необходимость концентрации образования на собственно религиозных предметах, так как социальная реальность в своих фундаментальных основах расходилась с идеей божественного предопределения общества. Она уже в большей степени основывалась на личном самоопределении человека. Посредством механизмов, способных влиять на такой выбор, и нужно было церкви искать место в общественном и индивидуальном сознании. В сфере же духовного образования требовалась максимальная концентрация на собственно религиозном образовании. Это было необходимо как для повышения профессионального уровня духовенства, так и потому, что расширение социальной коммуникации наглядно демонстрировало искусственность соединения в школе знания необходимого для активной общественной жизни с религиозным. Ведь первое не могло быть ангажировано религиозным авторитетом, поскольку его эффективное использование вообще не предполагает конфессиональную принадлежность.

Спустя несколько месяцев после выхода указа о веротерпимости в том же 1905 г. Св. Синод поднял вопрос о реформах церковного управления, духовного образования и богослужения. Иерархию беспокоило равнодушие к духовному званию, отток студентов в другие учебные заведения. Указывалось на перегруженность программ светскими предметами, распространение «ересей» [49]. В это время в белорусско-литовских епархиях начались массовые переходы из православия в католичество [50, с. 113]. Низкий уровень индивидуализации религиозности был чреват ростом общественной напряженности, проблемами в формировании современного социального пространства на территории Беларуси. Ведь только на её фундаменте можно было выработать конфессиональный консенсус. Вера, основанная на личном самоопределении нейтральна к церковным барьерам, поскольку при сотрудничестве не воспринимает вероисповедание другого человека как угрозу.

Согласно отчётам о состоянии духовных семинарий, было отмечено, что отсутствовали собеседования со старообрядцами и сектантами. Образовательные чтения велись в основном в духовных училищах. В Могилевской семинарии по воскресным дням проходили религиозно-нравственные чтения (из жизни святых) под руководством ректора и инспектора. Это позволяет заключить, что индивидуализирующее влияние на верующих со стороны церкви в начале XX в. было незначительным [51].

Вместе с тем, в семинарские программы ввели гигиену и начальную медицину [52]. Очевидно, что данные знания были необходимы духовенству, чтобы повышать авторитет в глазах паствы и быть максимально востребованными в насущных житейских вопросах. Здесь существенное отличие от мероприятий Николая I, поскольку в то время дополнительные знания использовались в целях социальной модернизации, теперь же они были ориентированы на потребности собственно духовенства.

Окончание революции не сняло запрос на реформу духовной школы. Деятельность в этом направлении продолжалась. Опасения семинаристов были высказаны на проходившем в Харькове 28–29 июня 1911 г. съезде делегатов от воспитанников Южных духовных семинарий. Он высказал опасения о работе Синодальной комиссии по реформе духовной школы «в виду тревожного и в высокой степени опасного характера предпринимаемой реформы духовной школы, грозящей искалечить всё духовное юношество через полное изгнание общеобразовательных наук как из семинарии ...». Отмечалось, что «затаенная цель» Св. Синода – отрезать семинаристов от поступления в какое бы то ни было светское высшее учебное заведение [53].

Обсуждаемая реформа свидетельствовала о том, что необходимость формирования нового, индивидуализированного типа религиозности, достаточно ясно понималась всеми ответственными иерархами российской церкви. Однако хорошего образования в этом направлении было мало. Требовалось духовенство, способное эффективно влиять на религиозность прихожан. Важной была деятельность на уровне прихода. Именно в этом причина отказа от светских предметов. Священник должен был поражать прихожан не своей образованностью, а умением совместить религиозный идеал с различными общественными явлениями, прежде всего, на уровне личной жизни. Сформировать устойчивую внутреннюю потребность в религиозном идеале независимо от жизненных обстоятельств и той среды, в которой оказался человек. Хорошего религиозного образования было мало. Для этого священник должен был обладать большей самостоятельностью в жизни прихода и набором различных практик, от образовательной, до богослужебной.

Таким образом, на протяжении конца XVIII – начала XX в. система профессионального духовного образования белорусско-литовских православных епархий прошла путь от своего фактического формирования к системе, ориентированной на подготовку хорошо образованного, с развитой православной идентичностью духовенства. Роль священника к концу рассматриваемого периода состояла не просто в том, чтобы быть духовным центром об-

щины, а в том, чтобы стать эффективным организатором религиозной жизни и её возобновления не только путём соблюдения традиций, но и посредством осознанного выбора каждым членом общины. Развитие индивидуализированной религиозности проходило в условиях господства её архаичной традиционалистской формы, в рамках надличностной сословной структуры общества. Наиболее эффективной сферой, позволявшей совместить оба типа религиозности, была сфера профессионального духовного образования.

В её эволюции можно выделить несколько этапов. Первый этап охватывал конец XVIII – первую четверть XIX в. В это время фактически была создана унифицированная система подготовки духовенства, изъятого из традиционной общинно-семейной среды, и, потенциально готового к восприятию стандартизированных религиозных норм в качестве основы собственных религиозных убеждений и переживаний. Не смотря на то, что во многом воспитание духовенства сохраняло свои традиционные черты, которые транслировались на уровне училищ и семинарий, тем не менее некоторая, всё расширяющаяся, часть духовенства шла в приходы с развитым уровнем православной идентичности.

Полноценное формирование православной идентичности как начальное звено индивидуализации религиозности (в её основе лежит чёткое позиционирование себя в координатах «свой – чужой», что и составляет сердцевину идентичности) приходится на второй этап, охватывавший 1830–1880-е гг. В эти годы была предпринята попытка демонстрации значимости православия посредством использования духовенства для некоторой модернизации общинной жизни. В 1860-х гг. от этой достаточно примитивной попытки отказались и перешли к формированию навыков у духовенства с целью более гибкого, посредством образования и личного примера развития православной идентичности в широких кругах прихожан. Симптоматичным явилось учреждение женского образования. Именно женщина, непосредственно не соприкасавшаяся с отправлением культа, была образцом православной идентичности и образа жизни в соответствии с православной традицией. В регионе выработка православной идентичности была особенно актуальной на фоне острого противостояния с католичеством в 1860–1870-х гг.

Третий этап охватывает конец XIX – начало XX в. в это время, на примере духовенства, можно наблюдать попытку перехода к развитой системе индивидуализированной религиозности. Мы видим стремление к отказу от светских предметов в образовательном процессе как излишних в пастырской деятельности. Концентрации усилий духовенства на организации приходской жизни. Это происходило на фоне легальных массовых переходов в католичество. Потребность выживания православных общин в условиях свободы совести предполагала полноценную индивидуализацию религиозности. Она выражалась не только в позиционировании себя как православных, но и в концептуальном восприятии общины не как данности, а как результата личного выбора, который позволял, вне зависимости от обстоятельств, места и времени воспроизводить православную жизнь. Однако естественное тече-

ние этого процесса было прервано Первой мировой войной и последовавшими на её фоне революционными событиями 1917 г.

Список использованных источников

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3020. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. Оп. 78. Д. 998.30. Л. 7–10 об., 11 об. – 23; 5, 23 об. – 25.
3. *Рункевич, С. Г.* История Минской архиепископии (1793–1832) / С. Г. Рункевич. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. – 623 с.
4. НИАБ. – Ф. 3021. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–11.
5. Полное собр. законов Рос. Империи (ПСЗРИ): собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXV. – С. 426–431.
6. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXVII. – С. 502–504.
7. *Восович, С. М.* Реализация реформы духовного образования начала XIX века в Беларуси [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.hramvsvr.by/7km4tenia_vosovi4.htm. – Дата доступа: 01.04.23
8. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXIV. – С. 814.
9. НИАБ. – Ф. 3021. Оп. 1. Д. 312а. Л. 3–5.
10. НИАБ. – Ф. 779. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–26 об.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 550. Д. F.XVIII.37. Л. 3 об, 11 об.
12. НИАБ – Ф. 3021. Оп. 1., Д. 4. Л. 117а.
13. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXVI. – С. 277–278.
14. ОР РНБ. – Ф. 550. Л. 20.
15. *Преображенский, И.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 / И. Преображенский. – СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1897. – 236 с.
16. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXVI. – С. 165.
17. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXVIII. – С. 194.
18. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 1630. Л. 2–56.
19. Краткая история Минской духовной семинарии [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/3204/7659/>. – Дата доступа: 20.04.23.
20. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. III, 1830. – С. 17.
21. ОР РНБ. – Ф. 690. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
22. РГИА. – Ф. 796. Оп. 108. Д. 1954. Л. 852, 852 об., 854–897.
23. *Сёмин, И. А.* Государственная политика в отношении православного приходского духовенства: 1825–1870-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 09.00.13 /

И. А. Сёмин / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2006. – 34 с.

24. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830–1884. – Т. IV, 1830. – С. 833–839.

25. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 11137. Л. 2–3.

26. *Глубоковский, Н. Н.* Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский (1863.11.11), его жизнь и деятельность / Н. Н. Глубоковский. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1914. – 558 с.

27. РГИА. – Ф. 796. Оп. 113. Д. 95а. Л. 1–4, 36–37.

28. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 34319. Л. 1.

29. История Витебской духовной семинарии [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://vitds.by/>. – Дата доступа: 09.04.23.

30. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. Канц., 1830–1884. – Т. XIV, ч. I, 1840. – С. 179–183.

31. РГИА. – Ф. 1661. Оп. 1. Д. 676. Л. 1–3, 4.

32. Извлечение из отчёта по ведомству духовных дел православного исповедания за 1850 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1851. – 151 с.

33. РГИА. – Ф. 1661. Оп. 1. Д. 685. Л. 1, 2, 2 об.

34. *Васович С. М.* Учебные заведения православного духовного ведомства в Беларуси. Конец XVIII – 1914 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. М. Васович; Инст. ист. НАН Беларуси – Минск., 2003. – 22 с.

35. РГИА. – Ф. 802. Оп. 8. Д. 23945. Л. 1.

36. РГИА. – Ф. 802. Оп. 8. Д. 27032. Л. 1, 2–5.

37. РГИА. – Ф. 802. Оп. 8. Д. 28933. Л. 1–5.

38. РГИА. – Ф. 802. Оп. 8. Д. 29875. Л. 1–3, 4.

39. *Яновская, В. В.* Учебные заведения православного духовного ведомства в Беларуси в 60 – е гг. XIX в. – 1914 г. [Электронный ресурс] / В. В. Яновская, С. М. Восович, // Режим доступа: <https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/6501/60-64>. – Дата доступа: 07.04.23.

40. РГИА. – Ф. 908. Оп. 1. Д. 455. Л. 1.

41. *Попеленко, Е. С.* Женские духовные училища Полоцкой епархии – сокровищница христианских ценностей и школа воспитания духа. [Электронный ресурс] / Е. С. Попеленко // Режим доступа: https://psyjournals.ru/langpsy/2015/n4/Popelenko_full.shtml. – Дата доступа: 04.04.23

42. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 35663. Л. 2 об., 3.

43. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 35870. Л. 8, 8 об.

44. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 34319. Л. 3–4.

45. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 6472. Л. 43 об.

46. РГИА. – Ф. 802. Оп. 16. Д. 196. Л. 4–11 об.

47. Из истории православного духовного образования в Беларуси [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://minds.by/zhurnal-stupeni/arhiv-nomerov-za-2005-god/stupeni-2-18-turovskaya-eparhiya-put-dlinnoyu-v-ty-syachu-let/iz-istorii-pravoslavnogo-duhovnogo-obrazovaniya-v-belarusi#>. – Дата доступа: 06.03.23.

48. РГИА. – Ф. 796. Оп. 186. Д. 431. Л. 2, 2 об.

49. Хотеев, А. Белорусские архиереи о церковной реформе. [Электронный ресурс] / А. Хотеев // Режим доступа: http://www.hramvsvr.by/hoteev_bel_arch.htm. – Дата доступа: 07.03.23.

50. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / пад рэд. У. І. Навіцкага [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

51. РГИА. – Ф. 796. Оп. 186. Д. 372. Л. 24–26 об.

52. РГИА. – Ф. 796. Оп. 186. Д. 459. Л. 1–3.

53. РГИА. – Ф. 802. Оп. 16. Д. 196. Л. 28.

(Дата поступления: 15.06.2023).

**ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ
В КОНЦЕ XIX в. – 1906 г.**

Лисовская Т. В.

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В статье представлен анализ государственно-конфессиональных отношений на белорусских землях в период Российской империи с конца XIX в. до 1906 г. Автором отмечено, что на протяжении XIX в. государственно-конфессиональные отношения формировались на основе принципа супрематии государства, наличием статуса «первенствующей и господствующей» Русской православной церкви, сращиванием ее церковного и государственного аппарата управления, монополизмом религиозного мировоззрения и отсутствием возможности внеконфессионального состояния граждан, ограничением в публичной сфере прав и свобод иных вероисповеданий. Принятые в 1905–1906 гг. в период революционной ситуации законодательные акты хотя и расширили религиозные права и свободы неправославного населения, однако не смогли кардинально изменить систему государственно-конфессиональных отношений.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения; религиозная политика; религиозные права; Российская империя; Беларусь.

**STATE-RELIGIOUS RELATIONS
IN THE BELARUSIAN LANDS AT THE END
OF THE 19TH CENTURY UNTIL 1906**

Lisouskaya T. V.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article presents an analysis of state-confessional relations in the Belarussian lands during the period of the Russian Empire from the end of the 19th century to the end of the 19th century until 1905. The author noted that during the 19th century, state-confessional relations were formed on the basis of the principle of supremacy of the state, the presence of the status of the “primary and dominant” Russian Orthodox Church, the merging of its church and state administrative apparatus, the monopoly of the religious worldview and the lack of the possibility of a non-confessional state of citizens, the restriction in the public sphere of the rights and freedoms of other religions. Legislative acts, adopted in 1905–1906 in the wake of the revolutionary situation of 1903–1905, expanded the religious rights and freedoms of the non-orthodox population, however, could not radically change the system of state-confessional relations.

Keywords: State-confessional relations; religious policy; religious rights; Russian Empire, Belarus.

Государственно-конфессиональные отношения являются одной из характерных черт, определяющих общественные отношения. С одной стороны, они формируются на основе исторических и национальных традиций и отражают мировоззренческие основы общества, с другой – являются результатом целенаправленной политики государства, обеспечивающей реализацию конкретных политических концепций. Общественно-политическое развитие Российской Империи и входящих в ее состав белорусских земель в XIX – начале XX в. актуализировало вопросы преобразования государственной системы, в том числе изменений системы государственно-конфессиональных отношений. В свете развития общественно-религиозной ситуации на белорусских землях, сложных межрелигиозных отношений, диверсификации конфессиональной структуры и появления во второй половине XIX в. новых религиозных акторов (штундистов, баптистов, адвентистов и др.) актуальным является вопрос адаптации конфессиональной политики Российской империи к новым общественно-религиозным условиям.

Целью данной статьи является определение тенденций развития и трансформации государственно-конфессиональных отношений в Российской империи в конце XIX – 1905 г. на основе факторов взаимодействия государственных и церковных институтов, правового статуса религиозных организаций в общественно-политическом пространстве, возможности реализации свободы вероисповедания в индивидуальном и коллективном измерениях.

Система государственно-конфессиональных отношений в конце XIX в. – 1903 г.

Государственно-конфессиональные отношения на белорусских землях в конце XIX – начале XX в. выстраивались с учетом сложных политических и национально-религиозных задач, что определило высокую значимость их закрепления и реализации. Прежде всего следует отметить, что основным принципом государственно-конфессиональных отношений в Российской империи был принцип взаимодействия государства с церковью, прежде всего с православной.

Тесная связь государства и церковных институтов, а также исключительный статус православной церкви были законодательно закреплены в Своде законов Российской империи в 1835 г. Статьи 40–46 Свода законов (в редакции 1892 г.) декларировали статус православной церкви как «Первенствующей и господствующей в Российской Империи веры». Данный статус определял ее слияние с государством в политической сфере посредством исключительной принадлежности российского монарха к православной церкви, а также посредством сакрализации власти императора чином миропомазания на престол. В свою очередь, Император, как глава церкви, брал на себя обязательства по защите интересов, учения и внутренней чистоты православной церкви: «Император, яко христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоты и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле Император в акте о наследии престола именуется Главою Церкви» [1].

Тесное взаимодействие государства с церковными институтами обеспечивалось также за счет встраивания церкви как общественного института в государственный аппарат управления: на церковные институты был возложен ряд административных функций (общественное просвещение, регистрация актов гражданского состояния). При этом православная церковь зачастую выступала как судебная и отчасти законодательная инстанция [2, с. 10], а также она имела право исключительной деятельности в общественно-политическом пространстве – в качестве государственных были признаны основные церковные православные праздники, духовенство привлекалось к официальному участию в важных государственных и общественных событиях (коронавание, благодарственные молебны, открытие государственных учреждений).

При этом субъекты государственно-конфессиональных отношений не были равны. Государство имело верховенство в отношениях с церковными институтами – была создана система управления, в которой именно государство осуществляло контроль и управление всеми религиозными организациями, включая православную церковь. Так, высшим органом управления православной церковью являлся утвержденный в 1721 г. Святейший правительствующий Синод [3, с. 30–33]. Несомненно, Священный синод как высший орган управления господствующей церкви был относительно самостоятелен во внутренних духовных вопросах и внутренними церковными делами управляли духовные лица (члены духовных консисторий или епархиальных управлений). Но в то же время многие вопросы религиозной деятельности находились в ведении светских властей – утверждение епископов, открытие кафедр, назначение архиереев и т. д. Священный синод имел право издания указов, обязательных для выполнения всем православным духовенством, право назначения новых праздников и обрядов, канонизации святых [2, с. 11]. Инославные и иноверные исповедания контролировались Управлением (с 1810 г.), а затем Департаментом духовных дел иностранных вероисповеданий (с 1832 г.) при Министерстве внутренних дел. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий издавал законопроекты, распоряжался назначением и утверждением членов Римско-католической коллегии, католических прелатов, руководителей протестантских консисторий и мусульманских духовных правлений, в его распоряжении находились вопросы открытия католических епархий и приходов [4], контролировал вопросы финансирования, доходов и расходов организаций, распоряжался постройкой и ремонтом культовых зданий, а также имел право установления праздничных дней для инославия и т. д. [5, с. 420]. Данные учреждения были частью государственного аппарата Российской империи, в частности, контроль за деятельностью Синода осуществлял обер-прокурор Священного синода, который имел статус министра и был официальным представителем императора.

Как мы видим, основой сформированной системы государственно-конфессиональных отношений Российской империи стал принцип цезарепапизма [6, с. 34], который предполагает не только тесную взаимосвязь государства и церкви на основе взаимных интересов, но и супремацию государства

в отношениях с религиозными акторами посредством института контроля. Православная церковь в данном случае стала одним из инструментов власти, которым государство управляло, представляя ей определенные преференции [7, с. 53], прежде всего, предоставляя ей право первенства и господства в религиозной сфере.

В связи с этим отношение российского государства к неправославным исповеданиям определялось, исходя из необходимости обеспечения приоритета православной церкви в рамках реализации государством своей функции «блюстителя правоверия» и политической ситуации. Так, неправославные вероисповедания дифференцировались на основании вероисповедной близости к православию, «вредности» или «полезности» вероучения и значимости с точки зрения государственно-политических интересов на покровительствуемые (римско-католическое, евангелическо-лютеранское, евангелическо-реформатское, армяно-григорианское исповедания, иудаизм, ислам и буддизм), дозволенные (баптисты, в соответствии с Законом от 27 марта 1879 г., меннониты и гернгутеры с 1883 г.), терпимые (общины англикан, методистов, членов Армии спасения и др.) и недозволенные (скопцы [8, с. 102], штундисты с 1892 г. и др.) вероисповедания.

Разный статус религиозных конфессий и организаций определял разный объем их полномочий и возможностей реализации свободы совести их приверженцев. Так, покровительствуемые вероисповедания имели право организации публичных богослужений, право воспитания детей в соответствии со своими религиозными убеждениями, а также (по согласованию с Департаментом духовных дел иностранных исповеданий) могли учреждать собственные конфессиональные структуры, религиозные образовательные учреждения, возводить культовые здания, приобретать и распоряжаться недвижимостью. Ограниченными правами обладали дозволенные и терпимые вероисповедания, основные права которых были очерчены исключительно в сфере реализации индивидуальных прав верующих. Недозволенные религиозные общества именовались «изуверными», запрещались и преследовались законом «в виду вредности и опасности для государства и народа».

Одним из значимых ограничений в правах всех неправославных вероисповеданий было ограничение их деятельности в публичном пространстве. Так, после восстания 1861–1863 гг. были введены ограничения для римско-католического костела: запрещены крестные ходы и процессии вне костела, открытое ношение Святых Даров, установка крестов на дорогах и в населенных пунктах без разрешения администрации. Также был наложен запрет на привлечение православных граждан к участию в культовой деятельности инославных вероисповеданий. Священнослужители, допустившие православных к обрядам своей религии, отстранялись от богослужений на срок от 6 месяцев до 1 года (ч. 1 ст. 193 Уложения 1885 г.) [9], а при неоднократном действии – лишались сана и попадали под надзор полиции [10, л. 43]. Так, весной 1909 г. встал вопрос о возбуждении уголовного преследования в отношении настоятеля Мозырского костела за совершение венчания над православной прихожанкой Ю. А. Кольчат с римо-католиком Ю. Леосевичем [10, л. 4–5].

В рамках защиты православной веры и паствы инославным и иноверным вероисповеданиям запрещалась миссионерская деятельность и распространение вероучения, что трактовалось как совращение православных [11]. Устав Департамента иностранных вероисповеданий устанавливал в ст. 104: «Те же правила терпимости, которые сохраняют правительство, обязывают всякую духовную власть и всякое частное лицо иностранного христианского или иноверного исповедания не прикасаться в делах духовных к убеждению совести последователей других вер» [12]. Причем Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. предусматривало наказание за совращение в любое иностранное вероисповедание (для белорусских земель особенно остро стоял вопрос переходов в католицизм), а также в отделившиеся от Православной церкви ереси и расколы (старообрядчество и др.) и иные секты – молоканство, штундизм, баптизм и др. (ст. 196) [9, с. 21]. Так, в 1887 г. крестьяне-штундисты Гомельского уезда Могилевской губернии П. Е. Пискунов и Л. М. Пехтерев в разговоре с односельчанином высказались против крещения младенцев, крестного знамения, икон («доски, которые рисуют маляры для заработка»), сказали, что штундистское учение лучше православного, так как оно «запрещает пить водку, сквернословить, поучает помогать друг другу», а «православные Священники обижают прихожан налогами». За хулу против православной церкви и соблазнение православных христиан в штундистскую ересь они были осуждены на основании ч. 1 и 3 ст. 196 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных: Л. М. Пехтерев после возвращения в лоно православной церкви был освобождён и взят под особый надзор полиции, а П. Е. Пискунов, был лишён всех прав состояния и сослан на поселение в Закавказье [13, л. 2–5, 42, 55].

Регламентация религиозной жизни верующих белорусских земель в Российской империи затронула также вопросы частной веры – свободы совести и вероисповедания в индивидуальном порядке. Во-первых, российское законодательство ограничивало возможности свободного выбора исповедания – отсутствовал вневероисповедный статус гражданина, а система религиозной метрикации обязывала граждан вбирать вероисповедание, без чего гражданские права могли быть ограничены. Кроме того, членами главенствующей церкви были по-сути «закреплены» в православной церкви без права на выход. Статья 38 Свода законов 1879 г. запрещала выход из православной церкви верующим «Как рожденным в Православной вере, также и обратившимся к ней из других вер запрещается отступать от веры и принимать новую веру, хотя бы то и христианскую» [11]. Так, в 1884 г. Минская духовная консистория предъявила обвинение крещенному еврею Я. Ц. Розенталю в переходе из православия в иудаизм [14, л. 7]. Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. в отношении совращённых лиц уголовное преследование не предусматривалось, но они в обязательном порядке отсылались к духовному начальству «прежнего вероисповедания» (православному) для «увещевания, вразумления их и поступления с ними по правилам церковным» (ст. 185, 188), а имение передается под опеку [9, с. 21]. Согласно Указа Полоцкой духовной консистории «назидания и увещания должны

производиться над совратившимися без отвлечения их от места их жительства и от обыкновенных их трудов и занятий» [15, л. 24]. Во-вторых, защита православной веры регламентировала отдельные вопросы исповедания веры. К примеру, брак между римо-католиком и православным прихожанином допускался только венчанием в православной церкви. Крещение детей в смешанных браках допускалось исключительно по православному обряду. За нарушение данного предписания священнослужители преследовались на основании ч. 1 ст. 193 Уложения 1885 г. [9; 16].

Как мы видим, созданная система государственно-конфессиональных отношений характеризовалась идеологическим монополизмом религиозного мировоззрения. Свобода совести и вероисповедания граждан хотя и закреплялась в российском законодательстве как право личности, но была значительно ограничена. Кроме того, государство стремилось оградить православие как господствующую церковь от посягательств на паству и сохранить идеологический монополизм православной церкви в Российской империи. Разный статус правовой православных и неправославных вероисповеданий, контроль государства за культовой и внекультовой деятельностью неправославных вероисповеданий, вытеснение их из публично-правового пространства, а также регламентация сферы и субъектов культовой деятельности при проведении венчаний, крещений и иных таинств и культовых практик в значительной степени сужала сферу деятельности неправославных вероисповеданий. Как результат, религиозная сфера общества была центрирована вокруг православной церкви, неправославные вероисповедания вытеснялись на периферию общественно-религиозной сферы за счет ограничения в правах, высокой зависимости от решения органов государственного управления.

Либерализация религиозного законодательства в 1903–1906 гг.

Вопросы реформирования государственно-конфессиональных отношений и изменения религиозной политики поднимались в общественно-политическом дискурсе Российской империи еще с 1890-х гг., однако активная фаза обсуждений и изменений была связана с общей тенденцией либерализации накануне и во время Первой русской революции.

На волне политической трансформации российского государства, вопрос свободы совести и вероисповедания стал надпартийным вопросом, который обсуждался во всех политических кругах [17, с. 165], а также как среди инославных вероисповеданий, в старообрядческих, «сектантски» кругах, так и внутри православной церкви [18, с. 9]. Так, 8 января 1905 г. в Министерство внутренних дел была подана «Краткая записка о возникновении, развитии и о настоящем положении евангельского движения в России и о нуждах русских евангельских христиан (известных в общечитии под разными народными кличками: пашковцев, баптистов, новомолюкан и т. п.)» от имени евангельского движения России [19, с. 127].

Первым документом в ряду законодательных актов, направленных на реформирование государственно-конфессиональных отношений стал Манифест Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государствен-

ного порядка» от 26 февраля 1903 г. [20, с. 140], в котором содержалась норма «свободного отправления их веры и богослужения по обрядам оной» всем последователям инославных и иноверных исповеданий. Статус православной церкви как главенствующей и первенствующей сохранялся, как и обязательство государства соблюдения данного принципа.

Вслед за данным Указом последовал Именной Высочайший указ Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» 2 декабря 1904 г. [20, с. 141]. Важность преобразований в сфере государственно-религиозных отношений подчеркивает тот факт, что Указ был подготовлен на основе переданной министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому резолюции Первого съезда земских и городских деятелей 6–8 ноября 1904 г., который содержал требование свободы совести [21, с. 376, 380, 381, 395]. Пункт 6 Указа поручал Комитету министров «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего ныне же в административном порядке принять соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» [22, с. 3–6].

Кардинальные изменения в вопросе расширения прав инославных вероисповеданий были введены Именным Высочайшим Указом Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. [23], основной идеей которого стало закрепление нового правового статуса религиозных меньшинств и предоставление права перехода в иное вероисповедание из православия. Детально правовые основы деятельности, методы легализации религиозных меньшинств регламентировал Именной Высочайший Указ от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действий старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» [20, с. 152].

Данные документы, привели, во-первых, к расширению свободы совести и вероисповедания приверженцев неправославных вероисповеданий. Указ 1905 г. декларировал, что «...отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий» [23]. Легализация свободного выбора веры привела к активным переходам из православия в инославие [24, с. 1], освобождению и возвращению осужденных за религиозную деятельность из ссылки [25]. Как отмечает епископ Минский и Туровский, после издания Указа «Об укреплении начал веротерпимости» только до конца 1905 г. в католицизм перешло 12 901 человек [26, л. 368].

Во-вторых, документы легализовали деятельность инославия, прежде всего, сект, отпавших от православия, и старообрядчества. Указ 1906 г. закреплял возможность свободного отправления религиозных обрядов, право выбора духовных лиц, строительства молитвенных домов, учреждения школ и религиозных заведений, приобретения и распоряжения имуществом и другие правомочия, хотя и продолжал сохраняться контроль

со стороны местных властей. Кроме того, при регулировании обрядовой и религиозно-административной деятельности старообрядцев и сектантов стали применяться правила для инославных вероисповеданий: устройство молитвенных домов (п. 8), заключение браков (п. 11), духовным лицам присваивался статус «настоятелей и наставников» и они приобретали права духовных лиц, включая право освобождения от воинской службы (п. 9) [20, с. 152–154]. Расширение принципа веротерпимости затронуло также и ламаитов, находящихся в статусе «вредных» сект, приравненных ранее к идо-лопоклонникам и язычникам (п. 16) [23].

Как мы видим, данные законодательные акты привели к расширению правомочий неправославных вероисповеданий, введению их в публичное пространство, легализовали деятельность религиозных меньшинств, находящихся в статусе «терпимых», старообрядцы и сектанты были практически уравнены в правах с инославными вероисповеданиями. Возможность легализации старообрядческих и сектантских общин привела к активизации деятельности евангельских движений и регистрации евангельских общин на территории белорусских губерний: в 1905 г. основана община баптистов в Пружанах [28, л. 13], в 1913 г. был открыт молитвенный дом адвентистов седьмого дня в Минске [28, л. 15, 64].

Вместе с тем либеральным религиозным реформам 1903–1906 гг. была свойственна двойственность. Так, право свободного выхода из православного вероисповедания было дополнено Положением комитета министров «Правила для перехода лиц, числящихся православными, в инославные христианские исповедания и вероучения», разосланным 18 августа 1905 г. по губерниям [29, с. 112]. Правила определяли процедуру перехода в инославное вероисповедания через разрешение губернатора после расследования причин перехода и «увещания» православным духовенством [30, л. 35, 37, 63]. Например, в 1914 г. при рассмотрении дела о переходе из православной церкви в адвентизм крестьянина г. Витебска настоятель Витебской Петро-Павловской церкви посчитал, что в переходе есть материальная заинтересованность, и не выдал разрешения на переход [31, л. 294].

Также, хотя были значительно расширены правомочия неправославных исповеданий и из Уголовного уложения 1903 г. исключено наказание за миссионерскую деятельность, было оставлено в силе наказание за подстрекательство к переходу из православия в иное христианское вероисповедание с использованием методов принуждения, обещания выгод или обмана. Причем, в качестве приготовления к соращению рассматривались публичная проповедь или беседа, побуждавшая православных к отпадению от православия и переходу в иное вероисповедание, независимо от результата, а также совершение религиозных обрядов в отношении детей православного вероисповедания до 14 лет (ст. 88–89 Уголовного уложения 1903 г.) [25, с. 19]. Так, при крещении большого ребенка православной М. Островской и римо-католика К. Островского ксендзом д. Мышь А. Ганичем было начато расследование о соращении и нарушении законодательства [33]. Эти нормы по сути были лазейкой, позволяющей ограничить публичную деятельность и препятству-

ющей распространению неправославных исповеданий, так как расширение влияния как католицизма, так и развитие поздних протестантских вероисповеданий (сект) в белорусских губерниях в первой половине XX в. проходило преимущественно на основе православного населения. Как отмечает епископ Минский и Туровский в 1909 г. все «особо вредные» в деле совращения православных и нарушения законодательства римско-католические ксендзы были высланы за пределы епархии [26, л. 367–368].

Как мы видим, несмотря на либерализацию законодательных норм в 1903–1906 гг., формальное расширение веротерпимости в отношении неправославных вероисповеданий, изменения их правового статуса и расширения правомочий, государство не решилось на изменение ключевых подходов в государственно-конфессиональных отношениях. Государство по-прежнему сохранило верховенство в отношениях с церковными институтами, новые нормы при расширении полномочий религиозных организаций предполагали разрешительный принцип, который приводил к многочисленным фактам администрирования, что создавало препятствия для свободной деятельности религиозных меньшинств. Так, община баптистов д. Уть Гомельского уезда Могилевской губернии, которая существовала с 80-х гг. XIX в., была зарегистрирована только в 1908 г. [34, л. 15]. Кроме того, в российском законодательстве были сохранены в силе охранительные обязательства государства в отношении православной церкви, особенно в вопросах отвлечения последователей в иные вероисповедания для сохранения социальной базы православия и ее доминирующего положения в обществе.

Концепция государственно-конфессиональных отношений российского государства на белорусских землях формировались исходя из задачи создания идеологически моногамного мировоззрения граждан на всей территории многонациональной страны, политической задачи обеспечения национальной безопасности путем снижения возможности деятельности в публичном пространстве национально-религиозных акторов. Реализация данных задач была возможна при условии верховенства государства в системе государственно-конфессиональных отношений. Православие, выступая в качестве одного из основных компонентов идеологической триады «Православие – самодержавие – народность», являлось инструментом достижения данных задач. В связи с этим государственно-конфессиональные отношения периода конца XIX – начала XX в. были построены на основе концепции религиозного (конфессионального) государства, ключевыми принципами которых в этот период стали:

- верховенство государства в религиозной сфере, через систему управления и контроля за деятельностью вероисповеданий и регламентирование религиозного самоопределения граждан;
- тесная связь государства с православной церковью, которая занимала привилегированное место в религиозно-правовом пространстве и стала частью государственного политико-административного аппарата, выполняя административные, а в некоторых вопросах и судебные функции;

- идеологический монополизм православной церкви в обществе, который обеспечивался за счет ограничения правомочий инославных и иноверных вероисповеданий в публичной сфере правовыми и административными средствами, ограничением права свободного самоопределения для сохранения социальной основы господствующей церкви;

- ранжирование правового положения неправославных вероисповеданий в зависимости от степени вероисповедной близости к православию, «вредности» или «полезности» вероучения и значимости с точки зрения государственно-политических интересов и значимости вероисповедания и народа, его исповедующего, что приводило к нереализации принципа равенства конфессий, свободы совести граждан и приводило к проявлениям дискриминации в отношении иноверцев.

Демократические изменения в государственно-конфессиональных отношениях периода 1903–1906 гг. были вызваны не внутренними трансформациями системы, а внешними причинами – обострением общественно-политической ситуации и необходимостью сохранения государственной системы. Принятые законодательные акты формально расширили сферу свободы совести и вероисповедания граждан, легализовали деятельность отдельных религиозных меньшинств (старобрядчество, штундизм, баптизм, ламаизм и др.).

Однако законодательные и административные мероприятия в рамках религиозных реформ 1903–1906 гг. не привели к кардинальному изменению системы государственно-религиозных отношений, построенной на модели религиозного государства. Созданная мощная система государственно-правового регулирования продолжала реализовать принцип супрематии государства над религиозными институтами, включая идеологическую и социальную опору государства – православную церковь. Религиозная свобода инославных вероисповеданий и иных религиозных меньшинств во многих вопросах осталась нереализованной по причине сохранения принципа ранжирования вероисповеданий, статуса господствующей и первенствующей православной церкви и охранительных обязательств государства в отношении ее, и незаконченности религиозной реформы, отсутствия административных мер реализации декларируемых принципов.

Список использованных источников

1. Свод Законов Российской империи. – СПб., 1892. – Т. 1. – Ч. 1.
2. Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов / сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 558 с.
3. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания. – СПб., 1879. – Т. 1: 1721 г. – 488 с.
4. Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 11. – Ч. 1. – 266 с.
5. Арапов, Д. Ю. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий / Д. Ю. Арапов, В. П. Пономарев. – ПЭ, 2006. – Т. XIV. – С. 420–424.

6. Сафонов, А. А. Государство и церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений / А. А. Сафонов // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. – М.: Изд-во Рос. гос. торгово-эконом. ун-та (РГТЭУ), 2011 – С. 28–40.

7. Pietrzak, M. Prawo wyznaniowe / M. Pietrzak. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1995. – 298 s.

8. Терюкова, А. Понятие сектантства в российском вероисповедном законодательстве начала XX в. / А. Терюкова. – Вестник СПбГУ. Сер. 17. – 2013. – Вып. 4. – С. 102–106.

9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г. / Издано проф. Имп. Училища правоведения Н. С. Таганцевым. – 5-е изд., доп. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1886. – 714 с.

10. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36705.

11. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: С разъяснениями по решениям кассац. деп. Правительствующего Сената. – Москва: Тип. Ф. Б. Миллера, 1879. – [3], III. – 152 с. [Электронный ресурс] / Президентская Библиотека имени Б. Н. Ельцина. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/459983>. – Дата доступа: 12.03.2023 г.

12. Устав Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий Дополненный и измененный по продолжениям 1863, 1864, 1808, 1869 и 1871 гг. с разъяснениями по уложению о наказаниях изд. 1866 г. – 1872 г.

13. НИАБ. – Ф. 2131. Оп. 1. Д. 25.

14. НИАБ. – Ф. 193. Оп. 1. Д. 221.

15. НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 47.

16. НИАБ. – Ф. 193. Оп. 1. Д. 367.

17. Никольская, Т. Русский протестантизм на этапе утверждения легализации (1905–1917 гг.) / Т. Никольская // Богословские рассуждения. – № 4, 2004. – С. 165.

18. Бендин, А. Ю. Свобода совести или веротерпимость?: полемика в российской печати (начало XX в.) / А. Ю. Бендин // Новый исторический вестник – № 24. – 2010. – С. 5–14.

19. Проханов, И. С. В котле России: Автобиограф. с изложением основных фактов движения евангельских христиан в России / И. С. Проханов. – Chicago: Всемир. союз евангел. христиан, 1992. – 263 с.

20. История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах: пособие: в 4 ч. – Ч. 3: Со второй половины ХУІІІ в. до октября 1917 г. / авт. сост.: В. В. Старостенко, Э. В. Старостенко. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 260 с.

21. Леонтович, В. В. История либерализма в России. 1762–1914 / В. В. Леонтович. – М., 1995. – 444 с.

22. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России,

с приложением алфавитного предметного указателя. – 3-е изд., пересм. и доп. по 1 сентября 1908 года / под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. – СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909. – С. 3–6 [Электронный ресурс] / Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/411766>. – Дата доступа: 15.12.2022.

23. Именной Высочайший Указ «Об укреплении начал веротерпимости» / Полное собрание законов Российской Империи. 3-е собр. – Т. 25 (1905). – СПб., 1908.

24. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 37171.

25. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1905. – 2 июля. № 117. – Отдел 1. – Ст. 1035

26. НИАБ. – Ф. 136. Оп. Д. 35812.

27. Государственный архив Брестской области. – Ф. 1. Оп. 2. Д. 1065.

28. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 8462.

29. *Наградов, И. С.* Взаимоотношения старообрядцев, российского правительства и синодальной церкви в 1905–1917 годах / *И. С. Наградов* // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 2. – С. 111–114

30. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 8462.

31. НИАБ. – Ф. 1430 Оп. 1. Д. 48596.

32. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 2. Д. 139.

33. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36705.

(Дата поступления: 23.05.2023).

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
МЕСТНОГО ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ
ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В 1812 Г.**

Хованский А. В.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно,
Беларусь

В статье анализируется организация местного военного управления в белорусских губерниях накануне и в годы войны 1812 г. в условиях действия в регионе военного положения. Рассматривается и характеризуется законодательство Российской империи в области устройства местного военного управления и особенности его реализации на территории Беларуси в условиях войны 1812 г. В результате установлено, что в 1812 г. на белорусских землях сложилась особая организация военно-политического управления с определенными механизмами и широкими полномочиями должностных лиц по сравнению с внутренними губерниями Российской империи. Главным ее недостатком являлось отсутствие точного разграничения прав и обязанностей отдельных органов и управлений.

Ключевые слова: Российская империя; белорусские земли; местное военное управление; военное положение.

**FEATURES OF THE ORGANIZATION
OF LOCAL MILITARY ADMINISTRATION IN THE
BELARUSIAN LANDS UNDER MARTIAL LAW IN 1812**

Khavanski A. V.

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

The article analyzes the organization of local military administration in the Belarusian provinces on the eve and during the war of 1812 under martial law in the region. The legislation of the Russian Empire in the field of local military administration and the peculiarities of its implementation on the territory of Belarus in the conditions of the war of 1812 are considered and characterized. officials in comparison with the internal provinces of the Russian Empire. Its main drawback was the lack of a precise delimitation of the rights and duties of individual bodies and departments.

Keywords: Russian empire; Belarusian lands; local military administration; martial law.

Происходящие на европейском континенте геополитические изменения оказывают существенное влияние на региональную политику безопасности. Наличие острых противоречий между интересами государств практически

во всех сферах их отношений демонстрирует необходимость усиления сложившейся системы противодействия различным угрозам и вызовам. В условиях возрастающей военно-политической напряженности изучение опыта работы органов государственного управления Российской империи в момент действия режима военного положения становится особенно актуальным.

В отечественной историографии проблемы функционирования органов военного управления на белорусских землях в условиях действия военного положения в начале 1810-х гг. не стали предметом специального изучения. В опубликованных работах сведения об устройстве органов власти в белорусских губерниях в особый правовой период весьма кратки и, как правило, приводятся в контексте рассмотрения других вопросов. Среди них наибольший интерес представляет статья белорусского историка А. М. Лукашевича «Военное становішча ў Беларусі ў 1812 г.», непосредственно посвященная некоторым аспектам реализации российскими руководящими кругами правовых, организационных, политических и военных мероприятий, направленных на обеспечение режима военного положения в регионе накануне войны 1812 г. [1, с. 181–193]. Комплекс вопросов, связанных с объявлением военного положения в западном регионе Беларуси накануне войны 1812 г., рассматривается в труде белорусских ученых В. В. Шведа и С. В. Данских [2, с. 39–66].

Военное положение, традиционно определяется как особый правовой режим в стране или отдельной ее части, устанавливаемый решением высшего органа власти при исключительных обстоятельствах (в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии). Выражается в расширении полномочий военных властей, возложении на граждан ряда дополнительных обязанностей и введении определенных ограничений [3, с. 51].

В XIX в. в Российской империи в указанный термин вкладывался несколько иной смысл. Так, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона категория «военное положение» определяется весьма узко как положение, которое может быть объявлено в приграничных областях или городах для поддержания порядка в которых необходимыми «особые строгие меры» [4, с. 849]. Определение, содержащееся в военной энциклопедии под редакцией В. Ф. Новицкого, трактует военное положение как «совокупность исключительных мер, применяемых в какой-либо части государства при чрезвычайных условиях внешней или внутренней опасности, как-то, нашествии неприятеля или народных волнениях, когда обычные полномочия органов управления оказываются недостаточными для обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия» [5, с. 492].

Термин «военное положение» в Российской империи впервые был введен в оборот 13 марта 1812 г. указом императора Александра I «О правилах для управления Главнокомандующему действующей армией губерниями, в военном положении объявленными» [6, с. 228]. В соответствии с документом, решением императора в приграничных губерниях могло вводиться военное положение. С его объявлением главнокомандующий армией получал фактически неограниченные полномочия в части, касавшейся обеспечения внутренней безопасности и снабжения войск материальными средствами:

«Губернии, в военном положении объявленные, по управлению полиции и доставлению всех воинских потребностей, состоят в начальстве Главнокомандующего Действующею Армиюю, коего повеления Начальники сих Губерний обязаны выполнять беспрекословно» [6, с. 229]. Если в условиях действия военного положения формировалось несколько армий, то губернии, объявленные на военном положении, приписывались к ним по их расположению или в соответствии со стратегической необходимостью [6, с. 229].

Белорусские земли в начале XIX в. территориально относились к двум военным губернаторствам: Литовскому (Виленская, Минская и Гродненская губернии и Белостокская область) и Белорусскому (Витебская и Могилевская губернии). Накануне войны 1812 г. должность литовского военного губернатора была вакантной. М. И. Кутузов, занимавший этот пост, в марте 1811 г. был назначен главнокомандующим Молдавской армией. Таким образом, с 15 марта 1811 г. до 17 апреля 1812 г. Виленская и Гродненская губернии управлялись только своими гражданскими губернаторами (А. С. Лавинским и В. С. Ланским соответственно). 17 апреля 1812 г. на место литовского военного губернатора был назначен генерал от инфантерии А. М. Римский-Корсаков. Витебская и Могилевская губернии с 1811 г. находились под властью белорусского военного губернатора герцога А. Вюртембергского [7, с. 3–4].

Приграничное положение белорусских губерний в составе Российской империи обусловили размещение здесь многотысячной группировки российских войск. В условиях обострения военно-политической ситуации у западных границ империи численность армейских соединений резко возросла и составляла порядка 70 тыс. чел. [2, с. 64]. Обеспечение российских соединений, ввиду ограниченности государственных финансов, тяжелым бременем лежало на жителях белорусских губерний. При этом отмечались случаи отказа местных помещиков поставлять российским военным продовольствие и фураж, а также факты насильственных действий в отношении военнослужащих, в том числе и их убийство. Это объясняется как существовавшими антироссийскими настроениями среди местной шляхты, так и последствиями неурожая в регионе 1811 г. Поэтому необходимость объявления военного положения в западных губерниях империи была продиктована, в первую очередь, стремлением российских чиновников обеспечить продовольственные потребности армии в условиях недостатка материальных ресурсов страны за счет принудительных мер в отношении местного населения [1, с. 193; 2, с. 39; 7, с. 106–107].

В чрезвычайных обстоятельствах 1812 г. структура местного военного управления на белорусских землях была значительно преобразована. Весной 1812 г. в Виленской, Минской, Гродненской губерниях и Белостокской области вводилось военное положение, а указанные территории были включены в состав 1-го военного округа 1-й Западной армии. С этого момента специальные полномочия в регионе перешли из рук литовского военного губернатора к главнокомандующему армии. При этом, согласно указа императора от 24 мая 1812 г., вся полнота власти по управлению гражданской частью в Виленской и Гродненской губерниях была сосредоточена в руках генерала А. М. Римско-

го-Корсакова. Ему также поручались организация контроля за поступавшей в регион корреспонденцией и урегулирование конфликтных ситуаций между местным населением и российскими военными служащими [8, с. 234].

В июне 1812 г. на чрезвычайном положении были объявлены территории Витебской и Могилевской губернии. С этого времени Витебская губерния вошла в юрисдикцию 1-го военного округа 1-й Западной армии, а Могилевская – 2-го военного округа 2-й Западной армии. Отметим, что особый режим мог действовать лишь в отдельных частях не только империи, но и даже губернии. Так, в Витебской губернии военное положение распространялось на четыре повета (Лепельский, Полоцкий, Себежский и Невельский) [7, с. 78].

В условиях действия военного положения на белорусских землях во главе губернской иерархии оставались гражданские губернаторы, «маршалы» (предводители дворянства), в свою очередь, в уездах (поветах) – исправники, а в городах полицмейстеры и городничие. Также в регионе учреждались должности комендантов городов и военных полицмейстеров. Так, на базе утвержденного императором Александром I «Учреждения для управления большой действующей армии» была создана и получила организационную структуру «воинская полиция», имевшая особый статус в системе государственного управления страны [9, с. 43]. Директор воинской полиции подчинялся только военному министру и императору. В ходе войны 1812 г. она осуществляла функции разведки на сопредельных территориях, вела контрразведывательную деятельность в армии и в местах ее дислокации, а также осуществляла контроль за местными чиновниками в целях выявления должностных преступлений. Согласно решению военного министра, с мая 1812 г. все должностные лица гражданской полиции и военно-полицейские чины армейских соединений в регионе переходили в юрисдикцию воинской полиции [7, с. 24].

В целом, в 1812 г. на белорусских землях существовали две отличные друг от друга организации военного управления: первая – на территориях, уже находившихся на военном положении, а вторая – на всей остальной части края. Общее руководство в губерниях, объявленных на военном положении, концентрировалось в руках главнокомандующих армиями, а деятельность гражданских властей губерний объединялась в лице военных губернаторов. Отметим, что в дальнейшем, в 1813 г., литовский военный губернатор А. М. Римский-Корсаков обратился с ходатайством о расширении своих полномочий в отношении войск, дислоцировавшихся на территории западных губерний: «Не угодно ли будет все генерально остающиеся в Литве чины и команды каких бы они званий ни были, и гошпитали с их чиновниками, артиллерийския роты, для укомплектования здесь находящиеся, подчинить в мою непосредственную команду, пока в Литве пребывают; а по одному званию военного губернатора не весьма достаточно управлять с деятельностью и успехом...» [7, с. 4]. 20 января 1813 г. просьба военного губернатора была удовлетворена.

Стоит подчеркнуть, что в условиях действия особого правового режима на белорусских землях, задачи местным чиновникам (гражданским губер-

наторам, комендантам) военный министр и главнокомандующие армиями ставили как напрямую, так и через военных губернаторов, что создавала некоторые сложности в определении подчиненности и подотчетности в работе должностных лиц. Кроме того, отдельные требования к местным властям направлялись непосредственно командирами соединений российской армии, дислоцировавшихся в регионе [10, л. 8]. Сложная иерархическая структура власти оказывала влияние и на порядок постановки задач региональным чиновникам. Так, в служебной переписке с должностными лицами региона главнокомандующие армиями использовали то просьбы, то настойчивые повеления, то угрозы, то призывы к исполнению долга и к чувствам патриотизма [7, с. 57].

Введение военного положения в белорусских губерниях усложнило и без того запутанную организацию местного военно-политического управления. Чиновники местных администраций с трудом успевали приспосабливаться к быстро изменявшейся обстановке и не всегда понимали как и к кому необходимо обращаться по тем или иным вопросам. Наличие большого количества «руководящих» органов с неопределенными и часто дублировавшимися полномочиями в значительной мере ограничивали инициативу и способности должностных лиц принимать самостоятельные решения. Так, 1 июня 1812 г. главнокомандующий 1-й Западной армией М. Б. Барклай де-Толли отдал указание на немедленный вывоз из приграничья денег, казенного имущества и архивов учреждений. Простая, требовавшая оперативного решения, задача на деле вызвала массу сложностей и затяжную бюрократическую переписку. Например, один казначей сомневался, можно ли пересыпать для удобства перевозки медную монету из больших бочек и требовал разрешения на это военного губернатора. Ковенский полицмейстер сомневался, куда вывозить вино и конфискованные таможенные товары. Гродненский губернатор не мог собственной властью решить вопрос следует ли увозить запасы медикаментов [7, с. 14].

Помимо текущих рутинных дел по управлению подчиненными территориями, осложненных необходимостью более строгого надзора за обеспечением общественной безопасности на них, местная военно-гражданская администрация была обременена крайне хлопотливым и сложным, но особенно важным делом доставки продовольствия для армии. По замыслу военного министра генерала М. Б. Барклая де-Толли, хлеб, сено и овес для российских соединений должны были поставлять губернии, приписанные к округам 1-й и 2-й Западных армий вместо полагавшихся с них государственных податей и недоимок. Кроме того, вводились еще специальные «военные требования», представлявшие собой отдельную повинность, вызванную обстоятельствами времени [1, с. 186; 11, л. 2].

В целях эффективного решения стоявших перед местными чиновниками задач, весной 1812 г. между главнокомандующим 1-й Западной армией генералом М. Б. Барклаем де-Толли и губернскими маршалками Виленской, Гродненской, Минской и Белостокской области была достигнута договоренность относительно продовольственного обеспечения войск и выработан

порядок его осуществления. Так, 13 мая 1812 г. были утверждены «Дополнительные распоряжения к правилам о военных требованиях, определенные взаимными соглашениями между главнокомандующим 1-ю Западною Армиею и губернскими маршалами дворянства» [7, с. 88]. Согласно им в Вильно был учрежден Главный комитет военных повинностей. Члены его, по одному от каждой губернии (Виленской, Гродненской, Минской и Белостокской области) выбирались дворянством из людей, соединявших в себе знание своей губернии в продовольственном отношении с личной благонадежностью. Руководил его работой литовский военный губернатор генерал А. М. Римский-Корсаков. При комитете функционировала канцелярия, включавшая правителя канцелярии, помощника, бухгалтера и канцелярских служащих [7, с. 88–89].

Основной задачей, возлагавшейся на главный комитет, была организация и координация мероприятий по снабжению продовольствием и сеном армии в губерниях, приписанных к округу 1-й Западной армии, а также согласование исполнения военных требований властей с наименьшим обременением для местных жителей. Этим не исчерпывались все военные повинности населения белорусских губерний. Согласно военным требованиям жители региона должны были поставлять волов и вино для обеспечения рациона военнослужащих, повозки с лошадьми и погонщиками (за плату) для подвижных магазинов. Кроме того, местные администрации обеспечивали армию повозками для перевозки больных, дровами, и, наконец, рабочими руками для инженерных работ. Впрочем, последние две категории военных требований в основном легли всей своей тяжестью на власти Витебской губернии [1, с. 188; 12, л. 166].

В апреле 1812 г. в Виленской, Минской, Гродненской губерниях, а также в Белостокской области были сформированы губернские присутствия для военных повинностей («губернские присутствия учрежденные для военных повинностей») подведомственные Главному комитету военных повинностей. В их состав включались: гражданский губернатор (председатель), вице-губернатор, губернский предводитель дворянства и два представителя от дворян. Учреждения выполняли функции по заготовке продовольствия и фуража для армии, созданию запасных магазинов и контролю над ними, выдаче владельцам реквизиционных квитанций и облигаций в административных границах губернии. Должностные лица присутствий также осуществляли контроль за организацией, проведением наборов рекрутов, состоянием транспортной инфраструктуры. Губернским присутствиям подчинялись поветовые (уездные) для военных повинностей присутствия – органы по заготовке и доставке кормов и продуктов питания для армии в уездах [13, л. 31; 14, л. 4].

Раскладка, сбор и контроль за правильностью и быстротой поступления всех повинностей являлись обязанностью военно-гражданских администраций края и, надо отметить, требовало от них серьезных усилий. Все, что так гладко и стройно предписывалось на бумаге у интендантских теоретиков, с первых же шагов на практике вызывало множество трудностей, которые приходилось преодолевать колоссальными усилиями. Так, для составления

уравнительной раскладки в Вильно были вызваны маршалы дворянства, но так как они медлили со своим приездом, задачу возложили лично на председателя главного комитета военных повинностей. Местное дворянство, помимо политических соображений, было мало склонно расставаться с единственным для большинства источником дохода. Медленность сбора военного требования объяснялась отчасти расстоянием. Например, Мозырский уезд для доставления военного требования в Свеняны был удален на 750 км. Выполнение поставленных задач в этих условиях следует всецело отнести за счет неутомимой энергии и распорядительности А. М. Римского-Корсакова и его канцелярии, а также гражданских губернаторов. Все собранное передавалось в провиантское ведомство военного министерства [15, л. 57–61]. Следует отметить, что хотя Витебская губерния была подчинена белорусскому военному губернатору, но распоряжения, касавшиеся вопросов поставок продовольствия, направлялись сюда от А. М. Римского-Корсакова как представителя главного комитета.

В ходе военных действий 1812 г. важную роль в обеспечении 2-й Западной армии П. И. Багратиона сыграла Бобруйская крепость. Согласно утвержденному 5 июня 1812 г. императором Александром I положению «Для крепостей, на базисе военных действий расположенных» в чрезвычайных ситуациях предусматривалось введение специальной должности «военный губернатор крепости», получавшей фактически неограниченные полномочия. Кроме того, документом предусматривалось, что в крепостях, располагавшихся на территории действующей армии, главнокомандующий, в случае необходимости, своим решением мог назначать «особых» губернаторов и комендантов [16, с. 342]. На этом основании главнокомандующий 2-й Западной армии П. И. Багратион назначил коменданта крепости генерал-майора Г. А. Игнатьева на должность бобруйского военного губернатора, власть которого распространялась на Бобруйск и округ: «Бобруйская крепость вошла в состав военных действий второй армии, а посему, чтобы вся ответственность за успешное проведение оной в оборонительное состояние, снабжение и защищение возлежала на генерал-майоре Игнатьеве, я принял смелость утвердить его в звании губернатора» [17, с. 39].

Отметим, что генерал Г. А. Игнатьев также был назначен на должность временного военного губернатора Минской губернии. На него были возложены права и обязанности, дублировавшие полномочия генерал-губернаторов и военных губернаторов в административных границах Минской губернии. Так, Г. А. Игнатьев командовал войсками в Минской губернии, занимался заготовкой провианта и фуража для армии, организацией госпиталей и их содержанием, руководил отправкой рекрутов по воинским частям, вел расследования по фактам злоупотреблений военными по отношению к гражданскому населению и их имуществу [18, л. 3]. 19 декабря 1815 г. Г. А. Игнатьев был отправлен в трехмесячный отпуск. При этом в указе, объявленном министром юстиции Д. Трощинским, указывалось, что: «С увольнением его и место военного губернатора в Минске уничтожается» [17, с. 112]. В результате управление губернией передавалось гражданскому губернатору.

Таким образом, создание чрезвычайных органов военного управления позволило в короткий период времени аккумулировать усилия и активизировать работу должностных лиц в регионе для решения вопросов обеспечения российской группировки войск. Во многом именно эффективная работа чиновников Главного комитета военных повинностей и его местных (губернских и поветовых) учреждений позволила успешно решить проблему поставок в армию необходимых продовольственных товаров и фуража. Однако реорганизация военного управления на белорусских землях в условиях войны 1812 г. значительно ухудшила его структуру, придав ей еще более запутанный характер. В условиях отсутствия четких юридических оснований, определявших полноту их полномочий, опыта деятельности в особых условиях, а также наличия сразу нескольких непосредственных начальников – военного губернатора и главнокомандующего армией, сложилась обстановка, когда местные чиновники не понимали, как им принимать решения: единолично или ждать постановлений от вышестоящего командования.

Список использованных источников

1. Лукашэвіч, А. Ваеннае становішча ў Беларусі ў 1812 г. / А. Лукашэвіч // Гістарычны альманах / Беларус. гіст. т-ва. – Гародня, 2004. – Т. 10. – С. 181–193.
2. Швед, В. В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў 1805–1815 гады / В. В. Швед, С. У. Данскіх; УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы». – Гродна: ГрДУ, 2006. – 251 с.
3. Словарь военных терминов / сост. А. М. Плехов. – М.: Воениздат, 1988. – 355 с.
4. Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб.: Типо-Литогр. И. А. Ефрона, 1890–1907. – Т. 6 (12). – 1892. – 948 с.
5. Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. – СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915. – Т. 6: Верещагин В. В. – Воинская повинность / под ред. К. И. Величко [и др.]. – 1912. – С. 321–642, [6] с.
6. О правилах для управления Главнокомандующему действующей армии губерниями, в военном положении объявленными // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 32: 1812–1815. – С. 228–229.
7. Виленский временник: в 6 кн. / под ред. А.Н. Харузина. – Вильна: Вилен. генерал-губернат. упр., 1907–1913. – 5 кн.: Акты и документы Архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг. – Ч. 1: Переписка по военной части. – 1912. – VII, 285 с., [6] л.
8. О предоставлении власти, изображенной в Учреждении для управления Большой действующей армии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 32: 1812–1815. – С. 234.
9. Учреждения для управления большой действующей армии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 32: 1812–1815. – С. 43–164.
10. Отношение командира лейб-кирасирского Его Императорского Величества полка барона А. В. Розена минскому гражданскому губернатору о принятии мер к обеспечению фуражом // НИАБ. – Ф. 1537. Оп. 1. Д. 21.

11. Дело о прошении жителей об освобождении пинского общества от поставки запасов по военным требованиям // НИАБ. – Ф. 1537. Оп. 1. Д. 9а.
12. Распоряжения начальника Главного штаба об оказании содействия в поставках материалов и рабочих для строительства моста через реку Дисну // НИАБ. – Ф. 1537, Оп. 1, д. 1.
13. Рапорт Пинского поветового для воинских повинностей присутствия // НИАБ. – Ф. 1537. Оп. 1. Д. 13.
14. Дело о выдаче владельцам облигаций за хлеб, поставляемый по военным требованиям для войск // НИАБ. – Ф. 1537. Оп. 1. Д. 1.
15. Раскладочный список на поставку владельцами помещичьих и духовных имений рекрутов и складочных денег // НИАБ. – Ф. 320. Оп. 3. Д. 8.
16. Для крепостей, на базисе военных действий расположенных // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 32: 1812–1815. – С. 342–347.
17. Бобруйская крепость: вчера, сегодня, завтра: библиографический указатель / сост. С. В. Калюта, Т. Ф. Голубева. – Бобруйск, 2012. – 299 с.
18. Дело об изъятии у евреев арендуемых или помещичьих имений // НИАБ. – Ф. 296. Оп. 1. Д. 3.

(Дата поступления: 15.06.2023).

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕКРУТОВ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1815–1874 ГГ.)

Некрашевич Ф. А.

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
Минск, Беларусь

В статье рассмотрены основные принципы распределения рекрут в вооруженных силах Российской империи в период 1815–1874 гг. Раскрыты основные требования к системе распределения рекрутов со стороны руководителей военного ведомства государства. Проанализирована связь между выбором места несения службы для новобранцев армии Российской империи и попыткой решения ряда внутривойсковых задач с помощью вооруженных сил.

Ключевые слова: Российская империя; вооруженные силы; рекруты; распределение военнослужащих; этнические и религиозные меньшинства.

BASIC PRINCIPLES OF RECRUIT DISTRIBUTION IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1815–1874)

Nekrashevich P. A.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus

The article discusses the basic principles of the distribution of recruits in the armed forces of the Russian Empire in the period 1815–1874. The main requirements for the recruitment distribution system on the part of the heads of the military department of the state are disclosed. The connection between the choice of a place of service for recruits of the army of the Russian Empire and an attempt to solve a number of internal political problems with the help of the armed forces is analyzed.

Keywords: Russian empire; armed forces; recruits, recruit distribution; ethnic and religious minorities.

В любой военизированной структуре разработке системы распределения военнослужащих отводится огромная роль. Для каждого военачальника крайне важно максимально эффективно использовать имеющиеся людские ресурсы. Актуальной эта проблема была и для руководства вооруженных сил Российской империи. Огромные пространства страны, постоянная нехватка людских ресурсов, многочисленные задачи, которые стояли перед вооруженными силами – все это заставляло обращать огромное внимание на то, как лучше наладить систему распределения военнослужащих в подразделениях вооруженных сил.

Целью данного исследования является выявление основных принципов, которыми руководствовалось военное руководство Российской империи при распределении рекрутов в армейские подразделения. Нижняя граница хронологических рамок исследования обусловлена окончанием наполеоновских войн и закрытием рекрутских депо в 1815 г. Рекрутские депо выполняли роль центров первоначальной подготовки новобранцев перед отправкой в боевые подразделения. После их закрытия рекруты напрямую с мест проведения набора поступали в армейские части. В связи с этим мы получаем возможность более детально проследить куда распределялись рекруты из различных губерний Российской империи. Верхняя граница исследования обусловлена окончательной отменой в 1874 г. рекрутской повинности и последовавшими в связи с этим изменениями системы военного управления.

Под системой распределения рекрутов в данной статье понимается совокупность принципов и мер, направленных на учет потребностей военного руководства, верховных властей и общества при определении места прохождения службы рекрутов вооруженных сил Российской империи.

На наш взгляд, все принципы, которыми российское правительство руководствовалось при распределении рекрутов, можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся принципы, отражавшие интересы военного командования, они объединяют стремление рационально использовать систему распределения исключительно в военных целях и тем самым повысить боеспособность вооруженных сил. К таковым принципам относятся:

- поддержание штатной численности подразделений вооруженных сил;
- использование территориального принципа комплектования для ряда боевых подразделений, расквартированных в отдаленных регионах;
- соотношение навыков и физических данных новобранцев со специфической задачей, выполняемых конкретными армейскими подразделениями.

Вторую группу составляют принципы, отражавшие интересы высшего руководства страны. В Российской империи вооруженные силы всегда выполняли не только свою прямую функцию по обеспечению обороноспособности государства, но также и ряд внутривнутриполитических задач, не связанных напрямую с военной службой. К таким принципам можно отнести использование армии в качестве:

- вспомогательного инструмента реализации административно-территориальных реформ в пределах Российской империи;
- пенитенциарного учреждения;
- инструмента инкорпорации ряда этносов в российское культурное пространство.

Непосредственной разработкой системы распределения рекрутов занимался инспекторский департамент военного министерства Российской империи, который «являлся средоточием управления всеми предметами личного состава и внутреннего устройства войск» [1, с. 98]. При формировании системы распределения рекрутов военные чиновники руководствовались интересами вооруженных сил, которые условно можно объединить в ряд принципов.

Важным принципом комплектования любой военизированной структуры является стремление поддерживать штатную численность соединения. Согласно своду военных постановлений 1838 г. инспекторский департамент военного министерства обязан был следить, чтобы «рекруты распределялись в войска, наиболее имеющие надобность в укомплектовании» [1, с. 100]. Смысл этого требования заключался в следующем. Вооруженные силы Российской империи страдали от хронического некомплекта. Причинами этого являлись как несовершенство рекрутской системы, так и коррупция со стороны воинских начальников. Жестокое обращение с новобранцами, коррупция и суровые условия службы являлись причинами высокой смертности среди рекрутов, а также дезертирства и членовредительства [2, с. 149]. В связи с этим подавляющее большинство армейских подразделений страдало от некомплекта. Например, на 1 января 1831 г., согласно штатной численности, в российской армии должно было быть 944 079 нижних чинов. В реальности эта цифра составляла 744 458 чел. (некомплект – 22 %). На 1 января 1832 г., после пополнения армии новобранцами 95-го и 96-го рекрутских наборов, в армии состояло 795 715 нижних чинов при штатной численности в 970 699 чел. (некомплект – 18 %) [3, с. 25–25].

Основной задачей инспекторского департамента было укомплектовать в первую очередь те подразделения, где кадровый голод приобретал угрожающие масштабы. При этом существовавшая в то время система не позволяла кардинально решить проблему некомплекта. Поэтому военному командованию при распределении рекрутов приходилось сознательно жертвовать укомплектованностью одних подразделений ради увеличения боеспособности других.

Выбор подразделений, где в первую очередь необходимо было устранить некомплект, был обусловлен двумя основными обстоятельствами. Во-первых, необходимо было поддерживать боеспособность элитных подразделений российской армии. К таковым относились гвардейские части, а также гренадерские и кирасирские полки. Гвардейские подразделения традиционно были расквартированы в г. С.-Петербурге и его окрестностях. Дислокация гренадерских и кирасирских частей менялась, но на протяжении значительного отрезка рассматриваемого в статье периода они относились к военным поселениям (1816–1857 гг.). Они были расквартированы в Новгородской (гренадерские дивизии) и Херсонской губерниях (кирасирская дивизия) [4, с. 552–629]. Во-вторых, важно было поддерживать штатную численность подразделений, непосредственно участвующих в боевых действиях. В этом случае необходимые для комплектования рекруты, несмотря на расстояние и прочие объективные трудности, направлялись непосредственно к местам боевых действий (например, театр боевых действий Наполеоновских войн 1803–1814 гг., восстания 1830–1831 гг., Крымская война 1853–1856 гг. и т. д.).

Огромные масштабы Российской империи предопределили существование армейских подразделений с территориальным принципом комплектования. Рекруты, набранные за Уралом, традиционно направлялись на укомплектование местных армейских подразделений. Из-за огромных рас-

стояний регулярное препровождение больших рекрутских партий из отдаленных губерний в европейскую часть Российской империи было признано нерациональным. В связи с этим войска Отдельного Оренбургского корпуса (1816–1864 гг.) традиционно комплектовались уроженцами Оренбургской и Тобольской губерний, а соединения Отдельного Сибирского корпуса (1815–1865 гг.) – Томской, Енисейской, Иркутской губерний.

Кроме того, территориальный принцип доминировал и при комплектовании военно-морского флота Российской империи. Особенность несения службы на флоте обуславливала необходимость наличия у новобранцев специальных знаний и навыков, жизненно необходимых для любого моряка. В связи с этим в военно-морской флот распределяли в основном уроженцев тех губерний, где рыбный промысел и морская торговля играли важную экономическую роль (например, Архангельская, Астраханская, Эстляндская, Олонецкая губ.) [5, Т. 28, № 27412]. Очевидно, что уроженцам прочих губерний империи нести службу во флоте было бы гораздо тяжелее.

Одним из ключевых принципов распределения военнотружущих в разных сложных военных системах является учет физических данных и навыков новобранцев. Подразделения российской армии имели градацию в зависимости от их специализации (артиллерия, кавалерия, пехота), а также уровня значимости (например, гвардия и вспомогательные подразделения). Для военного командования всегда важно эффективно использовать те положительные качества, которыми обладает новобранец. В связи с этим российское военное руководство издавало ряд рекомендаций, в какие армейские подразделения следует направлять тех или иных рекрутов:

- лучшие рекруты, имевшие при этом высокий рост, традиционно направлялись на службу в гвардию;
- рекруты с высоким ростом направлялись на службу в гренандеры и кирасиры;
- в артиллерию направлялись рекруты крепкого телосложения;
- рекруты с лучшим зрением направлялись в стрелковые подразделения и т. д. [1, с. 85–86].

Тем самым, навыки и здоровье новобранца напрямую влияли на его место службы и ее дальнейшее прохождение. Начав, например, службу в гренандерах, рекруты как правило оставались в этом роду войск значительную часть своей военной карьеры.

Спорным остается вопрос о том, насколько военное министерство учитывало расстояние, которое необходимо было преодолеть рекрутской партии от места набора до места будущей службы. С одной стороны, сокращение срока следования рекрутских партий вело к уменьшению числа побегов и смертей среди новобранцев. Кроме того, это позволяло экономить значительные материальные средства, так как рекрутов и военнотружущих внутренней стражи, сопровождавших их в пути следования, необходимо было кормить и одевать. Именно этими соображениями руководствовался инспекторский департамент при распределении рекрутов в 1836–1852 гг. В этот период рекрутов направляли в основном в близлежащие к местам набора

армейские подразделения [3, с. 222]. С другой стороны, подобная практика, очевидно, шла вразрез с требованиями поддержания штатной численности армейских подразделений и учета навыков и физических данных новобранцев. В связи с этим мы пока не располагаем достаточными данными, позволяющими утверждать, что стремление к минимизации пути следования рекрутских партий являлось перманентным принципом, которым руководствовало военное министерство.

Вышеуказанные принципы формировались на основе многовекового опыта руководства вооруженными силами такой огромной страны, как Российская империя и помогали решать задачу укрепления военного потенциала этого государства. Тем не менее, военное министерство не было единственным источником принятия решений в области военного строительства. Высшее руководство страны зачастую использовало вооруженные силы для решения внутривнутриполитических задач. В условиях неразвитости институтов гражданского общества и ряда ветвей исполнительной власти вооруженные силы привлекались для реализации ряда внутривнутриполитических государственных проектов.

В ряде случаев вопрос достижения территориальной автономии регионов, зависимых от Российской империи, был связан с созданием отдельных вооруженных формирований. Наиболее яркими примерами подобной политики являются создание собственных вооруженных формирований Королевства Польского (1815–1831 гг.), а также вооруженных сил Великого княжества Финляндского [6, с. 109–140]. Новобранцы этих земель поступали на укомплектование местных воинских формирований, формально не входивших в состав вооруженных сил Российской империи, но подчинявшихся местной администрации.

На территории белорусских земель подобная политика вылилась в создание Отдельного Литовского корпуса (1817–1831 гг.). Данное формирование комплектовалось рекрутами Виленской, Волынской, Гродненской, Минской, Подольской губерний, а также Белостокской области. Главнокомандующим этого соединения являлся цесаревич Константин Павлович, которому также подчинялась гражданская администрация вышеназванных губерний. В то же время цесаревич официально являлся главнокомандующим армией Королевства Польского и фактически руководил этим государственным образованием. Тем самым российское правительство долгое время поддерживало иллюзию у населения западных губерний о скором присоединении этих территорий в состав Королевства Польского [7, с. 130–133]. Однако в данной ситуации дальше создания территориальных военных формирований Российское правительство не пошло.

Одним из принципов распределения рекрутов был учет этноконфессиональных особенностей военнослужащих. Данный вопрос был тесно связан с внутривнутриполитическим курсом государства относительно того или иного этноса или конфессиональной группы. Данная политика могла претерпевать изменения во времени в соответствии с воззрениями ведущих лиц государства. Тем не менее, необходимо констатировать, что на протяжении рассма-

триваемого периода в армии Российской империи постоянно наблюдались дискриминационные ограничения в отношении целого ряда этнических и религиозных групп. Здесь в первую очередь необходимо выделить такие группы как: евреи, поляки и мусульмане.

Распространение рекрутской повинности на представителей еврейской диаспоры в 1827 г. привело к массовому притоку евреев в российскую армию. На протяжении столетий в культуре и профессиональной деятельности этого народа военная служба фактически отсутствовала. Это предопределило вполне естественное желание представителей диаспоры уклониться от военной службы. С другой стороны, российское правительство нередко испытывало предвзятое отношение к евреям, считая их источником коррупции и угрозой сохранения дисциплины в войсках.

При распределении на службу рекрутов евреев существовало два принципиально важных ограничения. Во-первых, вплоть до 1857 г. евреи направлялись на службу за пределы черты еврейской оседлости [5, Т. 19: № 17600; Т. 32: № 31727 Прил.]. Это было связано с желанием военного командования окончательно прекратить общение этих новобранцев со своими соплеменниками и поскорее приобщить их к армейской культуре. Во-вторых, существовал целый ряд армейских подразделений, куда дорога евреям была долгое время закрыта. Так, запрещалось направлять евреев на службу в подразделения гвардейского корпуса, генерального штаба, военно-учебных заведений, батальонов кантонистов, комисариатского и провиантского ведомств [5, Т. 19: № 17600]. Это говорит о том, что военное руководство боялось допускать евреев к распределению материальных ценностей, охране царской семьи и ключевых правительственных объектов, а также системе военного образования.

Ограничения, распространяемые в отношении поляков и мусульман, не носили столь последовательного характера. В отличие от военнотружущих евреев, российское командование не ставило под сомнение боевые качества новобранцев из числа мусульман и поляков. Тревогу руководства вызывала политическая лояльность этих групп военнотружущих. Российское командование опасалось, что рекруты-мусульмане в случае военного конфликта с государствами, где ислам являлся ведущей религией, могут перейти на сторону противника. В связи с этим рекрутов из числа мусульман традиционно старались не направлять на службу на Кавказский театр боевых действий [1, с. 86].

Многочисленные попытки поляков восстановить независимость своего государства (восстания 1830–1831 гг., 1863–1864 гг., массовое участие в Наполеоновских войнах 1803–1814 гг.) привели к тому, что военное руководство воспринимало поляков как храбрых, но при этом политически неблагонадежных воинов. В связи с этим их старались распределять в основном в отдаленные от территории Королевства Польского подразделения российской армии (например, Отдельные Кавказский, Оренбургский и Сибирский корпуса). Так, в Отдельном Кавказском корпусе военнотружущие польского происхождения в 1840-х гг. составляли до 20 % всего личного состава этого

соединения [8, с. 115]. Это не означало, что польские рекруты в принципе не могли служить на территории своей Родины либо же в элитных подразделениях российской армии. Однако их массовое скопление в подобных соединениях признавалось потенциально опасным.

Помимо национальных меньшинств, в системе распределения рекрутов в российской императорской армии существенные ограничения касались также лиц, попавших в вооруженные силы по приговору суда. Российское уголовное законодательство предусматривало использование рекрутчины в качестве меры наказания за совершение ряда преступлений (например, принадлежность к сектам, бродяжничество и т. д.). В этом случае на плечи вооруженных сил возлагалась функция по «перевоспитанию» несоблюдавших законы подданных.

Несомненно, военное командование прекрасно понимало все негативные стороны подобной политики, поэтому при распределении на службу данного контингента новобранцев оно руководствовалось рядом соображений. Во-первых, направление на службу в отдаленные регионы государства (уже не раз упомянутые Отдельные Кавказский, Оренбургский и Сибирский корпуса, а также подразделения, расквартированные на территории Великого княжества Финляндского) [9, с. 241–242; 5, Т. 5, № 4010]. Для данных воинских частей были характерны тяжелые условия несения боевой службы, а также минимальные возможности совершить побег из-за географических и культурных особенностей данных территорий. Во-вторых, массовое привлечение преступного элемента в ряды прочих подразделений российской армии наблюдалось лишь в периоды острого некомплекта вооруженных сил [10, Т. 38, № 29328].

Таким образом, для системы распределения рекрутов в вооруженных силах Российской империи был характерен ряд особенностей. Во-первых, это доминирование объективных потребностей военного командования при выборе места прохождения службы для новобранца. Во-вторых, постоянное вмешательство высшего руководства страны в систему распределения новобранцев зачастую приводило к нарушению интересов подданных целого ряда этнических, религиозных и социальных групп. В-третьих, система распределения со временем могла претерпевать существенные изменения в силу корректировки внутривнутриполитического курса государства. Наиболее ярко это проявилось в политике правительства Александра I по созданию национальных воинских формирований в ряде регионов Российской империи.

Список использованных источников

1. Свод военных постановлений: Ч. 1–5. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838–1839. – 27 см. – Ч. 1: Образование военных учреждений. [Кн. 1. Образование военного министерства и особых установлений]. – 1838. – 421 с.

2. Ланжерон, А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Русская старина / А. Ф. Ланжерон. – Т. 83. – 1895. – № 4. – С. 145–177.

3. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора Е. и вел. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 2, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск в царствование императора Николая I / сост. В. В. Шепетильников. – 1907. – 330 с.

4. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской Императорской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. – СПб.: Воен. тип. Гл. штаба Е. и вел., 1828. – 1042 с.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.

6. *Лапин, В.* Армия империи – империя в армии: организация и комплектования вооруженных сил России в XVI – начале XX в. / В. В. Лапин // *Ab Imperio*. – 2001. – № 4. – С. 109–140.

7. *Некрашевич, Ф. А.* Отдельный Литовский корпус: создание, структура, деятельность (1817–1831 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 Отечественная история / Ф. А. Некрашевич. – Минск, 2016. – 164 л.

8. *Caban, W.* Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873 / W. Caban. – Warszawa: DiG, 2001. – 268 с.

9. *Варадинов, Н. В.* История министерства внутренних дел / Н. В. Варадинов. – СПб: Тип. II отд-ния собств. Е. и вел. канцелярии, 1863. – Т. 8. – 656 с.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: с 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.

(Дата поступления: 15.06.2023).

ПОЛОЦКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В КОНТЕКСТЕ ВОЕННЫХ РЕФОРМ 1860–1870-х гг.

Лукашевич А. М.

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В статье через призму реформ 1860–1870-х гг. в сфере военного образования раскрывается судьба Полоцкого кадетского корпуса. Показан процесс реорганизации кадетского корпуса в военную гимназию. Отмечается, что в ходе реформы штатный состав учебного заведения сократился с 400 до 350 человек, а число вакансий для дворянства присанных губерний уменьшилось более чем в 6 раз. Анализируется влияние политических факторов (восстание 1863–1864 гг., ужесточение правительственного курса в белорусских губерниях) на судьбу учебного заведения. Отмечается, что несмотря на желание Министерства народного просвещения использовать комплекс зданий Полоцкой военной гимназии для открытия высшего учебного заведения, этот проект не был реализован. Сделан вывод, что дальнейшая судьба учебного заведения напрямую зависела от смены в 1881 г. правительственного курса в области военного образования.

Ключевые слова: Полоцкий кадетский корпус; военные реформы 1860–1870-х гг.; военные гимназии; военные училища; Д. А. Милютин; Беларусь.

POLOTSK CADET CORPS IN THE CONTEXT OF MILITARY REFORM OF THE 1860–1870s

Lukashevich A. M.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

In the article through the prism of the reforms of the 1860s–1870s. in the field of military education, the fate of the Polotsk cadet corps is revealed. The process of reorganization of the cadet corps into a military gymnasium is shown. It is noted that during the reform, the staff of the educational institution was reduced from 400 to 350 people, and the number of vacancies for the nobility of the attached provinces decreased by more than 6 times. The influence of political factors (the uprising of 1863–1864, the tightening of the government policy in the Belarusian provinces) on the fate of the educational institution is analyzed. It is noted that despite the desire of the Ministry of Public Education to use the complex of buildings of the Polotsk military gymnasium to open a higher educational institution, this project was not implemented. It is concluded that the further fate of the educational institution directly depended on the change in 1881 of the government course in the field of military education.

Keywords: Polotsk cadet corps; military reforms of the 1860s–1870s; cadet corps; military schools; D. A. Milyutin; Belarus.

Подготовка реформы. Неотложность коренных преобразований в системе военного образования отчетливо проявилась в первые годы правления

Александра II (1855–1881 гг.). Подготовке реформы во многом способствовала дискуссия о средней школе, которая развернулась в российском обществе после Крымской войны 1853–1856 гг.

Дискуссию открыл журнал «Морской сборник», поместивший серию статей А. И. Бёма, И. И. Давыдова и В. И. Даля о воспитании юношества [1, с. 45–46]. Знаковым стало выступление на страницах журнала известного хирурга и педагога Н. И. Пирогова. В статье «Вопросы жизни» (июль 1856 г.) [2] он высказался против сословной школы и преждевременной специализации детей. Как врач Н. И. Пирогов считал, что ранняя профессионализация тормозит нравственное воспитание детей, сужает их кругозор. В целом, он осуждал казарменный режим в учебных заведениях, бездумное отношение к детям и призывал к «нравственно-научному просвещению» народа. По словам Н. И. Пирогова, все готовящиеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми [2, с. 559, 571].

Дискуссия о судьбе средней общеобразовательной школы сыграла значительную роль в подготовке «Проекта устава общеобразовательных учебных заведений» (1860–1861 гг., в нем предусматривалось создание народных училищ, прогимназий и гимназий), и отразилась на военной школе [3, с. 14–15].

Проводником новых веяний стал генерал Д. А. Милютин, назначенный в августе 1860 г. товарищем военного министра (с 9 ноября 1861 г. – военный министр). Он так же, как и Н. И. Пирогов, выступал против ранней профессионализации и считал необходимым преобразовать кадетские корпуса в военные гимназии.

Подготовка к реформированию военной школы началась летом 1860 г., когда Штаб его императорского высочества главного начальника военно-учебных заведений (великого князя Михаила Николаевича), запросил у директоров кадетских корпусов мнение о путях улучшения в них учебно-воспитательной работы. Однако директора ограничились указанием отдельных недостатков и обошли вопрос о соответствии системы подготовки офицеров требованиям военного дела. Тогда в 1861 г. великий князь обратился к руководителям министерств – военного (Д. А. Милютину) и народного просвещения (А. В. Головнину) – с просьбой высказать свои суждения о системе военного образования.

10 февраля 1862 г. Д. А. Милютин изложил свою точку зрения в про странной записке «Мнение о военно-учебных заведениях». В ней военный министр высказался за упразднение кадетских корпусов, считая, что «воспитание отроков и юношей должно совершаться дома и в заведениях гражданских. Заведения же собственно военные могут существовать только с одной целью, доставить научное специальное образование тем молодым людям, кои почувствовали в себе призвание к военной службе» [цит. по: 4, с. 27].

По мнению военного министра, главными аргументами за реорганизацию кадетских корпусов являлись: незначительный выпуск офицеров (в среднем по 494 человека в год), ранняя профессионализация подростков, и как следствие – невысокий уровень знаний выпускников, а также большие расходы на подготовку офицеров (в Российской империи соотношение за-

трат на военную и гражданскую школы было 1:1, в то время как во Франции и Пруссии 1:9) [5, с. 171–172; 6, с. 224–225].

Выступая за создание военных гимназий, Д. А. Милютин не считал их постоянным типом учебных заведений. Скорее, он видел в них школу переходного типа, от которой можно будет отказаться по мере установления общеобразовательной средней школы. Таким образом, военный министр добивался упразднения привилегированных закрытых учебных заведений, где учащиеся получали образование за счет государства. Он справедливо полагал, что дворянство вполне обеспечено и может решать эту задачу за собственный счет. При этом следовало расширить возможности для пополнения офицерских кадров за счет других социальных слоев (буржуазии, мещан, крестьян и т. д.) [5, с. 173–175].

Точку зрения Д. А. Милютина поддерживал и министр народного просвещения (1861–1866) А. В. Головин. Он выступал за передачу высвобождающихся от кадетских корпусов средств на обеспечение народных училищ, гимназий и университетов. «На 3 млн руб., затрачиваемых в настоящее время на содержание 8 тыс. кадетов, – писал А. В. Головин, – можно иметь 10 университетов, где будет обучаться 10 тыс. студентов; 150 гимназий на 45 тыс. учащихся; 428 прогимназий на 64 200 учащихся и 10 тыс. народных школ на 400 тыс. учащихся» [цит. по: 5, с. 172].

В то же время, в российском обществе сохранялась и оппозиция курсу реформ. Против реорганизации кадетских корпусов выступал директор Павловского кадетского корпуса генерал-майор П. С. Ванновский, будущий военный министр при Александре III и министр народного просвещения при Николае II. Он ратовал за сохранение кадетских корпусов в прежнем виде с их монархическим духом и дворянской чистотой.

12 октября 1862 г. под председательством великого князя Михаила Николаевича (6 декабря 1862 г. назначен наместником на Кавказе) был образован Особый комитет, который должен был выработать основные положения по реорганизации военно-учебных заведений. Комитет единогласно признал необходимым отделить общее образование от специального, и высказался за передачу кадетских корпусов в ведение гражданского ведомства. Однако до создания разветвленной сети реальных училищ, из которых молодежь пошла бы в военные училища, комитет счел нужным оставить корпуса в подчинении военного ведомства [6, с. 225–227].

6 декабря 1862 г. Александр II утвердил основные положения реформы военно-учебных заведений. Главная цель военной школы определялась как подготовка офицерских кадров для всех родов войск. Было признано целесообразным отделить специальные классы от кадетских корпусов и объединить их в военные училища, а общие классы – реорганизовать согласно требованиям педагогики и прекратить в них фронтные занятия, как несоответствующие возрасту воспитанников. Количество реорганизованных кадетских корпусов определялось исходя из расчета, что ежегодно на военную службу будут поступать от 400 до 500 человек, а освободившиеся средства предполагалось направить на создание юнкерских школ и «для усиления общеобразовательных реальных учебных заведений» [6, с. 228–229].

Реализация реформы. Осуществление реформы началось 21 января 1863 г., когда Штаб главного начальника военно-учебных заведений и Управление училищ военного ведомства были объединены в Главное управление военно-учебных заведений (далее – ГУВУЗ). Оно вошло в состав Военного министерства [7, с. 79–80]. Руководителем ГУВУЗа был назначен попечитель Московского учебного округа генерал-майор Н. В. Исаков, а его помощником – генерал-майор Н. В. Корсаков.

С созданием ГУВУЗа был упразднен Совет о военных учебных заведениях, а Инженерное и Артиллерийское училища – подчинены своим главным управлениям. Для обсуждения общих вопросов при Военном министерстве был учрежден Главный военно-учебный комитет.

25 августа 1863 г. были утверждены Положение и штат ГУВУЗа. Согласно Положению в ведение главного управления перешли Пажеский и 15 кадетских корпусов, Николаевское училище гвардейских юнкеров, Константиновское военное училище, 18 училищ военного ведомства и Аудиторское училище (в 1864 г. оно подчинено генерал-аудитору Военного министерства). После открытия юнкерских училищ они также были подчинены ГУВУЗ [8, с. 15]. Главное управление должно было решать все вопросы, касающиеся приема, обучения, воспитания, обеспечения и выпуска воспитанников.

В целом, ГУВУЗ проделал значительную работу по определению содержания и форм подготовки офицерских кадров. Все военные учебные заведения были разделены на четыре разряда. Военные академии и педагогические курсы при 2-й Петербургской военной гимназии составили 1-й разряд; во 2-й вошли Пажеский и Финляндский кадетский корпуса, юнкерские и военные училища; в 3-й – военные прогимназии (учебные заведения сокращенного типа, готовили кандидатов для юнкерских училищ) и гимназии; 4-й разряд составили технические, оружейные, топографические и фельдшерские школы. Тем самым были определены основные звенья подготовки военных кадров высшей, средней и низкой квалификации [9, с. 111].

Реорганизация кадетских корпусов в военные гимназии началась после утверждения разработанных к августу 1863 г. «основных начал реформы». В качестве эксперимента первым с 1863/1864 учебного года в военную гимназию был преобразован 2-й (Петербургский) кадетский корпус. Вместо строевых рот в нем ввели возрастные классы, как в гимназиях.

В 1864 г. в военные гимназии были преобразованы еще пять учебных заведений – 1-й (Петербургский), 1-й и 2-й Московские, Орловский и Тульский (упразднен в 1866 г.) кадетский корпуса, в 1865 г. – Полтавский, Киевский, Полоцкий и Воронежский, а в 1866 г. – Новгородский (с переводом в Нижний Новгород), Оренбургский и Сибирский (Омский) [9, с. 119].

Оставшиеся кадетские корпуса – Павловский (С.-Петербург), Александринский Сиротский (Москва) и Александровский (Вильно) [10, с. 128–133] в 1863 г. были упразднены (как и малолетние отделения 1-го Московского кадетского и Тамбовского неранжированного корпусов). Воспитанники этих корпусов переводились в другие учебные заведения. Реформа не затронула только Пажеский (четыре общих класса были приравнены к старшим клас-

сам военной гимназии) и Финляндский (общий курс был пятилетним, на шведском языке) корпуса [9, с. 119].

В итоге, к 1871 г. в Российской империи было создано 12 военных гимназий (1-я и 2-я Петербургские, 1-я и 2-я Московские, Орловская Бахтина, Михайловская Воронежская, Петровская Полтавская, Владимирская Киевская, Полоцкая, Нижегородская Аракчеевская, Оренбургская Неплюевская и Сибирская), а также приготовительный пансион при Николаевском кавалерийском училище с общим штатом в 3782 воспитанника [11, с. 175–182; 9, с. 119].

Судьба Полоцкого корпуса. Осуществление реформы военной школы совпало по времени с восстанием 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Беларуси. Это не могло не сказаться на судьбе кадетских корпусов, дислоцированных в Вильно и Полоцке.

Как уже отмечалось выше, Александровский кадетский корпус в Вильно в 1863 г. был упразднен. Первоначально в число учебных заведений, подлежащих ликвидации, был включен и Полоцкий кадетский корпус. Однако его все же было решено сохранить при сокращении численности и изменении состава учащихся. В связи с этим он был преобразован в военную гимназию [12, с. 84; 13, с. 48–49].

Реорганизация Полоцкого кадетского корпуса проходила по уже отработанной схеме. Она началась с 1865/1866 учебного года, когда в заведении состояло 65 должностных лиц, 333 воспитанника и 194 нижних чина. К декабрю 1865 г. из корпуса убыл 21 служащий (32 %), которых заменили 7 человек [14, с. 240].

В декабре 1865 г. для ревизии гимназии Полоцк посетил член Военного совета и инспектор военно-учебных заведений генерал от инфантерии В. П. Желтухин. В это время в учебном заведении состояло 10 должностных лиц, 16 воспитателей и 25 преподавателей, при 351 воспитаннике [14, с. 240].

Наибольший интерес представляет профессиональный состав учащихся Полоцкой военной гимназии, по которому можно условно судить об их «национальной» принадлежности. Так, среди воспитанников преобладали православные – 221 (или 62,9 %), треть (109 человек, или 31,1 %) составляли католики. Лютеран было 18 (5,1 %), армян – 2 и один магометанин [14, с. 241].

Подавляющее большинство учащихся были *казеннокоштными* (интернами)¹, которые зачислялись в учебное заведение из кандидатских списков кадетских корпусов. В то же время значительную часть вакансий занимали *пансионеры от дворянства* (те же интерны). Дворянские вакансии от приписанных к учебному заведению губерний были сформированы еще при учреждении Полоцкого кадетского корпуса за счет капиталов, пожертвованных на его учреждение. В 1849 г. в кадетском корпусе насчитывалось 171 дворянская вакансия, а к июлю 1864 г. их количество возросло до 181 (таблица 1) [15; 16].

¹ *Интерн*, или *пансионер*, воспитанник какого-либо учебного заведения, состоящий на полном содержании в общежитии или интернате.

Таблица 1

**Распределение вакансий в Полоцком кадетском корпусе (военной гимназии)
в 1849–1882 гг. [15; 16; 17]**

Наименование административной единицы	Годы / количество		
	1849	1864	1882
Виленская губерния	60	60	?
Минская губерния	23	23	11
Ковенская губерния	62	62	?
Витебская губерния	11	11	?
Смоленская губерния	1	3	?
Могилевская губерния (число вакансий для этой губернии после 1849 г. могло быть увеличено)	4	12	?
Гродненская губерния	нет	нет	?
Царство Польское	10	10	нет
Всего	171	181	28

Так, на 31 июля 1864 г. в Полоцком кадетском корпусе существовало 219 вакансий для малолетних дворян от правительства (в том числе пансионеров с платой). В 1864 г. на лицо было 133 человека. Количество вакансий от приписанных губерний (определялось в зависимости от процента с внесенного первоначально капитала каждой губерний) в 1864 г. достигло своего максимума – 181. От Смоленской губернии было 3 места (на лицо), от Могилевской – 12 (на лицо – 12), от Витебской – 11 (на лицо), от Виленской – 60 (на лицо – 26, вакансий – 34), от Ковенской – 62 (на лицо – 34, вакансий – 28), от Минской – 23 (состояло 19, вакансий – 4), Царства Польского – 10 (состояло 4, вакансий – 6) [16, л. 1–2] (Таблица 2).

Кроме того, в 1864 г. на воспитании в Полоцком корпусе находилось еще 4 воспитанника от Царства Польского: один был зачислен на основании приказа по военно-учебным заведениям от 19 февраля 1853 г. с платой по 200 руб. ежегодно и трое – на основании кн. 3 ст. 177 Свода военных постановлений 1859 г. с платой по 220 руб. в год за каждого. Также в корпусе было 5 своекоштных¹ пансионеров, двое с платой – от Донского войска и четверо с платой от Оренбургского войска [16, л. 2]. При этом после окончания 1863/1864 учебного года из Полоцкого корпуса в военные училища было переведено 20 человек (по 10 – в Константиновское и Павловское училища) [16, л. 2 об.; 19, с. 46].

¹Своекоштный, т. е. обучающийся в закрытом учебном заведении за свой счет.

Таблица 2

**Распределение воспитанников Полоцкой военной гимназии
по категориям в 1864–1882 г. [16; 17; 18]**

Год и месяц	Штатное количество	Состояло	Казенно-коштные (от правительства)	С платой	Своекоштные	От приписанных губерний	Приходящие
Июль 1864 г.	400	394	282, при штате 219	9	5	98, при штате 181	нет
Январь 1876 г.	350	374	?	?	?	?	28
Январь 1882 г.	350	386	240	2	80	28	36

Однако затем количество дворянских ваксий в Полоцкой военной гимназии стало стремительно снижаться. Так, 29 марта 1872 г. Александр II утвердил положение Военного совета о предоставлении в распоряжение виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора и командующего войсками Виленского военного округа 10 ежегодных вакансий в Полоцкой военной гимназии. По избранию главного начальника края в учебное заведение определялись дети потомственных дворян, проходивших службу в войсках и управлениях «Северо-Западного края» [14, с. 254].

А через три месяца, 11 июля 1872 г., ГУВУЗ своим циркуляром предписал директору Полоцкой военной гимназии «малолетних римско-католического вероисповедания, во вверенную вам гимназию, как *своекоштными*, так и *приходящими*², впредь, до особого на то разрешения не принимать» [20].

К 1882 г. количество вакансий для дворянства белорусских губерний в Полоцкой военной гимназии сократилось со 181 до 28, прежде всего, за счет мест от Виленской и Ковенской губерний. Все это способствовало еще большей русификации учебного заведения.

Так, в 1882 г. в число казенных воспитанников Полоцкой гимназии входили пансионеры Московского опекунского совета, уроженцы Донского и Оренбургского войск. Среди воспитанников с оплатой были уроженцы Царства Польского, Донского и Оренбургского войск. В числе стипендиатов также значились пансионеры Департамента таможенных сборов Министерства финансов, князя А. И. Чернышева (один) и помещика И. Ждановича (один) [17, л. 2].

Проект создания в Полоцке университета. 24 сентября 1872 г., по случаю открытия в Полоцке учительской семинарии, в город прибыл министр

² *Приходящий* или экстерн, частное лицо, державшее испытание зрелости или простой экзамен при каком-либо учебном заведении. Не жил в закрытом учебном заведении, где он учился.

народного просвещения граф Д. А. Толстой. Данный визит был неслучайным. С начала 1860-х гг. российские власти обращали особое внимание на проблему народного образования в «Северо-Западном крае». Основной упор делался на развитие сети народных школ [21]. Однако подготовку для них педагогических кадров осуществляла только учительская семинария в Молодечно.

В 1872 г. православное братство в Полоцке решило открыть на свои средства учительскую школу. В создании школы и организации в ней учебного процесса приняли участие и служащие военной гимназии (в 1873 г. по представлению министра народного просвещения полковник П. П. Готов был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени) [14, с. 257]. Осенью 1872 г. на базе этой школы была открыта Полоцкая учительская семинария.

Во время визита в Полоцк граф Д. А. Толстой осмотрел помещения военной гимназии и высказывался о возможности их использования для размещения высшего учебного заведения. В 1873 г. во всеподданнейшем отчете министр народного просвещения предложил для «поднятия русского дела в Западном крае» учредить в Полоцке университет. Александр II наложил на документе резолюцию «Да». Для размещения университета предлагалось использовать здание военной гимназии, на что император повелел: «Снести по этому с военным министром» [14, с. 256].

Граф Д. А. Толстой сообщил монаршую волю Д. А. Милютину, а тот запросил мнение ГУВУЗ. 3 февраля 1873 г. ему сообщили, что в целях государственной пользы главное управление согласно уступить здание, если Министерство народного просвещения заплатит за него 400 тыс. руб. (одну половину сразу, а вторую – в течение 1873 и 1874 гг.). На эти деньги военное ведомство предполагало открыть несколько военных гимназий для приходящих [14, с. 256].

По мнению историографа Полоцкого корпуса В. П. Викентьева, запрашиваемая сумма «была невелика», поскольку только каменные здания имели объем 16 085 куб. сажень. При строительстве новых корпусов они обошлись бы в 960 тыс. руб. Однако, несмотря на такие «минимальные требования», Министерство народного просвещения не согласилось их принять [14, с. 256–257]. В результате, Полоцкая военная гимназия продолжила свое существование, а открытие высшего учебного заведения в Беларуси было отсрочено еще на 45 лет.

Расширение сети военных гимназий. Несмотря на реформу военной школы, военные гимназии, как и дореформенные кадетские корпуса, сохраняли преимущественно сословный (дворянский) характер. И только в некоторые из них (Сибирская и Оренбургская военные гимназии) производился прием приходящих учеников недворянского происхождения.

Поскольку спрос в военных гимназиях на вакансии приходящих учеников из года в год увеличивался, правительство пошло на открытие в 1873 г. двух гимназий для экстернов – 3-й Петербургской и Симбирской. В них разрешалось принимать с платой представителей всех сословий. Во все иные военные гимназии допускались по три приходящих ученика на каждое класс-

ное отделение, а в четырех учебных заведениях были открыты классные отделения для приходящих на 30 человек [9, с. 119, 121].

Впрочем, несмотря на принятые меры, состав учащихся военных гимназий оставался почти исключительно дворянским. Так, в 1874–1876 гг. в этих учебных заведениях и общих классах Пажеского и Финляндского кадетских корпусов было 95 % детей потомственных и личных дворян [6, с. 247].

В 1873 г. штатная численность 12 военных гимназий была увеличена до 4300 человек. Однако в Полоцкой гимназии штат остался прежним – 350 воспитанников. В последующие годы было открыто еще четыре военных гимназии – 3-я Московская (1874 г.), Тифлисская (1875 г., 200 интернов и 25 экстернов, а прогимназия переведена во Владикавказ), 4-я Московская (1876 г., на 500 человек) и Псковская (1876 г., 400 человек). Две последние были преобразованы из прогимназий [9, с. 121]. Причем в Псковской военной гимназии было выделено несколько вакансий для дворянства белорусских губерний. Так, в 1882 г. в ней учились 4 воспитанника от Минской губернии (Петр Богуславский, Григорий-Константин Кадзевич, Станислав-Мартин Кадзевич и Людвиг Швогер-Летицкий) [22].

В 1870-х гг. число воспитанников военных гимназий постоянно увеличивалось, главным образом за счет своекоштных, которые платили уже по 250 руб. в год. Таких в 1882 г. в Полоцкой военной гимназии было 2 человека. В результате доля выпускников военных гимназий среди юнкеров военных училищ, составлявшая в 1871 г. около половины, в 1879 г. выросла до 75 %. Всего же, за 1871–1879 гг. военные гимназии и равные им учебные заведения направили в военные училища 4347 человек [9, с. 121]. Из Полоцкой военной гимназии за 1865–1882 гг. было выпущено 653 человека [19, с. 47–77].

При этом содержание одного воспитанника-интерна в военной гимназии обходилось государству в среднем в год: в 1872 г. – в 414,5 руб., в 1875 г. – в 369,43 руб., в 1879 г. – в 595,23 руб. [9, с. 121]. В то же время содержание воспитанника в Полоцкой военной гимназии в 1865 г. было самым минимальным – 302 руб. 96,5 коп. в год [14, с. 243].

Однако реформа военной школы не была завершена. Убийство 1 марта 1881 г. народовольцами Александра II и вступление на престол императора Александра III привели к пересмотру содержания милютинских реформ. Именно это обстоятельство и предопределило дальнейшую судьбу Полоцкого корпуса, продлив его существование еще почти на 40 лет [13, с. 49–51].

Таким образом, в ходе военных реформ 1860–1870-х гг. общие классы кадетских корпусов были преобразованы в военные гимназии, а старшие специальные классы – в военные училища. Строевой состав кадетских корпусов был упразднен, а большинство офицеров заменялись гражданскими преподавателями. В итоге эти учебные заведения из закрытых превратились в открытые. По замыслу военного министра Д. А. Милютина большинство воспитанников военных гимназий должно было содержаться за свой счет (что приблизило бы их к гражданским гимназиям), а со временем эти учебные заведения планировалось передать в Министерство народного просвещения. Поэтому военные училища должны были комплектоваться выпускниками

обычных гимназий. Однако эта идея не была до конца реализована из-за наличия оппозиции в армейских кругах.

Реорганизация военной школы не привела к упразднению сословности в подготовке офицерских кадров, которые преимущественно представляли дворянские круги. В то же время реформа предоставила новые возможности для социальной мобильности населения. Поскольку военная школа должна была готовить командиров, способных выполнять задачи в новых условиях ведения войны, доступ в военные гимназии был разрешен и для иных сословных групп.

На судьбу Полоцкого кадетского корпуса значительное влияние оказали политические факторы. Первоначально, это учебное заведение в ходе реформы подлежало ликвидации. Такое решение было обусловлено, с одной стороны, высокой концентрацией в Полоцком корпусе уроженцев белорусских губерний католического вероисповедания. А их лояльность в условиях восстания 1863–1864 гг. в Польше, Литве и Беларуси вызывала у правительства большое сомнение. С другой стороны, провинциальный Полоцк не позволял в достаточной мере решать проблему с квалифицированными кадрами для учебного заведения. Однако по мере стабилизации политической ситуации, российское правительство решило сохранить Полоцкий корпус, и тем самым продемонстрировать твердость своих позиций в «Западном крае».

В 1865 г. Полоцкий кадетский корпус был реорганизован в военную гимназию. Одновременно его штат был сокращен с 400 до 350 человек, в основном за счет уменьшения количества дворянских вакансий от белорусских губерний. При этом виленский генерал-губернатор получил право ежегодно замещать по 10 вакансий за счет детей офицеров и служащих Виленского генерал-губернаторства, а прием приходящих и своекоштных из числа католиков был запрещен. По мнению правительства, это должно было еще больше «размыть» местный состав воспитанников учебного заведения.

Впрочем, в 1870-х гг. Полоцкая военная гимназия рассматривалась как первый кандидат на упразднение. Предложение министра народного просвещения графа Д. А. Толстого о создании в Полоцке на базе гимназического комплекса зданий высшего учебного заведения (1873 г.) было поддержано Александром II. Однако оно не было реализовано из-за чрезмерно высокой стоимости компенсации, затребованной Военным министерством. Вступление на престол Александра III привело к пересмотру содержания милотинских реформ в области военного образования, и предопределило дальнейшую судьбу Полоцкого корпуса, продлив его существование еще почти на четыре десятилетия.

Список использованных источников

1. Указатель статей Морского сборника 1848–1872 г. / сост. И. Петров. – СПб.: тип. Морского мин-ва, 1875. – 932 с.
2. *Пирогов, Н. И.* Вопросы жизни (отрывок из забытых бумаг, выведенный на свет неофициальными статьями «Морского сборника» о воспитании) / Н. И. Пирогов // Морской сборник. – 1856. – Т. 23, № 9. – Неоф. часть. – С. 559–597.

3. Смирнов, В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. / В. З. Смирнов / Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1954. – 310, [1] с.: ил.

4. Милютин, Д. А. Дневник Д. А. Милютина / ред., биогр. очерк [«Д. А. Милютин», с. 5–72] и примеч. П. А. Зайончковского; текст подгот. к печати А. В. Аскарянц; указатель имен сост. В. Г. Лапшиной. Гос. ордена Ленина б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. рукописей. – М.: Тип. журн. «Пограничник», 1947–1950. – Т. 1: 1873–1875. – 1947. – 256 с.: ил.

5. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России / Л. Г. Бескровный. – М.: Наука, 1973. – 616 с.

6. Зайончковский, П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России / П. А. Зайончковский. – М.: Изд-во МГУ, 1952. – 371 с.

7. Полное собрание законов Российской империи: Собр. II: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: В 55 т. – СПб.: Тип. II отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1884. – Т. 38. Отделение 1-е: 1863. От № 39117 – 40024. – 1866. – 940, [1] с.

8. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 10: Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк: в 3 ч. / сост. Н. А. Соколов; ред. П. В. Петров. – 1914. – Ч. 3. – [4], 215, 3 с., [6] л. ил., портр.

9. Волков, С. В. Русский офицерский корпус / С. В. Волков. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с.

10. Бригадин, П. И. Мятежный корпус: Из истории Александровского Брестского кадетского корпуса (1842–1863) / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 183 с., ил.

11. Лалаев, М. [С.] Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. (От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича). 1700–1800: в 3 ч. / М. [С.] Лалаев. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880–1892. – Ч. 2. – 1880. – 283 с.

12. Бригадин, П. И. Военная школа в Беларуси, XVIII – первая четверть XIX в. / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск: Изд. центр БГУ, 2004. – 120 с.: ил., карт. – (Scriptor universitatis).

13. Шайкоў, В. Полацкі кадэцкі корпус і яго выхаванцы / В. Шайкоў, А. Лукашэвіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 4. – С. 45–51.

14. Викентьев, В. П. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. 1835–1910 / В. П. Викентьев. – Полоцк: Тип. Х. В. Клячко, 1910. – 396, 43 с.

15. Отношение витебского, могилевского и смоленского генерал-губернатора князя А. М. Голицына исправляющему должность витебского гражданского губернатора, 10 ноября 1849 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Канцелярия витебского гражданского губернатора. Оп. 1. Д. 18146. Л. 1–1 об., 3.

16. Ведомость о числе воспитанников Полоцкого кадетского корпуса. Составлена по 31 июля 1864 г. включительно // НИАБ. – Ф. 2613. Полоцкий кадетский корпус. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–2 об.

17. Месячный рапорт о состоянии Полоцкой военной гимназии за январь 1882 г. 1 февраля 1882 г. // НИАБ. – Ф. 2613. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–2.

18. Месячный рапорт о состоянии Полоцкой военной гимназии за январь 1876 г. 1 февраля 1876 г. // НИАБ. – Ф. 2613. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

19. Списки выпусков кадет Полоцкого кадетского корпуса и воспитанников Полоцкой военной гимназии за первое пятидесятилетие: Приложение к отчету виленского отдела Общества взаимопомощи Полочан, за 1901 г. / сост. Ал. Морель. – Вильна: Печ. М. Арановича, 1902. – 82 с.

20. Циркуляр Главного управления военно-учебных заведений, 11 июля 1872 г. // НИАБ. – Ф. 2613. Оп. 1. Д. 34. Л. 23–23 об.

21. *Ершова, О. И.* Правительственные народные училища северо-западных губерний как альтернатива земской школе европейской России: вторая половина XIX в. / О. И. Ершова // Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность: к 150-летию земской реформы в России: материалы междунар. науч.-практич. конф. (Псков, 13 ноября 2014 г.). – Псков: Псковский гос. ун-т, 2015. – С. 103–115.

22. Список воспитанников военно-учебных заведений, состоящих пансионерами дворянства Минской губернии. 1882 г. // НИАБ. – Ф. 320. Минский губернский предводитель дворянства. Оп. 1. Д. 501. Л. 21.

(Дата поступления: 26.02.2023).

ОТЗВУКИ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ. В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ

Самович А. Л.

Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

В статье рассмотрен круг вопросов, связанных с восприятием населением белорусских губерний событий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Раскрываются ход мобилизации, подготовка призывных контингентов. Приводятся примеры участия в боях воинских формирований, дислоцировавшихся на территории Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний, указываются имена и подвиги наиболее отличившихся воинов белорусского происхождения. Раскрываются сюжеты, касающиеся размещения и содержания на белорусской земле захваченных в плен турецких воинов, обращается внимание на гуманное отношение к турецким военнопленным жителей белорусских городов и местечек.

Ключевые слова: белорусские губернии; военнопленные; война; мобилизация; Российская империя; русская армия; Русско-турецкая война 1877–1878 г.; турецкие войска.

RECALLS OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877–1878 IN BELARUSIAN GUBERNIES

Samovich A. L.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

The article deals with a range of issues related to the perception of the events of the Russian-Turkish war by the population of the Belarussian provinces. The course of mobilization, preparation of draft contingents is revealed. Examples of participation in battles of military formations stationed on the territory of Vilna, Vitebsk, Grodno, Minsk and Mogilev provinces are given, the names and exploits of the most distinguished soldiers of Belarussian origin are indicated. The plots concerning the placement and maintenance of captured Turkish soldiers on Belarussian soil are revealed, attention is drawn to the humane attitude towards Turkish prisoners of war of residents of Belarussian cities and towns.

Keywords: Belarussian provinces; prisoners of war; war; mobilization; Russian Empire; Russian army; Russian-Turkish war of 1877–1878; Turkish troops.

О начале очередного, четвертого по счету в XIX в., масштабного российско-турецкого военного противостояния жители белорусских городов и местечек узнали из объявленного 12 апреля 1877 г. высочайшего Манифеста «О вступлении российских войск в пределы Турции» [1, с. 213]. Интересы внешней политики Российского государства и представления общества о справедливости освободительной войны России на Балканах обнаружили

в тот момент полное единство. Чувства и эмоции, которые вызвал текст Манифеста в западных окраинах Российской империи, наглядно демонстрируют строки официальной истории 103-го пехотного Петрозаводского полка, дислоцировавшегося в Гродненской губернии: «Громкое единодушное ура выдалось у присутствующих по объявлении высочайшей воли и долго раздавалось в воздухе. С этой минуты каждый человек в полку с нетерпением ждал времени выступления на театр военных действий» [1, с. 214]. Схожие настроения царили и среди обывателей г. Минска: «Тысячи народа окружали площадь, на которой собраны были: 119-й Коломенский и 120-й Серпуховской полки и 30-я артиллерийская бригада <...>. Когда войска были поздравлены с объявлением войны, раздались громовые крики восторга; одушевление охватило всеми, у многих на глазах были слезы...» [2, с. 16].

Мобилизация. Судя по слаженным и уверенным действиям военной и гражданской администрации на местах, весть о начале войны с Турцией не застала жителей белорусских губерний врасплох. К серьезному военному конфликту с Османской империей готовились заранее. Еще накануне Россия провела последовательно две частичные мобилизации, в ходе которых были подготовлены необходимые людские и материальные ресурсы. Мобилизационные мероприятия 1877 г. прошли организованно и в сравнительно короткие сроки – от 9 до 26 дней. Так, например, стоявший в г. Витебске 63-й пехотный Углицкий полк был укомплектован до штатов военного времени в 3400 человек уже к 22 апреля, то есть всего за 10 дней после объявления войны. Из города полк выступил в поход так же оперативно – 27 и 28 апреля по железной дороге проследовал в сторону г. Брест-Литовска, откуда 31 мая отправился на дунайский театр военных действий [3, с. 65].

С войсками, которым еще предстояло быть включенными в состав Действующей армии, в местах дислокации и в районе лагерей проводились интенсивные занятия по боевой подготовке. В частности, это коснулось частей Гродненского гарнизона. В летний период с личным составом пехотных полков была полностью пройдена программа ротных и батальонных учений. Сам ход мобилизационных мероприятий хорошо прослеживается на примере 103-го Петрозаводского полка. Так, с получением известия о мобилизации офицерам, назначенным для приема и подготовки призывников, были вручены заранее подготовленные пакеты с указаниями на случай войны. Для формирования запасного батальона из состава полка были выделены 1 штаб-офицер и 10 обер-офицеров, которые немедленно отправились к месту приема пополнения в Слоним. Запасные нижние чины стали прибывать к местам сбора уже через два дня. К 7 августа на укомплектование полка из Гродненской губернии поступило свыше 1300 человек. С этого времени с ними началась усиленная работа: распределение по ротам, обеспечение обмундированием и снаряжением, обучение строю и стрельбе. С приемом 138 лошадей – их выездка, укладка обоза и множество других самых разнообразных работ, неизбежных при мобилизации части. «Общее впечатление при виде людей, прибывших из запаса, было вполне благоприятно. Веселые лица, солдатская выправка, котомки с запасами необходимых для солдата ве-

щей, сохранившаяся у многих военная одежда убеждали в том, что людьми не забыто понимание духа дисциплины, долга и чести, которые были внедрены им во время их прежней службы», – сообщает автор официальной хроники полка. Он также подчеркивает, что «нижние чины запаса вели себя все время прекрасно: не было случая какого-либо крупного проступка, разгульного пьянства, неисполнения приказаний» [1, с. 215].

Такого рода добросовестное отношение к исполнению воинского долга чинов запаса, призываемых из белорусских губерний, отмечалось повсеместно. Как указывал историограф расположенного в г. Минске 120-го пехотного Серпуховского полка: «Нельзя не заметить, что, несмотря на крайне дурное состояние грунтовых дорог, обусловленное временем года, разливы рек, при отсутствии на них переправ, слякоти и пр., люди запаса, которым лишь незначительную часть пути приходилось делать по железной дороге, прибывали к полку в срок, благодаря чему и мобилизация наша могла быть выполнена согласно плану» [2, с. 15]. В качестве личного оружия новому пополнению были выданы ружья системы «Бердан». Вплоть до дня выступления на театр военных действий с принятыми в полк запасными чинами производились занятия по сборке и разборке оружия, осуществлялась интенсивная огневая подготовка. Непосредственно перед выступлением в поход каждому из солдат были выданы чехлы на шапки и назатыльники из белого холста, теплые фуфайки, рукавицы и портянки. Учитывая жаркие условия, в которых предстояло осуществлять переход к турецкой границе, каждому выдавались стеклянные фляги для воды. Из штаба для офицеров были получены карты Европейской Турции, а также 20 экземпляров книги «Военный переводчик».

О том, насколько тепло и торжественно местное население провожало своих воинов на театр военных действий, можно видеть на примере 64-го пехотного Казанского полка. К 1877 г. он уже как 9 лет дислоцировался в Витебске и для многих жителей города фактически стал «своим полком», в котором проходили службу их родные и близкие. Эмоционально окрашенные проводы сопровождались торжественным обедом в городском собрании и напутственным молебном. Благословляя солдат и офицеров на ратные подвиги, Епископ Витебский Викторин вручил командиру полка образ Св. Николая, который сопровождал воинов в период всей их боевой службы. Слова благодарности командира от имени всех чинов полка прозвучали и в адрес жителей Витебска, присутствовавших на этой церемонии [4, с. 479].

Сказанное в отношении 64-го пехотного полка всецело можно отнести и к другим отправлявшимся на войну частям 16-й пехотной дивизии. Как сообщалось в одном из номеров «Могилевских губернских ведомостей»: «Город наш не отстал от других городов <...>. Давно ожидаемая мобилизация 16-й пехотной дивизии объявлена была 4 апреля, и когда потом еще ранее срока были собраны бессрочно отпускные, то жители охотно разместили их у себя и во время квартирования угощали их чаем и вином. <...> 24 апреля накануне выступления Преосвященным Евсевием Архиепископом Могилевским совершена была литургия в Кафедральном соборе в присутствии начальника губернии, начальника 16-й пехотной дивизии, штаб- и обер-офи-

церов войска, представителей всех городских сословий и множества народа. После обедни на площади, где расположены были войска, совершено было молебствие с коленопреклонением, после которого Преосвященный сказал напутственное слово войскам, благословил их образом Святителя и окропил все ряды войск святою водою. Несмотря на дождливую погоду, публики было так много, что не только площадь, но и вся улица была укрыта народом. <...> В 4 часа пополудни был обед в Могилевском городском собрании. И хозяева, представители городских сословий, и военные гости представляли одну дружную семью» [5].

Ратные подвиги и потери. В рамках одной статьи не представляется возможным подробно описать боевую работу и подвиги личного состава участвовавших в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. полков и бригад, квартировавших на белорусской земле. Приведем лишь пример из боевой деятельности 102-го пехотного Вятского полка, входившего в состав 26-й пехотной дивизии, которая была влита в действующую армию летом 1877 г. Первое серьезное столкновение вятцев с турками произошло 9 сентября в районе Церковны, где три турецкие дивизии атаковали передовой отряд генерал-лейтенанта Л. А. Татищева. Упорный бой длился несколько часов. Имея тройное превосходство, турецкая бригада генерала Асима взяла ключевую высоту у деревни Бей-Варбовка, пытаясь обойти наш левый фланг. Для ликвидации угрозы окружения командир бригады генерал-майор Н. Н. Малахов лично повел резерв (1-й и 2-й батальоны полка) в атаку. В ожесточенном бою вятцы опрокинули полки Асима. Потеряв около 1,5 тысячи солдат, турки отступили.

Показателен и другой пример. 13 ноября 1877 г. главная турецкая армия Сулеймана-паши предприняла действия против Руцукского отряда русских войск с целью выйти в тыл 8-му корпусу, оборонявшему Шипкинский перевал. 23 ноября турки прорвали фронт и заняли Златарицу, открыв дорогу на Тырнов. Однако ночью к Тырнову подоспела бригада генерал-майора Н. Н. Малахова. 24 ноября 101-й Пермский и 102-й Вятский полки перешли по пояс реку Дрентска и взобрались под вражеским огнем на крутые скалы. Ударив на правый фланг и в центр турецких позиций у Златарицы, полки опрокинули противника, спешно отступившего и оставившего более 100 человек убитыми. Одновременно продвижение турок было остановлено и на других участках.

Говоря о событиях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., нельзя не привести фамилии наиболее отличившихся в боевых действиях представителей белорусских земель. Тяжелейшее Шипкинское сражение, в котором русские войска вместе с болгарскими ополченцами держали упорную оборону против многократно превосходивших их по численности турок, стало боевым крещением для будущего генерала В. Ф. Боуфала, выходца из семьи дворян Гродненской губернии. В чине подпоручика он удостоился самой почетной воинской награды Российской империи – ордена Св. Георгия 4-й ст. Основанием к награждению послужил подвиг, заключавшийся в том, что В. Ф. Боуфал во главе небольшого отряда добровольцев выбил турок из хорошо

укрепленных позиций. При этом он получил ранение и сильную контузию, но не оставил строя. После выздоровления отважный офицер вновь принял участие в боевых действиях, где снова был ранен. Во время одной из атак сразу четыре турецкие пули поразили его в грудь и шею. Излечившись от новых ран, он в очередной раз вернулся в строй. За отличия в боях с турками был удостоен еще целого ряда боевых наград – орденов Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Анненского оружия и произведен в чин поручика [6].

Не менее доблестно проявил себя и подпоручик А. Ф. Рагоза (потомственный дворянин Витебской губ.), который охотился в боевую обстановку сразу же после окончания Михайловской артиллерийской академии. За проявленное мужество он также был удостоен высоких воинских наград – Анненского оружия, орденов Св. Станислава 3-й и 2-й степеней с мечами, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом [7]. В последующем А. Ф. Рагоза достиг чина генерала от инфантерии и в годы Первой мировой войны командовал армией, действовавшей на территории Беларуси.

Через огонь Русско-турецкой войны прошел и уроженец г. Могилева поручик П. А. Парчевский – будущий генерал-лейтенант и командир корпуса в годы Первой мировой войны. Боевая служба молодого офицера в 1877–1878 гг. в составе 16-й артиллерийской бригады была отмечена орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Анненским оружием [8].

В рядах 101-го пехотного Пермского полка отличился уроженец лидчины поручик А. А. Мокржецкий, ставший впоследствии генерал-майором. Боевые подвиги офицера в годы Русско-турецкой войны были отмечены Анненским оружием [9].

Примеры подобные этим можно множить и множить. Строки об участии в боевых действиях против турок встречаются в послужных списках значительного числа наших соотечественников. Многие из них были отмечены орденами «с мечами и бантом», наградным Золотым и Анненским оружием.

К сожалению, участие уроженцев белорусских губерний в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. не обошлось и без потерь. Списки с именами погибших воинов то и дело появлялись на страницах губернской печати.

В первом же бою с турками 18 июля 1877 г. под г. Плевной 119-й пехотный Коломенский полк потерял убитыми: командира 5-й роты капитана П. Яцевича, командира 6-й роты штабс-капитана В. Короткевича, бригадного адъютанта подпоручика П. Василевского, прапорщика М. Смолича, портупей-юнкеров И. Пиотровича и Г. Чечота, а также 122 нижних чина. Были ранены: 1 генерал (командир бригады), 9 офицеров и 260 рядовых [10, с. 13].

Действовавший вместе с Коломенским полком 120-й Серпуховской полк пострадал не меньше: только в двух батальонах потери составили 13 офицеров и 532 солдата. Из них убитыми – 4 офицера и 213 рядовых [2, с. 10]. О погибших в рядах 117-го, 118-го, 119-го и 120-го пехотных полков в 1877 и 1878 годах регулярно сообщали «Минские губернские ведомости» [11].

Существенные потери в бою 30 августа 1877 г. понес и 64-й пехотный Казанский полк. Число убитых и раненых составило 681 человек: 1 обер-офицер

и 85 солдат убитыми, 3 штаб-, 19 обер-офицеров и 449 нижних чинов ранены. Без вести в этом бою пропало 124 человека [4, с. 549–550].

Возвращение на родину. Победное возвращение «своих полков» после тяжелой боевой работы в места постоянной дислокации было встречено жителями белорусских городов столь же тепло и торжественно, какими были проводы войск в 1877 г. В качестве иллюстрации приведем примеры по Витебску и Могилеву.

Вступление полков 2-й бригады 16-й дивизии в Витебск было назначено на 5 июня. Улицы, окна и двери домов были украшены зеленью и флагами; при входе на мост через р. Двину и на сходе с моста были устроены триумфальные арки. С восходом солнца полки бригады, построившись у вокзала, двинулись в город с музыкой и барабанным боем. Впереди своих частей ехал командир бригады генерал-майор Э. А. Венцель. У входа на мост полки были встречены «хлебом-солью» почетными представителями города. На углу Смоленской площади и Замковой улицы в присутствии губернатора, предводителя дворянства и местного чиновничества епископ Викторин встретил полки и благословил крестом, обратившись к войскам с приветственным словом. По окончании церковного торжества здесь же на площади началось традиционное угощение нижних чинов. Офицеры бригады были приглашены на обед в зал городского собрания. Отсюда губернским предводителем была послана телеграмма генералу М. Д. Скобелеву, под командованием которого 63-й Углицкий и 64-й Казанский полки находились в самые трудные периоды военной кампании на Балканах. В своей ответной телеграмме прославленный генерал отметил следующее: «От всего сердца глубоко тронутый благодарю Витебское общество, Вас, как его представителя, и моих боевых товарищей, угличан и казанцев. Нашим славным войскам обязана Россия победой. Те, кому выпала счастливая доля водить их в бой, должны низко кланяться воспитавшей их среде, ныне братски войска приветствующей» [3, с. 78]. Вечером город был иллюминирован и до поздней ночи на улицах шло народное гулянье.

Радужный прием прибывающих на родину войск был характерен и для Могилева. «В Могилев возвратились несколько лет квартировавшие здесь Владимирский и Суздальский полки, – сообщалось в одном из номеров «Могилевских губернских ведомостей», – Как два года назад, могилевское городское общество с сердечными благожеланиями провожало эти полки на войну, так и теперь, при возвращении их с театра войны, оно пригостило дорогим гостям торжественную встречу» [12]. В день вступления Владимирского полка в город, ворота, через которые он должен был проходить, были украшены флагами, зеленью и цветами. Ко времени прибытия полка у ворот собрались горожане с цветами в руках. По окончанию молебствия городской голова в сопровождении членов городской управы и гласных Думы поднес вступающему полку образ Спасителя и традиционные хлеб-соль. Затем воинов ждало угощение. Для солдат были накрыты отдельные для каждой роты столы с праздничной едой, офицеров пригласили на торжественный обед в зал Могилевского дворянского собрания.

Пленники русского царя. Одним из результатов успешных действий русской армии стал захват в плен значительного числа турецких солдат и офицеров. Российским правительством было принято решение о размещении и последующем трудовом использовании внутри империи нескольких тысяч воинов Блистательной Порты, в том числе и на территории западных губерний.

В соответствии с установленным в декабре 1877 г. «Перечнем пунктам, избранным для водворения турецких военнопленных», они должны были сосредоточиваться преимущественно в губернских центрах: в Витебске – 892 чел., Минске – 1584 чел., Могилеве – 1016 и Гродно – 500 чел. В 1878 г. география их размещения на белорусских землях значительно расширилась, затронув уездные города. Последние партии были направлены в Новогрудок из Кишинева 3 и 6 марта 1878 г.

Необходимость соблюдать правила и обычаи войны по отношению к захваченному в плен противнику заставляла победившую сторону выделять огромные силы и средства на перемещение и содержание турок. В этом плане как военные, так и гражданские власти делали все возможное, чтобы обеспечить должный прием и размещение военнопленных. К примеру, с прибытием в августе-сентябре 1877 г. в Минск первых партий турок при отсутствии свободного казарменного фонда городские власти сумели нанять для них отдельные помещения в предместье «Комаровка».

«Временное положение о военнопленных 1877 г.» обязывало принимать меры к тому, чтобы пища для турок в местах водворения состояла преимущественно из продуктов, употребляемых ими на родине. Отчасти это возможно было сделать при артельном устройстве питания посредством замены одних продуктов другими. На практике применение такого способа продовольственного обеспечения приобретало характерные особенности. Например, в отчетах членов специально созданной передвижной комиссии было отмечено, что в г. Могилеве «продовольствие пленных очень удовлетворительно; они получают муку и сами приготавливают пресный хлеб, которым очень довольны. Горячая пища тоже готовится самими пленными и по своему выбору и вкусу. Об удовлетворительности продовольствия свидетельствует также здоровый и бодрый вид, который представляют военнопленные» [13, л. 136].

Отдельного внимания обращает на себя снабжение военнопленных вещевым имуществом. Судя по источникам тех лет, внешний вид препровождавшихся через белорусские губернии пленных оставлял желать лучшего. «Турки хотя были на вид свежи и бодры, но страшно обносились, в лохмотьях, без порядочной обуви и даже в лаптях», – сообщали по этому поводу «Минские губернские ведомости» [14]. По прибытии к местам назначения пленные получали новое обмундирование. Вместе с тем им не запрещалось носить собственную одежду и обувь «лишь бы они были пристойны» [15].

В соответствии с § 39 «Временного положения» военнопленные нижние чины могли быть привлечены на государственные, общественные и даже частные работы. При этом § 40 вносил оговорку, что виды труда не должны быть унижительны для воинского звания и общественного положения, зани-

маемого военнопленными на родине, а также же иметь прямое отношение к военным действиям против Турции и ее союзников. Один из примеров их трудового использования содержится в сообщении «Минских губернских ведомостей» от 19 ноября 1877 г.: «Теперь многие из пленных работают на обоих железных дорогах, получая по 40 коп. в сутки; по отзыву управления железных дорог турки очень хорошие, усердные работники, дурных поступков за ними не замечено» [16].

В сентябре 1877 г. МВД России поддержало инициативу Военного министерства о более широком использовании труда военнопленных на частных работах [17, л. 6]. Содержание соответствующего циркуляра было доведено до исправников и полицмейстеров Минской губернии 9 октября 1877 г. И уже через три дня на имя Минского гражданского губернатора последовало предложение Речицкого уездного исправника о желании принять на работы для осушки болот Полесья до 400 военнопленных. Уточняя сферу приложения труда турок, очередной циркуляр от 3 декабря того же года сообщал, что они «могут быть употребляемы для расчистки снега, для земляных работ, для работ по заготовке и нагрузке балласта и вообще как чернорабочие; те же из них, которым знакомы мастерства, как например каменщики, каменотесы и тому подобные, могут быть употребляемы и соответственно их специальности» [17, л. 21].

Большое влияние на отношение к военнопленным туркам имело эмоциональное восприятие их населением страны пленения. Поначалу социально-культурная дистанция, обусловленная незнанием языка, культуры, обычаев страны пленения, заставляла вновь прибывших пленных сторониться местных жителей. «Турки очень не словоохотливы и на вопросы неохотно отвечают, даже где они взяты в плен, в каких делах» – отмечал корреспондент «Минских губернских ведомостей» [18]. Однако по мере привыкания и узнавания друг друга отношения становились более ровными и стабильными. Более того, судя по сохранившимся архивным документам, турецкие военнопленные вскоре настолько адаптировались к условиям жизни в плену, что некоторые из них позволяли себе не просто «шататься по городу», но и «заходить в частные дома и просить милостыни» [17, л. 3]. Негодование по этому поводу Минского губернского воинского начальника вызвало появление в октябре 1877 г. специального предписания, «чтобы полицейские власти бродящих по городу пленных турок задерживали и препровождали в распоряжение Минского уездного воинского начальника» [17, л. 4]. Однако, как свидетельствуют архивные документы, усилий полицейских для решения обозначившейся проблемы оказалось явно недостаточно. Проявление разных форм сочувствия и ослабленного контроля к военнопленным продолжало иметь место в повседневной жизни белорусских городов и местечек. В январе 1878 г. в отчетных документах вновь сообщалось, что в Минске продолжают появляться турки без конвоя, «бродяжничают и собирают милостыню» [17, л. 16]. Один из них осмелился появиться даже в Доме губернского предводителя дворянства.

Важным направлением в деятельности военных и гражданских властей являлось недопущение среди военнопленных заболеваний сыпным и воз-

вратным тифом. Нуждавшиеся в лечении турки получали врачебную помощь на общих основаниях с российскими войсками и принимались в ближайшие военные или гражданские лечебные заведения. Например, в Бобруйске заболевшие пленники размещались в крепостном госпитале в специально отведенном для них помещении на 80 кроватей, а также в лазарете 120-го запасного батальона на 50 кроватей. Созданная в Минске для наблюдения за санитарным состоянием пленных специальная комиссия еженедельно представляла отчеты о заболеваемости турок во врачебное отделение Минского губернского правления. Серьезные меры против распространения заразных болезней среди военнопленных и горожан предпринимались в Витебске. Образованная по распоряжению Витебского гражданского губернатора Особая санитарная комиссия предприняла ряд конкретных шагов по недопущению развития эпидемии тифа в городе [19, л. 26].

Важно отметить, что достаточно сложная ситуация с распространением среди пленных турок эпидемии тифа не скрывалась от местного населения. Данная проблема, так или иначе, находила отражение на страницах официальных периодических изданий. Остановимся для примера на одной из заметок «Минских губернских ведомостей» за 1878 г.: «С августа месяца, с того времени, как стали к нам прибывать партия за партией пленные, между ними постоянно обнаруживали болезни и с августа по 8 число настоящего месяца февраля их пребывало в военном госпитале 474 человека, из них выздоровело 141, умерло 60, из болезней, как видно по официальным сведениям, наиболее являлись горячки, лихорадки, брюшной тиф, понос, острый катар дыхательных органов, воспаления легких и плевры, ревматизм, чесотка, обморожение, раненых же всего было 12 чел. Недавно прибыло еще 100 человек и все они больные и потому находятся в госпитале или же при лазарете местного батальона» [20].

Систематическая профилактическая работа, строгий контроль за санитарным состоянием жилых помещений турецких военнопленных позволили избежать широкого распространения инфекционных заболеваний как среди самих турок, так и жителей региона. В некоторых случаях удавалось существенно улучшить питание военнопленных, обеспечить их одеждой и обувью по сезону.

Заключение мира с Турцией возродило надежды пленников на скорое освобождение и возвращение домой. «Весть о заключении мира очень обрадовала турок, они ожили духом, даже и больные как бы ободрились. Кому не желается на родину», – сообщалось в «Минских губернских ведомостях» в марте 1878 г. Пленные турки вероятно скоро оставят Минск, – указывалось далее, – где, впрочем, должно сказать правду, жили они тихо, смиренно, безукоризненно и своими болезнями никакой заразительности до сих пор слава Богу не передали» [21].

Как видим, события Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оставили заметный след в нашей истории. В белорусских губерниях она отозвалась чередой военно-мобилизационных мероприятий, непосредственным участием воинов-белорусов в боевых действиях, а также вынужденным взаимодей-

ствием с оказавшимися у нас турецкими военнопленными. Славная боевая жизнь полков, тесно связанных с нашей землей, а также патриотический подъем, царивший среди жителей западных окраин Российской империи, в который раз продемонстрировали величественный дух нашего народа, доказали его единство с армией и способность к гуманному отношению к поверженному противнику.

Список использованных источников

1. Дубинин, Р. И. История 103-го пехотного Петрозаводского полка (1803–1903) / Р. И. Дубинин. – СПб., 1903. – 337 с.
2. Лавринович, А. В. Серпуховская памятка: Боевая служба 120-го пехотного Серпуховского полка Царю и Отечеству / А. В. Лавринович. – Минск, 1896. – 35 с.
3. Вершинин, А. А. Углицкий полк. 1708–1918 / А. А. Вершинин. – Ярославль, 2008. – 278 с.
4. Борисов, В. Походы 64-го пехотного Казанского полка (1642–1700–1886) / В. Борисов, А. Сыцяно. – СПб., 1888. – 519 с.
5. Могилевские губернские ведомости. Часть неофициальная. 11 мая 1877 г. – № 37. – С. 3.
6. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 409. Оп. 1. послужной список (далее – п/с) 241–389 (1916).
7. РГВИА. – Ф. 409. Оп. 1. п/с 144–681 (1914).
8. РГВИА. – Ф. 409. Оп. 1. п/с 158–400 (1917).
9. РГВИА. – Ф. 409. Оп. 1. п/с 167–880 (1917).
10. Историческая памятка 119-го пехотного Коломенского полка. – Минск, 1891. – 28 с.
11. См.: Минские губернские ведомости. 1877 (№№ 36, 39, 44); 1878 (№№ 5, 7, 8, 16, 23, 25).
12. Могилевские губернские ведомости. Часть неофициальная. 4 июля 1879 г. – № 53. – С. 3.
13. РГВИА. – Ф. 400. Оп. 3. Д. 2047.
14. Минская хроника // Минские губернские ведомости. 6 августа 1877 г. – № 31. – С. 430.
15. ПСЗРИ-II. – Т. LII. – № 57530.
16. Минская хроника // Минские губернские ведомости. 19 ноября 1877 г. – № 46. – С. 669.
17. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (далее – НИАБ). – Ф. 229. Оп. 3. Д. 339.
18. Минская хроника // Минские губернские ведомости. 31 августа 1877 г. – № 31. – С. 430.
19. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 36201.
20. Минская хроника // Минские губернские ведомости. 18 февраля 1878 г. – № 7. – С. 101.
21. Минская хроника // Минские губернские ведомости. 4 марта 1878 г. – № 9. – С. 133.

(Дата поступления: 17.04.2023).

199-й ПЕХОТНЫЙ КРОНШТАДТСКИЙ ПОЛК В ОБОРОНЕ ВОЛКОВЫСКА В АВГУСТЕ 1915 г.

Терентьев В. О.

Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия

Исследование посвящено малоизвестным событиям времен «Великого отступления» Первой мировой войны. В августе 1915 г. русские войска с боями отошли к городу Волковыск, где состоялась одна из неудачных попыток задержать германское наступление. В течение нескольких дней на Волковыском направлении шли тяжелые бои. В работе анализируются боевые действия 199-го пехотного Кронштадтского полка Русской императорской армии, его роль и место в сражении за Волковыск, причины поражения и дальнейшего отступления русских войск. Статья продолжает цикл работ по истории 199-го пехотного Кронштадтского полка в аспекте боевых действий Первой мировой войны на территории Беларуси. Основными источниками стали документы Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и мемуары участников.

Ключевые слова: Великая война; Первая мировая война; Волковыск; 1915; Русская императорская армия; 199 полк; Кронштадтский полк.

199th INFANTRY KRONSTADT REGIMENT IN THE DEFENSE OF VOLKOVYSK IN AUGUST 1915

Terentyev V. O.

State University of Maritime and River Fleet
named after Admiral S. O. Makarov, St. Petersburg, Russia

The article depicts little-known events of the «Great Retreat» of the First World War. In August 1915, Russian troops retreated to the city of Volkovysk, where one of the unsuccessful attempts to hamper the German offensive took place. Heavy fighting have continued in the Volkovysk direction for several days. The Russian Imperial Army's 199th Infantry Kronstadt Regiment, its role and place in the battle for Volkovysk, the reasons for the defeat and further retreat of the Russian troops are analyzed in the work. The article continues the cycle of works on the history of the 199th Infantry Kronstadt Regiment concerning the combat action of the Russian army during the First World War on the territory of Belarus. The study is based on various sources that include the documents from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA), the State Archive of the Russian Federation (GARF), and the memoirs of the participants of the events in question.

Keywords: Great War; First World War; Volkovysk; 1915; Russian Imperial Army; 199 regiment; Kronstadt Regiment.

События «Великого отступления» 1915 г. Первой мировой войны до сих пор недостаточно изучены. Российские и советские военные историки долгое время вообще игнорировали данный вопрос, рассматривая Горлицкий прорыв как причину, позиционную войну, как следствие. Значительно больше внимания уделялось военно-политическим результатам отступления как прологу поражения в войне и одной из причин Революции. В отличие от Германии, где любое поражение тщательно анализировалось и служило причиной для модернизации и трансформации военных структур, техники, тактики, в России длительное время собственные неудачные операции мировых войн и конфликтов просто замалчивались. Тем не менее, при наличии множества нерешенных проблем, «Великое отступление» проходило контролируемо и организовано, в отличие от событий Гражданской и Великой Отечественной.

Сражение под Волковыском – одно из малоизученных событий «Великого отступления». Несмотря на то, что оборона города не рассматривалась в стратегических планах русского командования, и он находился между Свислочским и Зельвянским рубежами обороны, за Волковыск разгорелись ожесточенные бои, которые шли около недели. Во многом это было обусловлено тем, что с 23 июля и по 8 августа здесь находилась Ставка, а также необходимостью сдерживания высоких темпов наступления немецких войск. В сражении за Волковыск участвовал одна из столичных частей Русской императорской армии – 199-й пехотный Кронштадтский полк, на примере которого можно рассмотреть картину военных действий, развернувшуюся к северу от города.

199-й полк, принимавший активное участие в Первой мировой войне на территории Беларуси, был сформирован в 1910 г. в Кронштадте, где и квартировал до начала войны. Офицерский состав полка имел в основном мещанско-разночинное происхождение. Многие именитые и известные дворяне, прослужив некоторое время в полку для прохождения цензового командования, уходили в Петербург на повышение, в гвардию или на штабные должности. Солдатский состав, наоборот, имел более высокий образовательный и культурный уровень, чем в провинциальных полках России. В полк, кроме петербуржцев, отбирали грамотных или, как минимум, мастеровых крестьян из провинций [11]. В сентябре 1914 г. он был переброшен в Польшу и с колес вступил в бой. В это время 50-я пехотная дивизия, в которой состоял 199-й полк, вошла в состав 5-го Сибирского корпуса. Кронштадцы участвовали в боях на Висле, защищали Варшаву. С декабря 1914 г. полком командовал Георгиевский кавалер, полковник Генерального штаба Л. А. Радус-Зенкович, впоследствии один из организаторов Литовской армии и ее Генерального штаба [10]. Лев Аполлонович был либерален и недостаточно настойчив в выполнении своих распоряжений, но являл собой пример заботливого и хозяйственно-го командира, обожаемого как офицерами, так и солдатами [8].

В августе 1915 г. кронштадцы под его командованием отходили на восток в ходе «Великого отступления». Днем полк вел бои с авангардными войсками кайзера, а ночью совершал марш-маневры на 15–20 верст. На реке Орлянке

и под Бельском в боях с 1-й гвардейской резервной дивизией немцев полк понес большие потери. Количество офицеров и солдат теперь едва достигало трети от довоенного состава (1,2 тыс. чел. вместо 4 тыс.). 14–15 августа 1915 г. 199-й полк отошел на реку Свислочь близ Мостовлян, где вступил на территорию нынешней Беларуси. 16 августа русские части отводятся на рубеж Неман – Мстибово. Под ударами врага 50-я дивизия отходит на Клепачи и далее – на рубеж Шиловичи – Дьяки западнее Волковыска [11].

Как и во всякой войне «лощеные» и «паркетные» офицеры, «удобные» и «исполнительные» солдаты мирного времени оказываются неспособны успешно воевать в тяжелых, быстроменяющихся условиях. Они неспособны взять на себя ответственность в нужный момент, неспособны принять простое или нестандартное решение, неспособны вообще что-то сделать без привычной команды вышестоящего начальника. А в случае окружения, автономных, самостоятельных действий, подобная нерешительность приводит к гибели всего подразделения. Именно это и привело к поражениям русской армии в маневренной войне 1914–1915 гг., когда вялость и нерешительность командования, бессловесность и покорность солдат способствовали инертности и неповоротливости русских войск. Даже в августе 1915 г. при наличии крупных сил кавалерии и казаков русская армия больше опиралась на агентурную разведку, чем на полевую оперативно-тактическую, потому что во главе кавалерийских и казачьих полков, бригад, дивизий, призванных вести эту разведку, стояли уважаемые, но не способные на энергичное, активное мышление, командиры, более привыкшие к парадам и красивым маневрам. За время «Великого отступления» началась ломка стереотипов, появилась необходимость выживания, выявилось преимущество военного профессионализма над субординацией. На первое место выходит смелость, отвага, умение воевать. Так, например, в 199-м полку на смену «блестящему» гвардейцу подпоручику А. Н. Козлову начальником команды связи, обеспечивающей управление в бою, был назначен герой полка, прапорщик И. Н. Тарасевич. В ходе боев 1914–1915 гг. он проявил себя смелым, находчивым, умелым командиром, был 11 раз ранен, контужен, отравлен газами, произведен в прапорщики за отличие, удостоен Св. Владимира 4-й степени с мечом и бантом [9].

18 августа 17-й германский корпус генерала Г. фон Паннвица занял городок Свислочь, а 20 августа ударная гвардейская группа генерал-лейтенанта Т. фон Ваттера (13-й армейский корпус) – Бржестовичи (Берестовица). В это время Кронштадтский полк вновь совершил 25-километровый ночной марш-маневр с арьергардными боями и вышел на рубеж Шиловичи – Дьяки западнее Волковыска [11].

С утра 20 августа вся 50-я пехотная дивизия (начальник дивизии генерал-лейтенант В.-К. фон Нордгейм) 5-го Сибирского стрелкового корпуса (командир генерал-лейтенант Н. М. Воронов) находилась на позиции по р. Наумка Шиловичи – Меловцы (Меловицы) – Яриловка. Протяженность позиции составляла 5,5 верст. Впереди, в Дьяки (Дяки, сейчас Родники) было выставлено боевое охранение – две роты 199-го Кронштадтского полка. Основные силы полка развернулись на участке холмов от Шиловичей (само село оборонял

6-й Туркестанский стрелковый полк 2-й Туркестанской бригады) до Меловиц. Слева, за Меловицами – 197-й Лесной полк, на шоссе Городок – Волковыск (за Яриловкой) – 198-й Александро-Невский полк. 200-й Кроншлотский полк – в резерве. В районе Мстибово заняла позиции 6-я Сибирская стрелковая дивизия. Противник в течение дня проводил разведку и перегруппировывал свои силы. В качестве основной ударной силы, которая должна была взять Волковыск с запада, стал 13-й корпус фон Ваттера. Две его пехотные дивизии (3-я и 26-я), преследовали отходящие русские арьергарды по шоссе и железной дороге. Во втором эшелоне за ними выдвигались 1-я гвардейская резервная дивизия, 4-я гвардейская дивизия, 50-я резервная дивизия. Последние прибыли из резерва три дня назад и в бой не вступали [3 Л.20об.]. От Свислочи на Мстибово выдвинула 17-й корпус фон Паннвица.

Необходимо отметить, что силы германских войск, энергично преследующих русскую армию, были весьма значительные. К началу войны германская армия отличалась превосходством в артиллерии, особенно тяжелой. Это превосходство она сохранила и нарастила в 1915 г. Весной немцы провели реорганизацию соединений для повышения их мобильности и управляемости. От четырехполковой структуры большинство дивизий перешли к трехполковой, многие полки получили по второй пулеметной роте, из-за чего получили преимущество над русскими полками, ряд артиллерийских бригад стал переходить на 4-х орудийный состав. Были расширены возможности по разведке и мобильности. 13-й армейский корпус генерал-лейтенанта фон Ваттера насчитывал более 65 тыс. чел., около 200 пулеметов, 36 150-мм гаубиц, 72 105-мм гаубицы, 200 76-мм пушек, 6 самолетов. В свою очередь 5-й Сибирский корпус, защищавший Волковыск с запада и северо-запада, имел всего 14 тыс. чел., 60 пулеметов, 11 122-мм гаубиц, около 60 76-мм пушек, 3 самолета. Русская артиллерия имела всего 25 % снарядов от нормы, большинство из которых было складировано в нескольких часах езды от передовой. При этом германцы решили проблему с артснабжением еще весной 1915 и у них всегда был значительный запас на орудийных позициях и в ближних обозах.

21 августа 20-й германский уланский полк проводил разведку русских позиций, обнаружив боевое охранение в Дьяках. Авангард 26-й пехотной дивизии занял Тальковицы, где боевое охранение 197-го полка вступило с ним в перестрелку [4]. С 19.00 артиллерия 3-й и 26-й германских дивизий открыла огонь по позициям боевого охранения русских войск. При этом охранение 6-й Сибирской дивизии сразу отошло в Мстибово. Охранение 199-го Кронштадтского полка (роты капитана А. Шибаяева и прапорщика К. Соколова) держались под ураганным огнем 26-й германской артбригады в Дьяках до ночи, отбив несколько попыток немецких разведчиков занять деревню [5]. Таким образом, немцы в течение дня обнаружили слабые фланги и упорное сопротивление на шоссе.

22 августа 1915 г., в субботу, с утра немцы силами 3-й пехотной дивизии и кавалерии фон Паннвица из 12-й армии и 5-й резервной дивизии из 9-й армии разгромили соседа слева – 35-й русский армейский корпус к юго-западу от Волковыска. Он отошел на 6 верст, к черте города. На прикрытии обнаженного левого фланга, был брошен корпусной резерв 5-го Сибирского

корпуса. На правом фланге немцы сосредоточили 119-й ударный гренадерский полк в Тальковцах. Около полудня при поддержке улан и батарей прямой наводки он силами около 4 тыс. чел. атаковал Шиловичи и Меловцы. Боевое охранение 197-го и 200-го полков от р. Наумки отошло. В Шиловичах в бой вступили туркестанцы, в Меловцах – 197-й полк. Кронштадтцы находились между и в бою участвовали опосредствовано. Несмотря на то, что в наступлении участвовал один полк, у немцев было преимущество примерно в тысячу человек. Русская артиллерия была без снарядов и в бою почти не участвовала. Атаки немцев были отбиты ружейным огнем. Гренадеры окопались по кромке леса, в деревню подошел еще один пехотный полк, а артиллерия вела постоянный огонь по русским позициям. В результате прорыва противника юго-западнее Волковыска и угрозы на Шиловичском направлении, русские войска вновь получили приказ на отход. Вечером 197-й Лесной полк был оставлен в арьергарде, остальные полки ночью начали отход. 199-й полк был снят с позиций первым. Марш-маневр начали во второй половине ночи, после дождя [4; 5].

В ночь на 23 августа 1915 г. в условиях полуокружения, преследуемый германской кавалерией, Кронштадтский полк совершил марш-маневр на 18 верст, на правый берег реки Рось (Россь). Здесь, на северном фланге оборонительной позиции Волковыска, он вновь развернулся и вступил в бой с противником. В течение трех дней кронштадтцы держали оборону против превосходящих сил германской армии на трехкилометровом участке станция Подрось – Мочулино севернее Волковыска [1, л. 5–7]. Судя по описанию участка, схемам и картам, станция Подрось (Высока) располагалась не рядом с одноименной деревней, а у цементной фабрики (сейчас бывший завод «Победа»). На станции Рось в этот период оборонялись туркестанцы, а у деревни Подрось – сибиряки.

Рис. 1. Карта района боевых действий.
Подчеркнута цементная фабрика и станция Подрось

23 августа 1915 г., в воскресенье, на Волковыском направлении разгорелись ожесточенные бои. Германская пехота фон Ваттера заняла Шиловичи, а кавалерия Паннвица ворвалась в Волковыск. Контрударом город был освобожден от немцев и русские войска вновь заняли круговую оборону вокруг города. Основные силы корпуса фон Ваттера атаковали Волковыск с запада, ударная гвардейская группа – с северо-запада, через Рось, пытаясь окружить русские силы в Волковыске. К передовым частям фон Паннвица, наступающим с юга и юго-запада, подтянулись пехотные соединения. 24 и 25 августа за город шли тяжелые бои [13, л. 17–18].

К утру большинство частей 50-й пехотной дивизии, прикрываемые арьергардами, перешли на восточный берег реки Рось и приступили к оборудованию линии обороны. 198-й полк на позиции от Больших Новоселек до станции Рось, 200-й полк в резерве в Карповцах и Малых Новоселках. 199-й Кронштадтский полк после марша через Новое Село и Красное Село (сейчас Красносельский), перешел за линию железной дороги и стал окапываться по западным склонам высот на участке Малые Новоселки – Мочулино (штаб в деревне Марциновка – сейчас меловой карьер «Подгораны»). Рубеж протяженностью 3,5 версты, проходил в 200–500 м. восточнее железной дороги. Позиция полку досталась неудачная – левый берег (вражеский) возвышенный, лесной, на правом фланге хорошее укрепление – цементная фабрика, свой – низменный, окопы – как на ладони. Пока пехота была занята строительством окопов, на фабрику, в качестве боевого охранения, начальником дивизии была выслана команда разведчиков полка. Южнее Подроси до Пятаков занимал оборону 23-й Сибирский стрелковый полк 6-й Сибирской дивизии.

В это время русские арьергарды вели упорные бои на подступах к Роси и Волковыску. Слева 24-й Сибирский стрелковый полк вел последовательные бои в Мстибово, Рыбаках (сейчас нет, южнее Шандры), Холявичих (сейчас нет, южнее Шандры), Шандрах и Субочи. Справа 6-й Туркестанский стрелковый полк при поддержке Терской казачьей бригады сдерживал врага в Бердзиках, Шовках, Ендриховцах. В 5.00 197-й Лесной полк под огнем противника начал отход, но по приказу начальника правого арьергарда генерал-майора князя П. Н. Мышкина (командир 2-й бригады 5-й Донской казачьей дивизии) вернулся на позиции. В течение дня «лесники» при поддержке 33-го Донского казачьего полка с боями отходили за Рось, сдерживая яростные атаки немецких улан и постоянно подвергаясь артиллерийским обстрелам. Около 8.00 на участке 6-й Сибирской дивизии немцы ввели в бой весь 17-й корпус фон Паннвица (три дивизии) при поддержке тяжелой корпусной артиллерии. Мощный артиллерийский шквал (5 тыс. снарядов за полчаса) сравнял с землей основные и тыловые позиции арьергарда и предмостного охранения. Сибиряки отошли в город, открыв левый фланг 197-го полка. Драгуны и гусары фон Паннвица ворвалась в предместья Волковыска с юго-запада.

Около 10.00, заняв с боем Шиловичи, немцы ввели в прорыв 50-ю резервную дивизию Г. фон дер Гольца, сбили у Бердзиков туркестанский арьергард и стали продвигаться на село Рось. Ее продвижение задержали лихие атаки уральских, оренбургских и донских казаков. Правый фланг 197-го пол-

ка также оказался открыт. Около 13.00 после четырехчасового боя против превосходящих сил противника, 197-й полк стал отходить. Ведя упорные бои на промежуточных рубежах к 20.00 он занял Красную Гору (лесной массив на холмах). 26-я германская дивизия была выведена в резерв. За день Лесной полк понес значительные потери – 9 убитых, 31 ранен, 53 пропали без вести. Ночь у 50-й пехотной дивизии прошла спокойна [4; 5].

В это время Николай II принял на себя Верховное командование русской армией. На фронте практически ничего не изменилось, кроме, пожалуй, большей самостоятельности высшего генералитета в принятии решений. Так 23 августа Николай II принял всего два коротких доклада, а потом гулял [2].

В 8.30 24 августа 1915 г. по приказу штаба корпуса 197-й полк отошел на восточный берег Роси через брод в усадьбе Теолин (сейчас мост к детскому лагерю). Он был направлен в лес Борщево, в резерв 50-й дивизии. Вслед за русским арьергардом к Роси вышли немецкие егеря. По их указанию артиллерия 50-й резервной германской дивизии начала методичный обстрел позиций 198-го и 199-го полков. Кроме стандартных 105-мм и 77-мм батарей, немцы ввели в бой две тяжелые 150-мм артбатареи. Двое рядовых из 10-й роты были ранены. Немецкие отряды 229-го резервного полка (до 3 тыс. чел.) прошли через Красную Гору и под прикрытием артогня форсировали Рось в по броду и мосту водяной мельницы в деревне Подрось, а также в усадьбе Теолин. Сторожевое охранение 23-го Сибирского полка, охранявшее усадьбу и брод отошло на правый берег Роси за линию железной дороги. Противник занял Подрось, Пятаки и отбросил сибиряков от железнодорожной насыпи. Леголанговая рота кронштадтцев вступила в бой за усадьбу Мочулино. Немцы скрытно за железной дорогой вышли к фабричному мосту у Красного Села. В это время Красное Село атаковал батальон 231-го германского полка. Под вражеский огонь попала выводимая с фабрики батарея 3-й Туркестанской артбригады. Боевое охранение 199-го полка (команда разведчиков), захватив двух пленных из 231-го резервного полка вынуждено было из фабрики отступить. Противник этим воспользовался и занял всю линию железной дороги от станции Подрось до деревни Пятаки [4; 5]. На плацдарме Теолин – Пятаки немцами была введена в бой передовая бригада 1-й гвардейской резервной дивизии при поддержке трех тяжелых и восьми легких батарей. В течение дня немцы несколько раз атаковали 6-ю Сибирскую дивизию на р. Рось северо-западнее Волковыска, постоянно наращивая силы. Постепенно они ввели в бой всю 1-ю гвардейскую резервную дивизию при поддержке тяжелой корпусной артиллерии, но все атаки были отбиты. К вечеру силы немецкие гвардейцы были переброшены на западный участок в Волоковыске, а захваченные позиции заняла выведенная из резерва 26-я пехотная дивизия [3, л. 19 об., 21].

Несмотря на то, что, в полосе 5-го Сибирского корпуса действовало шесть казачьих полков, по сведениям разведывательного отделения штаба 2-й армии, к вечеру 24 августа группировка противника на участке Рось – Пятаки так и не была выяснена [3, л. 19 об.]. Захваченные разведчиками 199-го полка пленные прибыли в штаб армии только к ночи, в результате чего, стали известны группировка и намерения врага.

24 августа Николай II поехал в Могилев, принял доклад, подписал рескрипт о смене Верховного командования, вернулся в Ставку, гулял, играл в кости [2].

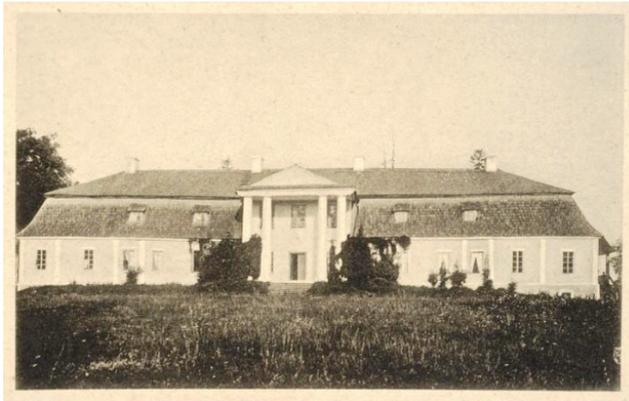

Рис. 2. Господский дом Мочулино

Во вторник 25 августа 1915 г. весь день шел дождь. С утра по позициям 50-й пехотной дивизии и 2-й Туркестанской бригады началась германская артподготовка 50-й резервной дивизии. Русские полки на передовой начали нести потери. Деревни Марциновка и Мочулино были разбиты артиллерией врага. Саперная команда 199-го полка под командованием поручика М. Ф. Евстифеева под огнем врага оперативно построила землянки, в которых солдаты и офицеры укрывались от огня и дождя [5]. Под прикрытием артиллерийского огня немецкие полки пошли в наступление. В ходе перестрелки батальона кронштадтцев с 229-м резервным полком, немцы заняли деревню и господский дом Мочулино. Русский батальон отошел на высоты Марциновка – Погоряны. Сосед справа, полк 2-й Туркестанской бригады (около 1,5 тыс. чел.), под натиском двух немецких полков (до 8 тыс. чел.) оставил станцию Рось. Контрударом двух Туркестанских стрелковых 2-го Уральского казачьего полков противник был выбит со станции и отброшен на левый берег реки. Слева 2-я армия запланировала серьезный контрудар на Пятаки и Волковск, для чего даже был выделен ограниченный запас снарядов, но проводить его пришлось силами ослабленных в предыдущих боях 5-й пехотной и 6-й Сибирской стрелковой дивизий против полнокровной 1-й гвардейской резервной дивизии. Кроме того, ей в помощь у деревни Пятаки немцы ввели в бой 4-ю гвардейскую дивизию, создав восьмикратный перевес в силах. 199-й полк успешно отстоял свои позиции, несмотря на регулярные обстрелы, вылазки и действия разведчиков германцев. За день потери полка составили 2 убитых, 18 раненых и 3 пропавших без вести [7]. В западной части Волковска войска фон Веттера и фон Паннвица соединились

[3, л. 21]. К исходу 25 августа немцы прорвали оборону русских войск в трех местах и заняли Мочулино, Рось и Волковыск [13, л. 18]. Наиболее серьезным было поражение в городе. Армейский контрудар по Волковыску задержал продвижение противника, позволив начать отход из города 6-й Сибирской дивизии на Пески и 35-го армейского корпуса на восток по шоссе. Туркестанцы стали отходить вечером, под огнем тяжелой артиллерии, оставив казаков прикрывать станцию, которую немцы вскоре вернули. Упорная оборона 199-го полка и контрудар Туркестанской бригады не позволили немецким войскам охватить русские позиции в Волковыске с севера. В 22.00 50-я пехотная дивизия начала отход на Зельвянскую позицию через Межево [4; 6]. 199-й Кронштадтский полк остался на позициях в качестве арьергард. Ночью на 7 верстовой линии от Новоселков до Погоряне он остался один против четырех дивизий корпуса фон Ваттера. 50-я германская дивизия была выведена в резерв и оставлена на западном берегу Роси. Поздно вечером и рано утром из Волковыска началось выдвижение на север колонн 4-й гвардейской резервной дивизии. Пока пехотный авангард гвардейцев занял станцию Рось, уланский полк повернул на Хомин Бор [5].

25 августа Верховный Главнокомандующий заслушал продолжительный (1,5 часа) доклад, читал, гулял, проводил брата в столицу, играл в кости [2].

С утра 26 августа по приказу начальника корпусных арьергардов, командира 21-го Сибирского стрелкового полка полковника А. А. Веселовского 199-й полк стал отходить перекатами на новые рубежи через Плищу (сейчас не существует, 3 км. северо-западнее Неверовичи, Мосевичи, Копачи. На первом (Плища – Неверовичи) кронштадтцы оказались одни (остальные – уже отошли на третий Межево – Копачи). Противник силами 1-й дивизии догоняет и силами 4-й дивизии обходит пути движения 199-го полка колоннами слева. Одновременно немцы даже с марша вели артиллерийский обстрел русских арьергардов. Несмотря на это в полку, благодаря четкой организации командира полковника Л. А. Радус-Зенковича, был организован регулярный и плановый прием пищи, а близость обоза 1-го разряда (кухонь и санитарных повозок), позволяло подбирать отставших и своевременно эвакуировать раненых, что отмечено Веселовским, приказавшим более спешный отход [5]. Утром 27 августа, совершив под дождем марш-маневр на 20 верст, Кронштадтский полк разместился в деревне Осовляны, где был переведен в резерв корпуса [1, л. 5–7; 5].

Отход полка прикрывала рота капитана А. Шибяева, которая несколько раз вела бои с преследующими немецкими драгунами, была полуокружена противником, не смогла прорваться в Пяски, но полевыми дорогами 27 августа штыковым ударом пробилась в Туры. В полку все уже полагали, что пропала (уничтожена противником). За этот и предыдущий (в Дьяках) подвиги капитан А. Шибяев был награжден орденом Св. Станислава II-й степени с мечами (Приказ ГК Зап. фр. № 2089 от 10.10.1915).

Сражение за Волковыск стало одной из серьезных попыток остановить наступление противника. Немецкое командование отмечает сильно возросшее сопротивление русской армии [15]. Однако инерционность круп-

номасштабного отступления, отсутствие заблаговременно подготовленных рубежей и резервов, слабость отходящих войск не позволили осуществить задуманное. Тем не менее, бои под Волковысском показали, что небольшие, ослабленные полки Русской императорской армии, несмотря на потерю крепостей, были сильны духом и готовы сражаться и побеждать. Бои под Волковысском, на Щаре и под Новогрудком значительно ослабили наступающие германские войска, лишив его наступательного порыва. Уже через две недели, 11–13 сентября 1915 г. в ходе боев восточнее Новогрудка враг был остановлен, и война перешла в позиционную фазу [12].

Среди причин поражения русских войск: активная, маневренная артиллерия Германии без дефицита снарядов, широко используемая в том числе и в авангардах; хорошая разведка немецкой кавалерии и низкая эффективность русской; отсутствие самостоятельности русских командиров от батальона и выше; удачная волновая тактика немецких корпусов – одна дивизия догоняет, другая штурмует, после прорыва преследование продолжается.

Несмотря на столетнюю давность, многие военные проблемы актуальны и в 2022–2023 гг. В определенных типах войн решающую роль на поле боя играет господство артиллерии в позиционном противостоянии и при прорывах укрепленных рубежей, что достигается бездефицитным обеспечением боеприпасами, высокой мобильностью, решенной логистикой снабжения, высококачественной разведкой, тесным взаимодействием и маневренностью пехоты и артиллерии при высокой автономности командиров среднего звена.

Список использованных источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 2.
2. Дневник императора Николая II. – М., 1991. – С. 544–546.
3. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2506.
4. РГВИА. – Ф. 2811. Оп.1. Д. 58. Л. 41–46.
5. РГВИА. – Ф. 2813. Оп. 1. Д. 64. Л. 8–11.
6. РГВИА. – Ф. 2814. Оп. 1. Д. 91. Л. 36.
7. РГВИА. – Ф. 16196. Оп. 1. Д. Именные списки 199-го полка (№ 161356)
8. *Терентьев, В. О.* Командир 199-го пехотного Кронштадтского полка полковник генерального штаба Радус-Зенкович Лев Аполлонович / В. О. Терентьев // Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 100-летию Великой войны 1914–1918 гг., Витебск, 18–20 окт. 2018 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 47–51.
9. *Терентьев, В. О.* Связисты Первой мировой войны (на примере команды связи 199-го пехотного Кронштадтского полка) / В. О. Терентьев // Вестник факультета социальных цифровых технологий СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. – СПб.: СПбГУТ, 2021. – С. 184–189.

10. Терентьев, В. О. Командиры 199-го пехотного Кронштадтского полка – выпускники Николаевской академии Генерального штаба / В. О. Терентьев // Николаевская академия Генерального штаба (1832–1918): сб. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.

11. Терентьев, В. О. 199-й пехотный Кронштадтский полк в боях на белорусской земле (1915 г.) / В. О. Терентьев // Беларусь в пламени Первой мировой войны: сб. научных статей. (Минск, 25–26 окт. 2018 г.). – Минск: Белорусская наука, 2022. – С. 42–48.

12. Терентьев, В. О. 199-й пехотный Кронштадтский полк. Последний бой «Великого отступления». Деревня Стрельники, 11–13 сентября 1915 года / В. О. Терентьев // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 2 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2019. – С. 228–232.

13. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 500. Оп. 12519. Д. 152.

14. Cron, H. Imperial German Army. 1914–1918. Organisation, Structure, Orders of Battle / H. Cron. – Dorset: Helion & Company, 2002.

15. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. B.8. Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Westen im Frühjahr und Sommer, im Osten vom Frühjahr bis zum Jahresschluß. – Berlin, 1932.

(Дата поступления: 20.03.2023).

ОБОРОНА КРЕПОСТИ ИВАНГОРОД В 1914 ГОДУ: БОРЬБА ЗА ВИСЛИНСКОЕ ПРЕДПОЛЬЕ

Оськин М. В.

Международная полицейская академия ВПА, Тула, Россия

Оборона Ивангорода является важной вехой в истории Первой мировой войны на Восточном фронте. Сопротивление войск гарнизона и подошедших на помощь полевых корпусов позволило сорвать планы германского командования, сохранить плацдармы, отбросить противника и сохранить за собой возможности стратегического наступления в пределы Германии и/или австрийской Польши с центром в Кракове.

Ключевые слова: крепость Ивангород; комендант Швари; Варшавско-Ивангородская наступательная операция; 4-я армия; генерал Эверт; гарнизон; крепостная артиллерия.

THE DEFENSE OF THE FORTRESS OF IVANGOROD IN 1914: THE STRUGGLE FOR THE VISLINSKY PREDPOLE

Os'kin M. V.

VPA International Police Academy, Tula, Russia

The defense of Ivangorod is an important milestone in the history of the First World War on the Eastern Front – the stubborn resistance of the garrison troops and the field corps that came to the aid made it possible to disrupt the plans of the German command, preserve the bridgeheads, push back the enemy and retain the possibility of a strategic offensive into Germany and/or Austrian Poland centered in Krakow.

Keywords: Ivangorod Fortress; Commandant Schwartz; Warsaw-Ivangorod offensive operation; the 4th Army; General Evert; garrison; fortress artillery.

Русское стратегическое планирование Большой Европейской войны, переросшей в Первую мировую, предполагало нанесение решительного поражения немцам в Восточной Пруссии и австрийцам в Галиции, после чего – наступление на Берлин и Вену. Однако исход первых операций на Восточном фронте оказался далеко не столь оптимистичен. Австро-венгерские войска в Галиции действительно потерпели поражение, но не определяющего характера, а в Восточной Пруссии русские сами оказались разгромлены под Таненбергом и на Мазурских озерах.

В связи с тем, что германский «План Шлиффена» по быстрому выводу из войны Франции на Западном фронте не удался, и сражения против французов и англичан осенью 1914 г. продолжались с неослабевающей яростью, не имея крупных по численности сил, германское командование на Востоке решило огнем и маневром восполнить недостаток количества. К середине

сентября между армиями русских фронтов образовался гигантский промежуток, достигавший чуть ли не 350 верст – целиком левый берег Вислы (русская Польша) от крепости Новогеоргиевск и Варшавы до реки Дунаец. С русской стороны на Висле находились лишь небольшие гарнизоны в Варшаве и крепости Ивангород, да кавалерийский корпус А. В. Новикова.

Именно этот фронт – от Варшавы до крепости Ивангород – и должен был стать ареной новой операции. Дело в том, что австро-германцы, даже объединив усилия, не могли надеяться на победу над русскими в открытом фронтальном встречном сражении. Австрийцы только-только потерпели тяжелое поражение в Галицийской Битве, а у немцев на Востоке все еще не хватало войск. Русские же получали в подкрепление подходившие из глубины страны поволжские, Сибирские и Кавказские корпуса. Так что следовало бить в наименее защищенное место русского фронта, но при этом туда, где русские будут вынуждены, так или иначе, но в любом случае обороняться. Ключевыми точками предстоящей операции стали переправы через Вислу – в крепости Ивангород и Варшаве.

Крепость Ивангород создавалась в 40-х гг. XIX века. Форт № 1 на правом берегу Вислы, при впадении в нее реки Вепрж был построен в 1845 г. Форт № 2 – на левом берегу в 1847 г. Форты разных берегов были соединены постоянным мостом – впоследствии через Вислу и Вепрж были построены железнодорожные мосты, что чрезвычайно повысило военно-оперативное значение крепости. Тем самым укрывавшиеся за Вислой русские войска при переходе в наступление переносили бы военные действия в пределы Австро-Венгрии. Н. Н. Головин пишет: «возможность для нас маневрирования на обоих берегах реки Вислы обуславливалась обладанием постоянной мостовой переправой у Ивангорода. В этом и заключалась стратегическая идея постройки императором Николаем I Ивангородской крепости» [1, с. 527]. Крепость получила название в честь любимца императора Николая I – фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского. В 1880-е годы граф Э. И. Тотлебен выстроил четыре форта на правом берегу и три на левом. Форт № 6 – форт Ванновский был назван в честь военного министра Александра III – П. С. Ванновского.

По окончании Галицийской Битвы и отрыва отступавших австрийских армий от вялого русского преследования, противник приступил к немедленной перегруппировке, намереваясь занять линию Средней Вислы, где постоянные мостовые переправы в Ивангороде и Варшаве являлись приоритетными целями. Начало Варшавско-Ивангородской операции потребовало от русского командования организации контр-усилий и удержание в своих руках ключевых точек. Соответственно, в ивангородский район двинулись 4-я и 9-я армии Юго-Западного фронта, в то время как 2-я армия Северо-Западного фронта обязывалась прикрыть Варшаву.

Незадолго до Первой мировой войны, когда военное министерство решило отказаться от ряда крепостей, Ивангород и Варшава в крепостном отношении оказались заброшены, и в августе 1914 г. пришлось спешно приводить форты и окопы в порядок. За две недели до начала боев под Ивангородом,

его только что назначенный (15 августа) комендант А. В. фон Шварц докладывал главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта Н. И. Иванову о состоянии крепости после месячной подготовки: обвод крепости по линии семи старых кирпичных фортов составил 18 верст, в поперечнике – 5–6 верст. По линии передовых позиций обвод – 30 верст (в том числе – 11 верст позиции на левом берегу Вислы), для чего гарнизона из 16 пехотных батальонов и 6 ополченских дружин недостаточно (батальон на версту). К этому времени все окопы были снабжены козырьками и блиндажами с бойницами с покрытием из рельс и плит. Железнодорожный мост через Вислу (ширина реки 150–270 сажень) – 240 сажень на два пути. Нижний мост – пешеходный был дополнен плотовым мостом на шаландах, а также готовились материалы для еще двух плотовых мостов [2, Ф. 2067. Оп. 1. Д. 525. Л. 4].

Заняв пост коменданта крепости Ивангород, Шварц первостепенной задачей поставил немедленное восстановление и усиление крепостных сооружений, заброшенных перед войной в связи с решениями военного ведомства о «ненужности» Ивангорода в случае конфликта с Германией и Австро-Венгрией. В числе прочего, к примеру, генерал Шварц просил Ставку Верховного командования и штаб Юго-Западного фронта передать крепости 5 тыс. «шашек дымовой завесы», 15 тыс. штук рельс, 10 тыс. ножиц, «100 фониических телефонов и 10 номераторов», 15 больших прожекторов или 50 малых, 7 тыс. бойничных щитов. Из людей дать 6 телеграфистов и 30 телефонистов, 5 тыс. рабочих. В конце августа А. В. фон Шварц доносил командарму А. Е. Эверту, которому подчинялась крепость, что кроме железнодорожного моста в крепости построен судовой мост и надо бы вернуть в крепость взятый 9-й армией пароход «Нарев» [2, Ф. 13133. Оп. 1. Д. 224. Л. 42, 81, 96, 112, 116, 121, 125 и др.].

В ожидании подхода австрийцев, комендант распорядился затопить местность перед крепостью, и организовать артиллерийскую поддержку оставшихся на левом берегу Вислы авангардов 3-го Кавказского и Гренадерского корпусов, создавших плацдармы на момент будущего контрнаступления. Расположенные в окрестностях Ивангорода небольшие деревушки и населенные пункты – Ирена (ближайший пригород, посад), Стенжица, Сецехов, Горбатке, Рыки, Руды, Коциелки, Мощанка, Мащевеице, Моленды, Ополье, Базанов – либо сжигались, либо оказались затоплены. Приказ Шварца от 23 сентября 1914 г. гласил: «Офицеры и солдаты гарнизона крепости Ивангорода! [...] завтра у нас будет бой. Завтрашний день покажет, чего каждый из вас стоит как воин великой русской армии [...] Каждый из вас должен знать, что крепость наша закрывает немцам дорогу в Россию и мешает им овладеть Варшавой и Польшей. Знайте также, что если нам удастся отстоять нашу крепость, то это будет началом конца немецкого царства, так как немцы привели сюда свои последние войска и помощи у них больше нет [...] Не бойтесь смерти. Кому что суждено, то с ним случится. Кто будет убит, умрет смертью героя, а уцелевшие расскажут о его подвигах» [2, Ф. 13133. Оп. 1. Д. 250. Л. 353].

План обороны крепости, разработанный комендантом Шварцем, согласно его же воспоминаниям, заключался в следующем: «1) Отстаивать

главную оборонительную линию малыми силами, не превосходящими три гарнизона; 2) Иметь под рукой сильные пехотные резервы из двух третей гарнизона; 3) Усилить гарнизон главной оборонительной линии большим числом пулеметов и легких пушек; 4) Установить небольшое количество крепостной артиллерии из длинных орудий на левом берегу; 5) Вывести из крепости часть наиболее годной артиллерии и расположить ее на правом берегу Вислы в двух группах [по 36 и 24 орудия, с тем, чтобы вести перекрестный огонь]; 6) Не ставить на позиции ни тяжелой полевой артиллерии, ни полевой скорострельной, но держать их в качестве подвижного резерва, и по ходу боя направлять их в те места, где артиллерия противника берет верх над нашей» [3, с. 23].

24 сентября русские корпуса завязали бой в крепостном предполье, постепенно отходя на ивангородские переправы, и потому австро-германские войска вышли к крепости 26 сентября, где уже были окончены основные работы по усилению обороны крепости. В первый же день первой осады Ивангорода 26 сентября – 14 октября 1914 г. (вторая осада будет через год, 8–22 июля 1915 г.) Шварц послал телеграмму Эверту: «неприятель начал обстреливать артиллерийским огнем передовые позиции и линию фортов левого берега. Сейчас началась ружейная перестрелка» [2, Ф. 13133. Оп. 1. Д. 212. Л. 719].

Имея превосходство в силах и особенно в полевой тяжелой артиллерии, 9-я германская армия сумела отбросить русских за Вислу, однако 3-й Кавказский корпус В. А. Ирманова сумел удержать за собой Козеницкий плацдарм, за который и развернулись дальнейшие бои, так как к самой крепости, ввиду затопления местности и действия огня крепостной артиллерии, противник не смог пробиться. Все это стало следствием деятельности нового коменданта, в кратчайшие сроки обеспечившего крепость артиллерийским вооружением, восстановившего обороноспособность старых фортов и сумевшим грамотно использовать сильные стороны крепостного района в оборонительном сражении. Письмо из Ивангорода в начале октября 1914 г. сообщает об успехах обороны: «Крепость наша оказывает существенное содействие полевым войскам, обеспечивая своим огнем их маневрирование, отдых, снабжение всякого рода. Мы уже неоднократно удостоивались благодарности нашего главнокомандующего и самого Верховного» [4, Ф. 826. Оп. 1. Д. 338. Л. 181].

Козеницкий плацдарм был образован действиями сводного отряда из состава 21-й пехотной дивизии (С. Б. Садык Бек Мехмандаров) 3-го Кавказского корпуса. Состав отряда: три батальона 84-го пехотного Ширванского полка, 4-я батарея 21-й артиллерийской бригады, взвод казаков 3-го Хоперского полка Кубанского казачьего войска и несколько отрядов сапер. Командовал отрядом начальник 2-й бригады 21-й пехотной дивизии Н. М. Иванов, награжденный за бои на Козеницком плацдарме орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием.

В ходе 13 суток непрерывных боев за плацдарм был тяжело ранен и взят в плен командир Ширванского полка, убиты все командиры батальонов, всего же офицерский состав полка потерял более половины офицеров. Лишь

своевременная переправа 83-го пехотного Самурского полка из состава той же самой 2-й бригады, позволила удержать плацдарм. Как говорит исследователь, «в тяжелейших условиях им удалось отстоять Козенице и выиграть время для подготовки контрнаступления» [5, с. 279].

84-й пехотный Ширванский полк имел своим шефом самого царя. Поэтому неудивительно, что император, непосредственно оторванный от армии, наблюдал за действиями этих частей. Телеграмма императора Николая II от 10 октября благодарила героические подразделения 3-го Кавказского корпуса: «Сердечное спасибо моим дорогим Ширванцам после тринадцатидневного горячего боя с трудным противником в день 26-летней годовщины моего назначения Шефом полка. Радуюсь несказанно, что упорство врага сломлено доблестью испытанных старых Кавказских полков Ширванцев и Самурцев» [6, с. 22].

Определенную поддержку 4-й армии оказывали войска 9-й армии П. А. Лечицкого, скованной боями с австрийской 1-й армией, но тоже нацеленной на образование плацдармов. На большей части течения Вислы русские попытки переправы были отбиты германской артиллерией. Тем не менее, 83-й пехотной дивизии К. Л. Гильчевского (18-й армейский корпус) удалось-таки создать плацдарм. Войска, без понтонов и поддержки тяжелой артиллерии, при минимуме пулеметов, произвели демонстративную переправу через Вислу у Петравина, дабы облегчить действительное ее форсирование севернее, в районе Ивангорода. Дивизия Гильчевского сбила австрийцев с занимаемых ими позиций, и сумела удержаться. Трофеи оказались достаточно велики, что в дальнейшем, позволило русским полкам насыщаться пулеметами за счет противника. Письмо с ивангородского фронта сообщало своему адресату: «полк имеет теперь пулемет в каждой роте, а так как захвачено много их патронов, то они теперь в бою пускают эти пулеметы в дело, стреляя и их разрывными пулями. Эти пули прямо варварские: входное отверстие одно, а выходных два-три или даже целая дыра» [4, Ф. 826. Оп. 1. Д. 338. Л. 189].

Не сумев захватить крепость Ивангород, немцы часть своих сил отправили на Варшаву, где в конце сентября также потерпели неудачу, и теперь, вследствие неравенства в силах, должны были подумать об отступлении, раз уж не удалось взять ключевые переправы через Вислу и тем самым запереть русских за Вислой, контролируя вислинское предполье. Между тем, русская группировка на Средней Висле лишь усиливалась за счет подхода резервов. Соответственно, ожесточенность сражений за плацдармы достигла своего пика к тому моменту, когда одна сторона (австро-германцы) уже готовилась отступать, а другая сторона (русские) делала все возможное, чтобы ускорить отход неприятеля.

Уже во время сражения штаб Юго-Западного фронта продолжал усиливать ивангородский гарнизон. К 9 октября в распоряжении Шварца находились 26 штаб-офицеров, 424 обер-офицера, 27 324 штюка, 165 шашек, 4 192 артиллериста при 24 скорострельных орудиях, 64 крепостных, 72 полевых,

24 гаубицах и 50 пулеметах. В том числе 298-й пехотный Мстиславский полк насчитывал 3550 чел. при 8 пулеметах, 299-й пехотный Дубненский – 3450 при 6, 322-й пехотный Солигаличский – 3300 при 8, 321-й пехотный Окский полк – 4000 штыков, но совсем без пулеметов. Помимо того, 290 чел. в составе роты Гвардейского экипажа, 600 – в отдельном батальоне 2-го Балтийского флотского экипажа; пешие курские дружины насчитывали 5300 чел., пешие Тамбовские дружины – 5870, 24-я ополченская конная сотня – 160 чел., Ивангородская крепостная артиллерия – 3300 артиллеристов при 28 пулеметах. Приданные крепости три батареи 81-й артиллерийской бригады насчитывали 800 чел. [2, Ф. 13133. Оп. 1. Д. 269. Л. 717].

10 октября через Ивангород на левый берег Вислы стал переходить Гвардейский корпус В. М. Безобразова, имея в авангарде кавалерийскую бригаду К.-Г. Маннергейма. Через два дня в поддержку гвардейцам у Ново-Александровского, довершая перелом в сражении в пользу русских. В этом сражении русские 4-я и 9-я армии потеряли по 20 тыс. чел.: «успех 9-й русской армии уже к полудню 13 октября поставил 1-ю австро-венгерскую армию в критическое положение» [7, с. 174], после чего командующий 1-й австрийской армией В. фон Данкль приказал отступать. В ночь на 14 октября австрийцы стали отходить на запад, причем не оказывая особенного сопротивления вплоть до Радома.

Оценивая поддержку крепости, 12 октября генерал Безобразов телеграфировал командарму-4 А. Е. Эверту: «успешные бои на фронте корпуса позволяют ему выйти из сферы непосредственного содействия крепости Ивангород [...] постоянная помощь и поддержка, которую я неизменно встречал от крепости как в деле артиллерийской подготовки атак пехоты и снабжении снарядами, так и в деле размещения войск и штабов. Высокополезная отзывчивость генерала Шварца, шедшего навстречу интересам общего дела, выше похвал». В свою очередь, отчитываясь тому же Эверту об окончании обороны, А. В. Шварц особо указал, что в крепости все это время находился великий князь Николай Михайлович, посещавший госпитали и бывавший на обороняющихся фортах [2, Ф. 13133. Оп. 1. Д. 212. Л. 1152, 1213].

Через две недели после окончания боев Ивангород посетил император Николай II, который, отдав бремя управления военными действиями Ставке во главе с великим князем Николаем Николаевичем, постоянно бывал в войсках. Царь принял доклад коменданта А. В. фон Шварца о трехкратном отражении крепостью атак и осмотрел ее форты. Николай II наградил генерала Шварца Георгиевским оружием, а исполнявшего обязанности начальника штаба крепости капитана К. К. Дорофеева лично произвел в подполковники. При отъезде из крепости царь заявил: «Сердечно благодарю Вас за доблестную одухотворенную оборону; передайте это всему гарнизону, особенно крепостной артиллерии». В своем приказе Шварц, в свою очередь, благодарил войска за проявленную доблесть и отвагу [2, Ф. 13133. Оп. 1. Д. 250. Л. 347]. В своем дневнике император так отметил впечатление от визита в Иванго-

род 30–31 октября 1914 г.: «впечатления от всего виденного за оба дня самые сильные и глубокие. Каков комендант, таковы его штаб и весь гарнизон – особенно крепостная артиллерия» [8, с. 184].

С окончанием боев под крепостью, для Ивангорода война отнюдь не заканчивалась, и комендант по-прежнему активно усиливал вверенный ему крепостной район. Личный состав ополченских бригад, в помощь которым нанимали крестьян окрестных деревень Лучиново, Владиславов, Филиппово, Юзефов и др., был занят на инженерных работах вокруг крепости, прежде всего в Черном лесу и Козеницах. В ноябре 1914 г. А. В. Шварц сообщал начальнику штаба Юго-Западного фронта М. В. Алексееву, что на позициях трудятся около 15 тыс. рабочих и ожидается еще 10 тыс. человек. Среди производимых работ числятся ремонт опорных пунктов, «рубка лесов, мешающих обстрелу», «возводятся блиндажи для резервов, заполняются промежутки окопами»; «на всем фронте позиции опорные пункты и окопы доведены до полной профили. Будучи занятой, позиция представляет уже сейчас серьезное сопротивление. Приступлено к устройству блиндажей и искусственных препятствий», «по всему нашему фронту возведены полевые укрепления...». Новые укрепления соединялись с Ивангородом телефонной связью и узкоколейными полевыми железнодорожными линиями. Как считал Шварц, для начала будет «достаточно 50 верст при 150 вагонетках и 150 платформах». Позиционные работы продолжались до конца года. Так, телеграмма А. В. Шварца радомскому губернатору Д. И. Засядко от 31 декабря 1914 г. просила «распоряжения, чтобы из деревень в крепостном районе, в частности Козеницкого уезда, не производилось нарядов на поставку подвод и рабочих в другие уезды, так как таковые нужны для крепостных работ. Взятые подводы прошу возвратить возможно скорее» [2, Ф. 13133. Оп. 1. Д. 224. Л. 427, 541, 535, 649].

Победа в Варшавско-Ивангородской операции, в ходе которой противник был отгеснен к Кракову и немецкой Познани, имела своим основанием успешную оборону Ивангорода и Варшавы. Удержание линии Вислы при одновременном сохранении плацдармов на ее левом берегу позволило русским армиям, спешно перебрасываемым сюда на десятки километров (как правило, походным порядком), перейти в контрнаступление. Оборона линии Средней Вислы Варшава – Ивангород стала ключевой в первый год войны, так как закрывала собой дорогу в пределы русской Польши, одновременно являясь базисом, прикрывающим сосредоточение ударной русской группировки, готовящейся к вторжению в пределы Германии (от Варшавы) либо Австро-Венгрии (от Ивангорода). Именно эти пункты вместе с Осовцом и несли на себе тяжесть крепостной борьбы на Восточном фронте в кампании 1914 г. Время прорих крепостей настанет в 1915 г.

Список использованных источников

1. Головин, Н. Н. Галицийская Битва. Первый период / Н. Н. Головин. – Париж, 1930. – 557 с.

2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
3. Шварц, А. В. Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг. / А. В. Шварц. – М., 1922. – 96 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
5. Айрапетов, О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало / О. Р. Айрапетов. – М., 2014. – 637 с.
6. Военно-исторический вестник. – 1973. – № 42–43.
7. Нелипович, С. Г. Варшавско-Ивангородская операция 1914 года / С. Г. Нелипович. – М., 2020. – 346 с.
8. Дневник Николая II (1913–1918). – М., 2007. – 512 с.

(Дата поступления: 23.05.2023).

УДК 050.488(470+571)"191":94(100)"1914/1918"+025.171(476-25)

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ НАЧАЛА ХХ В.
О СОБЫТИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ
СТАРОПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ И РУКОПИСЕЙ
ЦНБ НАН БЕЛАРУСИ)**

Денисенко Е. П.

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа НАН Беларуси,
Минск, Беларусь

В статье рассматриваются русские литературно-художественные журналы «Русский библиофил», «Старые годы», «Аполлон», которые продолжали издаваться во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. Акцент делается на материалах, помещенных в журналах, касающихся событий Первой мировой войны. Подчеркнута специфика художественного оформления, полиграфического исполнения экземпляров, хранящихся в фондах Центральной научной библиотеки НАН Беларуси. Автором сделаны выводы: рассмотренные в статье издания начала ХХ в. служат источником дополнительной информации для изучения не только российской истории, но и истории Беларуси, которая на тот момент входила в состав Северо-Западного края Российской империи.

Ключевые слова: Первая мировая война; литературно-художественные журналы; Центр исследований старопечатных изданий и рукописей ЦНБ НАН Беларуси.

**ART MAGAZINES FROM THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY ON THE WORLD WAR I EVENTS
(BASED ON BOOK COLLECTION OF THE CENTRE OF EARLY
PRINTED BOOKS AND MANUSCRIPTS RESEARCH OF THE
CENTRAL SCIENCE LIBRARY OF NAS OF BELARUS)**

Denisenko E. P.

The Yakub Kolas Central Science Library of the NAS of Belarus, Minsk, Belarus

The article deals with the Russian literary and art magazines «Russki Bibliofil» («Russian Bibliophile»), «Staryje gody» («Old Years»), «Apollon» («Apollo») that continued to be published during World War I (1914–1918). Articles about World War I events from these magazines are reviewed in detail.

The characteristics of the artistic design and printing quality of the exemplars housed in the Central Science Library of NAS of Belarus are also discussed.

Author's conclusions: art magazines from the beginning of the 20th century can be an additional source for the studies of Russian history as well as Belarusian history because at the time Belarusian territories were a part of the empire's Northwestern Krai.

Keywords: World War I; literary and art magazines; Centre of early printed books and manuscripts research of the Central Science Library of NAS of Belarus.

Периодика времен Первой мировой войны была массовым источником информации и играла определенную роль в жизни общества. В ней нашли свое отражение разные аспекты мирового конфликта, которые на страницах изданий публиковались практически ежедневно, а от работы редакторов и издателей зависела достоверность дошедших до нас материалов о войне.

Разразившаяся война, военное положение в Петрограде, цензура на все выходившие издания, ослабленная материально-техническая база журналистики (бумажный голод¹), сокращение кредитов, из-за финансовых трудностей невозможность выплачивать зарплаты сотрудникам редакций, – все это способствовало закрытию многих периодических изданий. За время Первой мировой войны в Петрограде по различным причинам прекратилось издание 833 журналов [2, с. 41]. Тем не менее продолжали выходить дорогостоящие художественные журналы «Старые годы», «Аполлон», историко-литературный журнал «Русский библиофил», не утратив при этом своего библиофильского направления².

Иллюстрированный художественный журнал «Аполлон», основателем и редактором которого был русский поэт, художественный критик С. К. Маковский (1877–1962), издавался на протяжении 1909–1917 гг. в Санкт-Петербурге в типографиях: Товарищества Р. Голике и А. Вильборга (ул. Звенигородская, 11), «Сиріусь» (ул. Рыночная, 10), Типо-Литографии «Якорь» (Казачий переулок, 11)³. Журнал освящал темы, связанные с историей изобразительного искусства, музыки, театра и литературы. Информация помещалась на 80–100 страницах. Каждый номер был снабжен множеством черно-белых и цветных репродукций. На последних страницах помещалась реклама, в том числе самого журнала, сообщалась его стоимость – цена за один номер, подписная цена в России и за границей; режим работы Главной Конторы, где было указано время приема редактора, адрес редакции, номер телефона: «С.П.Б. Мойка, 24, кв. 6. Тел. 109–12». Также была представлена ин-

¹ Россия начала XX в. имела достаточно развитую материально-техническую базу журналистики. Но в ходе Первой мировой войны многие территории (Польша, Курляндия и ряд других областей), где производилась бумага (до 30 %), были оккупированы [1, с. 221].

² Библиофильскими называются издания, выпускаемые ограниченным тиражом и предназначенные для библиофилов и коллекционеров, отличающиеся от изданий массового характера своей издательско-полиграфической формой (оригинальным форматом, сортом бумаги, художественным решением текста, необычным переплетом), наличием дополнительных деталей оформления (автографов, экслибрисов, афиш), а также нумерацией экземпляров (иногда подписанных автором или раскрашенных художником от руки). Часто библиофильские издания распространяются бесплатно среди узкого круга библиофилов или продаются по довольно высоким ценам.

³ Информация о типографиях, где издавался журнал «Аполлон», взята из выходных данных подборки, хранящейся в фондах ЦНБ НАН Беларуси, с которой автор работала de visu.

формация об адресах отделений Главной Конторы, например, в городе Минске – «Г. Д. Сермань, Губернаторская ул., д. Гурвичь, против Гор. Управы». Сообщалась периодичность выхода журнала в свет: «... выходить каждое 15-ое число, начиная съ октября 1909 г., выпусками въ 10–11 печатныхъ листовъ формата малаго in-4°» [3, с. [55]]¹.

Каждый номер журнала имел несколько отделов. Отдел беллетристики занимал около трети объема, еще одна треть отдавалась «Хронике», с 1911 г. она стала называться «Художественная хроника». В отделе «Хроника» печатались литературные рецензии под рубриками «Письма о русской поэзии», «Заметки о русской беллетристике», «Новые книги», «Журналы». Раздел «Театр» публиковал рецензии на спектакли. Оставшаяся треть объема журнала отводилась статьям по эстетике, истории живописи и театра, художественной критике. Полемика с прессой шла под рубрикой «Пчелы и осы “Аполлона”».

С журналом сотрудничали литераторы К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, И. Анненский, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, С. Городецкий, художники и театральные деятели – Л. Бакст, М. Добужинский, В. Мейерхольд, Ф. Комиссаржевский и др. Оформлением занимались известные мастера кружка «Мир искусства» Л. Бакст, А. Бенуа, М. Добужинский. Обложки, как правило, рисовал Мстислав Добужинский. Виньетки, концовки, заставки – Л. Бакст, А. Бенуа, Г. Нарбут, Е. Нарбут, В. Левитский, Д. Митрохин и др.

В 1914–1917 гг. литературные интересы журнала отошли на второй план, поскольку началась Первая мировая война. Призывниками стали и деятели искусства. Освобождались от призыва пенсионеры Академии Художеств (по соглашению министров внутренних дел и военного).

В первые годы войны крупнейшая элитная типография Р. Голике и А. Вильборга, в которой издавался журнал, испытывала большие затруднения с доставкой бумаги для иллюстраций. В результате издание стало печататься в ограниченном количестве экземпляров. Однако, несмотря на ограниченные материальные возможности, журнал был по-прежнему изысканно оформлен и презентовал себя как библиофильское издание. Текст печатался на плотной кремового оттенка бумаге верже. В журнале было множество гравюр в черных и цветных красках. Иллюстративный материал помещался на отдельных плотных листах, проложенных калькой или папиросной бумагой (для лучшей сохранности), либо был отпечатан на более тонкой мелованной бумаге. В нижнем углу кальки были пропечатаны имя автора картины и ее заглавие, на русском и французском языках. Текст набирался изысканным шрифтом «елизаветинская гарнитура». Нумерация страниц в каждом номере журнала постраничная, за исключением листов с гравюрами, которые не нумеровались.

Военное время журнал выходил каждый месяц, кроме июня и июля, при прежнем составе сотрудников. Подрубрики, освещавшие культурную жизнь, оформлялись, как и прежде. В разделе «Художественная летопись» в связи с военными событиями появилась новая рубрика «Искусство и война», в которой

¹ Орфография и пунктуация соблюдены.

освящались различные темы – мировая обстановка в связи с войной, политическая жизнь в стране, новости с фронта, культурные благотворительные мероприятия (выставки, аукционы), проводимые Академией Художеств, денежные сборы от которых шли в помощь жертвам войны. Например, на аукцион, устроенный в Обществе поощрения художеств в пользу еврейского комитета помощи жертвам войны, поступили многочисленные пожертвования от продажи картин знаменитых русских художников. Часть суммы, вырученной от продажи картин, шла в пользу беженцев. Одним из самых значимых благотворительных мероприятий, проводимых на нужды войны, была «Выставка памятников русского театра из собрания Л. И. Жевержеева» – в пользу лазарета школы народного искусства, «устроенная в художественном бюро Н. Е. Добычиной и продолжавшаяся всего две недели» [4, с. [54]–55]. Проводились и другие мероприятия: общины св. Евгении выпускались открытки с рисунками М. Добужинского, сделанными с натуры «на театре военных действий»; студентами Академии Художеств были составлены проекты памятников для братских могил павших в Польше и Галиции русских воинов; в Академии Художеств были прочитаны лекции «Памятники искусства на французском театре войны», где сообщалось о памятниках искусства, пострадавших от войны [5, с. 59–60]. В этой же рубрике давались новости и объявления, касающиеся культурной жизни столицы, например, сообщение от Общества архитекторов, которое, по поручению лейб-гвардии Преображенского полка, объявило конкурс на проекты усыпальницы в ограде Преображенского собора для павших на войне полковых офицеров [4, с. 58].

Со времени начала Первой мировой войны в журнале «Аполлон» появилась еще одна новая рубрика – «Военные стихи», которую вел русский поэт, прозаик, публицист Георгий Владимирович Иванов (1894–1958), представляя в ней обзорные статьи о военной поэзии, стихи современников А. Ахматовой, З. Гиппиус, М. Моравской, П. Соловьевой, Л. Столицы, Н. Гумилева, О. Мандельштама, И. Северянина, В. Иванова, М. Кузмина, С. Городецкого и др.

Г. Иванов начал сотрудничать с журналом с 1914 г. вместо ушедшего добровольцем на войну Н. Гумилева. Свой доклад «Поэты войны», прочитанный на заседании «Французского Института» в Петрограде (21 февраля 1917 г.), он посвятил памяти поэтов мировой литературы – Полю Луи Друо, Леон-Адольфу Готье-Ферьеру, Аллару Меюсу, Луи Жандро, которых война сделала солдатами [6, с. 45–57].

С большим опозданием вышел январский номер «Аполлона» за 1917 г. Журнал был набран лишь в феврале из-за сбоя в работе типографии. Основная причина – пришедшая в Россию революция, о которой говорится в предисловии к этому номеру журнала. В рубрике этого номера «Искусство и война» сообщается о выставке «На войне», устроенной в Академии Художеств «на помощь детям бойцов за родину», на которой особый интерес представляют рисунки архитектора-художника Л. Р. Сологуба, «ныне артиллерийского офицера, участника многих больших боев» [7, с. [55]].

Художественный журнал «Аполлон» выходил в течение девяти лет. Последний номер вышел осенью 1918 г. (датирован 1917 г.). За время своего

существования он не изменил своего художественного оформления – столь удачно все было задумано и реализовано с самого начала. Журнал закрыли в 1918 г. в связи с непреодолимыми финансовыми трудностями и из-за публикаций ряда статей антисоветского характера.

Следующим художественным журналом библиофильской направленности было периодическое издание «Старые годы», посвященное вопросам изучения и сохранения культурного наследия в России, а также вопросам библиофильства и коллекционирования. Журнал «Старые годы» выходил в Санкт-Петербурге с 1907 по 1916 гг. в типографии «Сириус». Издавался ежемесячно, под редакцией П. П. Вейнера (1879–1931), в редакционный комитет входили А. Бенуа, В. Верещагин, барон Н. Врангель, И. Леман, С. Маковский, С. Тройницкий, А. Трубников.

В Центре исследований старопечатных изданий и рукописей ЦНБ НАН Беларуси хранятся подшивки журнала «Старые годы» за 1907–1916 гг., есть экземпляры во владельческих переплетах. Обложки сохранены и отличаются своей изысканностью. Серая, с чуть синеватым оттенком, обложка украшена рамкой, оригинал которой хранился в знаменитой коллекции гравюр Е. Н. Тевяшева. Текст набран шрифтом «елизаветинская гарнитура», отпечатан на плотной светло-коричневого цвета бумаге верже. Иллюстрации помещены на отдельных листах и в тексте. Некоторые иллюстрации выполнены в цвете. В оглавлении журнала отмечено: «Перепечатка статей, помещенных в настоящем выпуске, воспрещается. Авторское право на иллюстрации охраняется на основании «гл. VI Выс. утв. 20 марта 1911 г. зак. об авторском правѣ» [8, с. [205]].

Основную часть объема журнала занимали историко-искусствоведческие статьи. В разделе «Хроника» печатались заметки о работе Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, обзоры докладов в научных обществах, сообщения о юбилеях, выставках, аукционах. В разделе «Библиографические листки» публиковались списки новых книг по искусству, истории, книговедению, изданные в России и странах Западной Европы, помещались рецензии на них; печатались короткие заметки о книжной торговле и издателях, обзоры литературы. Почти каждый номер завершал «Почтовый ящик», в котором публиковались письма читателей и ответы на них сотрудников редакции.

С первых месяцев войны нарушилась периодичность выхода журнала. Он стал издаваться не ежемесячно, как было раньше, а в одной подшивке за несколько месяцев. Были отпечатаны три номера за октябрь–декабрь 1914 г. и два номера за январь–февраль 1915 г., которых объединили в одну подшивку. Летний выпуск «Старых годов» за 1914 г. (июль–сентябрь), посвященный Гатчине, был отпечатан лишь отчасти и «прерван печатанием вследствие отъезда авторов на войну...» [9, с. [113]].

В отличие от журнала «Аполлон», в «Старых годах» представлена более развернутая информация о делах на фронте, помещены подробные статьи о разрушенных памятниках старины, об их хищениях, освящаются вопросы их охраны и реставрации (рубрики «Вести», «Отражение войны», раздел

«Хроника»). Например, в рубрике «Отражение войны» помещена информация: «... из литовских городов менее всего пострадала Вильна. Разрушенных домов в городе почти нет. Зато в Ковне большая часть домов повреждена или разрушена пушечными выстрелами. Особенно сильно пострадали «Зеленая Гора» и старый город. Разрушены духовная католическая семинария с костелом при ней; сильно пострадали Петропавловский собор, у которого снесена одна башня, и кафедральный собор на Николаевском проспекте» [10, с. 53]. Автор этой рубрики А. А. Ростиславов (подписался под псевдонимом «А. Р-въ») цитирует сообщение корреспондента одной из стокольмских газет о том, что никогда еще берлинские музеи и картинные галереи так быстро не наполнялись произведениями искусства, как в годы войны. Особенно хороши коллекции картин фламандской школы, сервизы из замков польских магнатов, gobelены из замков северной Франции. Корреспондент называет все эти сокровища «приобретенными» и «доставшимися», осторожно умалчивая о «способах» приобретения [11, с. 60].

Сотрудники журнала «Старые годы» в течение всех военных лет занимались благотворительностью. Но самой значимой стала совместно подготовленная и проведенная в залах Императорской Академии художеств в начале 1916 г. выставка, посвященная английской и французской гравюре XVIII в., на которой экспонировалось более 500 листов графики. Этому событию была посвящена статья в журнале «Старые годы», в которой отмечалось, что, несмотря на недостаточный обзор творчества некоторых мастеров, связанный с трудностями собирания экспонатов в военное время, «достигнутый результат превзошел все ожидания» [12, с. 100–112].

Несмотря на авторитет и популярность журнала и его издателя-редактора П. П. Вейнера среди любителей искусства как в России, так и за ее пределами, 1917 г. стал последним в истории «Старых годов». Все возраставшие финансовые трудности семьи Вейнеров стали непреодолимым препятствием для дальнейшего издания журнала.

Иллюстрированный вестник для собирателей книг и гравюр «Русский Библиофил» издавался в Санкт-Петербурге с 1911 по 1916 год антикваром, коллекционером, *библиофилом*, книготорговцем Н. В. Соловьевым (1877–1915). В журнале сотрудничали члены Кружка любителей русских изящных изданий В. А. Верещагин, В. Я. Адарюков, А. В. Петров, У. Г. Иваск и др.

Средний объем полного номера без рекламы – около 100 страниц. Печатался журнал в типографии «Сириус» (тираж около 1000–1500 экз.). За пять лет вышло 48 номеров в 47 обложках. Подшивки журналов – в кожаном двухцветном переплете с углами, кожа окрашена в бордовый и коричневый цвета. На верхней и нижней крышках (по границам отступа и углов) – золототисненные полоски. Бинтовой корешок с золотым тиснением названия журнала, года издания и его номера. Коричневое ляссе «косичкой» – в каждом комплекте. Типографские обложки сохранены. Издание имеет изысканный внешний вид, отличается высоким качеством художественно-полиграфического оформления: отпечатано на различных сортах бумаги (веленовой и верже), с многочисленными иллюстрациями (портретами,

снимками, автографами, факсимиле) как в тексте, так и на отдельных листах; текст набран старинным елизаветинским шрифтом, украшен виньетами, заставками и концовками, некоторые иллюстрации проложены калькой. «Журнал оформлен гораздо лучше аналогичных западных журналов того времени: скромная, изящная обложка украшена рамкой, нарисованной Набгольцем¹ и гравированной Шенбергом². Ее в конце XVIII в. использовал в своих изданиях Н. Е. Струйский³», – отмечал историк и библиограф Ф. М. Лурье [13, с. 12]. В конце каждого номера помещалась реклама о выходе и продаже новых книг, занимавшая от двух до двенадцати страниц. Печатались списки книг и гравюр, продававшихся в книжных магазинах Санкт-Петербурга, Москвы, других городов России и стран Западной Европы. Рекламировались книжные магазины Ф. Г. Шилова, С. Н. Котова, В. И. Ключкова, А. К. Гомулина и др.

События военного времени, варварские погромы памятников старины нашли свое отражение на страницах «Русского библиофила» в разделе «Хроника. Мелкие заметки». В рубриках этого раздела («Петроград», «Москва», «Провинция», «По Европе», «Аукционы», «Новые книги») публиковались последние новости. Например, в рубрике «Петроград» напечатано сообщение: «Рукописное отделение библиотеки Императорской Академии Наук, желая собрать возможно более обильный материал, имеющий отношение к настоящей войне, образовало новый отдел: «Архив войны», и обратилось с воззванием к различным учреждениям и частным лицам об оказании содействия в деле собирания различных документов для его пополнения» [14, с. 96]. В рубрике «По Европе» помещено краткое сообщение: «Германцы, по сведениям «Evening News», сожгли многие архивы в Антверпене и других бельгийских городах» [14, с. 96]. Особое внимание в журнале уделялось теме конфискации и вывоза культурных ценностей из Российской империи в Германию. В рубрике «По Европе» помещена информация на эту тему, где сообщается, что в довоенное время в Царство Польское часто наведывались немецкие антиквары, посещая в основном богатые имения и старинные костелы. В имениях они пытались что-то из антиквариата приобрести, что удавалось им далеко не всегда. Ксендзов и настоятелей костелов покупатели «обыкновенно склоняли к продаже старинных вещей тем соображением, что вырученные деньги дадут возможность отремонтировать старый костел. Попутно немцы разузнавали, где и у какого помещика находятся те или иные драгоценности или ценные произведения искусства. Теперь оказывается, что когда

¹ Набгольц (Johann Christian Nabholz) – гравер резцом и лависом (акватинтой), живописец. В 1784 г. переехал в Петербург, написал здесь множество портретов лиц высшего общества и самой императрицы.

² Московская полиграфическая фирма «Шерер, Набгольц и К^о», принадлежавшая немецким подданным, выполняла заказы многих издателей, а также сама выпускала почтовые открытки, видовые альбомы, воспроизводила фотографии в технике фототипии для книг и журналов.

³ Николай Еремеевич Струйский (1749–1796) – русский поэт, критик, частный издатель XVIII века.

немецкий отряд занимает какое-либо имение или приход, то он прекрасно осведомлен, где и что хранится, и какие ценные произведения следует искать в том или ином месте. Если же не находят разыскиваемых ими драгоценностей, они принимаются за энергичный допрос владельцев или прислуги, от которых требуют выдачи антиков. Последние немедленно конфискуются и отправляются в Германию» [15, с. 99].

В 1915 г. в связи со смертью издателя Н. В. Соловьева в журнале произошли значительные изменения. После его смерти редактором стал В. А. Вещагин, а издателем – вдова В. А. Соловьева-Трефилова (прима-балерина Мариинского театра). «Русский библиофил» просуществовал до 1916 г. и был закрыт по причине отъезда В. А. Соловьевой-Трефиловой в связи с новым замужеством за границу.

Журналы «Аполлон», «Старые годы», «Русский библиофил» во время Первой мировой войны пользовались огромной популярностью. В связи с военным временем многие газеты упразднили отдел художественной критики и информации. Возможно, и по этой причине популярность художественных журналов, имеющих эти отделы, была на высоте. Помимо того, художественные журналы изобиловали иллюстративным материалом, которого так не хватало в других периодических изданиях.

Таким образом, невзирая на то, что литературно-художественные журналы, в первую очередь, были посвящены искусству в разных его проявлениях, на их страницах тема войны и патриотизма нашла яркое воплощение. Информация с линии фронта публиковалась в разделе «Хроника». Более развернутые сведения о военных событиях помещал журнал «Старые годы». Популярными были темы, посвященные охране памятников культуры, описанию дворцов и старых дворянских усадеб, работе музеев, коллекционированию, бытованию предметов искусства, деятельности различных обществ, кружков, учебных заведений. Многие статьи в журналах были написаны на основе архивных документов. Сегодня ценность таких публикаций возросла, так как далеко не все материалы в архивах сохранились.

Список использованных источников

1. *Жирков, Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие для студентов вузов / Г. В. Жирков. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 368 с.
2. *Бережной, А. Ф.* Русская легальная печать в годы первой мировой войны / А. Ф. Бережной // Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 152 с.
3. Аполлон: художественно-литературный ежемесячник / ред.-изд. С. Маковский. – Санкт-Петербург: Якорь, 1910. – № 6 (март). – [58] с.
4. Аполлон. – 1915. – № 10 (декабрь). – 79 с.
5. Аполлон. – 1915. – № 2 (февраль). – 79 с.
6. *Иванов, Г.* Поэты войны (Raoul Labry) / Г. Иванов // Аполлон. – 1917. – № 4–5 (апрель-май). – С. 45–57.
7. Аполлон. – 1917. – № 1 (январь). – 78 с.

8. Старые годы: ежемесечник для любителей искусства и старины / ред.-изд. П. П. Вейнер. – 1907–1916. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1914. – Июль-сентябрь. – [208] с.
9. Старые годы. – 1915. – Январь–февраль. – [118] с.
10. Старые годы. – 1916. – Март. – 60 с.
11. Старые годы. – 1915. – Ноябрь. – 64 с.
12. Эрнст, С. Р. Выставка английских и французских гравюр XVIII века / С. Р. Эрнст // Старые годы. – 1916. – Январь–февраль. – С. 100–112.
13. Журналы «Антиквар» и «Русский библиофил»: указатель содержания / Центральное правление Всесоюзного добровольного общества любителей книги, Секция книги и графики Ленинградского Дома ученых им. М. Горького АН СССР. – Москва: [б. и.], 1989. – 128 с.
14. Русский библиофил: журнал историко-литературный и библиографический / основан Н. В. Соловьевым. – Петроград: [б. и.], 1914. – № 7 (ноябрь). – 112 с.
15. Русский библиофил. – 1915. – № 2 (февраль). – 99 с.

(Дата поступления: 11.04.2023).

ДЗЕЙНАСЦЬ КПЗБ НА ТЭРЫТОРЫ ДРАГІЧЫНСКАГА ПАВЕТА ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА ў 1920–1930-я гг.

Гарматны В. П.

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

У артыкуле разглядаецца дзейнасць КПЗБ на тэрыторыі Драгічынскага павета ў перыяд яго знаходжання пад польскім панаваннем. КПЗБ на той час была адной з самых масавых і ўплывовых палітычных арганізацый, у сувязі з чым у савецкі час тэматыка яе дзейнасці была ў гістарычнай навуцы адной з самых запатрабаваных. Разам з тым на сучасным этапе развіцця айчынай гістарычнай навукі назіраецца відавочны спад цікавасці да вывучэння асноўных напрамкаў і вынікаў дзейнасці КПЗБ. У гэтым годзе адзначаецца 100-годдзе стварэння КПЗБ, таму ў дадзеным артыкуле зроблена спроба на мікраўзроўні паказаць актыўнасць камуністаў з улікам сучасных патрабаванняў гістарычнай навукі.

Ключавыя словы: КПЗБ; праграма; падполле; дэманстрацыя; барацьба; рэвалюцыя; ячэйка.

ACTIVITY OF KPZB ON THE TERRITORY OF DRAGICHYN DISTRICT OF POLESIE REGION in the 1920–1930 ss.

Harmatny V. P.

Institute History National Academy Sciences of Belarus

The article examines the activities of the KPZB on the territory of the Dragichin District during its stay under Polish rule. At that time, the KPZB was one of the most massive and influential political organizations of that time, which is why its activities were one of the most sought-after topics during the Soviet era. At the same time, at the current stage of the development of the domestic historical science, there is a clear decline in interest in studying the main areas and results of the activity of the KPZB. This year marks the 100th anniversary of the establishment of the KPZB, so this article attempts to show the activities of the communists on a local level, taking into account the modern requirements of historical science.

Keywords: KPZB; program; underground; demonstration; struggle; revolution; cell.

На працягу 1921–1939 гг. Заходняя Беларусь уваходзіла ў склад Польшчы і была падзелена на ваяводства, паветы і гміны. На той час Драгічын стаў цэнтрам павету Палескага ваяводства і падзяляўся на наступныя гміны (колькасць час ад часу мянялася): Адрыжын, Бездзеж, Брашэвічы, Варацэвічы, Драгічын, Моталь, Осаўцы, Хомск, Янава (на сучасным этапе гэта большая частка Драгічынскага і Іванаўскага раёнаў) [11, с. 114–115; 21, с. 34]. Агульная плошча павета складала 2 351 кв. км з насельніцтвам 97 000 чалавек (паводле звестак усепольскага перапісу 1931 г.) [25, с. 17, 24]. Пры гэтым колькасць

польскамоўнага насельніцтва на Драгічыншчыне па ацэнках даследчыкаў на той час на Палессі была самай нізкай – каля 7 % [5, с. 28; 24, с. 24].

У эканамічным плане Драгічынскі павет характарызаваўся ў якасці выразна сельскагаспадарчага. Абсалютная большасць мясцовага селянства пакугавала ад малазямелля і беззямелля, дыскрымінацыйнай палітыкі польскага ўраду і падатковага гнёту, у сувязі з чым адстойвала свае карэнныя жыццёвыя інтарэсы і таму актыўна ўключалася ў нацыянальна-вызваленчую і рэвалюцыйна-дэмакратычную барацьбу [20, с. 85; 23, с. 86–87].

Адной з асноўных і найбольш уплывовых заходнебеларускіх палітычных партый і арганізацый стала Камуністычная партыя Заходняй Беларусі (КПЗБ), якая была створана ў канцы 1923 г. і з'яўлялася складовай часткай Кампартыі Польшчы [18, с. 71]. Адносна праграмных патрабаванняў КПЗБ выступала за абарону нацыянальна-дэмакратычных правоў заходнебеларускага насельніцтва (перш за ўсё права на карыстанне роднай мовай у дзяржаўных і навучальных установах), за ўсталяванне 8-гадзіннага рабочага дня і перадачу памешчыцкай зямлі сялянам бясплатна, і як канчатковы вынік уваходжанне Заходняй Беларусі ў склад БССР, усталяванне тут рабоча-сялянскага ўраду і ажыццяўлення пераўтварэнняў па савецкаму прыкладу [9, л. 14–15; 14, с. 46].

Прыём у партыю ажыццяўляўся ў індывідуальным парадку. Кожная кандыдатура абмяркоўвалася напачатку сярод членаў гуртка, дэталёва правяралася і выпрабавалася на выкананні канспіратыўных даручэнняў, перш за ўсё па распаўсюджванні лістовак. Рашэнне гуртка аб прыёме ў партыю зацвярджалася райкамам [17, с. 75].

Пры гэтым, як падкрэслівалі самі сучаснікі, на Палессі сетка камуністычных арганізацый была даволі рэдкай [10, л. 33]. Што датычыць Драгічынскага павета, то тут у 1924 г. было створана два нелегальныя райкамы КПЗБ – «Лясны» (размяшчаўся ў вёсцы Крывіца гміны Янава, а з 1929 г. называўся ўжо Янаўскім і з пачатку 1931 г. знаходзіўся ў самім Янава) і імя Красіна (напачатку размяшчаўся ў вёсцы Равіны, а потым непасрэдна ў Драгічыне), якія першапачаткова аб'ядноўвалі каля 200 членаў і падпарадкоўваліся Пінскаму акруговаму камітэту [2, с. 321; 20, с. 86]. У склад райкамаў звычайна ўваходзілі сакратар-тэхнік (кіраваў дастаўкай і распаўсюджваннем партыйнай літаратуры), казначэй (займаўся таксама справай дапамогі вязням), некалькі членаў, пасяджэнні пераважна праходзілі раз на тыдзень [4, с. 25; 12, с. 118].

Першыя камуністычныя ячэйкі на Драгічыншчыне ўзніклі ў вёсках Брашэвічы, Застаўе, Мікіцк, Вавулічы, Сіманаўшчына, Осаўцы, Язвіны, Імянін, Гошава, Крэсцінава і Стараселле. Потым на сярэдзіну 1930-х гг. на Драгічыншчыне былі дадаткова ўтвораны Хомскі і Мотальскі падрайкамы. З-за пастаяннай пагрозы арыштаў камуністы вымушаны былі строга кіравацца правіламі канспірацыі і партыйнай дысцыпліны, таму месца размяшчэння райкамаў і падрайкамаў увесь час мянялася.

На тэрыторыі райкама Красіна мелася 138 ячэек, куды ўваходзілі 221 член КПЗБ і 130 спачуваючых («сімпатыкаў»). Лясному райкаму падпарадкоўваліся 5 падрайкамаў, пра тры з якіх захаваліся асобныя звесткі.

Падрайкам 1 распаўсюджаў свой уплыў на Драгічын і 10 навакольных вёсак (40 членаў), у шэрагах 2-га падрайкама налічвалася 8 ячэек і 45 членаў, 3-га – 9 ячэек і 60 актывістаў [7; 11, с. 119].

Камуністы арганізоўвалі сярод мясцовага насельніцтва актыўную грамадска-палітычную агітацыю, у ходзе якой паказвалі дзейнасць польскіх уладаў у самым негатыўным аспекце, супрацьпастаўляючы Савецкаму Саюзу, дзе паводле іх меркаванняў ажыццяўлялася палітыка, накіраваная на забеспячэнне асноўных інтарэсаў працоўных і агульнае паляпшэнне іх матэрыяльнага ўзроўню, прапагандавалі перш за ўсё калектывізацыю [14, с. 46]. Напрыклад, у вёсцы Дубраўка мясцовы жыхар Васіль Страпко арганізаваў ячэйку КПЗБ і агітаваў сялян не плаціць падаткі, пад яго кіраўніцтвам сяляне пісалі і распаўсюджвалі лозунгі і транспаранты [11, с. 120]. Члены ячэйкі КПЗБ вёскі Магільна збіраліся на могілках, вывучалі партыйную літаратуру, пасля ішлі з агітацыяй у народныя масы з заклікамі да барацьбы за лепшую долю. Як успамінаў мясцовы ўраджэнец Т. Стальмашук, «у той час вялікай падтрымкай і нават настаўнікам многіх з’яўляліся газеты. На іх старонках мы знаходзілі адказы на хвалюючыя нас пытанні. Газеты мы атрымлівалі ў Пінску на явачнай кватэры. Друкаваліся яны на вельмі тонкай паперы, што давала магчымасць прывозіць іх у вялікай колькасці» [12, с. 119]. Асабліва актыўна такая агітацыя праходзіла ў перыяд рознага роду выбарчых кампаній, што ў выніку дало на нізавым узроўні істотны вынік, так, у некаторых вёсках солтысамі (старастамі) былі абраны камуністы альбо іх прыхільнікі [7].

Дзейнічаць камуністаў прыходзілася ў надзвычай складаных умовах пад пагрозай арыштаў і іншых рэпрэсій з боку польскіх уладаў, аднак неабходна падкрэсліць, што камуністы і самі са сваімі палітычнымі супернікамі абыходзіліся надзвычай жорстка, напрыклад у 1926 г. за антыкамуністычную агітацыю сярод мясцовых сялян ноччу была спалена сядзіба праваслаўнага святара вёскі Бездзеж [15, с. 79]. Акрамя таго, на той час падпалы сядзіб найбольш заможных сялян і асаднікаў набылі такі размах, што ў многіх навакольных вёсках жыхары ў выніку арганізоўвалі разам з паліцыяй начныя сумесныя патрулі, каб у выніку не згарэла ўсё паселішча.

У адпаведнасці з тагачасным міжнародным становішчам асаблівы ўпор рабіўся на паказ міралюбівай палітыкі СССР, які згодна тагачаснай прапагандзе мог аказацца нявіннай ахвярай капіталістычных агрэсараў, у сувязі з гэтым моладзь заклікалі не ісці службыць у польскае войска і не ўступаць у мясцовыя моладзевыя арганізацыі (перш за ўсё «Стралец»), а замест гэтага станавіцца камсамольцамі. У рамках гэтай дзейнасці камуністамі арганізоўваліся таксама і рознага роду мерапрыемствы, напрыклад, у 1926 г. у вёсцы Язвіны прайшла дэманстрацыя сялян, але найбольш масавая антываенная дэманстрацыя адбылася ў мястэчку Хомск 26 снежня 1926 г. з удзелам 500 – 600 чалавек, якія неслі чырвоныя сцягі і спявалі «Інтэрнацыянал». У гэты час асноўны склад мясцовай паліцыі на чале з камендантам быў на хрэсьбінах у Бездзежы, таму адзін з паліцыянтаў заставаўся на тэлефоне, а другі непрыкметна назіраў за дэманстрантамі. Масавыя арышты ў Хомску прайшлі ўжо вечарам [1, т. 1, с. 429; 20, с. 86].

У ноч на 1 жніўня 1927 г. у вёсцы Стараселле быў вывешаны лозунг «Далоў ваенныя авантуры Пілсудскага! Няхай жыве самавызначэнне Заходняй Беларусі (аж да аддзялення)!».

Такая актыўная дзейнасць і папулярнасць камуністаў (паводле звестак паліцыі пад іх уплывам знаходзілася да 80 % насельніцтва Драгічынскага павета) не маглі не выклікаць занепакоенасці дзяржаўных уладаў [7]. У справаздачы пінскага павятовага старасты ад 2 сакавіка 1927 г. адзначалася, што «ў склад Драгічынскага райкама ўваходзяць 5 падрайкамаў.

№ 1 – у Драгічыне, 8 ячэек, 45 чалавек;

№ 2 – у Моталі, 8 ячэек, 45 чалавек;

№ 3 – у Бездзежы, 9 ячэек, 60 чалавек;

№ 4 – у Янаве, 5 ячэек, 31 чалавек;

№ 5 – у Драгічыне, 8 ячэек, 40 чалавек» [16, с. 151].

У выніку ў маі 1927 г. на Драгічыншчыне пачаліся першыя масавыя арышты камуністаў, быў ліквідаваны «Лясны» раённы камітэт КПЗБ і без кіраўніцтва заставаўся камітэт Красіна [2, с. 322; 3]. Шэраговыя камуністы, якія здолелі пазбегнуць арышту, змаглі праз некаторы час усталяваць кантакт з Пінскім акруговым камітэтам і аднавіць працу арганізацыі. 26 ліпеня таго ж года з удзелам прадстаўніка з Пінска Мікалая Печкі ў лесе каля вёскі Сіманаўшчына праведзена мясцовая партыйная канферэнцыя КПЗБ, на якой было абрана новае кіраўніцтва раённага камітэта Красіна на чале з Г. П. Лапачуком. Разам з тым праз некалькі дзён амаль усе ўдзельнікі канферэнцыі былі арыштаваны, і толькі Ілля Прымак змог застацца на свабодзе. 13 жніўня каля Сіманаўшчыны ў гаі «Пяць канцоў» прайшла новая канферэнцыя, прысвечаная ўзнаўленню працы райкама і правядзення дэманстрацыі ў гонар Міжнароднага юначага дня. Многія яе ўдзельнікі былі арыштаваны, але ў жніўні і кастрычніку 1927 г. у вёсцы Дубраўка прайшло яшчэ некалькі партыйных сходаў, у выніку Лясны райкам быў адноўлены і размяшчаўся ў вёсцы Огава Пінскага павета [7; 11, с. 121].

На пачатку 1928 г. на полі каля вёскі Трыліскі сабраліся мясцовыя камуністы ў справе аднаўлення разгромленых ячэек. У лютым 1928 г. адбыліся новыя арышты, але Лясны райкам выстаяў і распаўсюдзіў сваю дзейнасць на гміны Моталь і Янава. Члены райкама захоўвалі строгую канспірацыю. Напрыклад, сакратар райкама падтрымліваў сувязь толькі з сакратаром ячэйкі. На сходы з мэтай пазбегнуць арыштаў збіраліся толькі па двое. З прыкладаў дзейнасці райкама гэтага часу можна адзначыць актыўную агітацыю за рабоча-сялянскіх кандыдатаў падчас сеймавых выбараў у сакавіку 1928 г. і вывешванне ля вёскі Замошша ў верасні 1928 г. рэвалюцыйнага лозунга.

Аб ролі асобы ў палітычным жыцці яскрава сведчыць прыклад Хомскага падрайкама КПЗБ, які быў створаны ў 1928 г. і хутка раскрыты паліцыяй, пасля чаго па сутнасці яго дзейнасць аднавілася толькі ў 1934 г., калі вярнуўся з турмы яго былы кіраўнік [22, с. 65].

Найбольшую актыўнасць камуністы праяўлялі падчас святкаванняў Першамай, перш за ўсё загадзя паўсюдна развешвалі чырвоныя сцягі. Напярэдадні 1 мая 1928 г. такія заклікі з рэвалюцыйнымі лозунгамі былі вы-

вешаны ў вёсцы Бялая. Асабліва актыўна Першамай у Драгічынскім павеце прайшоў у 1931 г., калі сцягі віселі ў вёсках Імянін і Трыліскі, на семафоры чыгуначнай станцыі Драгічын, а рабочыя лесапільнага завода «Горбур» у Янаве навогул на гэты дзень спынілі работу. Напярэдадні 1 мая 1938 г. сцягі з надпісамі «Далоў фашысцкую дыктатуру! Далоў буржуазію!» з'явіліся ў вёсцы Гошава. У памешчыцкім парку вёскі Магільна вывесілі сцяг з лозунгам «Няхай жыве СССР!» [7].

З 22 лютага па 5 сакавіка 1929 г. адбыліся новыя арышты членаў Ляснога райкама і ячэек КПЗБ у вёсках Крывілы і Калілы. Усяго было арыштавана каля 100 чалавек, над якімі адбылося 4 суды, па выніках якіх 10 чалавек атрымалі па 4 гады турмы, а 34 – па 2. Нягледзячы на такія страты камуністам удалося правесці ў вёсцы Вавулічы дэманстрацыю сялян з патрабаваннем павелічэння зямельных надзелаў і выдачы зямельным банкам ільготных крэдытаў [3].

У канцы 1929 г. у Драгічыне прайшло некалькі судовых працэсаў над камуністамі. Так, 21 верасня атрымалі прысуд 18 членаў Ляснога райкама, а на працягу кастрычніка-лістапада адбыўся суд над 45 мясцовымі камуністычнымі актывістамі, пры гэтым асобна судзілі членаў Гошаўскай ячэйкі. Да розных тэрмінаў зняволення былі асуджаны С. А. Лоска, П. Р. Сахашчык, І. В. Ігнатчык і Я. Р. Селіжковіч. У выніку дзейнасці камуністаў Драгічыншчыны была часова паралізавана, асабліва ўлічваючы, што паліцыі ўдалося нават разграміць і Пінскі акруговы камітэт КПЗБ. Пра гэтыя падзеі захаваліся ўспаміны члены падрайкама КПЗБ у Хомску П. М. Пігуты, які адзначаў, што «мне ўдалося пазбегнуць арышту і таёмна выехаць у Канаду. Хутка ад С. П. Маліеўскага (на фота ён у чацвёртым шэрагу, трэці справа) я атрымаў фота вязняў Пінскай турмы. Вырашылі яго размножыць і распаўсюдзіць сярод працоўнага люду. Арганізоўвалі мітынгі, збіралі грошы і адпраўлялі іх змагарам, якія пакутавалі ў турэмных сценах буржуазнай Польшчы. Некалькі копій фотакарткі накіравалі на Радзіму» [20, с. 86–87].

У жніўні 1932 г. былі затрыманы члены Янаўскага райкама і яго дзейнасць часткова прыпынілася, але з цягам часу тэа актывісты, якія засталіся на волі, змаглі аднавіць сувязі і наладзіць яўкі. Напрыклад, на станцыі Снітава на хутары каля ветрака існавала яўка з наступным паролем «у вас можна абмяняць кабана на 30 пудоў жыта?» і водгукам «толькі на 8». Вяскою 1933 г. райкам быў адноўлены [7; 21, с. 38].

Асаблівае значэнне мела таксама агітацыя сярод салдат Войска Польскага, якія па свайму сацыяльнаму паходжанню ў асноўным былі рабочымі і сялянамі [14, с. 197]. У 1933 г. за рэвалюцыйную дзейнасць у 35-ым палку ў ваяводскім цэнтры г. Брэсце быў асуджаны на 4 гады турэмнага зняволення І. Х. Міхалюк з вёскі Сварынь. Іншы ўрадженец Драгічыншчыны і член КПЗБ Мікалай Дацкевіч служыў рамізнікам у палкоўніка, дзякуючы чаму меў магчымасць легальна раз'язджаць па гарадах, пад час чаго і распаўсюджаў нелегальную літаратуру. За гэта ён атрымаў 5 гадоў турэмнага зняволення і выйшаў на волю толькі ў 1939 г. [11, с. 122–123].

Паводле справаздачы ваяводскіх уладаў на 30 чэрвеня 1933 г. у Драгічынскім павеце налічвалася 69 гурткоў КПЗБ, што прыкладна адпавядала

сярэдневаяводскаму паказчыку (для параўнання – найбольш разгалінаваная сетка арганізацый КПЗБ назіралася ў Пружанскім з 277 і Косаўскім з 251, найменшая – у Кобрынскім з 15 і Столінскім паведах з 10) [23, с. 88].

У сувязі з тым, што ўвесь час значная частка камуністаў сядзела ў турмах, праводзіліся зборы на дапамогу арыштаваным, перш за ўсё па лініі Міжнароднай арганізацыі дапамогі рэвалюцыянерам. Напрыклад, лідар ячэйкі КПЗБ у Варатыцку Захар Дудзік на Раство 1932 г. арганізаваў збор поўсці на рукавіцы і шкарпэткі палітзняволеным, якія потым звязалі яго жонка разам з некалькі суседкамі [2, с. 324]. З мэтай збіць такую салідарнасць драгічынскі павятовы стараста ў 1933 г. загадаў паліцыі няшчадна штрафваць за самыя дробныя санітарныя парушэнні асоб, што ўносілі грошы ў фонд дапамогі рэвалюцыянерам, і патрабаваць ад іх поўнай выплаты падаткаў, матывуючы гэта тым, што калі ў людзей ёсць грошы на дапамогу рэвалюцыянерам, то павінны быць і на выплату падаткаў. Калі ж у выступленнях прымалі ўдзел дзеці, то да адказнасці прыцягваліся іх бацькі [11, с. 122]. Акрамя таго, з мэтай дапамогі арыштаваным члены мясцовых ячэек КПЗБ арганізавалі тэатральныя спектаклі і іншыя забаўляльныя мерапрыемствы, выручка ад якіх ішла ў азначаны фонд дапамогі [7].

Летам 1933 г. у Кракаве ўспыхнула ўзброенае паўстанне, у якім у цэлым прынялі ўдзел каля 100 тыс. чалавек. Па ўсёй Заходняй Беларусі разгарнулася кампанія салідарнасці з паўстанцамі [8, с. 113]. У жніўні 1933 г. у Янаўскі райкам прыехаў інструктар ЦК КПЗБ, які спачатку ў лесе каля вёскі Калонія Равіны, а потым паміж вёскамі Оўзічы і Клемянцінава правёў канферэнцыі з абмеркаваннем форм дапамогі паўстанцам і стварэннем дружын для абароны пад час выступленняў супраць падаткаў.

У 1933 г. Янаўскі райкам быў перанесены ў вёску Оўзічы. Сюды прыязджала інструктар ЦК КПЗБ пад псеўданімам “Лена”, якая праводзіла сходы камуністаў і друкавала ўлёткі. Янаўскі райкам арганізаваў дружныя самаабароны і калі 10–12 кастрычніка 1933 г. у вёсцы Клемянцінава і Оўзічы прыбылі секвестратары (зборшчыкі падаткаў), то сяляне пад кіраўніцтвам камуністаў з ганьбай прагналі іх і забралі назад апісаныя рэчы. Аказанне сялянамі супраціву пад час збору падаткаў паслужыла паліцыі штуршком для арыштаў, якія адбыліся 14–18 кастрычніка 1933 г. [7].

Рэпрэсіі польскіх уладаў у дачыненні да членаў КПЗБ былі пастаяннымі, бо па сутнасці камуністы ставілі сваёй мэтай карэнную змену тагачаснага палітычнага ладу і самавызначэнне Заходняй Беларусі. Вясной 1934 г. члены КПЗБ, якія яшчэ заставаліся на свабодзе, паспрабавалі аднавіць працу Янаўскага райкама і ўсталяваць сувязь з акруговым камітэтам КПЗБ, які знаходзіўся ў вёсцы Каліты, але ў кастрычніку 1934 г. паліцыя ліквідавала ўсе раённыя камітэты КПЗБ Драгічынскага павега, а большасць мясцовых актывістаў былі арыштаваны і пасаджаны ў турму і нават у лагер у Бярозе-Картузскай. Спробы аднавіць працу раённых камітэтаў аказаліся няўдалымі. З 21 па 24 сакавіка 1935 г. у акруговым судзе Пінска прайшоў “працэс-24” над актывістамі членамі КПЗБ Драгічыншчыны. Паводле прысуду ўсе абвінавачаныя атрымалі розныя тэрміны турэмнага зняволення: з іх двум далі 6 гадоў турмы, а васьмі – 4 [3].

У лютым 1937 г. прайшлі новыя арышты камуністаў, пасля якіх была да вясны паралізавана дзейнасць камуністаў у Янава, але ўжо ў ліпені прайшла новая хваля арыштаў, пасля чаго камуністы тут ужо так і не змаглі аднавіцца. Працягнуць сваю дзейнасць змаглі толькі камуністы Моталя, якія распаўсюджвалі ўплыў на навакольныя вёскі, але ў ліпені 1937 г. тут таксама прайшла новая хваля арыштаў [11, с. 123; 12, с. 123].

Вялікі вынік мела агітацыя камуністаў і на членаў праўрадавых моладзевых арганізацый і выкарыстанне іх у якасці магчымасці легальнай дзейнасці, пасля чаго напрыклад, у вёсцы Упірава ў 1937 г. апошні кіраўнік мясцовай ячэйкі Саюза сельскай моладзі апынуўся пад іх уплывам і ў выніку «ўцёк у Савецкую Расію». У навакольнай вёсцы Дружылавічы кіраўніком гэтай жа мясцовай арганізацыі быў аднагалосна абраны чалавек, які неаднаразова сядзеў у турме па палітычных прычынах [6, с. 8]. Калі ўлады не зацвердзілі гэты выбар, то моладзь дэманстравалі і сумесна выйшла з гуртка. Як таксама паведамляла паліцыя ў вёсцы Варатыцк сярод моладзі пад уплывам камуністаў заключаліся шлюбы без удзелу святароў і наведвання царквы [7].

У падпольнай барацьбе прыймалі ўдзел нават і дзеці, якія па прыкладу дарослых таемна рабілі ў людных месцах рэвалюцыйныя надпісы і акрамя таго прылюдна адмаўляліся пець польскія песні (школа вёскі Моталь) [13]. У сувязі з гэтым, дырэктар Мотальскай школы С. Шымчак у сваім даносе ад 1 снежня 1938 г. паведамляў, што «некалькі тыдняў таму назад у старэйшых класах даручанай мне школы заўважыў, што сярод вучняў вядзецца нейкая антышкольная кампанія, якая праяўляецца ў наступным: вучні наўмысна не жадаюць адказваць настаўніцы зададзеныя ім урокі, спяваць польскія песні, нежадаюць наведаць школу, варожа адносяцца да настаўнікаў, адмаўляюцца ўдзельнічаць у дзейнасці школьных арганізацый “Харцэж”, “Арлянята” і ў школьным хоры» [16, с. 152].

Камуністы Моталя наладзілі праз мяжу патаемны «калідор», дзякуючы якому І. Г. Бабрыковіч некалькі разоў хадзіў у Савецкі Саюз за патрэбнымі матэрыяламі для далейшай работы [19, с. 54]. З узмацненнем рэпрэсіі і пераследаваннем з боку польскай паліцыі частка мотальскіх падпольшчыкаў пакінула Заходнюю Беларусь і перабралася ў СССР. Тыя, што засталіся, нягледзячы ні на што працягвалі дзейнасць – усталявалі дэтэктарныя радыапрыёмнікі для праслухоўвання перадач з Масквы і Мінска, якія запісвалі і потым распаўсюджвалі ў наваколлі ў форме лістовак аж да самага доўгачаканага верасня 1939 г. [16, с. 152].

Такім чынам, на працягу ўсяго свайго перыяду існавання (1923–1938 гг.) КПЗБ праводзіла актыўную і паслядоўную грамадска-палітычную дзейнасць сярод насельніцтва Заходняй Беларусі, у тым ліку і на Драгічыншчыне. У надзвычай складаных умовах падпольнай дзейнасці і пастаяннай пагрозай арыштаў КПЗБ удалося наладзіць у Драгічынскім павеце даволі разгалінаваную структуру, праводзіць актыўную і паспяховую работу па зрыву польскіх урадавых мерапрыемстваў, ажыццяўленню адпаведнай агітацыі і распаўсюджванню нелегальнага перыядычнага друку [23, с. 89].

Вызначыць дакладна колькі чалавек на Драгічыншчыне было ў міжваенны перыяд членамі КПЗБ не з'яўляецца магчымым па прычыне нелегальнага характара дзейнасці партыі і ў сувязі з гэтым адсутнасці агульнапрынятага членства і перш за ўсё партыйных білетаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы: в 2 т. – Минск: Беларусь, 1962–1972.

2. Города и районы Брестчины. Ивановский район. – Брест: Брестская типография, 2017. – 839 с.

3. Граник, С. Тернистый путь к единству и свободе [Электронный ресурс] / С. Граник. – Режим доступа: <https://www.drogichin.by/novosti/ternistyj-put-k-edinstvu-i-svobode/>. – Дата доступа: 24.12.2022.

4. Зелинский, П. И. Политическая работа КПЗБ в массах (1923–1938) / П. И. Зелинский. – Минск: Университетское, 1986. – 136 с.

5. Кривуть, В. И. Национальные молодежные организации и польские власти на территории Западной Беларуси в межвоенный период / В. И. Кривуть // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2020. – С. 27–48.

6. Кривуть, В. И. Полесский воеводский союз сельской молодежи и реализация правительственной молодежной политики (1920–1930-е гг.) / В. И. Кривуть // Вестник ПолесГУ. – 2012. – № 1. – С. 3–9.

7. Либеровская, Т. Д. Дрогичинский повет в 1928–1937 гг. [Электронный ресурс] / Т. Д. Либеровская. – Режим доступа: http://www.d-museum.by/show_about2.php?h=34. – Дата доступа: 07.03.2023.

8. Мацко, А. М. Борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против фашизма (1933–1939 гг.) / А. Н. Мацко. – Минск: Изд-во Акад. Наук БССР, 1963. – 204 с.

9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 242 п. – Воп. 1. – Спр. 102. Материалы по вопросу экономического и политического положения Западной Белоруссии, предшествовавшего созданию «Громады».

10. НАРБ. – Ф. 242 п. – Воп. 1. – Спр. 297. Материалы о положении в деревне.

11. Памяць: гіст-дакум. хроніка Драгічынскага раёна. – Минск: БелТА, 1997. – 572 с.

12. Памяць: гіст-дакум. хроніка Іванаўскага раёна. – Минск: БелТА, 2000. – 590 с.

13. Под властью Польши – Мотоль – жемчужина Полесья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vmotol.by/history/letopis/pod-vlastyu-polshi/>. – Дата доступа: 24.12.2022.

14. Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В. А. Полуян. – Минск: Наука и техника, 1978. – 357 с.

15. Полуян, В. А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. / В. А. Полуян, И. В. Полуян. – Минск: Государственное издательство БССР, 1962. – 220 с.

16. Рамановіч, П. С. Да пытання дзейнасці Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (на прыкладзе Камуністычнай арганізацыі м. Моталь, Драгічынскага павета) / П. С. Рамановіч // Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа: материалы регион. научно-практ. конф., 24–25 сентября 2009 г. – Брест: БрГТУ, 2009. – С. 149–153.

17. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.). – Минск: Беларусь, 1966. – 401 с.

18. Сорокин, А. А. Освободительное и революционное крестьянское движение в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск: БГУ, 1970. – 169 с.

19. Стасевіч, П. С. Вёска над Ясельдай: пра вёску Моталь Іванаўскага раёна Брэсцкай вобласці: гістар.-краязн. нарыс / П. С. Стасевіч. – Мінск: Полымя, 1991. – 99 с.

20. Шыкула, Л. История деревни Хомск / Л. Шыкула // Записы Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. – Рыга: 2013. – Вып. 1. – С. 65–94.

21. Яковчик, И. И. Закозель: земля и люди / И. И. Яковчик, И. И. Акинчиц, В. В. Зданович. – Барановичи: Барановичская типография, 1999. – 83 с.

22. Cichoracki, P. Komuniści na Polesiu w latach 1921–1939 / P. Cichoracki. – Łomianki: LTW, 2016. – 271 s.

23. Śleszyński, W. Województwo poleskie / W. Śleszyński. – Kraków: Wyd-two Avalon, 2014. – 335 s.

24. Tomaszewski, J. Z dziejów Polesia, 1921–1939: zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa: Państwowe Wyd-two Naukowe, 1963. – 208 s.

25. Tomczonek, Z. Ruch ludowy na kresach polnocno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej. – Białystok: Wyd-wa Politechniki Białostockiej, 1996. – 246 s.

(Дата поступления: 11.04.2023).

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МИЛИЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ БССР В 1919–1934 ГГ.

Мамайко И. А.

Минск, Беларусь

Статья посвящена истории создания, особенностям становления и развития милиции Беларуси, её организационно-правовым формам и месте в системе государственной власти БССР в 1919–1934-х гг., роли милиции в борьбе с преступностью и вооруженными выступлениями против советской власти на территории Беларуси, тесной взаимосвязи органов милиции России и Беларуси в указанный период.

Ключевые слова: ССРБ; ССРЛиБ; БССР; РСФСР; РКМ; Главмилиция; Главрозыск; ЧК; ОГПУ; НКВД.

ON THE ISSUE OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MILITSIYA IN THE SYSTEM OF STATE POWER OF THE BSSR IN 1919–1934

Mamaiko Ivan Andreevich,

Minsk, Belarus

The article is devoted to the history of the creation, the peculiarities of the formation and development of the militia of Belarus, its organizational and legal forms and place in the system of state power of the BSSR in the 1919–1934s, the role of the militia in the fight against crime and armed demonstrations against the Soviet government in Belarus, the close relationship of the police of Russia and Belarus in this period.

Keywords: SSRB; SSRLaB; BSSR; RSFSR; WPM; Main milicia; The main search; EC; USPA; PKIA.

Днем основания белорусской милиции считается 4 марта 1917 года. В этот день приказом гражданского коменданта Минска Б. Самойленко на должность временного начальника милиции Всероссийского Земского Союза по охране порядка в городе был назначен служащий Всероссийского Земского Союза Михаил Михайлов (под этой фамилией скрывался большевик Михаил Фрунзе). Минск по сути стал центром образования милиции на белорусских землях. Вместе с тем дата создания милиции в системе государственной власти Советской Беларуси несколько иная.

30–31 декабря 1918 года в Смоленске открылась VI Северо-Западная областная конференция РКП(б), которая объявила себя I съездом Коммунистической партии большевиков Беларуси. 31 декабря было создано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Беларуси, которое

1 января 1919 года опубликовало манифест о провозглашении ССРБ – Социалистической Советской Республики Белоруссия, впоследствии трансформированной путем объединения в феврале-марте 1919 года с Литовской ССР в Социалистическую Советскую Республику Литвы и Белоруссии (ССРЛиБ), в 1922 году вновь провозглашенную как Белорусская Социалистическая Советская Республика, а в 1936 году переименованную в Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР).

С момента образования Советской Беларуси начался процесс создания государственных органов власти, неотъемлемой частью которых являются органы правопорядка. В январе 1919 года было образовано Минское губернское управление рабоче-крестьянской милиции, в уездах были образованы уездные управления милиции. 12 января 1919 года в Минске состоялся первый съезд начальников уездной милиции Минской губернии. Съезд рассмотрел организационные вопросы устройства милиции в центре и на местах, но уже в марте 1919 года деятельность милиции и органов Советской власти на территории Беларуси временно прекращается в связи с наступлением польских войск.

Переход к мирному строительству с образованием полноценной системы органов власти и управления большевиков на территории провозглашенной в январе 1919 года ССРБ начался только в 1920 году, после успешного наступления Красной Армии на запад (9 июля от польской оккупации был освобожден Минск, 19 июля – Гродно, 1 августа - Брест [1, с. 421]).

31 июля 1920 года Военно-революционный комитет Беларуси (действовал в ССРБ в августе-декабре 1920 г. под председательством А. Червякова) издал «Декларацию об объявлении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии», произошло второе провозглашение ССРБ. Республика обновлялась только в составе двух неполных губерний – Гродненской и Минской, белорусские районы Витебской, Гомельской и Смоленской губерний оставались в РСФСР [2, с. 111].

С освобождением в июле 1920 года Минска возобновило свою деятельность и Минское губернское управление рабоче-крестьянской милиции (РКМ). Одновременно был создан и губернский уголовный розыск на правах отдела Губмилиции. 13 августа 1920 года руководство Минской Губмилиции переименовывается в Управление Рабоче-Крестьянской милиции республики как составная часть НКВД РСФСР с подчинением по вопросам службы Главлмилиции РСФСР. Однако вскоре польские войска снова перешли в наступление с целью оккупации территории Беларуси. Милиция и другие советские учреждения республики были эвакуированы в Рославль Смоленской губернии. В октябре 1920 года, когда Минская губерния была повторно освобождена от польских войск, распоряжением Ревкома ССРБ организовывается Главное управление рабоче-крестьянской милиции ССРБ (Главмилиция ССРБ) под руководством Станислава Мертеса.

Анализ архивных документов (в основном сконцентрированных в фонде 35 опись 1 (Главного управления милиции и уголовного розыска НКВД БССР) и фонде 34 опись 1 (НКВД БССР) Национального архива Республики

Беларусь) позволяет сделать вывод, что организационно-штатная структура советской милиции в Беларуси впервые стала выстраиваться с августа-декабря 1920 года, а её практическая реализация стала возможной только с начала 1921 года. Об этом, в частности, свидетельствуют отчетные документы относительно деятельности милиции. Первоначально НКВД ССРБ, куда входили органы милиции, был образован в январе 1919 года, но в марте этого же года был упразднен в связи с образованием ССРЛиБ, а свои функции передал отделу Управления милиции Минского губвоенревкома и НКВД ССРЛиБ, деятельность которых на территории Беларуси фактически не осуществлялась уже с марта 1919 года, в связи с оккупацией территории Польшей. После второго провозглашения ССРБ, был вновь образован НКВД ССРБ, который в 1920-х годах занимался вопросами советского строительства, отделением церкви от государства и школы от церкви, административно-территориальным обустройством, коммунальным хозяйством, регистрацией частных товариществ и союзов, осуществлял управление местами лишения свободы, в его структуру, также, входила милиция и органы записей актов о гражданском состоянии (ЗАГС).

В докладе в НКВД ССРБ о деятельности милиции Беларуси с 1 февраля по 1 марта 1921 года отмечалось: «В феврале месяце деятельность Рабоче-Крестьянской милиции Белоруссии как и в предыдущие месяцы, в общем своем масштабе находилась и все еще находится в стадии организации» [3]. А в подробном отчете за весь 1921 год констатировалось: «Милиция Белоруссии Республики начала организовываться вслед за ее освобождением от поляков пределов Республики с июля 1920 года. Фактически милиция организовывалась на местах вслед за приходом Советских войск и партизанских отрядов, и граждан, вполне стоявших на платформе Советской власти, так что первоначально милиция Белоруссии не имела централизации и руководилась на местах ответственными партийными работниками, которые назначались формирующимся в то время Ревкомом» [4].

30 ноября 1920 года был подписан приказ № 20 Главного управления рабоче-крестьянской милиции ССРБ, которым было утверждено первое положение о Главмилиции ССРБ [5].

В соответствии с данным документом на Главмилицию, как на центральный республиканский орган, возлагалось общее руководство:

«а) по формированию Милиции в местах, где её ещё не было; б) по улучшению организации милицейской и боевой подготовки Милиции; в) по выработке методов и по организации борьбы с преступностью; г) по ревизии и инспектированию всех видов Милиции; д) по обеспечению сотрудников Милиции всеми видами обеспечения, оснащения и обмундирования, вооружения и медицинской помощи» [5].

Главмилиция ССРБ являлась самостоятельной единицей НКВД ССРБ. Начальник Главмилиции назначался Президиумом ЦИК ССРБ по постановлению коллегии НКВД, являлся членом этой коллегии, а начальники отделов Главмилиции назначались и увольнялись НКВД по представлению начальника Главмилиции [6].

Структура Главмилиции предусматривала организацию следующих отделов: следственно-розыскной милиции (Главрозыск), уездно-городской (общей) милиции, промышленной милиции, инспекторского, материального и секретариата [5].

Непосредственно борьба с преступностью (розыск и задержание преступников) была сконцентрирована в отделе следственно-розыскной милиции.

Приказом Главмилиции от 2 декабря 1920 г. № 21 была объявлена первая оргштатная структура Главного управления (отделы общих, инспекторский, материальный, Главрозыск, промышленной милиции, политотдел и секретариат), Минский городской и уездно-городской отделения советской рабоче-крестьянской милиции Беларуси, утвержденные НКВД ССРБ на заседании 21 ноября 1920 года, а также тарифные ставки всем сотрудникам милиции, утвержденные Советом профессиональных союзов Беларуси. Штат личного состава Главмилиции составлял 99 человек [7].

Штат Главрозыска вместе с начальником состоял из 7 человек оперативного состава (помощник начальника, инспектора и следователи) и 5 человек технического персонала (секретарь, делопроизводители, конторщики) [7]. Для обслуживания города Минска было организовано отделение уголовного розыска при Минской гормилиции (горрозыск) со штатом в 66 человек (4 руководящего состава, 45 оперативного состава, 17 технических работников) [8]. Кроме того, при каждой милицейской части в Минске (всего их было 5) организовывались уголовно-розыскные столы в составе 5 человек (начальник, следователь, регистратор, делопроизводитель, конторщик).

В уездах организовывались: при уездной милиции – уголовное отделение со штатом в 27 человек, городской розыскной стол при гормилиции в уездном городе – в составе 9 человек [9]. Во всех уездных уголовных отделениях предусматривалась организация бюро регистрации преступлений. Общий штат уголовного розыска по республике был установлен в 319 человек [10, с. 133].

Отличительной чертой организации и деятельности милиции стала её военнизация – организация милиции по принципу Красной Армии и сведение вооруженных сил милиции в армейские части. Военнизация была предусмотрена Положением о Рабоче-крестьянской милиции, утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1920 года и Инструкцией Главного управления милиции при СНК РСФСР от 15 августа 1920 года «О проведении в жизнь организации милиции на основах Красной Армии» [11, с. 27].

В первую очередь это было вызвано сложным внутриполитическим положением, которое характеризовалось в начале 1920-х годов очень высоким уровнем бандитизма как в РСФСР, так и в Беларуси. Борьба с бандитизмом в этот период являлась одним из главных направлений оперативно-служебной деятельности милиции и уголовного розыска, однако, необходимо отметить, что в советской историографии, а также в сводках Чрезвычайной комиссии (ЧК) под этим термином подразумевались не только уголовные преступления, но и различные антисоветские выступления.

Для усиления борьбы с бандитизмом в конце 1920 года была сформирована Особая милицейская бригада ССРБ, в состав которой входило 6 трёхротных батальона. Её подразделения дислоцировались в следующих городах:

1-й и 2-й батальоны, сформированные из Минской городской и уездной милиции, располагались в г. Минске; 3-й батальон (Бобруйская милиция) – в Бобруйске; 4-й батальон (Слуцкая милиция) – в Слуцке; 5-й батальон (Борисовская и Игуменская милиция) – в Борисове и 6-й батальон (Мозырьская милиция) – в Мозыре [12, с. 51]. Для выполнения наиболее важных задач по борьбе с бандитизмом был сформирован Отряд особого назначения в составе пехотной роты, кавалерийского и пулеметного взводов, который размещался в Минске и находился в непосредственном подчинении командования Особой милицейской бригады.

В циркулярном письме, адресованном всем белорусским коммунистам и подписанным секретарем ЦБ КП(б)Б В. Кнориным, отмечалось: «Окончательная ликвидация бандитизма ложится главным образом на соответственно образом профильтрованную и усиленную 40 пол ротами из центра Белорусскую Рабоче-Крестьянскую Милицию и отряды Особого назначения» [13].

На 1921 г. штатное количество всей милиции ССРБ планировалось в 1836 сотрудников [14], а на 1922 г. – в 3026 [15]. Милиция Советской Беларуси в 1920-е гг. комплектовалась «в основном за счет рабочих и крестьян» [16].

Отметим, что территория ССРБ до первого укрупнения (1924 г.) состояла из 6 уездов (Бобруйского, Борисовского, Игуменского (з 1923 г. – Червеньского), Мозырьского, Минского и Слуцкого) с населением 1,6 млн человек.

Переход к мирному строительству, на рельсы новой экономической политики (НЭПа), отличительными чертами которой стало введение продналога, свобода торговли и развитие сельской кооперации, мелкой частной собственности, поставил новые задачи и перед милицией. Так, милиция должна была содействовать агентам Наркомпрода (Народного комиссариата продовольствия) в сборе продналога, заниматься регистрацией торговых предприятий, выдавать патенты, вести борьбу с самогонварением.

В годы НЭПа произошел рост злодеяний, направленных против финансовых и экономических основ советского государства. В результате объем работы милиции, в частности уголовного розыска, не сократился, а значительно увеличился. Возникла необходимость в объединении сил и средств уголовно-розыскных аппаратов. Выходом из этого положения в то время выдвинулся в усиление центральных начал в руководстве уголовно-розыскных учреждений [17, с. 73]. С целью усиления борьбы с преступностью в 1922 году в соответствии с приказом НКВД БССР уголовный розыск вывели из подчинения милиции, было образовано Управление уголовного розыска, непосредственно подчиненное наркому внутренних дел БССР, то есть в структуре НКВД БССР стали существовать две самостоятельные административные единицы – Управление милиции и Управление уголовного розыска.

Исполняя решение XII съезда РКП(б) по сокращению штатов государственного аппарата, третья сессия ЦИК БССР IV созыва (июль 1923 г.) приняла постановление по сокращению отделов исполкомов, которые осуществ-

вляли надзор за работой милиции, уголовного розыска и мест заключения, их функции концентрировались в управлениях милиции, которые становились самостоятельными отделами исполкомов [17, с. 75].

В годы НЭПа происходят изменения и организационной структуры милиции Беларуси. В июле 1921 года Особая милицейская бригада ССРБ была ликвидирована, а Отряд особого назначения переформировался в Резерв 1-го разряда при Главмилиции ССРБ.

Структура Главмилиции ССРБ выглядела следующим образом: а) общая канцелярия; б) административно-строевой отдел, «на который возлагались обязанности поднятия на должную высоту как состояние строевой подготовки милиции, так и несение ею своих обязанностей и управление всеми видами службы милиции»; в) отдел уголовного розыска, «который имел целью наиболее успешное ведению борьбы с уголовной преступностью»; г) материальный отдел, «на который возлагались обязанности обеспечения всей милиции ободно-вещевым, артиллеристско-инженерным, квартирным и продовольственно-фуражным довольствием»; д) политсекретариат, «который ведал вопросом проведения культурно-просветительской работы в милиции и надзором за политическим положением и политработой в органах милиции» [10, с. 49].

Уезды в милицейском плане делились на районы (1-й, 2-й и т. д.), которые объединяли определенные области. Управляющим органом в этих районах была районная управа милиции. Например, в 1923 году Слуцкая уездная милиция делилась на 4 района [18].

Организационная структура уездных (городских) милиций Беларуси была следующей: 1) канцелярия управы милиции; 2) административно-строевое отделение; 3) отделение уголовного розыска; 4) материальное отделение; 5) ардом (арестантский дом); 6) адресный стол; 7) караульная команда; 8) резерв [7, с. 49]. В 1922 году в структурном отношении милиция Беларуси подразделялась на Главное управление милиции НКВД ССРБ, Минскую городскую и шесть органов уездно-городской милиции с резервами [17, с. 73].

В марте 1924 года произошло первое укрупнение БССР. В её состав из РСФСР были возвращены уезды Витебской, Гомельской и Смоленской областей, где преобладало белорусское население, в результате чего территория БССР увеличилась более чем в два раза (110 584 км²), а население увеличилось почти в три раза (с 1,6 млн до 4,2 млн человек, из которых 70,4 % составляли белорусы) [19]. В начале марта 1924 года Витебские и Минские уездные и городские милиции были переименованы в уездно-городские. 17 июля 1924 г. на территории БССР было упразднено старое и было принято новое административно-территориальное деление – 10 округов, с делением на 100 районов [20]. При проведении в 1924 году в республике указанной реформы была осуществлена и организационная перестройка милиции: образованы 10 окружных управлений милиции и уголовного розыска, 100 районных и 12 городских отделений милиции. Произошла реорганизация и в структуре центрального аппарата милиции: управление уголовного розыска ликвидируется, а его функции передаются Главмилиции БССР. Оно переименовывается

в Управление милиции и уголовного розыска БССР и включает в свой штат: отдел милиции; отдел уголовного розыска; материальный отдел, а в октябре 1925 года создается дополнительно специальное статистическое отделение. В соответствии с Положением об НКВД БССР, принятом ЦИК и СНК БССР в ноябре 1924 года, на милицию и уголовный розыск возлагалось «проведение в жизнь мероприятий, которые вытекают из функций, возложенных на НКВД; поддержание порядка и покоя в стране и обеспечение проведения в жизнь постановлений и распоряжений центральной и местной власти; содействие органам всех ведомств при проведении последними в жизнь возложенных на их заданий; общее управление деятельностью всей милиции и уголовного розыска; разработка положений и инструкций по работе органов милиции и уголовного розыска, разработка вопросов по специальной подготовке и службе в органах милиции и уголовного розыска, а также разработка проектов законоположений и инструкций, которые регулируют обучение, быт и прохождение службы личного состава милиции» [21].

7 августа 1926 года ЦИК и СНК БССР приняли постановление «Об утверждении положения о службе рабоче-крестьянской милиции БССР» [22]. В соответствии с положением управление милиции НКВД БССР являлось центральным органом милиции республики, а учреждениями на местах являлись: в округе – управление окружной милиции; в районе – управление районной милиции; в участке района – старший районный милиционер. В управления районной милиции входил агент уголовного розыска, а в наиболее крупных районных центрах образовывались уголовно-розыскные столы. К аппарату милиции относились также школы милиции и адресные столы.

21 августа 1926 года ЦИК и СНК БССР приняли постановление о создании промышленной милиции [23]. Промышленная милиция содержалась на договорных началах за счет охраняемых ею предприятий, но входила в состав общегосударственной милиции и пользовалась всеми её правами.

1 апреля 1928 года для охраны лесных массивов в четырех лесничествах республики вместо существующей лесной стражи (лесников) была учреждена лесная милиция, для которой было выработано временное положение о лесной милиции.

27 февраля 1930 года ЦИК и СНК БССР утвердили очередное Положение о работе рабоче-крестьянской милиции и уголовном розыске БССР, новым в нем являлось требование согласования назначения на должность начальников окружных управлений милиции и уголовного розыска, а также их помощников с соответствующими окружными исполнительными комитетами, а также согласование с районными и городскими исполкомами Советов при назначении начальниками окружных управлений милиции и уголовного розыска начальников районных управлений милиции и их помощников, начальников городских управлений милиции и городских отделений милиции и их помощников.

С целью дальнейшей централизации управления деятельностью милиции и уголовного розыска в масштабах СССР 15 декабря 1930 года ЦИК и СНК СССР приняло постановление «О ликвидации народных комиссари-

атов внутренних дел союзных и автономных республик» [24]. Как уже отмечалось выше, до данной ликвидации НКВД республики объединял под своим началом не только органы милиции, но разноплановые отрасли управления и народного хозяйства.

25 мая 1931 года постановлением СНК СССР было утверждено «Положение о рабоче-крестьянской милиции» [25]. Общесоюзное положение в своей основе сохранило принцип двойного подчинения органов милиции – исполнительным комитетам на местах и вышестоящему милицейскому начальнику. Начальники главных управлений милиции союзных республик назначались СНК этих республик, а начальники местных управлений – начальником Главного управления милиции республики.

С введением общесоюзного положения центральным органом в республике стало Главное управление милиции при Совете Народных Комиссаров БССР, а местными органами – городские и районные управления милиции. Для усиления политико-воспитательной работы в феврале 1931 года в структурном подразделении милиции появились политические органы. В сентябре 1931 года Совнаркомом республики было утверждено положение о Главном управлении рабоче-крестьянской милиции при СНК БССР [26]. В нем указывалось, что органы милиции республики в своей деятельности должны руководствоваться требованиями общесоюзного положения о рабоче-крестьянской милиции.

Необходимо отметить, что на протяжении указанного периода, вплоть до 1931 года, милиция и уголовный розыск, работая в тесном контакте с органами государственной безопасности (ЧК, а затем ОГПУ) прежде всего в сфере борьбы с вооруженными выступлениями против Советской власти, оставались самостоятельными органами по борьбе с преступностью, охране общественной безопасности и революционного порядка, о чем свидетельствует и имевшая место конкуренция, а также межведомственные конфликты в деятельности указанных служб [27].

Одновременно с общесоюзным постановлением о ликвидации НКВД союзных и автономных республик ЦИК и СНК СССР принял постановление «О руководстве органами ОГПУ деятельности милиции и уголовного розыска», которым ОГПУ и его органам были предоставлены широкие полномочия. В составе ОГПУ была создана Главная инспекция по милиции и уголовному розыску, а в республиканских органах ОГПУ особые инспекции по милиции и уголовному розыску. Начальники главных управлений милиции и уголовного розыска по совместительству становились помощниками соответствующих начальников ОГПУ. Аналогичная ситуация была установлена и в других административно-территориальных единицах до района включительно [28]. В связи с проведенной реорганизацией органы милиции оказались в тройном подчинении: совнаркома, на местах – исполкомов; вышестоящих милицейских учреждений; ОГПУ республики, на местах – территориальных органов ОГПУ.

Для усиления общего руководства работой милиции союзных республик ЦИК и СНК СССР 27 декабря 1932 года приняли постановление о создании

Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР и утвердили положение о нем [29]. Таким образом, управление милиции было изъято из непосредственного ведения СНК БССР и передано ОГПУ СССР и его республиканским и местным органам. Инспекция ОГПУ по милиции была расформирована, а начальник Главного управления милиции при ОГПУ стал одним из заместителей председателя ОГПУ.

Дальнейшая реорганизация милиции происходила в рамках созданного постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 года общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел (НКВД СССР) [30]. 15 июля 1934 года ЦИК БССР, основываясь на указанном постановлении ЦИК СССР, принял постановление об образовании НКВД БССР, в ведение которого передавались органы ОГПУ и милиции республики. Начиная с 1934 года милиция является составной частью нового (с новой структурой и функциями), в отличие от 1920-х гг., наркомата внутренних дел, в компетенцию которого входила государственная безопасность, общественный порядок, пограничная и внутренняя охрана.

Таким образом, историю милиции Беларуси в исследуемый период, с учетом социально-экономического и политического развития республики, государственно-правового регулирования и организации деятельности органов внутренних дел, можно разделить на четыре этапа:

1. (1917–1918 гг.) – образование и деятельность на территории Беларуси органов милиции (народной, а затем рабоче-крестьянской) как части органов правопорядка России. Правовую основу их деятельности составляли российские нормативно-правовые акты, милиция подчинялась органам государственной власти, признающими верховенство российского государственного управления (Временного правительства, а затем ВЦИК и СНК РСФСР). Государственных образований на советской основе не существовало, а деятельность милиции прерывалась в виду оккупации территории германскими войсками.

2. (1919–1920 гг.) – на территории созданной ССРБ, деятельность рабоче-крестьянской милиции возобновляется, как вооруженного государственного органа ССРБ, с подчинением по служебным вопросам Главному управлению рабоче-крестьянской милиции НКВД РСФСР. В последующем милиция претерпевала организационно-штатные изменения в виду ликвидации ССРБ, образовании ССРЛиБ, оккупации территории польскими войсками, ликвидации ССРЛиБ и повторном провозглашении ССРБ, когда впервые было принято Положение и утвержден штат Главмилиции ССРБ.

3. (1921–1930 гг.) – милиция, являясь частью НКВД БССР и неоднократно претерпевая организационно-штатные изменения в своей структуре, функционирует как административно-исполнительный орган, на который помимо борьбы с преступностью и охраны общественного порядка возлагаются и иные задачи государственного строительства периода НЭПа, образования СССР, белорусизации, начала индустриализации и коллективизации.

4. (1931–1934 гг.) – этап централизации в СССР дела обеспечения охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, поскольку отсутствие общесоюзного органа по управлению всей милицией, привело к организаци-

онному разнoboю в системе и структуре органов внутренних дел союзных республик. НКВД союзных республик, соответственно и НКВД БССР ликвидируются, функции по общему управлению органами милиции возлагаются на ОГПУ при СНК СССР, а завершением организации единой общесоюзной системы органов внутренних дел, с концентрацией всей оперативно-розыскной деятельности в одной структуре, явилось упразднение ОГПУ и создание в июле 1934 года НКВД СССР и его филиалов в союзных республиках (в Советской Беларуси – нового НКВД БССР) – органа, объединившего управление и в области государственной безопасности, и в области охраны общественного порядка и борьбы с преступностью.

Главным направлением деятельности милиции Беларуси по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью в первой половине 1920-х годов является борьба с антисоветскими вооруженными выступлениями и уголовным бандитизмом. В первую очередь это было вызвано сложными социально-экономическим и внутривнутриполитическим положением, которое в криминогенном отношении в начале 1920-х годов характеризовалось очень высоким уровнем бандитизма на территории Беларуси. Как отмечалось в официальных документах того времени, бандитизм в Беларуси приобрел «хронический» и «ужасающий» характер. Но необходимо подчеркнуть, что в советской историографии, а также в преобладающем большинстве документов милиции, ЧК, партийных и советских органов Беларуси этим термином подразумевались как проявления уголовного характера, так и различные антисоветские вооруженные выступления. Это объясняется тем, что в период 1917 – первой половине 1920-х годов бандитизм очень часто приобретал специфическую форму классовой борьбы, кроме того, в советских законодательных актах того времени отсутствовало конкретное разделение бандитизма уголовного и бандитизма политического (контрреволюционного). В Беларуси в первой половине 1920-х годов в понимании советского уголовного права преобладал бандитизм политический.

Стабилизировать криминогенную ситуацию и добиться успехов в борьбе с антисоветскими вооруженными выступлениями или политическим бандитизмом в Советской Беларуси удалось только объединенными усилиями Красной Армии, милиции и ЧК (в последующем ГПУ) ССРБ и РСФСР, а также применением комплекса мер организационного и карательного характера, в частности образованием специальных координирующих органов по борьбе с бандитизмом – Комиссий по борьбе с бандитизмом (ВЦИК, губернских и уездных) и РВС, введением жестоких мер ответственности, которые предусматривали расстрел за помощь бандитам и конфискацию имущества у их семей.

Мы можем констатировать, что милиция, являясь составной частью органов, обеспечивающих вооруженную защиту советской власти и тесно взаимодействуя с этими органами, осуществляла как специфические, так и общие задачи борьбы с антисоветскими выступлениями и уголовным бандитизмом.

В исследуемом периоде милиция определяется как административно-военнизированный орган советской власти, что по существу является

характеристикой всей ее деятельности. Подчиненная общим задачам социалистического строительства, милиция не только боролась с уголовной преступностью, но и участвовала в вооруженной борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией.

Входя в состав НКВД БССР и оставаясь до начала 1930-х годов самостоятельным и по сути единственным в БССР органом по борьбе с уголовной преступностью, который в наиболее концентрированном виде успешно решал практические задачи по обеспечению правопорядка в республике, милиция по важности и широте осуществляемых полномочий занимала особое место в системе советского государственного механизма, поскольку оказывала административное содействие местным органам власти и, наряду с правоохранительными функциями, осуществляла и иные административно-исполнительные функции, напрямую не связанные со своими основными обязанностями.

Политизация и следование классовому принципу в деятельности милиции привели к тому, что основным её назначением стало обеспечение воли пришедшей к власти партии большевиков, что в конечном итоге предопределило создание в 1934 году НКВД СССР (и его филиалов в союзных республиках, в том числе в Советской Беларуси – нового НКВД БССР, имевшего существенные отличия от НКВД БССР, ликвидированного в 1930 г.) – уникального органа, объединившего управление и в области государственной безопасности и в области охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, когда в СССР и соответственно в БССР сложилась тоталитарная система, важнейшим признаком которой явилось доминирующее влияние спецслужб на все сферы жизни общества.

Список использованных источников

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
2. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 613 с.
3. Доклады начальников отделов Главмилиции БССР о работе за декабрь 1920 г. – сентябрь 1921 г. // НА РБ. – Ф. 35. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.
4. Отчеты и доклады о деятельности Главмилиции и Мингормилиции, Центросоюза, сельхоз и промысловой кооперации, комиссии по ликвидации последствий голода. Объяснительные записки о доходах и расходах, сметы и др. Январь 1922 г. – март 1923 г. // НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 927. Л. 14.
5. Проект положения о промышленной милиции, приказы и штатные расписания Главмилиции БССР и Минской городской милиции. 9 августа – 13 декабря 1920 г. // НА РБ. – Ф. 35. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.
6. Проект положения о промышленной милиции, приказы и штатные расписания Главмилиции БССР и Минской городской милиции. 9 августа – 13 декабря 1920 г. // НА РБ. – Ф. 35. Оп. 1. Д. 33. Л. 13 об.

7. Приказы Главмилиции БССР, штатные расписания Главмилиции БССР, Минской городской и уездной милиции. 25 октября – 31 декабря 1920 г. // НА РБ. – Ф. 35. Оп. 1. Д. 24. Л. 63, 63 об.

8. Приказы Главмилиции БССР, штатные расписания Главмилиции БССР, Минской городской и уездной милиции. 25 октября – 31 декабря 1920 г. // НА РБ. – Ф. 35. Оп. 1. Д. 24. Л. 64 об.

9. Приказы Главмилиции БССР, штатные расписания Главмилиции БССР, Минской городской и уездной милиции. 25 октября – 31 декабря 1920 г. // НА РБ. – Ф. 35. Оп. 1. Д. 24. Л. 65 об.

10. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі. 1917–1927 / І. Крэйнін [і інш.]; пад агульн. рэд. А. Сташэўскага. – Менск, 1927.

11. *Еропкин, М. И.* Развитие органов милиции в Советском государстве / М. И. Еропкин. – М.: Высш. шк. милиции МООП РСФСР, 1967.

12. История милиции Белорусской ССР (1917–1967 гг.). Краткий очерк / М-во охраны обществ. порядка Белорусской ССР; А. Ф. Атрощенко [и др.]. – Минск, 1967.

13. Переписка с ЦК РКП(б) и ЧК Белоруссии по вопросам борьбы с бандитизмом. Протоколы заседаний Контрольной комиссии КП(б)Б. Список уполномоченных по борьбе с бандитизмом по Бобруйскому уезду. 29 мая 1921 г. – 3 сентября 1921 г. // НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 665. Л. 86.

14. Циркуляры и инструкции НКВД БССР, протоколы заседаний коллегии НКВД БССР, и межведомственных совещаний по установлению волисполкомов, штаты НКВД и волисполкомов БССР. 2 сентября 1921 г. – 1 декабря 1921 г. // НА РБ. – Ф. 34. Оп. 1. Д. 242. Л. 24.

15. Штатные расписания и сметы расходов Главмилиции БССР, уездных и городских милиций, списки сотрудников политбюро Игуменской уездной милиции. Смета расходов на содержание аппарата уездных милиций Минской губ. на 1-ое полугодие 1919 г. Список уездов и волостей Минской губ., 1920 г. 24 августа 1920 г. – 20 сентября 1921 г. // НА РБ. – Ф. 35. Оп. 1. Д. 44. Л. 139.

16. Протоколы заседаний партийной комиссии о порядке убоя скота и торговли мясом; проект постановления о контрольных цифрах по 2-му займу индустриализации, переписка с ЦК ВКП(б) и окружками КП(б)Б о подборе работника радиовещания, о ходе посевной компании, о формировании заказов на оборудование спичечных фабрик и другие. Февраль 1928 г. – декабрь 1929 г. // НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3711. Л. 176.

17. *Вишневский, А. Ф.* Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты / А. Ф. Вишневский. – Минск: Тесей, 2000. – 224 с.

18. Сведения помощников прокуроров уездов о работе за январь – октябрь 1923 г., отчетная ведомость о движении дел по отделу прокуратуры Наркомюста БССР с 1 января по 15 ноября 1923 г., сведения о дислокации органов милиции БССР, список расположения камер народных судей по уездам. 6 января – 15 ноября 1923 г. // НА РБ. – Ф. 750. Оп. 1. Д. 30. Л. 29.

19. Узбуйненне БССР // Википедыя [Электронны рэсурс]. – 2012. – Режим доступа: http://be.wikipedia.org/wiki/Узбуйненне_БССР. – Дата доступа: 18.11.2012.

20. Административно-территориальное деление Беларуси // Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://archives.gov.by/index.php?id=989746>. – Дата доступа: 17.11.2012.

21. Положение о Народном Комиссариате Внутренних Дел БССР. // Собр. узакон. и распоряж. раб.-крест. правительства БССР. – 1924 г. – № 25–26. – Ст. 221.

22. СЗ БССР. – 1926. – № 35. – 129 ст.

23. Зборнік законаў і распараджэнняў па прамысловай міліцыі. – Мінск, 1927. – Ст. 3.

24. Хохлов, А. Г. Красная гвардия Белоруссии (март 1917 – март 1918 гг.) / А. Г. Хохлов. – Минск: Наука и техника, 1965. – 113 ст.

25. СЗ СССР. – 1931. – № 33. – Ст. 247.

26. СЗ СССР. – 1931. – № 41. – Ст. 245.

27. Несекретные приказы, циркуляры ОГПУ и НКВД (1931–1935 гг.). Приказ ПП ОГПУ по БССР №106/40 от 26 апреля 1932 года. О ненормальностях во взаимоотношениях работников райаппаратов ПП ОГПУ с начальниками райуправлений милиции. // Архив МВД РБ. – Ф. 50. Оп. 2. Д. 1. Л. 22.

28. Несекретные приказы, циркуляры ОГПУ и НКВД (1931–1935 гг.). Приказ ПП ОГПУ по БССР №395/159 от 22 октября 1932 года. О назначении Начальников Городский и Районных управлений милиции помощниками начальников органов ОГПУ на местах. // Архив МВД РБ. – Ф. 50. Оп. 5. Д. 1. Лл. 226–271.

29. СЗ СССР. 1932. № 84. – Ст., ст 518, 519.

30. СЗ СССР. 1934. №36. – Ст. 283.

(Дата поступления: 11.04.2023).

**ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ
В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ
«ДОЛГИЙ XIX ВЕК» В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ»**

Язык изложения материала публикации – русский или белорусский, текст должен соответствовать критериям научности, правилам грамматики и орфографии.

Объем статьи – до 40 000 знаков, текстовый редактор – Microsoft Word.

Статья должна включать следующие элементы:

- обязательно код УДК;
- название статьи на русском (белорусском) и английском языках;
- фамилия, имя и отчество автора полностью на русском (белорусском) и английском языках;
 - место работы (название организации в соответствии с уставными документами) и должность на русском (белорусском) и английском языках;
 - аннотация до 1000 знаков на русском (белорусском) и английском языках;
 - ключевые слова на русском (белорусском) и английском языках, отделяются друг от друга точкой с запятой;
 - список использованных источников, порядковые номера ссылок на источники в тексте приводятся внутри квадратных скобок [1, с. 23; 2, л. 10]. Список источников дублируется в транслитерации;
 - дата поступления статьи в редакцию, подпись автора.

Текст статьи подается на бумажном или электронном носителе. Электронный вариант подается в формате xxxxxx.doc (название файла – фамилия автора).

Подача статьи рассматривается как согласие автора на ее размещение в электронных библиотеках. Автор заключает лицензионный договор с РИВШ на право использования научного произведения в данном сборнике.

Для аспирантов (doctoral candidate) обязательна рецензия научного руководителя или рекомендация кафедры.

Авторы несут ответственность за содержание предоставленных в статьях материалов, гарантируют, что они публикуются впервые и являются оригинальными.

Статьи, не соответствующие предъявляемым требованиям, с многочисленными орфографическими, грамматическими ошибками могут быть отклонены на любом этапе формирования сборника. Рукописи, не прошедшие рецензирование, не возвращаются и не обсуждаются.

Статью подавать лично по адресу: г. Минск, ул. Московская, 15, к. 729 либо на e-mail: LongXIXcnt@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ЦЕРКОВЬ, ИМПЕРСКАЯ УНИФИКАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	3
<i>Астрога В. А.</i> Развіццё мытнай справы на беларускіх землях у першай палове XIX ст.	3
<i>Блашков Ю. А.</i> «План финансов» 1810 г. М. М. Сперанского: реалии внешней паллиативности мер по оздоровлению бюджета России	11
<i>Ерашэвіч А. У.</i> Будаўніцтва і рамонт праваслаўных храмаў на тэрыторыі Беларусі (30-я – пачатак 60-х гг. XIX ст.) (фінансавы аспект праблемы)	17
<i>Латушкова Ю. П.</i> Денежная реформа 1922–1924 гг. («реформа золотого червонца») в отражении приходно-расходной книги И. П. Голубева	28
<i>Веретилло Ю. В.</i> Деятельность служащих губернских акцизных управлений на территории Беларуси в период 1863–1897 гг.	37
<i>Радченко М. Л., Шатохин И. Т.</i> Роль губернатора в борьбе с превышением должностных полномочий и взяточничеством чиновников во второй половине XIX века (на примере Витебской губернии)	46
<i>Трестьян И. Н.</i> Деятельность А. Л. Потапова на посту виленского генерал-губернатора (1868–1874 гг.)	58
<i>Ляпешкін Я. М.</i> Губернатары і гарадское самакіраванне ў Беларусі (1864–1917 гг.)	67
<i>Киселев А. А.</i> Социальный состав чиновников уездной полиции белорусских губерний в конце правления императора Александра II	75
<i>Лудзіч А. Р.</i> Сацыяльнае паходжанне павятовага чыноўніцтва беларускіх губерняў (другая палова XIX – пачатак XX ст.)	86

<i>Карпович К. Н.</i> Состав, условия и особенности деятельности судебных следователей в белорусских губерниях в 60–90-х гг. XIX в.	95
<i>Юшко-Садовская Е. Б.</i> Участие крестьянства белорусских губерний в избирательных кампаниях и работе Государственной думы I–IV созывов.....	102
<i>Жихарев С. Б.</i> Железнодорожное обеспечение снабжения Гродно и Брест-Литовска продуктами в условиях Первой мировой войны: задачи централизованного межведомственного военного планирования перевозок и продовольственные запросы местного городского общественного управления.....	117
<i>Шимов В. В.</i> Разделы Речи Посполитой и идея воссоединения русских земель как стратегия Российской империи на белорусских землях.....	124
<i>Саракавік І. А.</i> Перадумовы з’яўлення беларускай нацыянальнай ідэі.....	134
<i>Шевкун П. В.</i> Индивидуализация религиозности: профессиональное духовное образование белорусско-литовских православных епархий в XIX в.	143
<i>Лисовская Т. В.</i> Государственно-конфессиональные отношения на белорусских землях в конце XIX в. – 1906 г.....	172
<i>Хованский А. В.</i> Особенности организации местного военного управления на белорусских землях в условиях действия военного положения в 1812 г.	184
<i>Некрашевич Ф. А.</i> Основные принципы распределения рекрутов в вооруженных силах Российской империи (1815–1874 гг.).....	193
<i>Лукашевич А. М.</i> Полоцкий кадетский корпус в контексте военных реформ 1860–1870-х гг.	201
<i>Самович А. Л.</i> Отзвуки Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в белорусских губерниях.....	213
<i>Терентьев В. О.</i> 199-й пехотный Кронштадтский полк в обороне Волковыска в августе 1915 г.....	223
<i>Оськин М. В.</i> Оборона крепости Ивангород в 1914 г.: борьба за вислинское предполье.....	234

<i>Денисенко Е. П.</i> Художественные журналы начала XX в. о событиях Первой мировой войны (по материалам фонда Центра исследований старопечатных изданий и рукописей ЦНБ НАН Беларуси).....	242
<i>Гарматны В. П.</i> Дзейнасць КПЗБ на тэрыторыі Драгічынскага павета Палескага ваяводства ў 1920–1930-я гг.....	251
<i>Мамайко И. А.</i> К вопросу становления и развития милиции в системе государственной власти БССР в 1919–1934 гг.	260
ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ	273

CONTENT

SECTION 1. STATE AND POLITICAL INSTITUTIONS, THE CHURCH, IMPERIAL UNIFICATION AND REGIONAL INTERESTS IN 1919–1934.	3
<i>Astroha V. A.</i> Development of customs affairs on Belarusian lands in the first half of the XIX century.....	3
<i>Blashkov Y. A.</i> «Plan of finance» 1810 M. M. Speransky: the realities of external palliative measures to improve the budget of russia	11
<i>Yerashevich A. V.</i> Construction and repair of Orthodox churches on the territory of Belarus (30s – early 60s of the 19 th century) (financial aspect of the problem)	17
<i>Latushkova Y. P.</i> Monetary reform 1922–1924 («reform of the gold chervonet») in the reflection of the account book of Iosif Golubev.....	28
<i>Veratsila Y. V.</i> Activities of the employees of the provincial excise offices on the territory of Belarus during the period 1863–1897.....	37
<i>Radchenko M. L., Shatokhin I. T.</i> The role of the governor in the fight against abuse of office and bribery of officials in the second half of the 19 th century (on the example of Vitebsk province)	46
<i>Trestyan I. N.</i> The activity of A. L. Potapov as the governor-general of Vilnius (1868–1874)	58
<i>Liapeshkin Y. M.</i> Governors and city self-government in Belarus (1864–1917)	67
<i>Kiselev A. A.</i> The social composition of officials of the district police of the belarusian provinces at the end of the reign of emperor Alexander II.....	75
<i>Ludich A. R.</i> The social origin of the county officialdom of the belarusian provinces (the second half of the 19 th – early 20 th century)	86

<i>Karpovich K. N.</i> Composition, conditions and features of judicial investigators activities in Belarusian provinces in 60–90s of 19 th century.....	95
<i>Yushko-Sadovskaya E. B.</i> Participation of the peasantry of the belarusian provinces in election campaigns and the work of the state дума of the I–IV convocations.....	102
<i>Zhiharev S. B.</i> Railway support for the supply of Grodno and Brest-Litovsk products in the conditions of the First World War: tasks of centralized interdepartmental military transportation planning and food requests of the local city public administration	117
<i>Shimov V. V.</i> Sections of the Polish-Lithuanian commonwealth and the idea of the reunification of Russian lands as a strategy of Russian empire at Balarusian lands.....	124
<i>Sarakavik I. A.</i> Prerequisites for the emergence of the Belarusian national idea	134
<i>Shevkun P. V.</i> Individualization of religiosity: professional religious education of the belarusian-lithuanian orthodox dioceses in the 19 th century	143
<i>Lisouskaya T. V.</i> State-religious relations in the Belarusian lands at the end of the 19 th century until 1906.....	172
<i>Khavanski A. V.</i> Features of the organization of local military administration in the Belarusian lands under marial law in 1812.....	184
<i>Nekrashevich P. A.</i> Basic principles of recruit distribution in the armed forces of the Russian empire (1815–1874).....	193
<i>Lukashevich A. M.</i> Polotsk cadet corps in the context of military reform of the 1860–1870s.....	201
<i>Samovich A. L.</i> Recalls of the Russian-Turkish war of 1877–1878 in Belarusian gubernies.....	213
<i>Terentyev V. O.</i> 199 th Infantry Kronstadt Regiment in the defense of Volkovysk in august 1915	223
<i>Os`kin M. V.</i> The defense of the fortress of Ivangorod in 1914: the struggle for the Vislinsky predpole	234
<i>Denisenko E. P.</i> Art magazines from the beginning of the 20 th century on the World War I events (based on book collection	

of the centre of early printed books and manuscripts research of the Central Science Library of NAS of Belarus).....	242
<i>Harmatny V. P.</i> Activity of KPZB on the territory of Dragichyn district of Polesie region in the 1920–1930 ss.....	251
<i>Mamaiko I. A.</i> On the issue of formation and development of the militsiya in the system of state power of the BSSR in 1919–1934	260
ARTICLE REQUIREMENTS	273

Научное издание

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 7

В 2 частях

Часть 1

Ответственный за выпуск *С. Ф. Шимукович*

Корректор *И. М. Подоматько*

Компьютерная верстка *Я. И. Былинович*

На обложке: Леон Бакст (1866, Гродно – 1924, Рюэй-Мармезон, Франция).
Эскиз костюма к балету «Нарцисс» (музыка Н. Н. Черепнина,
постановка М. М. Фокина). Париж, 1911 г.

Подписано в печать 15.11.2023. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 16,3. Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 100 экз. Заказ 101.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.